

ДОКУМЕНТ

АРХИВ

Выпуск **19**

ИСТОРИЯ

СОВРЕМЕННОСТЬ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 19

Издается с 2001 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

УДК 002
ББК Ч81+Т3(2)
Д638

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я:

Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент (гл. редактор);
В. В. Шибаев, кандидат исторических наук (отв. за выпуск);
О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Сафронова, доктор исторических наук, доцент;
Э. А. Черноухов, доктор исторических наук, доцент

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин
Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор *В. Н. Земцов*);
Н. Г. Суровцева, кандидат исторических наук,
доцент кафедры автоматизированных систем
документационного обеспечения управления
Российского государственного гуманитарного университета

Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. /
Д638 гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования
Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Вып. 19. – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 385 с.

ISBN 978-5-7996-2747-8

В сборнике представлены статьи по проблемам истории Урала и России, источниковедения, методологии, документоведения и архивному делу.

Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, а также специалистов в области архивоведения, документоведения и информационного обеспечения управления.

УДК 002
ББК Ч81+Т3(2)

УДК 94(47).047:327

Д. О. Манин

АНАЛИЗ ПРОЕКТА ФРАНКО-РУССКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА 1668 г. И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК Д. УРБАНОВСКИМ

Статья посвящена сравнению проекта франко-русского торгового договора 1668 г. и его перевода на русский язык для ответа на поставленный во французской историографии вопрос об их соответствии, параллельно рассмотрено взаимодействие понятийных систем русского дипломатического языка с французским. Сделаны выводы о причинах различия представлений о русском переводе проекта во французской и в русской историографии, проанализированы и интерпретированы смысловые расхождения списков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: торговля, посольство П. И. Потемкина, Ж.-Б. Кольбер, дипломатический язык, перевод, история понятий.

Развитие франко-русских отношений во второй половине XVII в., связанное с ростом внешнеполитического значения обоих государств, вело к постоянному усложнению этих отношений, появлению новых вопросов и возрождению старых, в том числе торгового вопроса. Одним из наиболее ярких источников по истории торговли стал проект франко-русского торгового договора 1668 г., который французская делегация предложила посольству П. И. Потемкина во Франции [см.: Статейный список..., с. 277]. Изучение посольства Потемкина во французской историографии было сопряжено с рядом проблем, которые так и не были окончательно решены. Одной из этих проблем стало сопоставление упомянутого нами французского проекта договора с его отражением в статейном списке П. И. Потемкина. Соответствие между ними не удалось установить французскому историку Б. Виане [см.: Виане, с. 236] – автору одной из последних на данный момент французских монографий, затрагиваю-

щей историю торгового вопроса. В русской историографии, напротив, утвердилась идея об идентичности русского и французского вариантов договора [см.: Статейный список..., с. 437]. Собственно говоря, восполнение этого историографического пробела и стало задачей нашей статьи.

Рассматриваемый проект дошел до настоящего времени в двух вариантах: это французский оригинал (хранящийся в архиве Министерства иностранных дел Франции [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 34–36] и несколько раз публиковавшийся как на французском [см.: *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 57–58], так и в переводе на русский язык [см.: Виане, с. 234–236]) и русский перевод проекта, который вошел в статейный список П. И. Потемкина [см.: Статейный список..., с. 272–274]. Наличие этих двух списков позволяет компаративно изучить не только заложенный французами в проект смысл, но и частично реконструировать историю чтения этого текста русским посольством, что, как известно, принципиально важно для определения его достоверности [см.: Шартье].

В начале стоит отметить исторические условия создания проекта, важные для определения контекста, в котором создавался источник. События, приведшие к созданию проекта, развертывались параллельно и во Франции, и в России. Не углубляясь в рассмотрение франко-русских торговых отношений (чего не делали и сами составители проекта [см.: Манин, с. 354]), стоит выделить особый этап, начавшийся вместе с деятельностью Ж.-Б. Кольбера на посту министра финансов Франции. Французские исследователи выделяют русский вектор его политики, начиная с 1660 г., в связи с перспективой создания политического союза – оси Париж – Москва (*un axe Paris – Moscou*) [см.: Kraatz, p. 9]. Намерения Кольбера наиболее ярко проявились в зондировании им настроений вокруг северной торговли во французских портах в 1663–1665 гг. а также в назначении премии за торговлю со странами Севера в 1664 г. [см.: Малов, с. 164–165] (в регион Севера для французов входили все территории, торговля с которыми происходила через Балтийское море и бассейн Северного Ледовитого океана [см.: Kraatz, p. 8]).

В России история франко-русских торговых отношений началась значительно позже и не имела грандиозных планов союза с Францией. После заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. в наиболее значимые для России государства Европы были отправлены посольства, в том числе посольство П. И. Потемкина в Испанию и Францию. Вероятно, стоявшему во главе Посольского приказа А. Л. Ордину-Нащокину было известно о французских планах расширения северной торговли, потому что в наказе посольству Потемкина первостепенной задачей посольства во Франции

были именно переговоры о торговле [см.: Тайный наказ..., с. 3]. Таким образом, задачи русского посольства совпали с общим вектором политики Кольбера, и тот был крайне заинтересован в результатах этих переговоров.

Источники, позволявшие судить об авторстве оригинала проекта, не сохранились, но, вероятно, в его составлении большую роль играл сам министр финансов Франции, так как в дальнейшем именно он лично занимался всеми вопросами торговли с Россией, в том числе перепиской с французским купечеством и французской торговой агентурой в России [см.: Kraatz, p. 23]). Переводом проекта на русский язык занялся подозрительно удачно встреченный Потемкиным во Франции и знакомый с русским языком доминиканец Урбановский (вероятно, польского происхождения [см.: АЕ, СР, Russie. Vol. 01, fol. 34–36]).

Французский текст проекта состоит из 13 статей, в то время как в статейном списке деление на статьи отсутствует. Первая статья содержит декларацию мира (*paix*), союза (*confederation*), дружбы (*amitié*) и соглашения (*alliance*). В русском переводе Урбановского соответственно: покоя, соединения и приятства. Далее в той же статье идут декларации любви друг к другу подобно братьям, обеспечения благосостояния (*bien*), чести (*honneur*) и репутации (*reputation*) друг друга. В русском переводе, соответственно, декларации – братской любви, «о себе отдавать честь и славу», «чтоб один на другого не наступал и друг друга убытка не чинил» [Статейный список..., с. 272]. Здесь понятийный аппарат Урбановского показательно отличается от используемого русской стороной. Так, ключевым понятием для посольства Потемкина, помимо использованной «братской любви», была и «братская дружба», к этому термину посол прибегает в ответе на данный проект. Урбановский же переводит *amitié* как «приятство» – понятие, более близкое польскому *przyjaźń* (приянь). Тем не менее, подобное полонизированное понятие без затруднений считывается Потемкиным (который в ходе Тринадцатилетней войны с Речью Посполитой не раз сталкивался с носителями польского языка), и в своем ответе он с легкостью переходит от понятия приятства к более характерному для русского дипломатического языка понятию дружбы. Не вызывает затруднений и сопоставление понятий *paix* – покой, *confederation* – соединение и *honneur* – честь. Тем не менее, для перевода *bien* (в значении благосостояния) Урбановский не подбирает аналогичного русского понятия и выстраивает лексическую конструкцию «друг другу убытка не учинил» [Статейный список..., с. 272], которая чаще всего и использовалась в значении благосостояния, что можно увидеть, в частности, в Новоторговом уставе [см.: Новоторговый устав, с. 677]. Таким образом,

в делопроизводственном языке России не было экономического понятия, близкого благосостоянию и для передачи его значения необходимо было прибегать к лексическим конструкциям через понятие «убыток».

Вторая статья устанавливает торговлю со всей свободой (*liberté*) и уплатой стандартных пошлин (*droits*). В переводе соответственно торговать «с великой вольностью» и «пошлину иметь будут также, как иных государств с торговых людей» [Статейный список..., с. 272]. Разбирая основные понятия этой статьи, наиболее сложным представляется вопрос об определении *liberté* – вольности. Понятие свободы для XVII в. трактовалось множеством разных способов [см.: Skinner]. В том контексте, в котором Ж.-Б. Кольбер употреблял французское понятие *liberté*, оно никоим образом не противоречило общей протекционистской направленности его политики, а означало, скорее, отсутствие административных ограничений для подобной торговли (наличие монопольных компаний или государственное регулирование цен). К такой свободе Кольбер готов был прибегнуть всегда, когда это было выгодно, на что он указывал в одном из своих более поздних писем 1679 г. [см.: Au sieur Dalliez, p. 694]. При этом, как верно подмечено в монографии В. Н. Малова, такая свобода вовсе не делала Кольбера сторонником появившегося позже фритрейдерства, а лишь демонстрировала его ориентацию скорее на практику, чем на абстрактную меркантилистскую теорию [см.: Малов, с. 152–154]. Вероятно, и в данном случае использование Кольбером понятия *liberté* для организации торговли с Севером было обусловлено наибольшим успехом аналогичного принципа в торговле с Вест-Индией. В России к вольной торговле относились похожим образом: когда от нее была польза, она также успешно декларировалась, чему можно найти массу примеров, в частности, в близких по времени статьях договоров со Швецией (ст. 10 Кардисского мира, во французской копии которого вопросы торговли были особым образом выделены французами [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 10]). Касаясь вопроса о соотношении *droits* и «пошлины», отметим, что здесь перевод достаточно близок по своему значению оригиналу, а французские и русские таможенные системы, с нашей точки зрения, были достаточно сопоставимы.

Третья статья начинает раскрывать понятие свободы торговли. Она позволяет русским без особого разрешения (*permission*) короля и его губернаторов приезжать во Французское государство и заниматься торговлей, при этом с возможностью нанимать дома (*maisons*) и устраивать склады (*magasins*) во всех городах. Соответственно в переводе Московского государства «купецким людям» можно было посещать Французское

государство без королевского или наместничьего «указа», а также «най-мать дома, и погребы, и анбары» [Статейный список..., с. 272]. В общем контексте статей проекта термины *permission* и *указ* соотносятся достаточно точно, как и термины *maisons* и *дамы*. Понятие *magasins* транслировалось в русский язык сложнее, что обуславливает использование понятий *анбары* и *погребы*, на пересечении значений которых и оказывается французское *magasins* («анбар» в отрыве от контекста мог означать, помимо склада, и разного рода промысловые сооружения [см.: Амбар, с. 34], а погреб – учреждение, торгующее вином [см.: Погреб..., с. 199]), что является примером тщательной работы переводчика в передаче смысла понятия на русский язык.

В четвертой статье, посвященной беспрепятственной перевозке товаров по территории Франции и их свободной продаже, стоит особенно выделить понятие продажи *en détail* [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 35] (т. е. штучной, розничной), которое не было переведено на русский язык, оказавшись сокрытым за понятием повольной торговли (оно могло означать и розничную торговлю, но имело более широкое значение, границы которого определялись ситуативно), отклонившись, таким образом, от понятия торговли врознь, перевод способствовал необходимости дальнейшего обсуждения проекта, в том числе и того, где будут границы *повольной торговли*.

Пятая статья не столь богата торговыми понятиями, она посвящена отсутствию пошлины за перегрузку товаров с одного корабля на другой для подданных царя на территории Франции, однако именно эта статья является одним из немногих французских официальных дипломатических источников XVII в., где наряду с термином *Moscovites* (московиты) употреблен термин *Russiens* (русские). Из контекста статьи затруднительно восстановить понятие, стоящее за данным термином, но, вероятно, он служил для обозначения «купеческой нации», выделяемой на основе их языка, подобно итальянцам, немцам и др.

Статья шестая, подразумевавшая возможность покупки любых продающихся на территории Франции товаров, использовала уже разобранные нами выше понятия и термины. Тем не менее характерно, что в переводе вместо выражения *d'un lieu à l'autre* («с одного места на другое») подчеркнута возможность вывозить товары в другие государства – «возить и до иных государств, где кому надобно» [Статейный список..., с. 273]. Таким образом, перевод мог заинтересовать российскую сторону больше оригинала.

В седьмой статье, посвященной защите приказчиков и управляющих торговлей королем и освобождению их от пошлин, необходимо выделить

непосредственно понятия *commis* (приказчики) и *directeurs* (управляющие), которые в русском переводе полностью опущены и заменены выражением «купчины, которые будут вестись всякие купецкие товары» [Статейный список..., с. 273]. Вероятнее всего, это связано с тем, что понятия *commis* и *directeurs* связывались с крупными торговыми организациями, которые на тот момент в России не были развиты, альтернативой которым в столь затратной и рискованной торговле могло стать государство, для которого представители купеческого сословия часто выполняли административные функции, действительно сходные с подобными должностями в крупных компаниях.

Восьмая статья, посвященная учреждению в основных портах королевства русских консулов с судебными полномочиями в отношении русских торговцев, вводит важное для проекта понятие *consuls* (консулы), переведенное Урбановским как «судьи», – понятие столь многозначное в XVII в., что включение в него понятия *consul* было достаточно полным. Статья в переводе, как и шестая, была дополнена, чтобы быть представленной в лучшем свете перед московской стороной – в ней сделано прибавление о сходстве французских судебных практик с «нашим изычаем» [Статейный список..., с. 273].

Как и для других торговых соглашений России XVII в., отдельно был выделен религиозный вопрос – в данном проекте ему посвящена девятая статья, разрешавшая русским торговцам свободу богослужения. Значимость религии четко осознавалась французской стороной, что, в частности, подчеркнуто употреблением термина *Religion* [AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 36] исключительно с большой буквы (что опущено в публикациях источника) [см.: Виане, с. 237; Recueil des instructions..., t. 8, p. 58]. Из-за своей краткости статья переведена на русский практически дословно, и сложно выделить серьезные отличия даже в понятийном аппарате.

После первых девяти статей начинается основное отличие проекта от его перевода. Если в переводе последующие статьи приведены в качестве вопросов (что, возможно, свидетельствовало о необходимости их дальнейшего обсуждения [см.: Манин, с. 353]), то в проекте они изложены в такой же утвердительной форме, как и предыдущие. Первая из таких статей – это статья десятая, распространявшая нормы предшествовавших восьми статей на французов в России. В русском же варианте перечисление пунктов предыдущих статей заканчивается вопросом: «вольности также ли даны будут, как московским торговым людям во Французском государстве?» [Статейный список..., с. 274]. Понятия *liberté* и *вольность*, используемые в данной статье, уже были нами рассмотрены, потому останавливаться на них не будем.

Одиннадцатая статья посвящена установлению беспошлинного режима французской торговли между Россией и странами Азии и снабжению товарами по умеренным ценам местной русской администрации. Она сформулирована в трех предложениях, первое из которых в качестве «вольнo ль будет проезжать». Два других предложения посвящены, соответственно, снабжению французских купцов и беспошлинному режиму их торговли с Персией и окрестными государствами (понятие Азии в русском переводе не фигурирует).

В двенадцатой статье говорится о взимании с французов лишь половины въездных и выездных пошлин. При этом в русском переводе подчеркнуто, что пошлины взимаются не собственно с французов, а с их товаров (специфическая российская таможенная система даже после принятия торговых уставов давала о себе знать). При этом если в оригинале проекта французы освобождались от всех новых вводимых пошлин, то в переводе российская сторона лишь обязывалась отсылать во Францию копии нового торгового законодательства («А буде в Московском государстве учинитца о том и иной указ о купецком деле, то и во Французском государстве так же будет») [Статейный список..., с. 274].

Наконец, тринадцатая статья подразумевала невозможность наложения запрета на французские товары в России, в случае же запрещения продажи этих товаров запреты должны были быть сняты. В переводе данный механизм вновь трактовался иначе: если французы привозили *заповедные* товары, то они должны были быть конфискованы в казну и за них торговцам выплачивалась компенсация их полной стоимости.

Таким образом, проект и его перевод в целом соответствуют друг другу, более того, сопоставление различных терминов показывает, что перевод был сделан достаточно качественно и точно передавал большую часть заложенных в него положений для русских читателей. Тезис Б. Виане о несоответствии перевода и его первоисточника, вероятно, связан с обращением исследователя к франкоязычному переводу отдельных частей статейного списка П. И. Потемкина, изданному Эммануэлем Голицыным, где перевод действительно разбит на статьи иначе, чем во французском оригинале проекта и в самом статейном списке Потемкина [см.: Galitzin, p. 352–354]. Соотношение понятий в проекте и его переводе представляется достаточно удачным и даже западнорусское происхождение переводчика не привело к серьезному искажению. Сохраняется вопрос о заинтересованности переводчика-доминиканца, в котором отдельные русские авторы видели возможного агента папства [см.: Статейный список..., с. 433]. Особенности перевода последних статей (в частности, ст. 10 и 11)

указывают на попытку автора перевода способствовать успеху русско-французских переговоров. В целом перевод проекта демонстрирует достаточный для XVII в. профессионализм не только его переводчика, но и посла, составлявшего статейный список. Прочитавший его служащий Посольского приказа мог достаточно точно представить себе содержание оригинального французского проекта, за исключением немногих искаженных в угоду развитию русско-французских отношений статей.

Au sieur Dalliez // Lettres, instructions et mémoires de Colbert. Paris : Imprimerie Impériale, 1863. T. 2. P. 694–695.

Extrait des nouveaux traités de Paix Commerce a Cardoiss en Livonie entre Sa M-st le Roy de Suede et le Grand Duc de Moscovie // Arch. du ministère des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01, fol. 10–11.

Galitzin E. La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale – Récit du voyage de Pierre Potemkin. Paris : Typographie de Ch. Lahure, 1855.

Kraatz A. La Compagnie Française de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siècles. Paris : Editions Françoise Bourin, 1993.

Projet du traité entre le Roi et le Grand Duc de Moscovie // Arch. du ministère des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01, fol. 34–36.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. Paris : Ancienne Librairie Germer Baillière et Cie, Félix Alcan, 1890. T. 8.

Амбар // Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975. Вып. 1. С. 34.

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1568 г.: Открытие Арктики французами в XVI веке. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. С. 234–236.

Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991.

Манин Д. О. Проект франко-русского договора 1668 г. и его значение для развития франко-русской торговли // Актуальные вопросы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. Т. И. Морозовой. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 345–354.

Новоторговый устав // ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 677–691.

Погреб // Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1989. Вып. 15. С. 199.

Скиннер К. Амброджо Лоренцетти о силе и славе республик // НЛО. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/4/ambroddzhlorenzettio-sile-i-slave-respublik.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954.

Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 1–16.

Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // НЛО. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения: 15.01.2019).

УДК 329.11

В. С. Ившин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ «РАННЕГО КОНСЕРВАТИЗМА»: А. С. ШИШКОВ И Ф.-Р. ШАТОБРИАН

Рассматриваются риторические стратегии А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана в рефлексии о Великой французской революции и «смежных» проблемах, актуализированных революцией: социальной стратификации, религии, вопросах об идеальной форме правления. На основе методологии Кембриджской школы «истории понятий» делается вывод о сходствах и различиях политического глоссария обоих авторов в рассмотрении обозначенного круга проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая французская революция, социальная стратификация, монархия, история понятий, провиденциализм, религия, консерватизм, сословность, добродетель.

Историографическая традиция, сложившаяся в изучении общественно-политической мысли конца XVIII – первой четверти XIX в. в дореволюционной, советской и отчасти современной историографии, ориентирована на выделение и изучение «крупных» идеологий: консерватизма, либерализма, социализма и т. д. Чаще всего авторы подобных исследований «подгоняют» общественно-политические взгляды конкретного исторического деятеля под устоявшийся набор критериев, характерных для той или иной идеологии, причисляя идеи одних исторических акторов к консерватизму, других – к либерализму или социализму, избегая внутренних интенций, присущих конкретному авторскому тексту. Исследователи отечественного консерватизма В. Я. Гросул и А. Ю. Минаков считают критериями российского консерватизма XIX в. идеи религии, традиций и традиционализма, сильного государства [см.: Гросул, с. 29; Минаков, 2011, с. 6]. Однако следует согласиться с Д. В. Тимофеевым, что акцент нужно делать не на доктринальных характеристиках крупных идеологий, а на реальных коммуникативных практиках и тех понятиях, которые используются для обоснования той или иной идеи или предложения в конкретной ситуации [см.: Тимофеев, с. 450–453].

Целесообразно в данном случае использовать методологический инструментарий Кембриджской школы «истории понятий», позволяющий перенести вектор исследования с доктринальных характеристик идеологий

и доктрин адептов к реконструкции риторических стратегий, политическому языку, использованному авторами в определенном контексте (ситуации) [см.: Роскок]. Таким образом, консерватизм в настоящем исследовании рассматривается не как крупная абстрактная доктрина, а в качестве своеобразной риторической стратегии, «культурного глоссария», позволяющего авторам раскрывать те или иные вопросы в определенном идеологическом фокусе.

Французская революция, обозначив крах *l'ancien regime*, побудила значительную часть европейских интеллектуалов осмыслить настоящий феномен, его природу, последствия и причины, а вместе с тем порассуждать на «смежные» темы: о казни короля Людовика XVI, о политическом суверенитете, представлении об идеальной форме правления. Уничтожив прежние сословные привилегии, революция поставила ребром вопрос о социальной стратификации и сословных добродетелях. Наконец, распространившиеся идеи антиклерикализма провоцировали на рассуждение о религии. Отсюда особый интерес вызывают риторические стратегии осмысления «революционного феномена» и смежных проблемных тем двумя современниками, обычно причисляемыми к лагерю «консерваторов»: А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана. Оба являются видными общественно-политическими и государственными деятелями конца XVIII – первой четверти XIX в., а потому интересны главные вопросы: придерживались ли обозначенные «адепты консерватизма» схожих риторических стратегий? Как и каким образом обозначенный круг насущных тем осмыслялся этими адептами?

М. Г. Альтшуллер подчеркивает «смертельную боязнь и страх», которые испытывал А. С. Шишков перед революцией [см.: Альтшуллер, с. 83–84]. Между тем ни в момент начала революции, ни в ее развитии его не интересовали французские события. В 1788–1790 гг. Шишков принимал участие в Русско-шведской войне, но даже после войны его больше интересовали цены на кружева, чем перипетии Французской революции [см.: Киселева, с. 71–72]. Создается иллюзия, что революция для адмирала – совершенно индифферентная тема, находящаяся в стороне от его интересов. Однако в 1795 г. он пишет «Оду на покорение Польши», большинство стрóf которой посвящено французским событиями. Для него революция – это божественное провидение, эсхатологический конец, наказание за отступление французов от христианской веры. Вместе с тем существует «спасительное царство» – Российская империя – «блаженная из всех страна» под властью монархии:

Блаженная из всех страна
Златая часть тебе дана.
В любви к царю и Богу тая,
Какой народ толико лет
Спокойны годы провождая
В толиком счастья цветет?

[Шишков, 1831, с. 143].

Империя, в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрый монарх, Екатерина – «пастор» в царстве «тишины и благодати» [см. : Там же, с. 144]. Российская империя под властью монархии предстает анти-тезой революционной Франции. Только под скипетром монархии все находится в «гармонии» [см.: Там же, с. 153–154]. О важности монархического института для адмирала свидетельствуют следующие строки:

И в царстве сильном и богатом
Все сокрушается, пустошит
Стеняща добродетель бедна,
С потупленною там главою...

[Там же, с. 146].

Причиной подобного «безначалия» и «бедственного» положения добродетелей было отступление французов от христианской веры, позволившее им покуситься на власть монарха-суверена. Какой должна быть монархия согласно адмиралу? Во-первых, власть монарха дарована от бога, именно поэтому она суверенна и вечна – это провиденциальное понимание природы монархического правления [см.: Там же, с. 145]. Во-вторых, монарх должен править с опорой на исторический опыт: «юный царь объемлет в седом родителе мудрость, великодушие и пример, как должно любить свое отечество» [Шишков, 1811, с. 13], тогда его правление будет добродетельным. Только при соблюдении этих обязательных условий подданные будут обладать добродетелями, источником которых было православие, из него «народоправитель черпает мудрость, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие» [Там же, с. 57]. В то же время религия служила основой легитимации светской, монархической власти: «в наполнении сердец их любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, сему поставленному от Бога отцу...» [Там же, с. 43]. Таким образом, религиозность предстает главной добродетелью, которой обладают российские подданные и сам монарх.

Итак, революция для Шишкова – это божественное провидение, а революционная Франция – «царство антихриста», способное распространить эти идеи на другие народы. Однако революция его не интересовала вплоть до того времени, пока она не подобралась к границам Российской империи. Но и тогда она не угрожала напрямую российской «тишине», однако через философские идеи и французский язык «пагубно» воздействовала на нее. Косвенное влияние он видел в галломании российского дворянства – ориентации на «французские культурно-поведенческие модели: язык, моду, идеологию...» [Минаков, 2009, с. 143]. В этом же ключе он отмечает: «Ежели б всякая держава сохраняла свою народную гордость [самобытность], то Французская революция была бы только в углу своем страшна; мнимые их философы не вскружили бы столько голов...» [Шишков, 1828, с. 242]. Таким образом, избрание «в цари или, справедливее сказать, в атаманы» Наполеона незаконно, ибо избрали «безбожные» французы, а правит он в отрыве от исторического опыта [см.: Шишков, 1870, с. 270]. Как следствие, его избрание не завершило революции, правление Наполеона – это прямое продолжение революции.

Обращение Шишкова к проблеме социальной стратификации также было следствием Французской революции, но произошло только после констатации распространения галломании в среде высшего российского дворянства, в условиях ментальной пропасти между вестернизированным дворянством и простым народом [см.: Минаков, 2011, с. 58–61]. Эта констатация связана с публикацией в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге» и последующими ответами на критику данной работы в 1804–1807 гг. Преодоление «пропасти» возлагалось адмиралом на «благовоспитанное» дворянское сословие – дворян, избежавших «повреждения нравов» под французским влиянием и могущих быть искренними патриотами, «почитающими веру, законы и нравственные правила» [Шишков, 1828, с. 246–247]. Здесь же он ратует за сохранение сословно-профессиональной структуры российского общества, в которой «земледелец умел пахать, судья судить, купец торговать, сапожник шить сапоги...» [Там же, с. 245].

Даже призывая к национальному единству в канун и годы Отечественной войны 1812 г., Шишков не отступал от принципов сословности: народ всегда значился на последнем месте в его манифестах, а дворянство идеализировалось как «верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем нерушимую преданность и любовь к царю и Отечеству» [Шишков, 1816, с. 168], тем самым излечи-

ваясь от галломании. Это своего рода «дворянский эгоизм», присущий политической риторике адмирала. И, как верно подмечает В. С. Парсамов: «Для него [Шишкова. – В. И.] было важно не самостоятельное участие народа в боевых действиях, а демонстрация преданности крепостных крестьян помещикам и всех сословий – царю и Отечеству» [Парсамов]. Отечественная война 1812 г. хоть и приобретает в манифестах статус «священной войны» «за веру против безверия» [Шишков, 1816, с. 121], но ее главная цель – «привести все царства в прежнее их состояние», к «гармонии» старого порядка, при котором сохраняются незыблемые принципы сословности, а монарх будет главным гарантом этих принципов [см.: Шишков, 1870, т. 1, с. 183].

Ф.-Р. Шатобриан встретил Французскую революцию в Париже, затем последовал длительный период эмиграции и контрреволюционной борьбы. Только в 1797 г., находясь в Лондоне, он пишет «Опыт о древних и новых революциях» – политический трактат, выдержанный в духе полемики с философами-просветителями. Для него революция – это любой переворот, «совершающий перемену правления какого-либо народа, как монархическое на республиканское или республиканское на монархическое» – почти современная трактовка «революции» как коренного изменения в жизни общества [Chateaubriand, 1797, p. 7–8]. Как отмечает Г. А. Мухина, главной идеей «Опыта...» была мысль о вечном цикле смены республиканского и монархического правлений через революцию, которая стала «состоянием разрыва между этими правлениями» [Мухина, 2001, с. 55]. Шатобриан устанавливает взаимосвязь причин «древних» и «новых» революций: так, непосредственной причиной Французской революции была американская [см.: Chateaubriand, 1797, p. 32]. Отсюда знаменитый шатобриановский тезис о неизбежности революции, ведь для него «история народов есть лестница несчастий, где различные ступени составляют революции» [Ibid, p. 10]. Другую причину он усматривает в «беспокойстве, свойственном нашему сердцу», происходящем от «некого стремления к божеству» [Ibid, p. 384]. Значит ли это, что «беспокойство» имеет религиозные начала? Однозначного ответа на этот вопрос в тексте «Опыта...» мы не найдем по причине «светскости» шатобриановской риторики в трактате. Шатобриан в мемуарах писал: «в юности я был “монархистом-атеистом”, а в конце жизни стал “католиком-либералом”» [Шатобриан, 1995, с. 204].

Только в «Гении христианства» (1802) Шатобриан выступил апологетом христианской веры, фактически реабилитировав ее среди своих соотечественников, сделав христианство «идейно-эстетической антитезой

литературе философов-просветителей» [Казакова, с. 98–99]. Он не только объявляет христианство главным «движителем» прогресса, но и самого движения истории, которое «имеет своим началом Господа» [Шатобриан, 1982, с. 112–113]. Исходя из этой логики, революция понимается им так же, как божественный промысел, наказание за казнь короля и отступление от христианской веры. Даже в описании свержения Наполеона с престола присутствует провиденциальная риторика: «Богу не угодно было <...> чтобы пришлец [Наполеон] ниспроверг королевскую преемственность» [Chateaubriand, 1814, p. 7]. Иные причины революции он усматривает в «развращении нравов и заблуждении нашего разума» [Ibid, p. 1]. Также большое значение для Шатобриана имел исторический опыт: «Именем закона ниспровергали мы веру и добродетель, удаляясь от опытов и обычаев наших отцов <...> единственных основ всего государственного» [Ibid, p. 1–2]. Таким образом, провиденциальная риторика в объяснениях революции также была присуща Шатобриану наряду с обращением к истории, опыту предков. В то же время религия, будучи одной из «основ всего государственного», была основой легитимации светской власти.

Каковы же были представления Ф.-Р. Шатобриана об идеальной форме правления? Здесь возникает определенная сложность в идентификации его взглядов. Дело в том, что в своих мемуарах он недвусмысленно пишет: «плебейская тирания – тирания плодovitая и полная надежд, но гораздо более страшная, чем *дряхлый деспотизм древней королевской власти*... (курсив мой. – В. И.)» [Шатобриан, 1995, с. 126]. Большинство исследователей «шатобриановского» наследия отмечают заметное влияние философов-просветителей, в особенности Ш.-Л. Монтескье с его «Духом законов», на представления об автономии народов (правильной формы правления для каждого народа) [см.: Мухина, 2001, с. 56–57]. Еще в «Опыте...» Шатобриан заключает: «то, что хорошо для одного народа, редко бывает хорошим для другого» [Chateaubriand, 1797, p. 74] – это негативная оценка трансляции античного республиканского опыта на французскую *modernity*, ведь, согласно ему, все нации «по природе своей были монархиями» [Ibid, p. 74–75]. Этим влияние Монтескье не ограничивалось, оно прослеживается и в «шатобриановском» рассмотрении форм правлений в зависимости от состояний общественной добродетели и «возраста наций»: «Свобода – для дикарей, королевская республика – для пастухов, демократия – в расцвете добродетели, аристократия – при ослаблении нравов, монархи – в возраст роскоши, деспотизм – при испорченности» [Ibid, p. 138–139].

Шатобриан считал монархию идеальной формой правления, во время Реставрации он напишет: «Просвещенные опытом, мы увидели, что монархическое правление является единственным подходящим для нашей страны» – это была переоценка негативного опыта революции, в этом ключе власть Наполеона – преемница «плебейской тирании» революции, а его свержение с престола было божьим промыслом [см. : Chateaubriand, 1814, p. 2]. Только под скипетром законного монарха «народ наслаждается своими правами и добродетелью», а при отсутствии законного монарха: «тиран делает все, что ему нравится; ведет народ на войну; и притесняет его; люди становятся бессовестные и порочные» [Ibid, p. 81, 84].

Шатобриана нельзя назвать исключительно монархистом. Еще в «Опыте...» он признавал за идеал смешанную форму правления, ибо «человек – существо общественное, то при действии многих его страстей нужны многие противодействия», а за существующие образцы он брал Великобританию, Рим, Спарту и Карфаген [см. : Ibid, p. 49]. Это была попытка «восстановить» естественный ход истории, т. е. придать новую коннотацию реабилитированной монархии в соответствии с «духом века» [см.: Travers, p. 98–99]. Порывы к конституционно-монархическому правлению исходили из «шатобриановского» понимания аристократической свободы, основанной на религиозных представлениях [см. : Мухина, 2000, с. 34]. Подобные идеи высказывались еще в «Опыте...» при сравнении античных республик с современной ему Францией: «Древние республики существовали благодаря рабам, наши отцы-варвары существовали благодаря рабам», но только христианская религия отменила рабство и морально удерживает от просвещенческих «страстей» [см. : Chateaubriand, 1797, p. 368–369]. Свобода понималась им как особая христианская добродетель, а конституционная монархия – в качестве политико-религиозного консенсуса организации власти, объединяющего монархические, аристократические и народные силы [см.: Travers, p. 96–97]. Подобный консенсус был основан также на религии как источнике монарших и гражданских добродетелей и «естественной свободы», воплощенной в «божественной хартии».

В том же «Опыте...» Шатобриан возлагал ответственность за девальвацию сословных ценностей на дворянское сословие, «зараженное просветительскими максимами», допустившее распространение «просветительской заразы» к «несчастному народу» [см.: Chateaubriand, 1797, p. 97–100]. Он усматривает еще одну причину революции в «зависти между сословиями», ибо «У Солона и французских реформаторов оказались одни и те же опасности – толпа требовала равенства имуществ» [Ibid, p. 30–32].

Тем самым для него «состояние различия талантов и добродетели» являлось естественным обоснованием привилегий дворянства [см.: Chateaubriand, 1797, p. 32]. Во время Реставрации он объявит, что «главная причина наших зол – в этом химерическом равенстве» [см.: Chateaubriand, 1814, p. 7]. Интересно, что гарантом сохранения сословной иерархии выступал примат неприкосновенности собственности, а монарх являлся лишь второстепенным гарантом, арбитром между аристократией и народом [см.: Chateaubriand, 1797, p. 176–177]. Подобные представления о сословных привилегиях прослеживаются и позже, уже при Людовике XVIII, когда зашел вопрос о допущении несобственников к законодательному корпусу. Только собственник, согласно Шатобриану, «имел интерес в поддержке законов и созидании, в то время как человек без собственности по своей природе тяготеет к разрушению и свержению» [Chateaubriand, 1816, p. 271]. Подобные сентенции были вызваны длительной и вынужденной эмиграцией в Лондон, а также французскими революционными событиями, когда не оказалось ни короля, ни аристократов, а только «ярость неимущих христиан».

Итак, смыслообразующим «ядром» политической риторики обоих адептов был концепт «революции», провоцирующий рассуждать на «смежные» темы, обращаться к вопросам социальной стратификации, идеальной формы правления, добродетелям и религии. Для Шишкова эта проблема стала актуальной только в связи с восстанием в Речи Посполитой в 1794–1795 гг., когда появилась «реальная» угроза российской «тишине», для Шатобриана – с момента начала революции. Прослеживаются две риторические стратегии осмысления революции. Одна из них светская, когда революция понималась как нравственно-политическое явление в силу ряда причин (развращения нравов, распространения безверия, убийства суверена, деградации «морали» и т. д.) – модусов морально-этического и нравственного происхождения, а вторая – провиденциальная, в которой революция была актом божественного провидения. При этом «раннему» творчеству Шатобриана в силу влияния философов-просветителей присуща вполне светская риторика, а провиденциальная составляющая появляется значительно позже.

Провиденциальный монархизм обоих позволял им описывать власть монарха как данную от бога, а самого монарха объявлять его ставленником, героем, творящим «божественные» дела. Через риторику провиденциального монархизма объяснялась преемственность монархической власти, а история и религия служили средствами ее легитимации, источниками добродетелей. Обращение к проблеме социальной стратификации

в риторике адмирала Шашкова происходит только с констатацией галломании в российском социуме. Для Шатобриана эта проблема стояла опять же с самого начала революции. Таким образом, оба ратовали за сохранение принципов сословности, но гарантом «сословности» для Шишкова был монарх, а для Шатобриана – право собственности, а уже затем монарх.

Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции // Рус. лит. 1991. № 1. С. 144–149.

Гросул В. Я. Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 18–104.

Казакова Г. Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.-Р. де Шатобриана : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017.

Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // Stidia Russica Helsingiensia et tertuensia. (Тарту). 1995. № 4. С. 66–86.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 143–150.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2011.

Мухина Г. А. «Исторический опыт» Ф.-Р. Шатобриана о Французской революции: доводы отрицания // Социальные институты в истории: ретроспектива и реальность. Омск : Изд-во ОмГУ, 2001. С. 28–38.

Мухина Г. А. Отношение Франсуа-Рене де Шатобриана к религии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С. 28–37.

Парсамов В. С. Конструирование идеи народной войны в 1812 году // НЛО. 2012. № 118 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/p14.html> (дата обращения: 01.01.2019).

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011.

Шатобриан Ф.-Р. де. Гений христианства / пер. с фр. О. Э. Гинзбург // Эстетика раннего французского романтизма. М. : Искусство, 1982. С. 94–220.

Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки / пер. с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мельчина. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1995.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин : Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. Т. 1.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Шашков А. С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1831. Ч. 14. С. 143–154.

Шишков А. С. Ответ на письмо господина Луки Говорова // Шашков А. С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1828. Ч. 12. С. 236–261.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1811.

Шишков А. С. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб. : Морская типография, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons. Paris : Impr. Mame frères, 1814.

Chateaubriand F.-R. de. De la monarchie selon la Charte. Paris : Impr. de Le Normant, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. Essai historique, politique et moral sur les Revolutions anciennes et modernes considerees dans leurs rapports avec la Revolution. London : J. Deboffe, 1797.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton University Press, 1975.

Travers E. Constant et Chateaubriand, deux défenses de la Monarchie // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques. 2004. Nr 19. P. 89–123.

УДК 94(47).084.8

А. В. Соловьев

КОНТРУДАРЫ РККА В ИЮЛЕ 1941 г.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья направлена на то, чтобы обосновать возможность объединения рассмотренных операций РККА в единую линию и представить ее как типичную реакцию советского командования на первый кризис плана «Барбаросса». Обоснование сходства этих операций производится через их сопоставление по выделенным критериям. Одним из ключевых факторов провала этих операций, по мнению автора, является неспособность советского командования воспользоваться благоприятными условиями для их проведения с учетом кратковременности этих условий

К л ю ч е в ы е с л о в а : 1941 г., контрудары, Сольцы, Сенно — Лепель, 26-я армия.

В истории начального периода Великой Отечественной войны достаточно известны контрудары РККА летом 1941 г. Первые из них, относящиеся к последней декаде июня, обычно объединяются в единую «серию» [см.: История Великой..., т. 2, с. 30–31; История Второй мировой войны, т. 4, с. 38–39, 42]. Они проводились в соответствии с Директивой № 3, принятой Генштабом РККА 23 июня 1941 г. Логика данной Директивы была продиктована предвоенным советским планированием. В случае прорыва немецкими войсками полосы обороны вдоль госграницы предполагалось нанести контрудары подвижными соединениями и восстано-

вить положение на границе. Это было одним из рефренов в требованиях Наркомата обороны по планам прикрытия госграницы [1941..., с. 227, 233].

В то же время контрудары июля 1941 г. как в обзорных трудах, так и в работах, посвященных отдельным направлениям или операциям, обычно рассматриваются как индивидуальные, не связанные между собой операции [см.: История Второй..., т. 4; Анфилов; Исаев, 2010; 2011].

Такая точка зрения по-своему верна, так как эти контрудары проводились независимо друг от друга в интересах отдельных фронтов РККА. Но, на наш взгляд, у этих контрударов есть определенные общие черты, благодаря которым данные операции можно объединить. Для доказательства этого тезиса, на наш взгляд, необходимо сравнить:

- а) условия, в которых задумывались и осуществлялись контрудары;
  - б) замысел каждой операции;
  - в) влияние на планирование и развитие операций фактора времени.
- Таковыми контрударами были:

- на западном направлении – контрудар в районе Сенно – Лепель (6–9 июля 1941 г.);
- на северо-западном – контрудар под Сольцами (14–18 июля);
- на юго-западном – контрудар под Фастовом и Белой Церковью (16–22 июля).

На западном стратегическом направлении к началу июля 1941 г. сложилась тяжелая обстановка. 28–29 июня части 2-й и 3-й танковых групп соединились в Минске, оттеснив советскую 13-ю армию восточнее города и отрезав пути отхода 3-й и 10-й армий. Дальнейшей задачей немецких подвижных соединений был выход к Днепру: 2-й группы Гудериана – у Рогачева, 3-й группы Гота – у Витебска и Полоцка [см.: Анфилов, с. 175–177]. Это вызвало необходимость создавать рубеж обороны по Березине, Западной Двине и Днепру, в особенности в районе Орши – Могилева (так называемые Смоленские ворота). Он формировался за счет прибывающих на Западный фронт армий из внутренних округов – 20-й и 22-й. Они усиливались 7-м и 5-м мехкорпусами, при этом эшелоны последнего разворачивались прямо в пути с Киевского направления, для которого корпус предназначался изначально, на Смоленское, что привело к медленному и неполному сосредоточению соединений [см.: Исаев, 2010, с. 340].

Небольшой промежуток времени между завершением окружения под Минском и началом наступления танковых групп к Днепру был использован командованием Западного фронта для подготовки обороны – создавались система заграждений, велась разведка. А. И. Еременко, временно замещавший в должности командира фронта арестованного

генерал-полковника Д. Г. Павлова, планировал использовать приданные мехкорпуса как подвижный резерв. Он должен был противостоять прорывам, а также имел амбициозную задачу: в случае прорыва противника на Витебск или Оршу контратаками прижать его к Днепру и разгромить [см.: Исаев, 2010, с. 346].

Вступивший в командование фронтом нарком обороны С. К. Тимошенко 4 июля резко изменил задачи мехкорпусов. Он расценивал прорыв крупной немецкой группировки (две танковых и одна-две моторизованные дивизии) от Лепеля на Витебск как наиболее опасный вариант развития событий. Для его предотвращения он собирался нанести удар в направлении на Лепель и окружить прорвавшиеся части 39-го моторного корпуса противника.

Мы не можем с полной уверенностью судить о стратегических задачах контрудара, так как его разработка проходила в узком кругу, материалы обсуждения нам недоступны. Но, на наш взгляд, эти задачи состояли в перехвате у противника инициативы путем разгрома одной из его ударных частей. В перспективе это могло бы привести к ведению наступательных действий уже РККА. В данном случае эти задачи можно считать отголоском предвоенных концепций ведения войны.

Для выполнения задач 5-й механизированный корпус сосредоточивался в районах севернее Орши с задачей выйти севернее Лепель, а 7-й — южнее Витебска с задачей выйти через Сенно юго-восточнее Лепель и продолжить движение на запад, к Докшице. Глубина наступления корпусов составляла 126 и 135 км, что слабо соответствовало их маршевым возможностям и должно было занять определенное время [см.: Гланц, с. 89].

Решение на контрудар, принятое маршалом С. К. Тимошенко, ограничено критиковалось еще в советской историографии [см.: Еременко, с. 29]. Современные исследователи также называют более выгодным план, принятый А. И. Еременко и Г. К. Маландиным [см.: Исаев, 2010, с. 349–350].

В пользу контрудара были следующие факторы: отрыв механизированных соединений немцев от пехоты, скованной борьбой в Минском котле; невозможность в случае немецкого наступления удержать рубеж обороны. Среди отрицательных моментов назывались: отрыв советских мехкорпусов от собственной пехоты вследствие большой глубины наступления; неблагоприятная для наступления крупных масс танков местность; слабость авиации и ее неспособность обеспечить действия наземных войск [см.: Еременко, с. 29; Исаев 2010 с. 348–349]. Кроме того, замысел Тимошенко соответствовал базовым идеям использования механизирован-

ных войск, в том числе для решения задач по борьбе с прорывами противника. Но он не имел адекватных средств его исполнения, так как мехкорпуса были в подавляющем большинстве укомплектованы легкими танками (до 95–97 %), не способными к прорыву обороны, тем более насыщенной артиллерией различных типов [см.: Гланц, с. 87–88].

Также следует отметить, что почти традиционно для 1941 г. мехкорпуса вынуждены были идти в наступление без штатной мотопехоты. 109-я моторизованная дивизия 7-го мехкорпуса, прибыв на Украину, была брошена в бой. В район Орши из ее состава прибыли батальон мотопехоты и два батальона танков. 1-я моторизованная дивизия из 5-го мехкорпуса сосредоточилась раньше остальных частей корпуса и была брошена на прикрытие г. Борисова южнее Орши. Ко времени начала контрудара она уже понесла большие потери в бою с группой Гудериана. Кроме того, часть танков Т-26 была изъята для поддержки пехоты в обороне. Как вполне справедливо заметил А. В. Исаев, для этой задачи они были приспособлены лучше всего [см.: Исаев, 2010, с. 340, 346].

30 июня начальник штаба Главного командования сухопутными войсками генерал Гальдер принял решение о начале дальнейшего продвижения танковых групп к Днепру на рубеж Витебск – Орша – Рогачев – Бобруйск с задачей овладеть переправами через Днепр и Западную Двину [см.: Гальдер, с. 94–95]. Отсутствие пехотной поддержки, выделение танковыми группами части сил на удержание Минского котла привели к тому, что подвижные соединения немцев наступали широким фронтом, не имея локтевой связи друг с другом [см.: Гланц, с. 74, 76].

Свои коррективы внесла также погода: в полосе группы армий «Центр», особенно на Витебском направлении, два дня шли сильные дожди, которые размыли дороги, сильно задержав наступление 39-го мехкорпуса. В итоге его авангардная 7-я танковая дивизия, сильно растянувшись, вышла 4 июля к Лепелю, в 73 км западнее Витебска. К 5 июля Гот вступил в соприкосновение с частями 20-й армии в районе Сенно, где увяз [см.: Там же, с. 76].

Гудериан, вынужденный искать новое место переправы через Днепр ввиду сильного сопротивления советских войск у Рогачева, развернул часть своих сил (17-ю и 18-ю танковые дивизии) на север, к Орше. Это в последующем негативно скажется на развитии контрудара, так как данные силы будут нависать над флангом 5-го мехкорпуса [см.: Там же, с. 83–84, 89].

Несмотря на то, что наступление мехкорпусов планировалось начать утром 5 июля, к этому моменту они только завершали сосредоточение. 7-й корпус к 10:00 вышел в назначенный район и изготовился к атаке.

5-й корпус выполнил данную задачу лишь частично, так как его движение было задержано полосой заграждений, созданных 20-й армией для оборонительных целей [см.: Исаев, 2010, с. 350]. В конечном итоге наступление было начато 6 июля. Первоначально оба мехкорпуса двигались, не встречая противника. 5-му мехкорпусу удалось к исходу 6 июля выйти в окрестности Лепеля, но в силу тяжелых условий местности его тылы сильно отстали, что вынудило отложить атаку на 7 июля.

7 июля части корпуса смогли перейти в наступление только к 18:00 ввиду затянувшейся дозаправки. Вышеописанные задержки дорого стоили, поскольку успех контрудара в значительной степени зависел от скорости проведения операции и завершения ее до подхода немецких резервов.

В дальнейшем оба мехкорпуса имели весьма слабое продвижение, сумев занять на краткое время Сенно и потеснить мотопехоту 39-го моторного корпуса из Лепеля. Но уже с 7 июля 5-й, а затем 7-й мехкорпуса подверглись атакам с фланга и тыла танками Гудериана и подошедшей от Минска 12-й танковой дивизии генерал-майора Й. Харпе [см.: Исаев, 2010, с. 362].

В результате 5-й мехкорпус был окружен, и его остатки смогли выйти из котла только к 11 июля, 7-й корпус с большими потерями был отброшен от Сенно [ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 80, л. 8–10].

С 10 июля в связи с прорывом 57-го моторного корпуса на Полоцк операция была прекращена, а остатки мехкорпусов, обороняясь, отходили на восток, встраиваясь в оборону Западного фронта.

Смелый замысел контрудара, ставившего целью разгромить относительно крупную подвижную группировку немцев, провалился, привел к большим потерям и обескровливанию значительной части подвижных войск Западного фронта. Причинами провала были неадекватная структура и тактика действий мехкорпусов, слабость матчасти и подготовки личного состава, господство авиации противника в воздухе – в целом ситуация классическая для лета 1941 г. Но, на наш взгляд, немаловажным фактором, обусловившим подобный исход Лепельского контрудара, был тот жесточайший цейтнот, в котором С. К. Тимошенко вынужден был реализовывать свой план. Между принятием решения на его проведение (4 июля) и подходом от Минска части 3-й танковой группы (9 июля) прошло около 5 суток. Части 2-й танковой группы вступили в бой еще 8 июля, резко изменив соотношение сил. Двое суток были потрачены на маневры мехкорпусов. Оставшегося времени было недостаточно для решения поставленной задачи. Даже если бы 39-й моторный корпус удалось окружить, его уничтожение потребовало бы дополнительного времени, которого у Западного фронта не было.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

а) контрудар в районе Лепель и Сенно задумывался и проводился в условиях отрыва подвижных войск от пехоты;

б) замысел контрудара состоял в разгроме механизированной группировки противника и перехвате инициативы у противника;

в) одним из ключевых факторов, определяющих успех контрудара, был фактор времени – немецкую группировку необходимо было разбить максимально быстро, до подхода подкреплений. Советской стороне использовать этот фактор в свою пользу не удалось, что во многом определило провал операции.

Аналогичная ситуация сложилась на Северо-Западном фронте. К 8 июля 1941 г. войскам группы армий «Север» удалось выбить советские войска с рубежа р. Западная Двина и рассечь их. 8-я армия была отеснена на территорию Северной Эстонии, а 11-я и 27-я армии отходили на восток – к Новгороду и Пскову. 4-я танковая группа, входившая в состав группы армий «Север», была разобита. Как писал Эрих фон Манштейн, командование направило 41-й моторкорпус от Пскова на север, чтобы отрезать советские войска севернее Чудского озера; 56-й корпус Манштейна был направлен южнее оз. Ильмень [см.: Манштейн, с. 182]

К 14 июля 8-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Бранденберге-ра сумела прорваться на 6 км восточнее Сольцев. Но на этом немецкие наступление приостановилось, так как боевые порядки дивизии и корпуса были сильно растянуты. Фланги дивизии открыты: левый – на 40 км, правый – на 70. Заняв оборону в городе, Бранденбергер стал ожидать подхода остальных частей корпуса [см.: Исаев, 2011, с. 234].

Советское командование решило воспользоваться сложившейся ситуацией и нанести удар по открытым флангам немцев с последующим окружением [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 25]. Контрудар планировалось провести частью сил 11-й армии Северо-Западного фронта: 183-й стрелковой дивизией, 16-м стрелковым корпусом, 1-м мехкорпусом. В связи с большими потерями, понесенными армией ранее, основной ударной силой должны были стать свежие дивизии 16-го корпуса (70-я и 237-я), прибывшие с Северного фронта. [Там же, л. 28]. Они должны были завершить сосредоточение к 11 июля. Но немецкие бомбежки помешали этому замыслу: 70-я дивизия сумела выполнить поставленную задачу к утру 13 июля, а в 237-й смогли перебросить только около 40 % состава [Там же, л. 29].

Тактический замысел контрудара – замыкание клещей западнее Сольцев и одновременное вытеснение противника из города. Стратегическая цель контрудара, на наш взгляд, состояла, исходя из его замысла

в перехвате инициативы у противника и обеспечении в дальнейшем перехода в наступление левого крыла Северо-Западного фронта.

Части 70-й дивизии смогли начать наступление 14 июля в 18:00–19:00, так как предыдущие попытки атаки срывались немецким артобстрелом. К исходу дня частям дивизии удалось продвинуться на 6 км севернее Сольцев [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 29].

Наступление 237-й стрелковой дивизии сначала было задержано до 20:30, поскольку приданные ей танки пришли в Городище к 19:00 вместо 17:30. Но в 20:25 немцы сами атаковали позиции дивизии. В итоге наступление началось около 21:30, в 22:30 части 237-й стрелковой дивизии были остановлены сильным огнем противника. 183-я дивизия смогла переправиться на другой берег Шелони лишь утром 15 июля [Там же, л. 31–33].

Итак, мы видим, что потери времени на сосредоточение войск усугублялись медленной организацией контрудара. 15 июля советской группировке удалось завершить окружение части сил противника в Сольцах и восточнее города [Там же]. В целом, по сведениям советской стороны, в окружение попало до полка пехоты с мотоциклистами и 50 танками. Но это были не все силы 8-й танковой дивизии, значительная их часть оборонялась на Шелони, стараясь не допустить полного окружения [см.: Исаев, 2011, с. 244–245].

16 июля советская разведка засекала подход немецких подкреплений, по-видимому, 1-го армейского корпуса из 16-й полевой армии и дивизии «Мертвая голова» [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 36]. Также с севера, от Луги, подошли части немецкой 3-й мотодивизии, вступив в бой с 237-й дивизией. Тем не менее, командование фронтом продолжает ставить перед 11-й армией задачу разгрома окруженного противника. Дивизии Бранденбергера при поддержке авиации удастся сбить советские заслоны на шоссе западнее Сольцев и прорваться из котла к утру 16 июля [см.: Исаев, 2011, с. 245].

С вводом в бой немецких подкреплений войска 11-й армии были оттеснены на исходные позиции [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 41–45]. Это свидетельствует о том, что немецкое командование справилось с кризисом, а советские части исчерпали возможности наступления.

Подводя итог, отметим следующее:

а) контрудар под Сольцами, как и операция в районе Сенно – Лепель, проводился в условиях отрыва немецких подвижных соединений (8-й танковой дивизии) от пехоты, что создавало благоприятные условия для ее окружения;

б) стратегический замысел контрудара состоял в перехвате инициативы на левом крыле северо-западного направления;

в) одним из ключевых факторов для успеха контрудара была скорость его проведения.

К сожалению, в силу объективных и субъективных причин, в первую очередь медленной организации контрнаступления, воспользоваться своим преимуществом советская сторона не смогла.

Еще одна попытка контрудара была предпринята на Киевском направлении. К началу второй декады июля обстановку на Юго-Западном фронте можно охарактеризовать как шаткое равновесие. С одной стороны, в ходе приграничных сражений группы армий «Юг» не удалось разгромить советские войска, и они, пусть с большими потерями, отступили на линию старой границы. Первой танковой группе генерал-полковника Э. Клейста не удалось провести окружение. С другой стороны, силы армий Юго-Западного фронта постепенно истощались, и прорыв немецких механизированных соединений становился вопросом времени.

После прорыва 6–9 июля рубежа обороны по старой границе 1-й танковой группе и взаимодействующей с ней 6-й немецкой армии была поставлена двойная задача: основными силами они должны были окружить и разгромить 6-ю и 12-ю армии РККА ударом в район Винницы, в то же время меньшими силами создать плацдарм на левобережье Днепра [см.: Гальдер, с. 77]. Соответственно, это привело к рассредоточению танковой группы на широком фронте. Кроме того, быстрое развитие наступления способствовало отрыву ее от пехоты на 70–100 км.

В то же время советская сторона в районе старой границы не имела подготовленной обороны. Киев прикрывался гарнизоном укрепрайона, частями НКВД. Ставка и командование Юго-Западного фронта срочно перебрасывали на Киевское направление резервы для создания ударной группировки – 26-й армии генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко [см.: Исаев, 2004, с. 300–312].

К середине июля все три корпуса 1-й танковой группы Э. фон Клейста были рассредоточены на широком фронте вдоль р. Днепр. При этом разрыв должен был постепенно увеличиваться, так как 48-й моторкорпус продолжал двигаться на Винницу, в то время как 3-й моторкорпус на левом фланге был скован на плацдарме у Киева.

В намечающийся разрыв был введен 14-й моторкорпус фон Виттерсгейма в составе 9-й танковой дивизии и мотодивизии СС «Викинг». К 14 июля корпус вышел к Днепру в район между Фастовом и Белой Церковью (н. п. Попельня и Сквирь).

Дивизии 14-го корпуса были собраны в достаточно плотный кулак, хотя и с разрывами между флангами соединений. Командование Юго-Западного фронта считало это благоприятной обстановкой для контрудара. 26-й армии была поставлена задача окружения и разгрома «Фастовской группировки противника», для чего своими корпусами она должна была наступать в направлении Фастов – Попельня и Сквир – Брусилів. Переход в наступление ожидался 17 июля. Подчеркнем также, что командование требовало высокой скорости наступления. Получив приказ в середине дня 16 июля, к исходу суток войска должны были выполнить ближайшую задачу – выйти к Фастову и Сквире [ЦАМО РФ, ф. 3468, оп. 1, д. 3, л. 66].

Стратегический замысел контрудара был обусловлен спецификой обстановки на юго-западном направлении. Задачами операции были: восстановление линии фронта; обеспечение отвода 6-й и 12-й армий из намечающегося окружения в районе Винницы; предотвращение захвата Киева (последнее утверждение советских исследователей, как минимум, спорно) [см.: Владимирский, с. 166; Грецов, с. 83].

Переход 26-й армии в наступление был упрежден атакой 9-й танковой дивизии, начавшейся вечером 16 июля. В итоге на левом фланге армии 6-й стрелковый корпус генерал-майора Алексеева перейти в наступление не смог, более того, был вынужден оставить исходные позиции для контрудара под Белой Церковью [ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 169, л. 36].

64-й стрелковый корпус генерал-майора А. Д. Кулешова смог перейти в наступление на Фастов только 19 июля, т. е. через три дня после начала операции, что было связано с затратами времени на его переброску из резерва [см.: Исаев, 2004, с. 353]. Помимо несогласованного вступления в бой, данная задержка имела еще одно последствие. Это время было использовано немцами для переброски резервов в полосу действий корпуса. Пехота 6-й армии Рейхенау выдвигалась к Киеву для смены 3-го мотокорпуса Макензена, который нависал над флангом 64-го корпуса и всей 26-й армии.

На первых порах корпусу Кулешова удалось добиться некоторых успехов и занять Фастов. Но уже 20 июля в результате контратак мотодивизии «Викинг» при поддержке танков советские войска были выбиты из города, а 21 июля окружены. В целом наступление 64-го стрелкового корпуса было остановлено. 6-й корпус продолжал отход на восток и юго-восток от Белой Церкви [см.: Там же, л. 56–57]. Кроме того, группировка немцев на белоцерковском направлении была усилена 60-й моторизованной дивизией.

Относительно успешными были действия 5-го кавалерийского корпуса, вступившего в бой позже. Ему удалось окружить немецкую группировку силой до полка мотопехоты, но уже к 22 июля этот полк был деблокирован контратакой, поддержанной танками [см.: Там же, л. 58]

23–24 июля ситуация в районе расположения 26-й армии резко изменилась. Несмотря на получение пополнения в размере двух стрелковых дивизий, продолжить наступление она не смогла, поскольку была атакована во фланг силами 3-го моторного корпуса противника, смененного под Киевом пехотой 6-й армии. В дальнейшем происходило фронтальное отеснение 26-й армии на восток и юго-восток [см.: Макензен, с. 223–227; Гальдер, с. 219].

Мы видим, что, как и в других случаях, на действиях советской стороны негативно сказались не только общие для 1941 г. факторы, но и потери времени на сосредоточение ударных группировок (в случае с 64-м корпусом).

Таким образом, контрудар под Фастовом:

а) был обусловлен оторванностью соединений группы Клейста от пехоты и растянутостью фронта, что делало возможным их окружение;

б) стратегическая цель состояла в перехвате инициативы на Киевском направлении;

в) советская сторона воспользоваться представившейся возможностью в отведенное время не сумела.

Подводя общий итог, отметим следующее: три рассмотренные операции роднит сходство условий их проведения (отрыв немецких танковых соединений от пехоты, их оборона на широком фронте), сходство целей и замыслов операций, а также то, что одним из ключевых факторов неуспеха контрударов была неспособность советской стороны уложиться в отведенное на это время.

Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. М. : Наука, 1989.

Владимирский А. В. На киевском направлении. М. : Воениздат, 1989.

Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. М. : Вече, 2010.

Гланц Д. Крах плана «Барбаросса». М. : Центрполиграф, 2015. Т. 1.

Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М. : Воениздат, 1965.

Еременко А. И. На Западном направлении. М. : Воениздат, 1959.

Исаев А. В. Иной 1941: от границы до Ленинграда. М. : Яуза, 2011.

Исаев А. В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М. : Яуза, 2010.

Исаев А. В. От Дубно до Ростова. М. : Транзиткнига, 2004.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М. : Воениздат, 1961.

- История Второй мировой войны 1939–1945* : в 12 т. М. : Воениздат, 1975. Т. 4.
Макензен Э. От Буга до Кавказа. М. : АСТ, 2004.
Маништейн Э. Утерянные победы. М. ; СПб. : АСТ ; Terra Fantastica, 1999.
1941 год : в 2 кн. / сост. Л. Е. Решин и др. ; под ред. В. П. Наумова. М. :
Междунар. фонд «Демократия», 1998.

УДК 94(47).084.9:32.019.5

Г. С. Янцевич

ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЮБИЛЕЕВ ОКТЯБРЯ В 1950–1970-е гг. В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ»

В статье рассматриваются средства формирования образов советского прошлого. Как изменялся образ давно прошедшей революции на протяжении длительного периода? Как пропаганда посредством образов и мифов формировала представления о прошлом в общественном сознании, тем самым конструируя образ настоящего? Ответам на эти вопросы посвящено наше микроисследование образов Октябрьской революции 1917 г. в визуальных репрезентациях юбилеев Октября в 1957, 1967 и 1977 гг. в журнале «Крокодил».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Октябрьская революция, советские праздники, журнал «Крокодил», исторический образ, визуальный образ.

Согласно определению Я. Ассмана «миф – это обосновывающая история, история, которая рассказывается, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [см.: Ассман, с. 55]. Мифологизация Октября в 1950–1970-е гг. в визуальных репрезентациях «Крокодила» проявлялась в демонстрации достижений успехов советского строя. Дискурс визуального мифа Октября, освобождая прошлое от деталей, не ставил вопросы о дальнейших вариантах и возможностях развития республиканского строя или монархии. Он апеллировал к неизбежности революции и неразрывно связывал с ней текущие успехи, основываясь на эмоциональном, а не рациональном.

Мифологизация с помощью образов и вызываемых ими эмоций неизбежно действовала и на процессы коллективной памяти. Проблемы памяти в исследуемом периоде видятся нам в том, что осталось мало свидетелей революции, многие ее события стали восприниматься через образы и мифы, которые демонстрировались в фильмах, на плакатах, карикатурах, памятниках. Хрестоматийным примером восприятия прошлого

через визуальные образы может послужить картина С. Эйзенштейна «Октябрь». Известно, что современники и очевидцы событий в Петрограде часто в своих рассказах описывали их так, как они были показаны в этом фильме 1927 г.

Мифологизация коснулась и образа В. И. Ленина. К началу 1960-х гг. осталось мало людей, видевших В. И. Ленина. Визуальный образ вождя стал более абстрактным, являясь в меньшей степени изображением обычного человека и в большей степени изображением героического символа, Ленин стал выглядеть выше, мощнее, приобрел выпуклую мускулатуру [см.: Юрчак, с. 125–126]. Изменение иконографического канона использовалось для демонстрации силы и мужества человека, который стал лидером революции, а также для усиления величия В. И. Ленина, а тем самым и неизбежности Октября.

Источником для данного исследования были выбраны карикатуры из журнала «Крокодил» за 1957, 1967 и 1977 гг. Обращение именно к этому журналу обусловлено тем, что он был самым тиражным и известным изданием, публиковавшим советскую политическую карикатуру на протяжении всего послевоенного периода.

Изучение историографии выявило, что все научные исследования данной проблемы можно разделить на две категории. Первая – это работы, посвященные теории изучения визуальных источников. Опорным для данного исследования является сборник статей «Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия» [см.: Очевидная история]. В сборнике собраны статьи, касающиеся исторических исследований через призму визуальных источников. Также интересен сборник «Визуальная антропология: режимы видимости при социализме», в котором исследуются визуальные формы, которые были доступны для человека социалистической эпохи [см.: Визуальная антропология]. К теории визуальных исследований обращается и Е. И. Щербакова в работе «Визуальная история» из сборника «Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет» [см.: Щербакова].

Вторая категория отражает результаты исследований журнала «Крокодил». К этому разделу также относятся теоретическая литература по политической карикатуре. Примером того, каким образом может происходить исследование визуальных образов в журнале «Крокодил», является статья А. А. Поповой [см.: Попова]. Автор изучает, как с помощью визуальных ресурсов дискурс власти в послевоенные годы формировал в сознании граждан представление о недопустимых характеристиках советского мужчины.

Образ Октябрьской революции в карикатурах «Крокодила» появлялся только в октябрьских и ноябрьских выпусках журнала и только в юбилейные годы. В основном «Крокодил» 1950–1980-х гг. был наполнен сатирой прежде всего на актуальные темы. В негативном свете подавались девиантное поведение молодежи, образы внешних врагов, безответственных работников, алкоголиков и бездельников, мелких партийных чиновников и бюрократов. Несмотря на то, что образ Октября был часто связан с противниками революции, врагов уже не нужно было выставлять в негативном свете, вызывая у зрителя соответствующие эмоции, как, например, в «Крокодиле» в первые годы советской власти и в межвоенный период. Победа Октябрьской революции, ее закономерность, неизбежность и необратимость подавались пропагандой как аксиома, что являлось формулой легитимации советского строя [см.: Тихонов, с. 208]. В «Крокодиле» легитимация проявилась через демонстрацию современных достижений Советского Союза, посредством которых доказывались закономерность и успешность революции.

В исследуемый нами период на страницах журнала актуализировались новые образы врага, с которыми теперь велась активная «борьба». Это были проявления, которые авторы «Крокодила» могли интерпретировать в негативном свете: жизнь рядового человека на «загнивающем» Западе; «агрессоры» из стран НАТО, стоящие у границ мирного СССР; «хунты» в Чили, Греции и Израйле; немецкие «реваншисты» из ФРГ; советские тунеядцы и зарвавшиеся мелкие бюрократы; молодежь, поведение которой отклонялось от социалистических норм. Тема противников революции перестала быть актуальной для журнала и большинство карикатур, в которых художники могли обличать старого врага и создавать его негативный образ, после Второй мировой войны практически перестали появляться. Поэтому если карикатуры на самодержавие и старый порядок и присутствуют в юбилейных выпусках, то они находятся на второстепенных полосах или изображаются как приложение к текстам. Их образ больше не формируется, для читателя «Крокодила» он уже известен и понятен, и интерпретируется как образ проигравших. Герои выглядят потерявшими всякую надежду на успех, старыми и немощными, ностальгируют по былым временам, вокруг присутствуют символы, связанные со смертью, карикатуры изображаются в красках холодного оттенка, иногда специально в черно-белом цвете.

В юбилейном выпуске 1957 г. на карикатуре «На станции “Безнадежная”» изображены белые офицеры и старая интеллигенция. Работа выполнена в холодных тонах, герои в оборванных одеждах ждут своего

поезда на заброшенной станции «Безнадежная», где уже давно не продаются билеты [см.: Крокодил, 1957, № 30, с. 12]. А царский трон и царские регалии на другой карикатуре хранятся в «Лавке древностей» [см.: Там же, с. 9]. Невозможность возвращения к старому порядку представлена «Неутешной вдовой» на одноименной карикатуре [см.: Крокодил, 1967, № 31, с. 16]. Работа выполнена в черно-белом цвете, оформлена в черной рамке, на ней мировой капитализм в образе вдовы плачет перед портретами бывших лидеров стран Восточной Европы. Среди портретов выше всех помещен портрет Николая II, с подписью «Российский капитализм» и черной ленточкой внизу. «Глупость» тех, кто не верил в успешность советской власти, высмеивалась в 60-летний юбилей революции. На карикатуре «Старость – не радость» изображен пожилой человек, символизирующий капитализм. Он смотрит на картину «Капитализм в 1917 году», где он еще молод. Его тело изображено в виде огромного земного шара, в настоящее же время он худ и стар, географический охват капитализма по сравнению с 1917 г. изрядно сократился, и ему остается лишь ностальгировать [см.: Голиков, Рыбаченок, с. 16]. На другой карикатуре под названием «Развитие вычислительной техники на Западе» изображено четыре рисунка, на них один и тот же человек считает, сколько осталось продержаться советской власти. Между рисунками проходит большой временной интервал, меняются способы счета, но он все равно ждет, когда рухнет советская власть. На последнем рисунке он уже очень стар и весь порос грибами [см.: Крокодил, 1977, № 32, с. 15].

Все успехи в науке и технике связывались с успешным руководством Коммунистической партии и стали возможны только благодаря ей, что активно демонстрировалось художниками «Крокодила» в юбилейные даты – в 1957, 1967 и 1977 гг.

В 40-летний юбилей революции (1957) ее результаты виделись художникам «Крокодила» в достижениях советской науки: первом в мире атомном ледоколе «Ленин» и первом в мире искусственном спутнике Земли.

К. Ротов и Л. Ленч продемонстрировали историю советской власти на карикатуре «О предсказателях и прорицателях (опыт девяти исторических исследований)» [см.: Крокодил, 1967, № 31, с. 3–12]. Авторы предлагают читателям девять исторических событий или эпох из истории СССР, начиная с революции 1917 г. и заканчивая обозримым будущим после 1957 г. В каждом событии советской власти противостоят «предсказатели и прорицатели», которые уверены в крахе планов СССР или напрямую пытаются им помешать. На карикатурах изображаются Октябрь 1917 г., Гражданская война, первые годы советской власти, индустриа-

лизация, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны, запуск спутника и будущее СССР, в котором он в образе ледокола, несмотря на противников, идет к победе коммунизма. Через выбранный самими же авторами «Крокодила», а значит, заведомо субъективный исторический опыт они пытаются показать читателю верность и неизбежность советского пути развития, основой которого стала Революция 1917 г. Авторы действуют с помощью примитивных сопоставлений и суждений, что всегда использует политическая карикатура, журналом предлагаются лишь успешные и победные события в истории Союза либо сами события интерпретируются исключительно как успешные. Все события преподносятся в виде модели революционного развития, подобно событиям самого Октября. Достижения обязательно происходят вопреки врагам и предсказателям неизбежного провала. Что отражает идеологический дискурс советской власти как на протяжении истории – «осажденная крепость», так и в исследуемый нами период – холодная война, железный занавес и биполярный мир.

В 1967 г. успехи советского строя демонстрировались через использование образов известных дореволюционных картин. Это работы В. Перова «Дворник», «Тройка», «Рыболов»; Н. Ярошенко «Кочегар»; И. Крамского «Лунная ночь»; В. Пукирева «Неравный брак»; А. Рылова «В голубом просторе» [см.: Крокодил, 1967, № 30, с. 8–9]. Так, в юмористических рисунках художники «Крокодила» заменили старые орудия труда и средства передвижения, которые изображены в произведениях русских художников, на технику XX столетия. На картине А. Рылова «В голубом просторе» вместо парусного корабля появился первый в мире реактивный самолет, советский ТУ-104. Кочегар у Н. Ярошенко изображен рядом с пультом управления ТЭС, в оригинале же он держит кочергу. Изменили свои орудия труда и герои картин В. Перова. Дворник с одноименной картины теперь трудится на тракторе, рыболов вместо снастей управляет китобойным судном, а знаменитая «тройка» тащит не обоз, а новенький телевизор. Девушку на картине И. Крамского «Лунная ночь» теперь освещает не луна, а искусственный спутник. «Неравный брак» превратился в союз, в котором неравенство определяется количеством орденов Героя Социалистического Труда у жениха и невесты.

Авторы и художники карикатур действуют с позиции примитивной логики, многие подписи к работам имеют популистский характер, что также отражает специфику такого источника, как политическая карикатура. Например, подобный прием продемонстрирован на карикатуре А. Цветкова, где изображены два пионера, разглядывающие фотографию.

На снимке запечатлен рабочий (отец одного из мальчиков), включающий рубильник электростанции. Один из пионеров говорит: «Знаешь, какой мой папа сильный? В одной его руке – вся энергия царской России!» [см.: Крокодил, 1967, № 31, с. 9]. Таким образом, автор предлагает зрителю совсем неуместное сравнение. Такое техническое превосходство – результат естественного 40-летнего прогресса, а не победы советской власти над царской Россией.

Непрерывность подвигов и успехов в развитии страны выстраивается на работе «Переходящее знамя» (1967). На ней изображены: матрос в Петрограде на фоне Зимнего дворца, солдат в Берлине на фоне Рейхстага, и рабочий в Советском Союзе на фоне заводов и строящихся жилых домов. Все трое держат в руках красное знамя, которое на карикатуре именуется «переходящим» [см.: Крокодил, 1967, № 30, с. 3].

Интересно, что посвященные юбилею номера с 30-го по 32-й в 1967 г. напечатаны на более плотной бумаге, с более четкой печатью текста и яркими рисунками, чем остальные выпуски 1967 г.

В 1977 г. обложки 31-го и 32-го номеров «Крокодила» были выполнены художниками в красном цвете. На обложке 31-го номера изображено два рисунка. На верхнем – разрушенный Петроград, над которым нарисованы четыре большие красные цифры «1917». Цифра «семь» представлена в виде штыка, на котором развивается красное знамя. На нижнем рисунке – новые дома, над которыми нарисован 1977 год, две цифры «77» выполнены в виде башенных кранов с красными знаменами [см.: Крокодил, 1977, № 30, с. 1]. Основной мотив карикатуры – продолжающееся развитие страны, началом которого стала революция, символом преемственности дела является, как и на работах 1967 г., красное знамя, а доказательством прогресса – новостройки Ленинграда. На обложке 32-го номера «Крокодила» был изображен крейсер «Аврора», который светит прожектором на новую Конституцию СССР. Рабочий, держащий документ, говорит западным журналистам: «Вот, господа, в каком свете следует рассматривать нашу Конституцию!» [см.: Крокодил, 1977, № 31, с. 1]. Подпись над рисунком гласит: «Буржуазная печать преднамеренно старается представить Конституцию СССР в негативном свете». На карикатуре автор, используя такой символ революции, как крейсер «Аврора», продемонстрировал революционность нового основного закона для советского общества.

Таким образом, мы можем выделить три основных сюжета карикатур «Крокодила», связанных с Октябрьской революцией. Это, во-первых, демонстрация современных достижений советской науки и общества, ставших реальностью благодаря революции. Во-вторых, непрерывность прогресса,

успехов и подвигов в прошлом и настоящем Советского Союза, начальной точкой развития которого считается Октябрь 1917 г. Не менее революционными, чем события Октября, на карикатурах предстают победа в Гражданской войне, индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление страны и новые достижения науки и техники. Третьим сюжетом являются образы Белого движения и самодержавия. В годы юбилеев художники напоминают о том, что восстановление прежнего строя невозможно, так как он уже мертв, а капиталистическая система доказывает свою несостоятельность на примере западных стран.

Анализ номеров журнала показал, что в неюбилейные годы тема революции не поднималась вообще, потому что в основном карикатуры журнала освещали современные темы. Художники обличали актуальных врагов, которые, согласно дискурсу «Крокодила», у Советского Союза были, есть и будут. Однако в исследуемый нами период журнал уже не мог не обращать внимания на проблемы внутри страны. На страницах появляется молодежь, ведущая жизнь, отклоняющуюся от социалистической нормы, коррумпированные мелкие чиновники на местах, нерадивые рабочие и пьющие мужчины. При этом канонический образ революции как события в «Крокодиле» почти не встречается. Авторы используют лишь символы и образы революции для легитимации последующей истории СССР, а также доказательства не меньшей революционности событий истории и современности. Это стало важным аспектом не только для политической карикатуры, но и для всего дискурса власти в 1960–1970-е гг. На фоне кризиса и заостренности идеологии и ее лозунгов для советского общества оставался лишь один, все еще светлый, верный и честный ориентир – Октябрьская революция, поэтому власть везде использовала тему революционности даже в таких своих кампаниях, как строительство БАМа. В визуальном плане это отражалось на карикатурах юбилеев 1967 и 1977 гг.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Визуальная антропология: режимы видимости при социализме : сб. ст. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2009.

Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М. : ИРИ РАН, 2010.

Дмитриев А. В. Социология политического юмора : очерки. М. : Институт социологии РАН, 1998.

Крокодил [Изоматериал]. 1957. № 30. С. 9–13.

Крокодил [Изоматериал]. 1967. № 30. С. 3.

Крокодил [Изоматериал]. 1967. № 31. С. 1–16.

Крокодил [Изоматериал]. 1977. № 30. С. 1–16.

Крокодил [Изоматериал]. 1977. № 31. С. 1–16.

Крокодил [Изоматериал]. 1977. № 32. С. 1–16.

Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. / под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Каменный пояс, 2008.

Попова А. А. Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // Омск. науч. вестн. 2012. № 2(106). С. 40–43.

Тихонов В. В. «Революция повторяется!» (Образ Революции 1917 года в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–215.

Щербакова Е. И. Визуальная история: освоение нового пространства // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М. : АИРО–XXI, 2013. С. 1380–1396.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Нов. лит. обозрение, 2014.

УДК 651

В. С. Галактионова

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ И ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ

В статье рассматривается ряд документов, которые на сегодняшний день требуется создать корпоративным клиентам и операторам связи в процессе их взаимодействия, начиная с первого – договора на оказание услуг и заканчивая запросом на предоставление личных данных сотрудников, отвечающим самым новым требованиям законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сотовая связь, корпоративный, оператор, документооборот, договор, бланк, документ, сотрудник, предприятие, счет, услуги.

Корпоративная сотовая связь пользуется спросом во многих сферах, в частных компаниях [см.: Химпром перешел...] и государственных учреждениях [см.: Депутатам Госдумы...]. Ее внедрение и использование сопряжены с созданием документов на всех этапах. Самый первый документ, который юридически подтверждает начало взаимодействия между корпоративными клиентами и операторами связи – договор на оказание услуг связи.

Кто имеет право его подписывать со стороны организации? Ведь непосредственно будущие пользователи СИМ-карт, например сотрудники предприятий или граждане, нанятые частными предпринимателями, фактически не будут являться владельцами корпоративных номеров, даже если использовали их в качестве служебных (и личных) много лет. С последним случаем при увольнении сопряжено много трудностей. Само абонентское оборудование тоже не принадлежит его настоящим пользователям – сотрудникам.

Особенность большинства корпоративных тарифов в том, что к ним могут быть подключены только номера, зарегистрированные на юридических лиц – предприятия [см.: Корпоративные...] и организации, а также оформленные на индивидуальных предпринимателей, адвокатов и нотариусов, занимающихся частной практикой [см.: Как стать...].

На различных ресурсах есть упоминания о том, что для подключения к таким тарифам некоторые работники соглашаются передать свои личные номера в собственность работодателей. Для этого работник пишет *заявление* [см.: Заявление...] на бланке оператора [см.: Бланки...]. Это единственный случай, когда физическое лицо, не наделенное полномочиями, письменно обращается к оператору связи по поводу вопроса, хотя бы косвенно связанного с корпоративным тарифом, и его обращение имеет юридическую силу.

После создания такого документа, как заявление, используемый физическим лицом номер перестает ему принадлежать [см.: Как сохранить...]. Это создает потенциальную возможность возникновения, как минимум, двух спорных ситуаций [см.: 3 месяца...]. Во-первых, запрашивая такой документ, как детализация, работодатель совершенно законно будет иметь доступ к списку всех звонков работника, в том числе личных, узнает время их совершения и продолжительность. Этот факт может создать ощущение вмешательства в личную жизнь. В худшем случае такие данные могут послужить поводом для дисциплинарных взысканий. Во-вторых, при увольнении только от воли работодателя будет зависеть, сможет ли гражданин снова оформить на себя ранее принадлежавший ему номер [см.: Можно ли...] (для переоформления корпоративный клиент должен будет направить в компанию *заявление о переоформлении договора*).

Решением данной проблемы может стать приобретение современного аппарата с двумя (и более) слотами для СИМ-карт. Однако в этом случае сотрудникам придется полностью оплачивать не связанные с работой разговоры. Таким образом, работникам придется выбирать между непри-

косновенностью личной жизни и экономией на услугах связи. Кроме того, покупка второй СИМ-карты не решит вопрос с передачей служебного номера даже в случае, если работник пользовался им много лет и все важные контакты связаны именно с ним. По действующему законодательству работодатель имеет право не переоформлять СИМ-карту на увольняющегося сотрудника, потому что он является владельцем корпоративного номера и *договор на оказание услуг связи* заключен именно с представителем работодателя.

Со стороны организации такой договор имеет право подписывать либо лично руководитель (директор, генеральный директор), либо его представитель, указанный в доверенности [см.: Гражданский кодекс РФ, ст. 185] (ИП, адвокаты, нотариусы – лично или их законные представители). Как правило, требуется печать организации. Некоторые операторы указывают ее наличие в условиях подключения на своих официальных сайтах.

Юридическое лицо предоставляет гораздо больше идентификаторов, чем физическое (граждане могут заключать договоры в любом салоне связи при наличии паспорта). В случае с организациями операторы запрашивают целый список документов, чтобы юридически оформить деловые отношения с новым клиентом. Уточнить наименования идентификаторов можно на сайтах крупнейших компаний: «БиЛайн» [см.: Юридическим...], «МегаФон» [см.: Подключение...], «МТС» [см.: Заключить...] и «Теле2» [см.: Документы...], где легко встретить немного различающиеся формулировки (см. таблицу).

Из таблицы следует, что операторы запрашивают одни и те же документы с небольшими различиями. Например, компания «Теле2» сразу же просит предоставить список пользователей, однако такие списки с 1 июня 2018 г. обязаны предоставлять все корпоративные клиенты всем операторам. О реквизитах напрямую упоминают три из четырех компаний, однако все они частично запрашивают некоторые реквизиты в других пунктах (например, ИНН). В любом случае при заключении договора должны быть указаны все необходимые для этого документа реквизиты [см.: ГОСТ Р 7.0.97–2016]. Также оператор не может не запросить документы, указанные в Правилах оказания услуг связи [см.: Правила оказания...]. Компания «МегаФон» указывает на своем официальном сайте, что при обращении директора ему потребуется доверенность на получение ТМЦ, как и доверенному лицу. Однако согласно ст. 40 закона 14-ФЗ [см.: Об обществах...: Закон 14-ФЗ] и ст. 69 закона 208-ФЗ [см.: Об акционерных...: Закон 208-ФЗ], директор действует на основе устава орга-

Документы, запрашиваемые сотовыми операторами

№ п/п	«БиЛайн»	«МегаФон»	«МТС»	«Теле2»
1	Копия ИНН	Свидетельство о постановке на учет юридического лица в налоговом органе (ИНН) – копия с печатью организации	ИНН	Оригинал или копия свидетельства о постановке на учет российской организации в налоговом органе по месту ее нахождения и/или уведомления о постановке на учет в налоговом органе
2	Копия ОГРН	Свидетельство о государственной регистрации юридического лица (ОГРН) – копия с печатью организации		Оригинал или копия свидетельства о государственной регистрации юридического лица
3	Подтверждение полномочий директора (с указанием паспортных данных); протокол о назначении, если нет, то копия ЕГРЮЛ При обращении руководителя организации –	Копия приказа/решения о назначении на должность генерального директора Доверенность на получение ГМЦ	При обращении руководителя – копия выписки из решения или протокола собрания уполномоченного органа юридического лица, подтверждающая полномочия руководителя организации	Оригинал, копия или выписка из решения или протокола юридического лица об избрании руководителя юридического лица

Продолжение таблицы

№ п/п	«БиЛайн»	«МегаФон»	«МТС»	«Теле2»
	документ, удостоверяющий полномочия руководителя и его гражданский паспорт РФ	Гарантийное письмо, доверенность	Паспорт РФ Копия свидетельства о внесении записи в ЕГРЮЛ Оригинал или нотариально заверенная копия свидетельства о внесении записи о юридическом лице в ЕГРЮЛ или листа записи ЕГРЮЛ	
4	Реквизиты компании [Web-архив «Что входит...»]		Информация о реквизитах компании	Карточка организации. Обязательная форма Tele2
5	При обращении доверенного лица – доверенность представителя юридического лица и его гражданский паспорт РФ	При обращении доверенного лица – генеральную доверенность Паспорт доверенного лица (ксерокопия первого разворота и листа прописки) Гарантийное письмо, доверенность	При обращении доверенного лица – доверенность представителя юридического лица на подписание услуг мобильной или фиксированной связи	Оригинал доверенности на заключение договора об оказании услуг связи с Tele2. Предоставляется при подписании договора через представителя, не являющегося руководителем юридического лица. Рекомендуемая форма доверенности Tele2

О к о н ч а н и е   т а б л и ц ы

№ п/п	«БиЛайн»	«МегаФон»	«МТС»	«Теле2»
		Доверенность на получение ТМЦ		Документ, удостоверяющий личность лица, подписывающего договор об оказании услуг связи
6				Сведения о конечных пользователях юридического лица, заверенные надлежащим образом уполномоченным представителем юридического лица
7		При заключении договора необходимо наличие печати организации		

низации, доверенность ему не нужна. Подтверждающими полномочия руководителя документами являются: выписка из устава или его копия; копия протокола общего собрания акционеров; выписка из ЕГРЮЛ; выписка из трудового договора с руководителем [см.: Нужна ли...]. В случае с государственным учреждением полномочия руководителю делегируются посредством издания распоряжения (приказа) вышестоящей инстанции [см.: Полномочия...].

К договору могут быть составлены *дополнительные соглашения и приложения*. После подписания договора корпоративный клиент получает СИМ-карты и распределяет их между сотрудниками согласно локальным нормативным актам [см.: Галактионова, с. 31].

В процессе использования связи может возникнуть необходимость нового обращения к оператору. Как правило, для стандартных случаев бланки обращений уже есть в разделе для корпоративных клиентов. Например, юридическое лицо может *запросить детализацию*. Это очень распространенная услуга, так как она нужна не столько для непосредственного контроля за сотрудниками, сколько для учета их фактических потребностей. Кроме того, для получения налоговых вычетов, как правило, требуется доказать деловой характер переговоров [см.: Налогообложение...].

Корпоративный клиент также может обратиться в компанию с заявлениями, чтобы подключить дополнительный номер, заблокировать, сменить тариф, предъявить претензию и т. д. Все вопросы, связанные с корпоративным тарифом и абонентским оборудованием сотрудники должны решать с представителем работодателя. Например, работник может написать заявление с просьбой увеличить лимит. И, если корпоративный клиент сочтет нужным, он может сам создать подобный документ (уже имеющий юридическую силу) и направить его оператору.

Одним из минусов корпоративной сотовой связи некоторые ресурсы называют необходимость в посреднике между работником и компанией, оказывающий услуги связи. На крупном предприятии может быть введена отдельная должность координатора (или нескольких), подразумевающая дополнительные расходы на заработную плату, социальный пакет и налоговые отчисления.

Также работник не может сам непосредственно обращаться в компанию в удобное ему время в кратчайшие сроки, а вынужден ждать, пока уполномоченное лицо примет решение и составит необходимый документ для оператора, даже если речь идет о топ-менеджере, от переговоров которого зависит большая часть доходов фирмы.

В случае возникновения угрозы задолженности юридические лица могут создавать гарантийные письма [см.: Гарантийное письмо...], однако большинство корпоративных тарифов позволяют общаться в кредит (за счет общекорпоративного лимита, указанного в договоре).

Заключительным документом, который корпоративный клиент может направить оператору связи, является *заявление о расторжении договора*.

Оператор связи также может взаимодействовать с клиентом путем направления документов. *Счета* об оплате играют одну из важных ролей для обеих сторон договора.

Как было упомянуто выше, клиентам часто требуются *детализированные счета* об оплате. *Счета-фактуры* также необходимы для оформления налоговых вычетов. А вот *акты выполненных работ* оператор связи обязан высылать, только если это указано в условиях договора [Письмо Минфина от 13.11.2009...].

Также операторы обязаны уведомлять клиентов о каких-либо изменениях в десятидневный срок, не только размещая информацию на сайтах, но и направляя сообщения. Условия и форма отправки уведомлений могут быть дополнительно оговорены в договоре [см.: Должен ли...]. Например, в этот документ может быть внесен пункт, обязывающий и клиента, и оператора письменно уведомлять вторую сторону об изменении реквизитов в определенный срок.

Еще один документ, который операторы могут направить в адрес корпоративных клиентов – *запрос*. Например, *запрос о предоставлении персональных данных*. Этот документ не должен противоречить законам РФ. Такой запрос содержит указание данных, которые необходимо получить оператору (ФИО, паспортные данные и иную необходимую информацию). *Ответ на запрос* составляется уполномоченным сотрудником компании и содержит запрашиваемые сведения [см.: Запрос...]. Согласно вступившим в силу с 1 июня 2018 г. поправкам [см.: О внесении...: Закон № 245-ФЗ] к закону «О связи» [см.: О связи...: Закон № 126-ФЗ], корпоративные клиенты могут быть наказаны за отказ предоставить достоверные сведения о пользователях конечного оборудования, а сами «анонимные номера» могут быть отключены.

Последний факт вызвал широкий резонанс в информационном пространстве [см.: Юриц в РФ...]. Несмотря на то, что засилье «серых» СИМ-карт – это проблема, о которой известные политики, общественные деятели и представители операторов связи говорят уже несколько лет (ведь анонимные номера часто используются для противозаконной

деятельности), информационные ресурсы предпочли делать ставку на возможные массовые отключения граждан [см.: С 1 июня...]. Сами сотрудники организаций начали размещать [см.: Обязаны ли...] на специализированных сайтах вопросы [см.: Предоставлять ли...] о законности требований операторов [см.: В адрес организации...], ведь, согласно ст. 88 ТК РФ, работодатель не имеет права передавать личные данные сотрудников третьим лицам без их письменного согласия.

Некоторые аналитики еще до 1 июня 2018 г. прогнозировали трудности с осуществлением проверок и доступом операторов к «Системе межведомственного электронного взаимодействия» [см.: С 1 июня...]. А оплачивать услуги связи корпоративных клиентов с 1 июня 2018 г. возможно только с расчетного счета компании [см.: Связь по паспорту...].

Однако сами авторы часто указывают на необходимость новых мер в связи с огромным количеством «серых» СИМ-карт [см.: Конец...] и называют положительные моменты поправок: противодействие преступности и ужесточение антитеррористических мер.

Что же касается ст. 88 ТК РФ, то в ее тексте есть упоминание о том, что работодатель все же имеет право передать персональные данные работника третьим лицам без его письменного согласия в случае, если эта мера определена законодательством РФ.

По мнению «Коллегии Налоговых Консультантов» [см.: О порядке...], ст. 44 закона № 126-ФЗ обязывает работодателей предоставлять персональные данные сотрудников операторам связи, а согласно ст. 53 согласие работников для этого не требуется. При этом по отношению к нормам, прописанным в ст. 6 закона № 152-ФЗ, норма, установленная законом № 126-ФЗ, является специальной [см.: Специальные...] и имеет приоритет.

Эксперт службы Правового консалтинга «ГАРАНТ» также считает, что закон № 152-ФЗ не может препятствовать передаче персональных данных оператору, так как наличие письменного согласия является общей нормой, и при наличии оснований, указанных в п.п. 2–11, ч. 1, ст. 6, оно не требуется [см.: В адрес...].

Таким образом, отправляя *запрос о предоставлении личных данных*, операторы действуют в рамках закона.

Рассмотрим, в какой форме осуществляется обмен документами между корпоративными клиентами и операторами связи. Конечно, традиционный способ на сегодняшний день еще довольно популярен. В данном случае подразумеваются расходы на услуги по доставке, выделение времени сотрудников и т. д. Проблема сокращения количества бумажных

документов стоит достаточно остро. Решить ее может внедрение электронного документооборота. Некоторые операторы связи предоставляют эту услугу. Например, корпоративные клиенты компании «МегаФон» таким образом могут формировать и подписывать бухгалтерские документы и обмениваться ими с другими юридическими лицами. При этом получение отчетных документов по услугам «МегаФон» и обработка входящих документов происходят бесплатно [см.: Электронный...]. Для пользования системой необходима квалифицированная электронная подпись [см.: Частые вопросы...].

Оператор «МТС» тоже предлагает подключить ЭДО, однако на момент написания статьи на официальном сайте было указано, что получение счетов клиентами пока невозможно, так как самим оператором система внедряется в тестовом режиме [см.: Электронный... МТС]. В описании сервиса цифрового документооборота «МТС Дос» ничего не сказано о возможности получать счета непосредственно от «МТС» [МТС Дос...]. «Теле2» может отправлять клиентам *первичные бухгалтерские документы* с помощью ЭДО при подключении такой услуги и с участием определенной компанией оператора ЭДО [см.: Документооборот...].

«Билайн» принимает от своих поставщиков документы в системе ЭДО нескольких операторов [см.: Электронная подпись...], однако для клиентов на официальном сайте не только не предлагает выставлять счета в электронном формате, но и не анонсирует возможность подключения подобной услуги (единственный из «большой четверки»).

Также ряд операторов предоставляет за дополнительную плату услугу по получению и отправке части документов по электронной почте. Например, в «МТС» для этого нужно зарегистрировать корпоративный почтовый адрес и указать ответственное лицо. После подключения сервиса можно будет осуществлять около десятка операций [см.: Обслуживание по...] и получать счета [см.: Получение и оплата...] и счета-фактуры [см.: Образец...]. Это может быть удобно корпоративным клиентам, которые по какой-либо причине не внедрили электронный документооборот, но хотят увеличить скорость взаимодействия с операторами связи и избежать почтовых расходов или отвлечения сотрудников для исполнения курьерских обязанностей. Однако эта услуга тоже стоит денег, а многими сервисами можно воспользоваться в «личном кабинете» корпоративного клиента, как и получить информацию и некоторые документы на более выгодных условиях.

Подытоживая приведенный выше материал, автор пришла к следующим выводам.

Корпоративные клиенты после подписания *договора* могут отправлять операторам следующие документы: *заявления* о предоставлении различных услуг или их отключении, подключении или отключении номеров, переоформлении или расторжении договора; составлять *претензии*; отправлять *запросы* (например, запрос детализации).

Операторы после подписания *договора* обязаны направлять корпоративным клиентам детализированные (в зависимости от условий договора и подключенных услуг) *счета и счета-фактуры, уведомления* об изменениях и о прекращении обслуживания. *Акты выполненных работ* гарантированно предоставляются только в случае, если это обозначено в договоре. Операторы обязаны высылать *запросы о предоставлении личных данных* пользователей абонентского оборудования.

Основополагающим документом является договор, так как он (если иное не указано в законодательстве) регулирует создание части остальных документов.

Возможен как обмен бумажными документами, так и (в ряде случаев) отправка информации по электронной почте, а также взаимодействие в системе электронного документооборота.

Положительными сторонами взаимодействия корпоративных клиентов и операторов на современном уровне можно назвать учет всех расходов, возможность точно планировать лимиты исходя из получаемой статистики, прозрачность списков реальных пользователей корпоративной связи, снижение количества «серых» СИМ-карт и противодействие преступности.

К проблемным моментам можно отнести: отсутствие электронного документооборота у части корпоративных клиентов; трудности с переоформлением СИМ-карт на физических лиц; невозможность сотрудников влиять на «судьбу» служебного номера, лимит, частично – полная открытость частной информации о тайне переговоров при использовании корпоративного номера в качестве личного.

Бланки // МТС : [сайт]. URL: <https://e-burg.mts.ru/business/podderzhka/blanki-dokumentov/mobilnaya-svyaz/> (дата обращения: 03.11.2018).

В адрес организации поступил запрос от оператора // Гарант : [сайт]. URL: http://www.garant.ru/consult/work_law/1209534/ (дата обращения: 03.11.2018).

Галактионова В. С. Документирование процессов внедрения и использования корпоративной сотовой связи // Документ. Архив. История. Современность : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 31–37.

Гарантийное письмо // Госконтракт : [сайт]. URL: <https://goscontract.info/shablony-dokumentov/kak-napisat-garantiynoe-pismo-na-oplatu/> (дата обращения: 03.11.2018).

ГОСТ Р 7.0.97–2016 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303793&rnd=D98CDD8E7868BB00CC7DC747AF30CBF1&dst=100001&fld=134#06183353001885386/> (дата обращения: 03.11.2018).

Гражданский кодекс РФ. Ст. 185. Общие положения о доверенности // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/deb1e7bbc3371002688161fcd76eafcd9c94c99/ (дата обращения: 02.11.2018).

Депутатам Госдумы могут закупить недорогие китайские смартфоны // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/news/621893/> (дата обращения: 03.11.2018).

Документооборот // Гарант : [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/actual/dokumentooborot/> (дата обращения: 04.11.2018).

Документы, необходимые для подключения // Теле2 : [сайт]. URL: <https://msk.tele2.ru/business/help/article/documents-required-for-connection/> (дата обращения: 04.11.2018).

Должен ли оператор персонально уведомлять клиента // Правовед : [сайт]. URL: <https://pravoved.ru/question/1662599/> (дата обращения: 03.11.2018).

ЗаклЮчить договор // МТС : [сайт]. URL: <https://e-burg.mts.ru/business/podderzhka/kak-stat-klientom/zaklyuchenie-dogovora/> (дата обращения: 04.11.2018).

Запрос о предоставлении персональных данных // Правовед : [сайт]. URL: <http://blanker.ru/doc/zapros-o-predostavlenii-personalnykh-dannykh-rabotnika/> (дата обращения: 04.11.2018).

Заявление о переоформлении договора // МегаФон : [сайт]. URL: http://svr.megafon.ru/ai/document/6163/file/pereoformlenie_zayavlenie.pdf/ (дата обращения: 04.11.2018).

Как сохранить номер мобильного при увольнении // Большой вопрос : [сайт]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1100855-kak-sohranit-nomer-mobilnogo-telefona-pri-uvolnenii.html/> (дата обращения: 10.01.2017).

Как стать клиентом // МегаФон : [сайт]. URL: <http://svr.megafon.ru/corporate/help/howtobecome/> (дата обращения: 10.01.2017).

Конец анонимной мобильной связи // Банки.ру : [сайт]. URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10511556/> (дата обращения: 04.11.2018).

Корпоративные клиенты: поиск, привлечение, удержание // Генеральный директор : [сайт]. URL: <https://www.gd.ru/articles/9193-qqq-17-m4-24-04-2017-korporativnye-klienty/> (дата обращения: 04.11.2018).

Можно ли с корпоратива забрать номер // Нижний Новгород онлайн : [сайт]. URL: https://www.nn.ru/community/techno/mobile/?do=read&thread=231293&topic_id=4132166/ (дата обращения: 04.11.2018).

МТС Doc // МТС : [сайт]. URL: <https://doc.mts.by/about.php/> (дата обращения: 04.11.2018).

Налогообложение корпоративной сотовой связи // Каталог юридических фирм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawfirm.ru/pr/index.php?id=3944/> (дата обращения: 10.01.2017).

Нужна ли доверенность директору // Бухонлайн : [сайт]. URL: <https://www.buhonline.ru/forum/index?g=posts&t=125845/> (дата обращения: 04.11.2018).

Об акционерных обществах: Закон № 208-ФЗ от 26.12.1995 г. // Консультант-Плюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 02.11.2018).

Об обществах с ограниченной ответственностью: Закон № 14-ФЗ от 08.02.1998 г. // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 02.11.2018).

Образец счета // МТС : [сайт]. URL: http://static.mts.ru/upload/images/documents/bill_ru.html?_ga=2.163750143.1983230213.1547063649-1540869642.1495735446/ (дата обращения: 04.11.2018).

Обслуживание по почте // МТС : [сайт]. URL: <https://e-burg.mts.ru/business/podderzhka/obsluzhivanie-klientov/obsluzhivanie-po-e-mail-i-telefonu/> (дата обращения: 04.11.2018).

Обязаны ли юрлица предоставлять данные оператору // Альвента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alventa.ru/question/obyazany-li-yurlica-pri-priobretenii-novyy-sim-kart-dlya-kompanii-predostavlyat-dannye/> (дата обращения: 04.11.2018).

О внесении поправок в закон «О связи»: Закон № 245-ФЗ от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=284289&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.44927572539035143#07617095962984677/> (дата обращения: 02.11.2018).

О персональных данных: Закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 г. // Консультант-Плюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 02.11.2018).

О порядке предоставления персональных данных // Департамент общего аудита [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosnalogi.ru/consultation/obshchiy-audit/departament-obshchego-audita-o-poryadke-predostavleniya-personalnykh-dannykh-o-sotrudnikakh-operator.html?print=yes/> (дата обращения: 04.11.2018).

О связи: Закон № 126-ФЗ от 07.07.2003 г. // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=314853&rnd=54A53FA0BF7552618F9005519FF20838&from=315072-3#06259282320529034> (дата обращения: 02.11.2018).

Письмо Минфина от 13.11.2009 г. № 03-03-06/1/750 // Российский налоговый портал : [сайт]. URL: http://taxpravo.ru/zakonodatelstvo/statya-96864-pismo_minfina_rf_ot_13_noyabrya_2009_g_N_03-03-06_1_750/ (дата обращения: 03.11.2018).

Подключение юридических лиц // МегаФон Сити : [сайт]. URL: <http://corp.megafoncity.ru/buy/> (дата обращения: 04.11.2018).

Полномочия на подписание договора // Вне договора – проект о гражданском праве [Электронный ресурс]. URL: http://vnedogovora.com/view_post.php?id=16/ (дата обращения: 04.11.2018).

Получение и оплата счета // МТС : [сайт]. URL: <https://e-burg.mts.ru/business/podderzhka/kontrol-rashodov/poluchenie-i-oplata-scheta#/> (дата обращения: 04.11.2018).

Правила оказания услуг телефонной связи от 09.12.2014 г. // Консультант-Плюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=>

310700&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.6970543907631368#08445088845613014/ (дата обращения: 03.11.2018).

Предоставлять ли персональные данные работников // Бухонлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buhonline.ru/forum/index?g=posts&t=513056/> (дата обращения: 04.11.2018).

С 1 июня 2018 вступит в силу закон // Путеводитель в мире информации [Электронный ресурс]. URL: https://informatio.ru/news/glavnoe/life/s_1_iyunya_2018_goda_vstupit_v_silu_zakon_o_zaprete/ (дата обращения: 04.11.2018).

С 1 июня начнут массово блокировать мобильные номера // Помогаем преодолевать трудности [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/141830/> (дата обращения: 04.11.2018).

Связь по паспорту // Федеральное Агентство Новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1062939-svyaz-po-pasportu-s-1-iyunya-anonimnye-sim-karty-rabotat-ne-budut/> (дата обращения: 04.11.2018).

Специальные нормы // Правотека : [сайт]. URL: <http://pravoteka.ru/encyclopedia/12576/> (дата обращения: 04.11.2018).

Трудовой кодекс РФ. Ст. 88. Передача персональных данных работника // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/693c16ad10f7f494a958cb007737bd678c221d4c/ (дата обращения: 02.11.2018).

Химпром перешел на «Мегафон» // Информационный портал столицы Чувашии. URL: http://www.cheboksary.ru/business/80015_himprom_pereshel_na_megafon.htm/ (дата обращения: 04.11.2018).

Частые вопросы // Госуслуги : [сайт]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/c-1/2062/> (дата обращения: 04.11.2018).

Что входит в реквизиты организации // Юридическое лицо [Электронный ресурс]. URL: <https://uridicheskoelico.guru/ip/chto-vhodit-v-rekvizity-organizatsii.html/> (дата обращения: 04.11.2018).

Электронный документооборот // МегаФон : [сайт]. URL: http://svr.megafon.ru/corporate/productsandsolutions/products/elektronnyy_dokumentooborot.html#description/ (дата обращения: 04.11.2018).

Электронный документооборот // МТС : [сайт]. URL: <https://media.mts.ru/business/145453/#top/> (дата обращения: 04.11.2018).

Электронный документооборот // Теле2 : [сайт]. URL: <https://ekt.tele2.ru/about/cooperation/edo/> (дата обращения: 04.11.2018).

Электронная подпись // Билайн : [сайт]. URL: <https://moskva.beeline.ru/about/partners/tender/podpis/> (дата обращения: 04.11.2018).

Юридическим лицам // Билайн : [сайт]. URL: <https://www.corp-beeline.ru/page/legals/> (дата обращения: 04.11.2018).

Юрищ в РФ обяжали предоставлять операторам связи данные // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/637111/> (дата обращения: 04.11.2018).

3 месяца не могу перейти с корпоративного на личный номер // Банки.ру : [сайт]. URL: <http://www.banki.ru/telecom/responses/company/response/20279/> (дата обращения: 03.11.2018).

УДК 349.6

А. И. Голоднова

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Природные ресурсы играют особую роль в общественном развитии. Их эффективное использование является очень важным для жителей не только городов, но и всего региона в целом. Экологическая политика проводится с целью сохранения и улучшения природной среды. Для ее реализации используются различные методы и инструменты, с помощью которых государство достигает необходимого уровня экологической безопасности и стремится к рациональному природопользованию и соблюдению экологических прав.

К л ю ч е в ы е с л о в а: управление, экологическая безопасность, общество, государственная политика.

Проведение эффективной экологической политики позитивно влияет на природную среду не только в конкретном городе, но и в регионе в целом. Каждый город с неблагоприятной экологической ситуацией вправе рассчитывать на участие государства и на привлечение его ресурсов возможностей для исправления ситуации.

Необходимость государственного регулирования в области охраны окружающей среды всегда была связана с повышением уровня экологической безопасности. От нее зависят качество жизни, здоровье населения. По мнению многих исследователей, культура и образование в дальнейшем могут способствовать принятию решений, основанных на экологических научных знаниях, что благотворно скажется на эффективности управления экологической безопасностью.

Какой комплекс методов и инструментов используется для управления экологической безопасностью? Американские ученые Д. Клиланд и В. Кинг определяют управление как «процесс, ориентированный на достижение определенных целей» [см.: Клиланд, Кинг]. Тот, кто заинтересован в решении проблемы, должен вмешиваться в существующее состояние (ситуацию), чтобы достигнуть своей цели. При всем многообразии форм воздействия их можно разделить на два класса:

- действия-изменения, приводящие к деградации, разрушению системы, уменьшению степени ее организованности;
- воздействия-изменения, способствующие развитию системы, увеличению степени ее организованности [см.: Ануфриев].

Управление экологической безопасностью и природопользованием предусматривает анализ потребностей человека в природных ресурсах

и выяснение возможностей природы по удовлетворению этих потребностей. Недостаточно найти оптимальное сочетание потребностей человека и возможностей природы. Необходимо еще суметь перейти от нынешнего, далеко не идеального состояния к этому оптимальному сочетанию.

В самом общем виде весь механизм управления природопользованием и экологической безопасностью представляет собой целостную совокупность методов и инструментов управления, с помощью которых организуются, регулируются и координируются процессы природопользования совместно с производственными и социально-экономическими процессами, обеспечивается должный уровень экологической безопасности производства и потребления, воспроизводится качество окружающей среды как специфическое общественное достояние.

Существующие инструменты воздействия кратко можно охарактеризовать следующим образом:

1. Административно-контрольные инструменты, которые включают природоохранное законодательство и законодательство по экологической безопасности;

2. Экономические инструменты, которые включают природно-ресурсные платежи и платежи за загрязнение среды, рыночные цены на природные ресурсы, поступающие в экономический оборот, механизм купли-продажи прав на загрязнение природной среды, залоговую систему, интервенцию с целью коррекции рыночных цен и поддержки производителей (в том числе на рынках рециклируемых отходов), методы прямых рыночных переговоров и другие способы саморегулирования;

3. Финансово-кредитные инструменты, к которым относятся формы и инструменты финансирования природоохранных мероприятий, кредитный механизм охраны окружающей среды, займы, субсидии, режим ускоренной амортизации природоохранного оборудования, экологические и ресурсные налоги, система страхования экологических рисков;

4. Социально-политические инструменты – система имущественных прав, включая права собственности на экологические блага, природные ресурсы и объекты экологической инфраструктуры и совокупность органов экологического контроля и управления (общегосударственных, региональных, местных);

5. Морально-психологические (или информационные) методы включают образование, просвещение, воспитание и пропаганду. Основное направление в этой области – создание системы непрерывного («сквозного») экологического образования, воспитания и просвещения на всех этапах становления человеческой личности и общества в целом;

6. Стимулирующие методы, связанные с введением специального налога на экологическую продукцию, поощрительных цен на экологически чистую продукцию, освобождением экологических фондов от налогообложения.

Следует отметить, что управление экологической безопасностью также базируется на определенной нормативно правовой и институциональной основе, которая включает:

- систему имущественных прав, в том числе права собственности на экологические блага, природные ресурсы и объекты экологической инфраструктуры;
- совокупность органов экологического контроля и управления (общегосударственного, регионального, местного).

Экологическая функция государства закреплена в ст. 18 Основного Закона в контексте реализации нормы, предусмотренной ст. 42. «Права (в частности, право каждого на благоприятную окружающую среду) и свободы человека и гражданина». Из нее вытекает, что для обеспечения реализации, соблюдения, охраны и защиты права каждого на благоприятную окружающую среду должен быть с наибольшей эффективностью задействован весь потенциал публичной, прежде всего государственной, власти. И наиболее успешно эта задача может быть решена в рамках постоянно осуществляемой экологической функции государства [см.: Масленникова, Горбунова].

По мнению А. О. Миняева, Конституция Российской Федерации закрепляет экологическую функцию государства как направление деятельности, осуществляемое наряду с охраной окружающей среды, рациональным использованием и охраной природных ресурсов и в форме обеспечения экологической безопасности [см.: Миняев]. По всей видимости, основанием для такого утверждения явилось упоминание термина «обеспечение экологической безопасности» в тексте Конституции (ст. 72). Как представляется, упоминание в тексте Основного Закона того или иного термина или какой-либо деятельности еще не является обоснованием ее выделения в качестве самостоятельного направления деятельности государства в рамках осуществления экологической функции. Не может являться основанием этого, как нам кажется, даже наличие общественной потребности в обеспечении экологической безопасности. Не забывая о том, что любая функция государства реализуется посредством правовых и организационных форм, для такого выделения необходимо наличие особого правового и организационного механизма. Российским законодательством предусмотрен целый спектр правовых и организационных

мер в рамках охраны окружающей природной среды, но особого механизма обеспечения экологической безопасности, опосредованного в праве, не существует [см.: Конституция...].

По мнению М. М. Бринчука, основным направлением деятельности государства, осуществляемым в рамках экологической функции, является распоряжение в интересах общества природными ресурсами, находящимися в собственности государства [см.: Бринчук]. Представляется, что выделение такого направления деятельности вполне обоснованно. Природные ресурсы играют особую роль в общественном развитии. Это констатируется в ст. 9 Конституции РФ. Исходя из нормы этой статьи, а также учитывая, что в нашей стране земля и другие природные ресурсы обоснованно находятся преимущественно в государственной собственности, представляется очевидным наличие общественной потребности в эффективном распоряжении государством данными объектами собственности в интересах народа. Безусловно, можно возразить, что деятельность государства-собственника подпадает под сферу его экономической функции. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла о деятельности по распоряжению иными объектами права собственности. Здесь же речь идет об особых объектах, а именно о природных ресурсах. Поэтому при осуществлении государством деятельности по распоряжению природными ресурсами во главе угла стоит экологический аспект [см.: Яковлева].

С учетом вышеизложенного, управление экологической безопасностью включает деятельность государства по распоряжению природными ресурсами, находящимися в его собственности в интересах общества; охране окружающей природной среды; обеспечению рационального природопользования; соблюдению и защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Учитывая, что нормальное функционирование общества зависит от качества экологической политики, деятельность органов власти должна быть очень эффективной. Выбор оптимального сочетания инструментов экологического регулирования является основной проблемой при реализации управления экологической безопасностью.

Ануфриев А. А. Городское планирование как система организации устойчивого развития городов // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 260–264 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/115/31116/> (дата обращения: 15.02.2019).

Бринчук М. М. Экологическое право. М. : ЮРИСТЪ, 2015.

Клиланд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. М. : Совет. радио, 1974.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. : по состоянию на 30 декабря 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

Масленникова И. С., Горбунова В. В. Управление экологической безопасностью и рациональным использованием природных ресурсов : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГИЭУ, 2007.

Миняев А. О. Экологическое право: конституционные основы : учеб. пособие. М. : ОАО «Изд. дом Городец», 2004.

Яковлева Т. А. Правовая ответственность государства, его органов и служащих : круглый стол // Государство и право. 2000. № 3. С. 15–19.

УДК 94(470.5+571).063/.065:614.27

А. М. Сафронова

ПЕРВАЯ АПТЕКА ЕКАТЕРИНБУРГА И ЕЕ РОЛЬ
В МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ
НАСЕЛЕНИЯ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА И СИБИРИ
(1734–1750-е гг.)

Статья является первой работой, посвященной истории аптеки Екатеринбурга, ставшей первым учреждением такого рода, открытым на территории Урала и Сибири по инициативе В. Н. Татищева в 1734 г. На основе архивных документов раскрываются вопросы, связанные с наймом аптекарей, их деятельностью по выписыванию лекарств из Москвы, со сбором лекарственных трав на Урале, с заведением аптекарского огорода в Екатеринбурге, важной ролью аптеки в обеспечении медикаментами госпиталей, действовавших при казенных заводах Урала и Сибири.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аптека Екатеринбурга, аптекари-немцы, госпитали, выписывание и изготовление лекарств, сбор лекарственных трав, выращивание лекарственных растений.

В литературе об аптеках, открывавшихся в России в XVII–XVIII вв., не упоминается о первой аптеке, появившейся на Урале в 1734 г., о ней приводятся лишь отдельные факты в работах, касающихся истории Екатеринбурга, деятельности В. Н. Татищева. О первом аптекаре Тамме упоминалось в книге доктора медицины Т. Ф. Успенского «Медико-топографическое описание Екатеринбургского горного округа и его города», изданной на латинском языке в Москве в 1835 г., краткие сведения из которой приводились Ю. Э. Соркиным [см.: Соркин, с. 67]. Н. С. Корепанов в работах о Екатеринбурге привел краткие данные об аптекарях Тамме, Мейндерсе, о деятельности последнего в Екатеринбурге, помещении аптеки [см.: Корепанов, 1998, с. 26, 36; 2005, с. 44, 58, 71; 2002, с. 350]. В. И. Стар-

ков лишь упомянул об аптекарях [см.: Старков, 1999; 2007, с. 32–34]. Нами в статьях о медицине Екатеринбурга раскрыта роль В. Н. Татищева как организатора медицинской службы: показано, что штатами уральских заводов 1723 г. предполагалось ввести должность аптекаря при новом Екатеринбургском заводе с двумя учениками; проанализированы нормы Наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г., регламентирующие деятельность лекаря и аптекаря, положения Заводского устава 1735 г., касающиеся медицинской службы при заводах, в том числе обязанностях аптекаря [см.: Сафронова, 2017, с. 55–58, 64–69].

Данная статья посвящена истории появления аптеки в нашем городе, сыгравшей важную роль в обеспечении населения заводов и госпиталей медикаментами и другими материалами. Заметим, аптеку Екатеринбурга можно считать первой не только на всей территории Урала, но и Сибири: казенные аптеки в Тобольске и Селенгинске появились только в 1763 и 1765 гг. [см.: Акишин, с. 26].

Для написания статьи были привлечены доношения уральского начальства в центральные органы управления промышленностью; указы этих органов, отправляемые на Урал; переписка с Медицинской канцелярией; определения уральского начальства, зафиксированные в протоколах его заседаний; доношения доктора медицины Д. Грифа, возглавлявшего медицинскую службу заводов в 1734–1737 гг., в Канцелярию Главного заводов правления; доношения аптекарей и лекарей, исполнявших временно аптекарские обязанности, в эту Канцелярию; заводские штаты и другие документы, хранящиеся в РГАДА и ГАСО.

Решить вопрос о приглашении аптекаря в Екатеринбург в 1723 г. не удалось, положения штатов 1723 г. о должности аптекаря и наказа Ф. Неклюдову, регламентировавшие его деятельность [см.: Сафронова, 2017, с. 56–58], остались на бумаге. В марте 1734 г. В. Н. Татищев был назначен начальником казенных заводов Урала и Сибири, в столице он нанял лекаря Сименса для службы в Екатеринбурге; в Москве, где шла подготовка к отправке команды на Урал, 18 апреля 1734 г. Татищев вновь обратился к кабинет-министрам: «ныне обретается в Москве агличанин доктор Гриф, которой на Сибирския заводы ехать обещается на 3 года с таким договором»: жалованье 600 руб. в год «да при нем определить аптекаря» [Татищев, с. 156]. Не дожидаясь указа, 1 мая 1734 г. Татищев сам заключил контракты с доктором и аптекарем, но контора Сената в Москве отказала в их назначении и выдаче жалованья, ссылаясь на отсутствие указа Сената. Татищеву пришлось еще дважды обращаться к кабинет-

министрам. В конце концов, вопрос был решен положительно [см.: Татищев, с. 156–158].

Англичанин Гриф обязался быть при заводах «яко медикусу и химикусу» 3 года, с жалованьем 600 руб., лечить людей и вести «лабораториум для химических экспериментов». В тот же день Татищев заключил контракт и с его помощником, уроженцем Голштинии аптекарем Генрихом Таммом на 3 года, с жалованьем по 96 руб. в год, свободной квартирой «по его достоинству» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 224].

1 октября 1734 г. Татищев с командой прибыл в Екатеринбург. Размещали людей, определялись с обязанностями, искали помещение под аптеку. 8 октября Татищев с командой приняли управление заводами из рук генерала В. де Геннина. Знаменательно, что в этот же первый день члены новой Канцелярии Главного заводов правления слушали указ Татищева от 8 октября 1734 г. за № 12, шестым пунктом которого предусматривалось: «у обретающихся здесь лекарей о лекарствах остальных и принадлежащих к тому инструментах и сосудах, взяв известие, велеть аптекарю под призором доктора принять и в расход с прочими употреблять, и для содержания аптеки дом построить, как потребно» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 11 об.].

Джейкоб Гриф как настоящий «медикус» возглавил всю медицинскую часть на Урале, стал главным консультантом в области медицины и аптечного дела. Аптеку и разместили в половине казенного дома, выделенного ему под жилье. Полистное изучение протоколов заседаний Канцелярии свидетельствует, что именно Гриф стал подавать уральскому начальству доношения о заготовлении припасов, необходимых для аптеки, составлял список медикаментов, заказываемых в Медицинскую канцелярию. Так, 30 ноября 1734 г. на заседании Канцелярии впервые по просьбе Грифа приказано было выдать в аптеку медные доски, тиски, особые весы и гири, «каковы ему надобны», жбан деревянный, вина 8 ведер, уксусу 2 ведра, меду 20 фунтов (фунт – 410 г.), дров на три печи [Там же, л. 356]. Через Грифа в аптеку стали направляться заказы лекарств, необходимых для лечения больных в Екатеринбургском госпитале. 2 декабря 1734 г. Татищев «с товарищи» «приказали рецептом от дохтора, посылаемым к аптекарю об отпуске лекарств, учинить записную книгу, в которую записывать оные лекарства со означением, кому отпустить без денег и кому за деньги давать: окладным и прочим, получающим жалован[ь]е, безденежно, а не окладным и не жалованным, у которых на то вычета нет (по 1 коп. с рубля. – А. С.), тем давать за деньги» [Там же, л. 374 об.].

30 июня 1735 г. начальство рассмотрело доношение Грифа о постройке удобных печей и камина для приготовления лекарств, а для хранения их – погреба, выделения места, где их расположить, определении мастеровых людей к строительству, выдаче припасов. Члены Канцелярии приказали «все сделать немедленно» от Екатеринбургской заводской конторы [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 221, л. 330].

Уже в первый год работы аптеки, весной и летом 1735 г., Гриф организовал сбор уральских лечебных трав для приготовления лекарств. 20 июня начальство на доношение Грифа «о присылке к нему для прииску трав в лекарства Ивана Росковалова, которой де к прииску трав сам охоту имеет», определило: «Оного Коновалова, сыскав, отдать дохтору, а чьей он команды явится, туда дать знать» [Там же, л. 227–228]. 30 июня 1735 г. Гриф получил «на свертку лекарств и трав» и прочие нужды бумагу писчую расхожую одну стопу, на записки – книжную 1 стопу на счет аптеки [Там же, л. 328]. В октябре по доношению екатеринбургского жителя Ивана Рыкова «о выдаче из казны денег за прииск трав в лекарства дохтору Грифу, у которого был майя с 24 до июля по 26 число сего году», предписывалось: по счету «плакатной платы» на счет аптеки выдать 1 руб. 50 коп. [Там же, д. 225, л. 75].

28 декабря 1734 г. Гриф подал список лекарств, которые требовалось приобрести в Москве на 1735 г. [Там же, оп. 1, д. 561, л. 393–396]. Список этот был вручен А. Порошину, ехавшему с многочисленными поручениями в Москву и Санкт-Петербург. Среди приобретенных Порошиным припасов, отправленных на Урал зимним путем с горным надзирателем Алексеем Хрущевым, числились 2 ящика «с аптеки и инструментами, масло деревянное (так называлось тогда оливковое. – А. С.)» [Там же, л. 288].

В декабре 1735 г. именно Гриф подал доношение начальству о приобретении необходимых лекарств на 1736 г. Решено было послать росписи в Медицинскую канцелярию в Москву, чтоб она отдала лекарства «определенному к продаже заводских товаров Друковцеву, приняла от него деньги, а он отправил лекарства в Екатеринбург [Там же, д. 562, л. 1628]. Лекарства отпускались через Главную аптеку. Прошло более полугода, и в августе 1736 г. пришла промемория из конторы Коммерц-коллегии, что лекарства отправлены из Москвы от секретаря Друковцева в Екатеринбург с сержантом [Там же, оп. 12, д. 235, л. 236]. Таким образом, от заказа до получения лекарств через медицинское ведомство и Главную аптеку, отсылку в Екатеринбург через контору Коммерц-коллегии ушло более полугода.

Гриф ведал и рассылкой лекарств из аптеки в подчиненные уральской Канцелярии горные начальства. В июле 1736 г. по доношению Томского

и Кузнецкого горного начальства из далекой Сибири, Грифу поручили отпустить требуемые туда лекарства, подав их роспись в Канцелярию с указанием цены [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 234, л. 244]. В августе 1736 г. Дж. Гриф объявил в Канцелярии роспись лекарств, отпущенных в Пермь с тамошним лекарем Гринбергом и постановкой цены их на счет Пермского горного начальства [Там же, д. 235, л. 274].

В апреле 1737 г. уральское начальство поручило Грифу рассмотреть список лекарств, затребованных Томским горным начальством. Список был составлен лекарским учеником Сизиковым для лечения застарелых ран. Гриф подошел к делу ответственно, заявил в доношении: «Оные лекарства послать туда весьма сумнительно, ибо обретающейся тамо ученик Сизиков лекарского дела довольно не знает, а из оных лекарств есть весьма жестокие», если дать излишне или не в те часы, человека можно отравить до смерти. Поэтому А. Хрущев и И. Юдин решили лекарств в Томское начальство не посылать «из-за показанных опасностей» [Там же, оп. 1, д. 677, л. 1289; оп. 12, д. 243, л. 287].

Поначалу Таммом, помощником Грифа, были довольны. 15 декабря 1735 г. уральское начальство даже увеличило ему жалованье по его прошению с 96 до 120 руб. в год с обещанием «впредь, ежели в делах своих будет искусен, то он награждением оставлен не будет» [Там же, д. 227, л. 142]. Тамм выписывал рецепты больным на лекарства, отпускал их бесплатно и за плату, регистрируя выдачу тех и других в особой годовой книге, собирал деньги за проданное лекарство, передавал все документы Грифу. Так, 11 июня 1735 г. Гриф объявил в Канцелярии счет Тамма, 382 рецепта и 40 руб. 42 коп., вырученных за продажу лекарств в первый год работы аптекаря (видимо, с момента получения лекарств на руки в Москве, перед отъездом на Урал). В июле 1737 г. Тамм сам подал доношение о приеме у него «записной 1736 мая 1 до сего 1737 мая по 1 ж число книги лекарствам» и денег 26 руб. 34 коп., и рецептов о вычете у ссыльного за данные лекарства 58 коп. [Там же, д. 221, л. 121; д. 246, л. 34]. Ясно, что отчетный год для аптекаря стал начинаться с даты заключения контракта с ним. Но в целом сумма, собранная за платные лекарства в течение года, не так уж и велика. Видимо, народ, не относящийся к заводскому ведомству – жены и дети работников – лечились у местных знахарей или травмами, которые сами и заготавливали.

По прошествии двух лет работы Тамма мнение о нем изменилось, и в мае 1736 г. уральское начальство начало хлопотать о найме нового аптекаря. В. Н. Татищев и А. Ф. Хрущев промеморией от 29 мая 1736 г. потребовали от Медицинской канцелярии найти другую кандидатуру.

Желающего отправиться в Екатеринбург аптекаря подыскивали в Санкт-Петербурге, но он соглашался заключить контракт на 3 года на следующих условиях: жалованье 400 руб. в год, казенные квартира, дрова и свечи, наличие денщика, оплата проезда туда и обратно за казенный счет. Медицинская канцелярия запросила уральское начальство: принимать ли аптекаря на таких кондициях? [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 223].

Татищев и Хрущев в основном выразили согласие: хотя просит оплату немалую, «однако ж для новости» учреждения здесь аптеки и «от того чаемой пользы» заключить контракт на 3 года с жалованьем 400 руб., дачей денщика, выдачей от Коммерц-коллегии на проезд двухмесячного оклада сверх годового жалованья и «на подъем» в зачет жалованья выдать денег на 1/3 года вперед. Но в дело найма аптекаря вмешался появившийся в августе 1736 г. в Петербурге новый орган управления заводами России — Генерал-берг-директориум во главе с А. К. фон Шембергом. Руководство директориума запретило Медицинской канцелярии заключать контракт без его ведома, так как ему «до касающихся нужд до аптеки... неизвестно, и о том впредь рассмотрение учинено будет». Задавался вопрос уральской Канцелярии: желает ли служить аптекарем сам Тамм? [Там же, л. 223–225 об.].

Татищев и Хрущев 27 февраля 1737 г. сообщили в директориум: Тамм служить желает, но дали ему отрицательную характеристику:

«он к тому делу, как усмотрено, не весьма заобычаен, в чем наносится доктору и лекарю излишний труд. А без них на нем одном в том аптекарском деле утвердиться никак не можно, чего ради и находится молодшим аптекарем, а не настоящим, и здесь при аптеке обретается он для крайней необходимой нужды затем, что другого достойного к тому делу сыскать негде. Он же лекарства по рецептам составляет только ис присланных из Главной аптеки из Москвы, а чтоб самому сделать из находящихся здесь трав, того не знает.

А когда б в том знающей был, то б некоторых лекарств немалого числа не понуждены были требовать и деньги платить в Медицинскую канцелярию, которых “на лекарства в год исходит от трехсот до пяти-сот рублей”. А в бытность бы искусного аптекаря от уменьшения за оные платы, могла быть казне немалая прибыль, сверх того ученики определенные, быв при нем, присмотрясь, могли впредь оное сами составлять и делать». Поэтому Татищев и Хрущев просили директориум, чтоб прислан был вместо Тамма другой «искусной и знающей то дело аптекарь». На доношении помета: «докладывано апреля 2 дня 1737 году и велено взять с собою», т. е. Шемберг, глава директориума, дела не решил, забрал доношение с собой в одну из поездок [Там же, л. 228–228 об.].

Поскольку 1 мая 1737 г. срок контракта Тамма истекал, доктору Грифу предписывалось принять у него лекарства, «счесть его». Но Гриф отговорился: поскольку занят лечением больных, а на прием лекарств требуется около полугода, он предложил удержать Тамма в Екатеринбурге до прибытия нового аптекаря. Начальство с этим предложением согласилось [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 244, л. 4].

Тамм был рад такому повороту событий, подал доношение начальству с просьбой принять его к «правлению» аптеки и одновременно определить к бухгалтерским делам вместо умершего бухгалтера Грия с мая по сентябрь 1737 г., с жалованьем не менее 200 руб. в год; дать в аптеку другого ученика, а по прибытии аптекаря, если он, Тамм, к бухгалтерским делам окажется способным, заключить новый контракт. Ясно, что он всеми способами хотел закрепиться в Екатеринбурге, не желал возвращаться в Ригу на прежнее место жительства.

21 мая 1737 г. Татищев с Хрущевым и Юдиным на просьбу Тамма вынесли такое определение: хотя Тамм «в своем аптекарском деле не весьма искусен, к тому ж и доктор показывал на него некоторое подозрение», но ни остановить работу аптеки, ни Тамма отпустить без счета нельзя. Поэтому до присылки аптекаря и бухгалтера быть ему у правления аптеки и бухгалтерских дел с жалованьем по 15 руб. в месяц (т. е. 180 руб. в год), дать ученика с жалованьем 12 руб. в год. Если пожелает быть на этих условиях, принять. Тамм согласился, 28 мая последовало решение: контракт подписать [Там же, л. 188–189, 257].

В это время Татищев направляет в столицу личное доношение, полученное там 20 июня 1737 г. Он пишет: «в добром аптекаре и лекаре старшем здесь состоит крайняя нужда»: ныне аптекарю срок минул, «кроме того, он не весьма искусен и благонадежен», но лекарства без аптекаря оставить «не безвредно». Поэтому он удержан еще на 4 месяца.

Татищев сообщил ценную для нас информацию о распространении в Екатеринбурге в это время заразной болезни: с мая «так болезнь огневая стала умножаться, что при здешнем заводе советник, ассессоры и все управители, большая часть подьячих, мастеров же и работников более половины заболели, которых в госпиталь уместить невозможно». Поэтому Татищев Грифа удержал еще на год, дал ему двух денщиков и некое награждение от себя, обещал о прибавке жалованья писать в директориум и Медицинскую коллегию. «Лекарь и сам болен, исправляться возможности не имеет, но послать некого».

К доношению Татищев приложил ведомость о больных, составленную полицмейстером Екатеринбурга Карлом Брандтом и Иваном Ащери-

ным: в Канцелярии больны 18 человек; в Конторе судных и земских дел – 19 человек (6 мужчин, 4 женщины, 9 детей); в Казначейской – 35 больных (14 мужчин, 11 женщин, 10 детей); в заводских конторах – 404 человека (226 мужчин, 178 женщин, 2 умерло); в Конторе денежного двора – 87 мужчин, 58 женщин, всего 145; Екатеринбургской роты солдат – 38, 43 жены, 26 детей (108 человек); екатеринбургских школ учителей – 6 человек, 159 учеников; в каторжном дворе – 112 человек; «живущих за городом» – 115 мужчин, 77 женщин, 27 детей (219 человек). Итого больных 818 мужчин, 393 женщины, 81 ребенок, 2 умерли, т. е. всего – 1 290 человек. Татищев просил «искусных лекаря и аптекаря как наискорее сюда прислать» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1063, л. 494–496].

Указом Генерал-берг-директориума от 22 июня 1737 г. за подписью советника В. Райзера, прибывшим в Екатеринбург 25 июля, сообщалось: о присылке аптекаря – 8 июня, а лекаря – 21 июня определено: требовать от Медицинской канцелярии, а о поиске главного аптекаря необходима резолюция от генерала берг-директора фон Шемберга, и о том ведать [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 40, л. 338]. Таким образом, вопрос так и не был решен окончательно.

Тем временем 3 июня 1737 г. в Екатеринбург прибыл капрал из столицы с именным указом от 5 мая о пожаловании Татищева чином тайного советника и новом назначении – руководителем Оренбургской экспедиции вместо умершего Ивана Кирилова [РГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 1538, л. 198]. Оренбургская экспедиция была создана в 1734 г. для изучения Южного Урала, его природы, хозяйства, населения, этнографии, проведения картографических съемок местности, строительства крепостей и заводов, города Оренбурга. Татищев должен был немедленно отправляться в Самару, где располагалось руководство экспедиции, уладив заводские дела. При этом от руководства заводами Урала и Сибири он не освобождался.

За две недели до отъезда, 13 июня 1737 г., Татищев снова отправляет доношение в Генерал-берг-директориум, сообщает, что Гриф более служить при заводах не желает, заключил контракт о службе при Оренбургской экспедиции до 1740 г. Лекарь Сименс тоже служить не желает, «штап-лекарь» Спринцель умер, вместо него «требуется» человек от Кабинета министров 9 февраля 1736 г., но не был прислан. Здесь без доктора и штап-лекаря никак не обойтись. Татищев просил прислать других достойных. Из директориума перевод этого доношения на немецкий язык был отправлен лично берг-директору Шембергу в город Архангельск «через немецкую почту» 22 августа, т. е. вопрос опять остался без решения [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1063, л. 499].

27 июня 1737 г. Гриф вместе с Татищевым покинули Екатеринбург. Все дела при аптеке стал вести Тамм. Заключив новый контракт на 4 месяца (май-август 1737 г.), он сам стал подавать в Канцелярию доношения, касающиеся лекарств и припасов, необходимых для аптеки. Уже 23 июня ему пришлось доложить начальству, что не может сочинить счет на лекарства, необходимые на 1738-й год [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 678, л. 768 об.].

В июле 1737 г. Тамм потребовал в аптеку «холста среднего» 100 аршин, т. е. 72 м (судя по документам, из холста делались салфетки, на них наносились мази и прикладывались к ранам), к составлению лекарств требовалось вина простого 5 ведер, уксуса 2 ведра, масла «деревянного» (оливкового) 20 фунтов, а также «свежих сердец, печенок и лехкова от диких лисиц». Все это начальство предписало купить Казначейской конторе через «купчину» и отдать Тамму с распиской, поставив на счет аптеки [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 246, л. 47].

В августе 1737 г. Тамм запросил 2 фунта ревеня и два ножа. О ревене приказали справиться с таможенной, есть ли там, или писать в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, чтоб до 10 фунтов слали для подобных случаев. Начальство констатировало: «Ревеня на стороне в продаже нет», т. е. его на Урале, видимо, еще не выращивали. Ножи приказано было сделать от Екатеринбургской заводской конторы [Там же, д. 247, л. 78–79].

После отъезда Татищева и Грифа Тамму захотелось улучшить свои жилищные условия: 7 июля заслушивалось доношение «об отводе ему житья с ученики, людьми и для содержания медикаментов и материалов квартиры, в которой жил доктор Гриф». На что начальство постановило: «объявить, чтоб он был доволен теми покаями, в которых жил при докторе, а в другие покои не вступаться» [Там же, д. 246, л. 39].

В августе Тамм сообщил о своем желании быть только у аптекарской должности на два года с жалованьем 200 руб. в год с условием: если получит квартиру, «на аптеку и лекарства место довольное», свечи, дрова казенные и по заключении контракта будет отпущен в отпуск в Ригу на 4 месяца. 31 августа начальство вынесло предварительное решение: если желает быть с прежним жалованьем по 120 руб. и на прежних основаниях, то принять, если нет, дать прогоны до Петербурга, а за лекарствами присматривать до прибытия другого аптекаря лекарю [Там же, д. 247, л. 229–230].

По-видимому, Тамма эти условия не устроили, и 9 сентября 1737 г. последовало решение уральского начальства: Тамма не принимать, «за тем, что он в своем деле явился малоискусен... также и бухгалтерское дело, как по содержанию его видно, мало знает, зачем и сам от одного отрекся»,

жалованья же просит «надмерно много». Отпустить в директориум, дать 2 подводы, прогоны до Санкт-Петербурга, хотя по контракту – до Риги, но расстояние до нее от столицы неизвестно. Поскольку «в аптекаре имеетца здесь крайняя нужда», просить, чтоб прислан был другой, «которой бы знал в составлении лекарств и в травах силу существенную и практику». Лекарства, деньги за них, рецепты и книги пересмотреть лекарю; что останется, подать рапорт, смотреть над этим «и в составлении лекарств учеником показывать ему ж». Таким образом, обязанности аптекаря на время, с сентября 1737 г., переходили к лекарю, а единственным лекарем в Екатеринбурге в это время оставался Эвергарт Сименс, нанятый Татищевым в марте 1734 г. в Петербурге, где он служил подлекарем в Кадетском корпусе. Оказалось, что Тамм одалживал деньгами нуждающихся и не мог вернуть с них долги, поскольку начальство предписало: с должниками, если они ему добровольно платить не будут, «ведаться судом», а аттестата ему не давать «за вышеписанными резоны», т. е. по причине плохой работы [Там же, д. 248, л. 94–95.].

Тем временем 19 сентября 1737 г. в Екатеринбурге получили указ Генерал-берг-директориума от 12 июля 1737 г. об аптекаре, что его «за погорением Московской и Санкт-петербургской аптек послать нельзя», прислан будет «по исправлении во оных медикаментов». Копия с этого указа была отправлена для известия Татищеву в Самару [Там же, л. 298].

Только 13 января 1738 г. в Канцелярии Главного заводов правления был составлен рапорт в директориум об отправке Тамма в столицу. Видимо, до этого срока Тамм оставался в Екатеринбурге – ждал установления зимнего пути и надежных попутчиков. Уральское начальство снова жаловалось на крайнюю нужду в аптекаре и бухгалтере. Сообщалось, что до присылки нового аптекаря лекарства, которые имел на руках Тамм, «поручены в смотрение» Сименсу, а бухгалтерское дело – надзирателю счетов. Тамм просил аттестата, но ему отказали. Жалованье по 180 руб. оклада он получил по 27 сентября 1737 г., т. е. это и есть дата завершения работы аптекаря Тамма в Екатеринбурге. Рапорт этот заслушивался в директориуме 1 марта. От столицы до Риги на 511 верст Тамму выдали на подставные подводы еще 12 руб. 26 коп. на счет уральских заводов (по 12 коп. на каждые 10 верст на лошадь) [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1074, л. 461–461 об.].

Между тем до прибытия нового аптекаря из столицы лекарствами и аптекой стал весть лекарь Сименс, вероятно, с 9 по 27 сентября он принимал аптеку у Тамма. 15 ноября 1737 г. Сименс предупредил Канцелярию, что больше служить не желает, просил отпустить его по оконча-

нии контракта в Медицинскую канцелярию и требовать на его место за-благовременно другого. По контракту время службы Сименса истекало 29 марта 1738 г. Начальство согласилось: Сименса «за сроком» не держать, если лекарь не прибудет из столицы, вызвать из Перми на время Гринберга. О присылке лекарей еще раз предложить Генерал-берг-директориуму [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 250, л. 149].

В протоколах Канцелярии сохранились решения о выдаче различных припасов в госпиталь, аптеку по доношениям Сименса: в июле 1737 г. он потребовал в госпиталь «к собиранию человеческих костей проволоки медной трех фунтов да железного стана». Проволока была куплена, «стан» сделан, таким образом, при Екатеринбургском госпитале появилось ценное наглядное пособие для усвоения анатомии лекарскими учениками. В ноябре 1737 г. Сименс потребовал на приготовление лекарств меда, патоки, масла конопляного по полпуда (по 8 кг), вина простого 10 ведер, сала свиного свежего 15 фунтов (более 6 кг), свеч 1 пуд [Там же, д. 246, л. 79; д. 250, л. 245].

В декабре 1737 г. в Екатеринбург пришла крупная партия лекарств при доношении надзирателя Егошихинского завода с солдатом Воробьевым как «аптека, присланная из Генерал-берг-директориума». Сименсу поручили получить ее, сколько лекарств, какой ценой – отрапортовать. Поскольку никакого документа к лекарствам не прилагалось, начальство решило справиться с Медицинской канцелярией, только ли оттуда они посланы [Там же, д. 251, л. 44, 246]. Странно, что не последовало решения о сверке присланной партии с отправленными ранее заказами лекарств в центр. После отъезда Грифа, составлявшего заказы и принимавшего их, начальство чувствовало себя явно растерянным. Между тем в июне 1737 г. в Медицинскую канцелярию был отправлен из Екатеринбурга заказ на лекарства и посуду с просьбой оплатить его Генерал-берг-директориуму за счет заводов [Там же, д. 245, л. 331–332]. Директориум и отправил лекарства на Урал с оказией через Пермь.

Указ Татищева об отпуске Сименса в Петербург от 31 декабря 1737 г. был получен в Екатеринбурге 11 января 1738 г. Уральское начальство определило: дать за 1/3 года жалованье, прогоны на 3 подводы, ибо другой лекарь, Шнезе, из Петербурга прибыл и на его должность определен. Но Татищев указом из Уфы 1 февраля приказал прогоны платить Сименсу самому, «для того, что он едет для своих нужд» (до истечения срока контракта) [Там же, д. 41, л. 57].

По прибытии в столицу 2 октября 1738 г. (т. е. задержался в Екатеринбурге тоже надолго, как и Тамм) Сименс подал челобитную в Гене-

рал-берг-директориум о выдаче жалованья за месяц задержки в Екатеринбурге. Сказкой Сименс объявил, что «по май 1738 г. был у отдачи аптеки, лекарств и инструментов лекарю Шнезе». 3 июня они подали рапорт «за обеими руками», и с этого числа Сименс был отпущен. Директориум разрешил выдачу жалованья, но предписал уральскому начальству: приехавших не удерживать впредь дольше срока, а если дольше будут жить, обязывать сказками об отказе от жалованья [Там же, оп. 1, д. 782, л. 6–8]. Примечательно, что Сименс очень долго добирался до столицы, был в пути до 30 августа: сухим путем ехать побоялся, «опасно, ибо башкирцы по тому тракту великое разорение и убивство чинят», искал попутчиков, от Екатеринбурга до Нижнего Новгорода добирался водным путем (т. е. от Перми по Каме, затем по Волге), а потом на подводках [РГАДА, ф. 271, оп.1, д. 1074, л. 863–866].

Документы об отъезде Тамма, Сименса свидетельствуют, что после окончания контракта они не сразу покидали Екатеринбург, передача дел вновь прибывшему на смену медику занимала много дополнительного времени, и обратная дорога растягивалась порой на долгое время в связи с непредвиденными обстоятельствами.

Лекарь Иоганн Христофор Шнезе, уроженец герцогства Брауншвейг-Вольфенбюттельского (Н. Корепанов называл родиной Шнезе герцогство Брауншвейг, но оно было образовано в 1814 г., или Саксонию), прибыл в Екатеринбург при указе директориума от 4 августа 1737 г. только 8 декабря 1737 г. 17 декабря заслушивался вопрос о его явке на заседании уральского начальства [Там же, л. 860 об.; д. 1063, л. 611]. Видимо, он не решился ехать водным путем по Волге, Каме до Перми, ожидал установления зимнего пути. Таким образом, затягивался не только отъезд, но и приезд медиков в Екатеринбург, последнее, конечно, затрагивало интересы уральских жителей.

Указом директориума Иоганну Шнезе предписывалось быть «у пользования здешних служителей и мастеровых людей» вместе с Сименсом, дать ему казенную квартиру, о прибытии рапортовать в директориум и Татищеву [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 251, л. 137–138]. Жалованье ему было определено в соответствии с заводскими штатами 1737 г. 250 руб. в год. Шнезе, по-сути, был прислан на замену умершего в феврале 1736 г. штаб-лекаря Спринцеля. Почти два года должность была вакантна, и мы видим, каких усилий стоило уральскому начальству добиться ее занятия. Только 3 июня 1738 г. он закончил прием аптеки, лекарств у Сименса и, помимо службы в госпитале, стал заниматься приготовлением лекарств до прибытия из столицы нового аптекаря, т. е. материалов в аптеке было так

много, что их счет и прием занял полгода (из-за одновременной работы в госпитале в качестве лекаря), как и полагал когда-то доктор Гриф [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 802, л. 30 об.].

Но к исполнению своих обязанностей Шнезе приступил сразу же, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Канцелярии. В январе 1738 г. просил выдать ему склянок, пузырьков, бутылок, бумаги писчей стопу (480 листов), серой – 50 листов [Там же, д. 746, л. 34–36]. В марте 1738 г. Шнезе потребовал в госпиталь постели с подушками и 4 мягких одеяла, 10 простыней; в аптеку – «ветошек старых 200», скипидару 5 фунтов; глины московской на горшки в гончарную, сколько потребует мастер; «канфоров» железных 2, в т. ч. большой (по Далю, канфорка, камфорка – ручная кухня, снаряд для варки чего-либо без печи, в комнатах); «мех ручной небольшой для дутья разных лекарств», холста среднего 100 аршин, 2 кастрюли медных, в т. ч. 1 большую, 2 котла с ушатом медных. Начальство приказало все выдать, как положено по Регламенту адмиралтейскому [Там же, л. 895–895 об.].

Пока Шнезе принимал аптеку у Сименса, 19 мая 1738 г. в Екатеринбург пришел долгожданный указ Генерал-берг-директориума от 6 марта о назначении нового аптекаря вместо Тамма. Сообщалось, что по требованию уральского начальства медицинское ведомство представило Кезлина, который просил жалованье 400 руб. в год, квартиру, дрова, свечи, но директориум 21 января 1738 г. «для такого великого оклада» отказал и решил отправить на Урал прибывшего с Олонецких и Петровских заводов бергмейстера Мейндерса. Тот представил, что «для учреждения аптеки» в Екатеринбурге желает быть 5 лет с прибавкой жалованья, просил дать 6 подвод с сопровождением двух солдат до Екатеринбурга и на обратный путь. «А при оной бы аптеке Екатеринбургской иметь ему главную инспекцию и при тамошнем медицинском фоку[ль]тете быть, и определить ево за вышепоказанное обер-инспектором над оными... и придать ему аптекарского гезеля, которой бы мог всегда ему в аптеке помощником быть» и дать работника с Олонецких заводов Козьму Алексеева.

Гезель – слово немецкое, это помощник или ученик при аптекаре, а работник Алексеев должен был служить при Мейндерсе вроде денщика. На Петровских заводах Мейндерс получил жалованье за 1737 г. полностью – 400 руб. Судя по требованиям Мейндерса, он знал себе цену, имел опыт работы при заводах, поэтому хотел утвердить свое особое положение как старшего медика в Екатеринбурге.

Руководство Генерал-берг-директориума, Шемберг и Райзер, решили: принять Мейндерса для содержания аптеки и надзирания госпиталя

и лазаретов на 5 лет, числиться ему главным провизором, а ранг иметь прежний, бергмейстера, т. е. IX класса Табели о рангах. Ему выдали жалование по 400-рублевому окладу на полгода вперед, разрешили взять с собой работника Алексеева и солдата до Москвы [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 41, л. 290–291]. Н. С. Корепанов отмечает, что Мейндерс был саксонцем, поначалу гезелем, т. е. подлекарем [см.: Корепанов, 2005, с. 44]. Как видим, это не так, он сразу же был назначен главным провизором, т. е. специалистом высокой категории и, напротив, требовал себе помощника, гезеля.

Приступив к должности в августе 1738 г., 1 октября Мейндерс принял от Шнезе все имеющиеся в аптеке лекарства, материалы и пр. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1059, л. 6]. В ноябре 1738 г., подавая начальству «инфентариум» принятого, Мейндерс предложил: «в аптеку по усмотрению моему надлежит прислать от Медицинской канцелярии зимним путем материалов во избежание убытка в провозе сразу же года на два или на три». Он составил и приложил этим материалам каталог [Там же, д. 808, л. 1340–1364]. Таким образом, Мейндерс сразу же проявлял себя инициативным провизором (от лат. *pro* – пред, *visor* – вижу, предвидящий, заготавливающий) – образованным специалистом в сфере изготовления, хранения и продажи медикаментов.

Члены Канцелярии (Л. Угримов, Г. Клеопин, Т. Бурцев) обратились к Татищеву: каталог составлен на немецком, «познать невозможно», potrebno ли такое количество, рассмотреть некому, поэтому предложили в Самаре показать список доктору Грифу – надлежащее ли число материалов требует аптекарь и умеренное ли? Заказать лекарства в центр предлагалось самому Татищеву из Самары [Там же, л. 1341].

Мейндерс рьяно взялся за обустройство аптеки по своему усмотрению. В январе 1739 г. потребовал дать ему маляра, красок и золота для написания на склянках, горшках и прочих сосудах названий их содержимого, чтоб скорее можно было найти нужное снадобье. Начальство поручило учителю Екатеринбургской школы рисования Федору Аврамову осмотреть фронт работ. В марте требуемые Аврамовым краски и прочие материалы предписывалось отпустить от Канцелярии с распиской; чего нет – купить Казначейской конторе [Там же, оп. 12, д. 264, л. 349; д. 266, л. 204].

13 апреля 1739 г. начальство заслушало доношение Мейндерса о выдаче в аптеку кайлов и железных лопаток и предписало сделать их заводской конторе. На следующий день слушало его же доношение о том, что заказанные Шнезе и Мейндерсом лекарства из Медицинской канцелярии не присланы, и в аптеке не имеется склянок и пузырьков. Начальство предписало: ожидать поступления лекарств, с первым же случаем послать

промеморию в Московскую контору директориума, «чтоб оные, не замешкав, присланы были» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 267, л. 150, 175].

Той же весной (1739) Мейндерс поставил перед начальством вопрос о выделении земельного участка для разведения растений, необходимых для приготовления лекарств. Предполагал, видимо, использовать огород при доме В. Н. Татищева, построенном в 1735 г. на Вознесенской горке, за городом, на месте, где сейчас стоит храм Вознесения Господня. 11 мая заводская контора запрашивала Канцелярию, не повелено ли будет главному провизору Мейндерсу для аптеки под сад отвести место, где прежде был огород советника Томилова (капитан Антон Томилов, будущий президент Берг-коллеги, возглавлял присутствие в Сибирском обер-бергамте в 1729–1732 гг.). Начальство согласилось: учредить там, так как огород при доме Татищева к тому «неспособен»: земля для сеяния плоха, один навоз [Там же, д. 268, л. 76]. Становится понятным, зачем Мейндерс заказывал кайла и лопаты в апреле месяце: решил заранее приготовить орудия труда для обработки почвы, чтобы выращивать необходимые для лечения больных растения. Если Гриф организовывал сбор полевых, лесных трав, то Мейндерс решил сам заняться их выращиванием.

Но следует отдать должное Мейндерсу: он сразу же после вступления в должность начал запасать травы для лечения больных. Об этом свидетельствует его рапорт, поданный в октябре 1739 г. в Канцелярию: «с прибытия моего сюда, в Екатеринбург, коликое число запасено мною в здешнюю аптеку трав и кореньев, из которых лекарство сочиняется, оным при сем прилагаю роспись со объявлением цены... против Москвы, без провоза». Заметим, из трав и кореньев в аптеке «сочинялись» лекарства, т. е. составлялись сложные сборы. При этом Мейндерс продемонстрировал желание и в будущем заниматься этим, заявив: и впредь можно в аптеку травы поставлять, а не из Москвы выписывать. Роспись на латинском языке заняла 4 листа. Среди заготовленных трав числились мелисса, майоран, календула, иссоп, мак и др. [Там же, оп. 1, д. 808, л. 347–351].

16 июня 1741 г. Мейндерс подал доношение начальству о намерении «ехать чрез Багаряцкую до Течинской слободы для сыску... трав и коренья к сочинению лекарств, понеже при здешних ближних слободах таких трав не сыскиваетца», и просил выделить для этой поездки 6 казенных лошадей с хомутами и телегами, 3 конюхов, солдата с ружьем, подорожную и указ об обеспечении конвоем «от места до места по надлежащему пути». Мейндерса сопровождали аптекарский ученик Емельян Углов и работник Козьма Лобанов, прибывший с ним с Олонецких заводов. Начальство удовлетворило все требования аптекаря, включая «прочетный указ» о выде-

лении конвоя от Багаряжской слободы до Течи, «смотря по опасности» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 894, л. 526–527 об.].

Еще в августе 1739 г. Мейндерс подал в Канцелярию доношение: при аптеке определен один ученик, а из присланных ныне припасов будут заготавливаться при той аптеке лекарства, и «одним учеником исправить-ся никак будет невозможно». Просил дать из школьников еще одного, который бы мог по-немецки или по-латыни читать и писать, «ибо медицинские книги на тех языках». К аптеке Мейндерс потребовал также сделать по приложенным чертежам иготь чугунную, т. е. ступу – медная имеется, но, по его словам, от жесткости некоторых припасов избивается; сделать пестик железный; для содержания лекарств изготовить из меди 20 ящичков и 20 кружек, хорошо вылудив их как снаружи, так и изнутри. Начальство через неделю предписало: припасы сделать на Верх-Исетском заводе, кружки – от Екатеринбургской заводской конторы; выяснить, сколько при аптеке полагается учеников, сколько есть, «немедленно предложить» [Там же, л. 566–568].

Однако прошло почти 3 месяца и только 26 октября, заслушав выписки о штате служащих при аптеке, постановили: ученика аптекарю дать, знающего по-немецки и по-латыни, кроме церковно-служительских детей, «до усмотрения о нем» давать жалованье по 1 руб. в месяц. По штату же заводов 1735 г. при аптеке полагалось иметь два ученика с жалованьем по 18 руб., по штату 1737 г. – жалованье каждому увеличивалось до 33 руб., но имелся один ученик, которому платили 12 руб. в год [Там же, л. 572, 575].

21 декабря 1739 г. Мейндерс подал в Канцелярию доношение: за рассылкой из аптеки на заводы и в другие места лекарств осталось материалов малое число, ныне в них крайняя нужда, и, если вдруг куда потребуется, посылать будет почти нечего. Надо материалы, стеклянную посуду, горшочки, указанные в росписи, требовать из Московской медицинской конторы, чтобы прислала зимой. Сообщить и о прежде заказанных материалах, без которых медикаменты приготовить невозможно. Начальство распорядилось: отослать копию росписи в Москву, в контору Генералберг-директориума, и требовать присылки, как и по прежним приказам. Роспись *Catalogum matherialium* занимала 1,5 листа [Там же, д. 808, л. 1173–1176], т. е. заказывать медикаменты разом на 2–3 года не получилось: не все было прислано из большого заказа 1738 г.

30 октября 1741 г. Мейндерс потребовал, чтобы начальство заказало в Медицинскую канцелярию для аптеки несколько сосудов «для содержания лекарств», материалы и семена для посадки к летнему времени,

3 ланцета «для шпилирования», «ибо их здесь вышпилировать против тамошнего не умеют» и просил доставить все это в Екатеринбург зимним путем. Начальство отправило подлинник «Росписи материалов» в Генерал-берг-директориум, а перевод росписи остался в деле. В ней числилось 31 название материалов, названия которых с латинского в несколько искаженном виде были переданы в русской транскрипции с указанием количества в фунтах, среди них: 1 фунт крокуса, по 2 фунта розмарина, кардамона, «фолия лаури» (камфоры), ладана, аммиака; 3 фунта мирры (ароматической смолы), 4 – «флорус лавендули» (цветов лаванды), 5 – «олибанума» (смолы ладанного дерева), по 6 – «колофони» (живицы, смолы, выделяемой из разрезов хвойных деревьев) и «радикс куркуме» (куркумы); 10 фунтов «антимониум крудум» (сурьмы, полуметалла), 20 фунтов «цитрини» (полудрагоценного камня лимонного окраса, почитаемого за целебным) и др.

В росписи фигурирует 10 названий семян лекарственных трав, подлежащих разведению в аптекарском огороде Екатеринбурга, среди них: «картами» (шафран), кохлеария (ложечница, лучшее средство от цинги), куркумин, «гисопи» (иссоп), ливистици (любисток), «мелис цитрат» (мелисса), настурция, майоран, «сальвис» (шалфей).

Мейндерс заказал множество сосудов различных размеров: «шести-фунтовых скляниц» и вмещающих 3 фунта – по 10 шт., на 2 фунта – 40, от фунта до полуфунта – 80. Заказывалось три вида пузырьков по 300 шт.: вмещающих от 6 до 3 унций, от 2 до ½ унции, от ½ унции до 2 драхм, кроме того: «малых фунтовых колбов № 10, ацетум вини поланкерка, два полотна самых тонких чистых сит или совсем сделанных сит, вервенных ниток 2 фунта, старых ветхих рубаш № 200». Из одного этого заказа следует, что сосудов и скляночек в екатеринбургской аптеке было очень много. Обращает на себя внимание и заказ в центр ветхих рубаш, которые шли на медицинские нужды [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 894, л. 558–560].

По прошествии месяца, 5 декабря 1741 г., Мейндерс вновь обратился к уральскому начальству: присылаются из Канцелярии в аптеку «раждаемые уроды для поставления в спиртус, а при здешней аптеке такой посуды не имеетца», и он просит заблаговременно представить в контору Генерал-берг-директориума в Москву, чтобы были высланы вместе с прежним заказом 10 стеклянных сосудов с широким горлом: 5 размером 7,5 на 4,5 вершка и столько же размером 9,5 на 5,5 вершка (вершок – 4,4 см) [Там же, л. 575]. Следует отметить, все заказы аптекарей принимались к исполнению Канцелярией, отказов не было.

В конце 1739–1741 гг. уральскому начальству пришлось долго решать вопрос с обеспечением нужд аптеки в простом вине, которое шло на из-

готовление лекарств и выдавалось из аптеки в госпиталь для припарок больным. 15 ноября 1739 г. Мейндерс сообщил, что 5 ведер с вином, выданных в конце августа, израсходованы, просил купить побольше, чтоб не докучать частыми просьбами. Еще 5 ведер с вином, по предложению Мейндерса, решили купить на таможне, но впредь покупать не в кабаке при таможне, а у подрядчиков по цене, по какой они поставляют казне, в день поставки [Там же, л. 540–540 об.]. Но таможня без повелительного указа Сибирской губернской канцелярии продавать таким способом отказалась.

Начальство, выяснив, что аптеке только на собственные нужды, без поставок в госпиталь, требуется 50 ведер вина ежегодно, начало переговоры с поставщиками вина на таможню. Вятчане из города Хлынова без позволения хозяев подписать договор отказались. Содержатель Невьянской винокурни серб Милутинович в апреле 1740 г. согласился после Покрова продать 50 ведер с условием, чтоб прислали приемщика от аптеки с посудой, деньгами и подводами к нему на винокурню. Владелец Бобровской винокурни Никита Петров, подрядившийся на 1741 г. поставить вина до 2 000 ведер по цене 68 коп. за ведро, согласился продать в аптеку 50 ведер по цене не менее 80 коп. за ведро [Там же, л. 544–548].

Уральское начальство обратилось к Сибирской губернской канцелярии, чтобы та не запрещала таможне, находившейся в ее ведении, отпускать вино на казенные нужды по более низкой цене, но сибирские власти позволили отпускать в аптеку не более 50 ведер «по продажной цене с прибавочными и поведерными деньгами», чтобы в питейных сборах не было недобора [Там же, л. 551]. Тогда 30 октября 1741 г. уральское начальство решило: вино в аптеку, госпиталь, «сколько потребно будет, покупать у подрядчиков с винокурен по договорной с ними цене» и предоставить об этом в Генерал-берг-директориум, ибо подрядчики могут отдать ведро дешевле рубля, а в кабаке от таможни отпускается ведро свыше 2 руб., и на аптеку и госпиталь «приходит немалое возвышение» в цене. Между тем предписывалось Казначейской конторе купить 50 ведер от таможни, т. е. по высокой цене [Там же, л. 555].

Лекарства, составленные Мейндерсом, продолжали рассылаться и по другим заводам, причем не только Урала, но и Сибири. Так, в январе 1740 г. Мейндерс объявил в доношении Канцелярии роспись лекарств для отправки в Пермь. В ноябре 1746 г. он рапортовал начальству об изготовленных и закупоренных в ящик лекарствах для отправки в Якутскую заводскую контору на 20 руб. 86 коп. [Там же, оп. 12, д. 276, л. 131; д. 358, л. 101]. При этом цена за отправленные лекарства ставилась на счет тех заводов, куда они доставлялись.

Была налажена отчетность о наличии больных в периферийных госпиталях и использованных на их излечение лекарствах: лекари подавали доношения об этом по третям года в свои начальства, те отправляли свои доношения в уральскую Канцелярию. В случае нужды в дополнительных медикаментах Канцелярия требовала их поставки от Екатеринбургской аптеки.

Имелись случаи нехватки присланных лекарств, просьбы об их дополнительной присылке. Так, в феврале 1741 г. Иоганн Гринберг, отчитываясь о лекарствах за последнюю треть 1740 г., просил срочно прислать зимним путем недостающие медикаменты, «ибо многие присылаемые служители с заводов из гошпиталя отсылаютца без ысцеления и от того только происходит волокита и убыток». Заметим, что госпиталь на Егошихинском заводе обслуживал работников и других казенных заводов: Мотовилихинского, Юговского Верхнего и Нижнего, Пыскорского, Висимского и расположенных при них рудников. Отправка лекарств в Пермь затянулась до середины мая и «за великими грязьми» ящик с медикаментами пришлось отправлять с капралом на подводе до Уткинской пристани (68 верст), а от пристани до Пермского начальства водным путем. Вместо найма лодки в сопровождении солдат (охранников и гребцов) удалось договориться со служителем Юговского завода Осокина, сопровождавшего денежную казну, он доставил капрала на своем судне в счет предоставленного казенного конвоя [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 894, л. 562–568]. Приходилось тщательно закупоривать лекарства в склянки, делать пробки из кожи и пузыря, скреплять печатью Канцелярии, паковать в ящик. Порой лекарства протекали. Так, Пермское горное начальство, получив медикаменты, в июне 1741 г. рапортовало, что печать цела, но некоторые вещи снизу подмочены, «у антимонии через пробку была теча, кожу и пузырь... съело». Все лекарства в присутствии главы начальства взвесили, отправили список, указав, где явилось «сходно», «лишку», где некоторый недостаток [Там же, л. 570–573].

С другой стороны, то же Пермское начальство отправляло для Екатеринбургской аптеки ягоды можжевельника, произраставшего в Пермском крае, использовавшиеся для изготовления лекарств. Целебные свойства этих ягод были известны со времен Древней Греции и Рима. Так, 1 февраля 1745 г. лекарь Гринберг объявил об отсылке в Екатеринбург «к сочинению лекарств вересовых, тож и можжевесных ягод два с половиною пуда», в марте они были переданы в аптеку, после очистки от сора их осталось 2 пуда. Оказалось, что собирали их 10 учеников Егошихинской словесной школы три дня, за эту работу им причиталось 25 коп., т. е. пуд обошелся аптеке 10 коп. [Там же, д. 1069, л. 64–67 об.].

Интересный документ, характеризующий деятельность аптеки в Екатеринбурге, появился благодаря запросу комиссии во главе с А. В. Безром, отправленной из столицы для проверки деятельности алтайских заводов А. Н. Демидова, переданных по итогам ее деятельности в 1747 г. во владение царской семьи, под управление Кабинета Е. И. В. По пути в Сибирь, во время пребывания в Екатеринбурге в 1745 г., Безр интересовался работой уральских заводов, в т. ч. аптеки, запросил, на какую сумму отпускалось медикаментов из аптеки ежегодно в течение 10 лет, «считаются» ли лекари, принимающие лекарства из аптеки, на какую сумму получают их, сколько в остатке имеется в аптеке материалов. По-видимому, делалась прикидка в отношении будущего алтайских заводов.

Мейндерс 11 августа 1745 г. ответил, что за 10 лет счет сочинить невозможно, ибо он принял аптеку от Шнезе 1 октября 1738 г., «при которой никаких книг, щетов и рецептов не имелось», о принятии есть рапорт. За годы службы Мейндерса госпиталь Екатеринбурга получил из аптеки материалов на 1 774 руб. 24 коп., 7 заводов – на 696 руб. 23 $\frac{3}{4}$ коп., Оренбургская и Колыванская экспедиции – на 27 руб. 57 коп.; за 7 лет отдано из аптеки в казначейскую контору 433 руб. 5 коп. (полученных за выдачу платных лекарств. – А. С.); из этой же конторы принято в аптеку «всяких материалов» на 316 руб. 37 коп.

Сочинять счета лекарям о принятых медикаментах невозможно, для этого следовало бы в каждом госпитале «разумеющего писаря иметь», чтоб он весь день записывал лекарства, раздаваемые в каплях, и пластыри, намазываемые на холстины, разрезанные на малые части и прикладываемые к ранам больным. Да и в инструкции Канцелярии о таких счетах не упоминалось. О наличных материалах и лекарствах счет составить невозможно, если взвешивать медикаменты, «которых [на] тысячи рублей будет», надо иметь двух помощников, а с двумя учениками на это уйдет с полгода, лекарства готовить некогда будет; при переливании склянок многое прольется, «к тому же нигде такого обыкновения не имеется и не слыхано, чтоб аптеки перевешивать» [Там же, д. 1059, л. 6–6 об., 6 а].

Далее Мейндерс приводит данные о ценах на медикаменты и материалы, отпущенные из аптеки безденежно в госпиталь, на другие заводы, лазареты и служителям по годам, свидетельствующие о росте этих расходов: если в 1739 г. они составили 315 руб. 34 коп., в 1740 г. – 411 руб., то в 1743 г. – 827 руб. 1,5 коп., в 1744 – 854 руб. 5 коп.

При этом с 1738 по 1744 г. Екатеринбургский госпиталь получил из аптеки медикаментов и материалов на 1 674 руб. 24 коп., Кушва – на 292 руб. 19 коп., Пермь – на 124 руб. 55 коп., Нерчинск – на 145 руб.

52 коп., Красноярск – на 92 руб. 41 коп., Якутск – на 36 руб. 47 коп., Алапаевск – на 4 руб. 58 коп., Ляля – на 51 коп. Если на Колыванскую экспедицию было потрачено 23 руб. 98 коп., то на Оренбургскую – 3 руб. 59,5 коп.

Вызывают особый интерес и данные Мейндерса о материалах, которые им «к пользе здешней аптеки собраны, считая по московской цене»: в 1739 г. – на 261 руб. 37,5 коп.; 1740 – на 149 руб. 10,5 коп.; 1741 – 47 руб. 58,5 коп.; 1742 – 28 руб. 62,5 коп.; 1743 – 76 руб. 74 коп.; 1744 – 57 руб. 27 коп., всего – на 620 руб. 40 коп. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1059, л. 7–8].

Таким образом, суммы, выделенные на обеспечение лечебными средствами главного госпиталя в Екатеринбурге, значительно превосходили обеспечение госпиталей, действовавших при других заводах и малых лазаретов. Приведенные данные позволяют говорить о выдающейся роли Екатеринбургской аптеки в обеспечении лекарствами казенных заводов не только Урала, но и Сибири. Ясно, что деятельность аптеки по обеспечению медикаментами охватывала огромную территорию страны. Именно Екатеринбургская аптека, получая медицинские материалы из Московской Главной аптеки, собирая и выращивая лекарственные травы, являлась единственным их поставщиком для работников других заводов.

Увеличивались и суммы на лекарства, выдаваемые людям «разных чинов» за деньги, т. е. тем, кто не являлся работником заводов и не платил на содержание госпиталя по 1 коп. с рубля жалованья, или лечился от болезни, приобретенной по своей вине: от «французской» (сифилиса), от увечий, полученных в затейной драке и т. п.

Мейндерс скончался 14 октября 1753 г., и Московская медицинская канцелярия утвердила в должности аптечного гезеля (помощника) его зятя, саксонца Якоба Тешнера, а в феврале 1758 г. Шнезе наряду с госпиталем опять возглавил и аптеку. Тешнер после конфликта с горнозводской администрацией покинул с женой Екатеринбург (см.: Корепанов, 2005, с. 71, 91).

Как отмечал Я. Чистович, все аптекари в России в XVIII в. имели немецкие фамилии [см.: Чистович, с. 571–573]. Не стал исключением и горнозаводский Урал.

Где размещалась первая аптека Екатеринбурга? Поначалу ее организовали в другой половине казенного дома, выделенного под жилье доктору Грифу, в короткой уличной линии напротив церкви (см.: Корепанов, 2005, с. 44). Думается, это был очень приличный и просторный дом. Но еще находясь в Екатеринбурге, Татищев задумал построить каменную Канцелярию Главного заводов правления, каменное здание школы, книгохранильницы и аптеки. Эти здания были указаны на чертеже Екатеринбурга, выполненном самим Татищевым в 1735 г. Еще до его отъезда из Екатерин-

бурга начали строить Канцелярию, заложили школу. Но глава Генерал-берг-директориума Шемберг, получив в 1739 г. в собственность гору Богдатов с богатейшим содержанием железной руды и прилегавшими к ней заводами, поставив вопрос о передаче в частные руки других казенных предприятий Урала, естественно, не захотел тратить заводские деньги на каменное строительство. Указом директориума от 9 апреля 1739 г. на запрос уральского начальства, строить ли каменную церковь «за ветхостию деревянной», предписывалось обождать до прибытия на Урал Шемберга. На запрос, продолжать ли строительство других объектов, указом от 19 июня 1739 г. директориум приказал: «зачатое строение помянутой Канцелярии окончить, а гостинова двора, аптеки, школы и книгохранильницы до указа не строить...» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 43, л. 223; оп. 1, д. 808, л. 794].

В книге Н. Корепанова читаем: «Специально предназначенное под аптеку здание было выстроено в 1737 г. примерно на том же месте, где она размещалась прежде – в линии напротив церкви; в 1739 г. при аптеке появилась своя лаборатория. По модели Мейндерса в аптечной лаборатории смонтирован был деревянный станок для выжимки экстрактов и масел. В 1741 г. над аптекой надстроили камору для хранения трав». В другом издании автор уточнил: здание аптеки выстроили «напротив Главного правления (рядом с полицией...)» [Корепанов, 1998, с. 36; 2005, с. 58].

Отметим интересный факт, выявленный нами в школьных делах Канцелярии. В 1742 г. несколько учеников знаменованной школы (школы рисования), открытой по инициативе Татищева в ноябре 1735 г., подали прошения об увеличении им жалованья. Из аттестатов, выданных по этому случаю учителем Аврамовым, следовало, что Иван Денисов, поступивший в школу в 1736 г., к 1742 г. «набело» «книги рисовальные» «прорисовал» все три части, а также «волдеевы фигуры». «Из иных книг рисовал и тушевал царские персоны и разные фигуры из евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцелярии не без известно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пяту[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лугчее». Возможно, известный художник, уроженец Екатеринбурга, А. К. Денисов-Уральский (1863–1926) – потомок этого ученика, чьи авторские работы украшали стены наиболее важных учреждений Екатеринбурга? О Кирилле Шагове учитель отмечал, что и он «волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 55].

Итак, из этого документа мы узнаем, что украшению аптеки наряду с Канцелярией придавалось особое значение. В ее помещении на стенах висели картины: изображения монстров, возможно, нарисованных с натуры – с найденных Мейндерсом уродцев. Цветы, возможно, срисовывались с книги «*Weigels schönste Blihen*» («Вайгеля. Красивейшие цветы»), взятой учителем из собрания Татищева для обучения рисованию [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 223].

Особый интерес для нас представляет указ Берг-коллегии от 19 ноября 1745 г., в котором излагалось доношение уральского начальства, отправленное в столицу в сентябре: «о ветхости Екатеринбургской аптеки и при ней лабаратории и определено де оную аптеку починити и лабараторию от пожарного случая хранить накрепко». Далее излагались планы Татищева о строительстве каменных зданий в Екатеринбурге, запрет Генерал-берг-директориума на это; мнение уральского начальства: «аптеке особливо быть не для чего», до Татищева выписывали и привозили медикаменты из Москвы, «расход» их содержал лекарь, так можно поступать и впредь; расходов будет меньше, если выписывать готовые лекарства из Москвы. Задавался вопрос: не повелено ли будет перевести ту аптеку в загородные покои, где жил Татищев. Берг-коллегия этим указом, полученным в Екатеринбурге 23 декабря, потребовала прислать обстоятельное известие: если убрать аптекаря, возьмет ли лекарь на себя содержание аптеки и каким договором. Вопрос же о помещении аптеки предписывалось рассмотреть по прибытии президента Берг-коллегии в Екатеринбург [Там же, оп. 12, д. 49, л. 843–844].

В ноябре 1746 г. президент Берг-коллегии Антон Федорович Томилов, генерал-майор артиллерии, во время пребывания в Екатеринбурге выслушал доклад уральского начальства об аптеке и приказал: «аптеке должно быть внутри, а не за городом, как Канцелярия предлагает, и для прочности лутче сделать каменную, и по удобности оной велеть бергмейстеру Райзеру, с совета аптекаря и бергмейстера Мейдерса, сделать чертеж, по которому и учинить обстоятельное определение» [Там же, д. 358, л. 177]. Таким образом, благодаря вмешательству президента Берг-коллегии аптеке суждено было сохраниться в Екатеринбурге и в будущем получить каменное здание. Только к 1755 г. на месте старой аптеки сложили по чертежу Райзера каменное здание с каменным крыльцом и «верхними покоями» типа мансарды, с каменной аптечной лабораторией с узкими окнами-щелями под самым потолком [см.: Корепанов, 2005, с. 71]. Заметим, Густав Ульрих Райзер – сын советника Берг-коллегии, затем Генерал-берг-дирек-

ториума, вместе с Ломоносовым и Виноградовым обучавшийся в Германии в 1736–1739 гг., где слушал лекции Х. Вольфа в Марбургском университете и обучался горному делу во Фрайбурге. В 1745–1753 гг. он служил при заводах Урала.

Рамки статьи не позволили нам осветить все вопросы, связанные с деятельностью Екатеринбургской аптеки в первой половине XVIII в., но в будущем мы предполагаем восполнить этот пробел.

Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века // Пятые Татищевские чтения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. С. 23–28.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Корепанов Н. С. Мейндерс (Meinders) Людвиг Христиан // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург : Изд-во «Академкнига», 2002. С. 350.

Корепанов Н. С. Шнезе (Schneze) Иоганн Христофор // Екатеринбург : энциклопедия. С. 664.

Соркин Ю. Э. У истоков медицины Среднего Урала // Ползуновские чтения : тез. науч.-практ. конф., посв. 265-летию со дня рождения И. И. Ползунова. Екатеринбург : СГОИМК, 1994. С. 66–69.

Сафронова А. М. Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в организации первой медицинской службы на Урале в начале 20-х гг. XVIII века // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) : материалы Третьей Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск : ОГУ, 1998. Т. 2. С. 47–51, 51–70.

Сафронова А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.) // Восьмые Татищевские чтения. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2010. С. 34–39.

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. (Очерки истории Урала; вып. 43).

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. (Очерки истории Урала; вып. 43).

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990.

Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб. : Типография Я. Трея, 1883.

УДК 94(470.5).066/.07:351.864.2

А. А. Бакшаев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ ВОЕННОГО ЗАКАЗА И ПРИЕМКЕ ПРОДУКЦИИ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА (конец XVIII — начало XIX в.)

В статье рассматриваются мероприятия центральных органов военного управления по обеспечению поставок металлов и предметов вооружения с горных заводов Урала. Казенные горные заводы с конца XVIII в. становятся основными поставщиками железа, чугуна, меди для арсеналов и оружейных заводов, изготавливали артиллерийские орудия и снаряды. Военное и морское ведомства определяли объемы военного заказа, предоставляли эти сведения в Берг-коллегию, контролировали выполнение военных нарядов, качество продукции, через своих представителей на уральских заводах осуществляли приемку изделий и ее доставку до мест назначения. Военные действия, которые вела Россия в этот период, привели к значительному увеличению объемов военных заказов, совершенствованию процесса приемки изделий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военные наряды, казенные горные заводы, Министерство военных сухопутных сил, Морское министерство, Урал.

Экономика России в конце XVIII – начале XIX в. в значительной степени работала на удовлетворение потребностей армии и флота. Производство вооружений осуществлялось по заказам казны на военных предприятиях и арсеналах Военного и морского ведомств. Военные заказы выполняли и предприятия горнозаводской промышленности, изготавливавшие артиллерийские орудия и снаряды, поставлявшие сырье (чугун, железо, медь) для работы военных предприятий. Порядок выполнения, объемы военных нарядов, возложенных на горные заводы Урала, регулировались государством. Организацию военного заказа и контроль за его выполнением осуществляли органы военного управления.

Вопросы производства предметов вооружения на горных заводах Урала рассматриваются в многочисленных трудах по истории армии и флота [см.: Бескровный, 1973, с. 277–283], подготовке России к войне с Наполеоном [см.: Бескровный, 1962, с. 219–229; Пугачев, с. 163–170; Сперанский, с. 24–25]. Историки в основном изучали организацию производства военных изделий (орудий, снарядов, стрелкового оружия) на предприятиях военного и морского ведомств. Меньше внимания уделяется изготовлению военной продукции на горных заводах. Важное место

проблема военного производства в горнозаводской промышленности занимает в работах В. А. Ляпина. Но вопросы организации военного заказа, приемки военных изделий здесь также не получили должного освещения [см.: Ляпин, с. 196–198]. Отдельного внимания заслуживает работа И. А. Сергиевского, посвященная организации приемки военной продукции на горных заводах [см.: Сергиевский, с. 128–138]. Таким образом, основное внимание в историографии было уделено производству военной продукции. Требуют дополнительного изучения вопросы государственного регулирования военного производства, организации военного заказа.

Снабжение армии и флота предметами вооружения было возложено на центральные органы военного управления. В конце XVIII в. поставки орудий, снарядов и другой военной продукции находились в ведении Артиллерийской экспедиции в составе Военной коллегии. 12 марта 1797 г. был утвержден ее штат, где в обязанности «по части артиллерийской» входило комплектование артиллерии всем необходимым (в том числе снарядами, орудиями, железом, медью и другими изделиями) [см.: ПСЗРИ-1, т. 24, № 17669, с. 246; Столетие военного министерства... Главное артиллерийское управление, с. 329].

К началу XIX в. центральное управление военно-сухопутными силами России было сосредоточено в Военной коллегии. Манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. было создано 8 министерств, в том числе Министерство военных сухопутных сил, во главе которого был поставлен С. К. Вязьмитинов [см.: Столетие военного министерства... Исторический очерк..., с. 85]. В 1812 г. на основе Министерства военных сухопутных сил создается Военное министерство. В его составе в соответствии с «Учреждением Военного министерства» от 27 января 1812 г. образовано 7 департаментов. В обязанности Артиллерийского департамента входило снабжение армии и крепостей вооружениями и боеприпасами. В подчинении департамента находились арсеналы (Санкт-Петербургский, Киевский, Казанский) и оружейные заводы (Тульский, Ижевский, Сестрорецкий) [см.: ПСЗРИ-1, т. 27, № 20406, с. 243; т. 32, № 24971, с. 23–25].

Военными заказами для флота в конце XVIII в. занималась Адмиралтейств-коллегия, в 1802 г. преобразованная в Министерство морских сил. В его структуру входило Артиллерийское отделение, отвечавшее за подготовку орудий и снарядов. В ходе преобразования органов управления флотом в 1804 г. в составе министерства создается Артиллерийская экспедиция, в ведении которой находилась морская артиллерия, а также оружейные предприятия. Артиллерийская экспедиция могла размещать заказы

на производство военных изделий на горных заводах [ПСЗРИ-1, т. 28, № 21699, с. 952].

Важнейшим направлением деятельности органов военного управления по обеспечению армии и флота вооружениями было определение объема военных заказов и их размещение на предприятиях горнозаводской промышленности. Эти вопросы регулировались в императорском манифесте от 21 мая 1779 г., согласно которому казенные горные заводы становятся основными поставщиками военных изделий и металлов по заказам казны. На военное и морское ведомства была возложена обязанность определять их ассортимент, размеры и предоставлять эти сведения в Берг-коллегию [Там же, т. 20, № 14878, с. 823; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 155, л. 11 об. – 12].

Количество артиллерийских орудий и снарядов, которые должны были изготовить горные заводы Урала, было установлено именным указом от 26 января 1798 г. Орудия для Астраханского и Сибирского департаментов должны были отливаться на Каменском заводе, снаряды для Сибирского департамента – на Гороблагодатских заводах. Весь пятилетний наряд, полученный уральскими заводами, составлял 1,7 млн пуд. Военная коллегия предполагала укомплектовать вооружениями крепости, снабдить металлами арсеналы и Сестрорецкий завод. Когда наряды будут выполнены, Артиллерийская экспедиция должна была уведомить Берг-коллегию. Изделия для Астраханского департамента следовало отправлять в Казань, для Сибирского – в Tobolsk. Выполнение наряда началось уже в 1798 г. [РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 2863, л. 88–90 об.]

В дальнейшем порядок размещения военного заказа на горных заводах регулировался указом Сената от 20 августа 1801 г., согласно которому Адмиралтейство, Артиллерийское ведомство и оружейные заводы (Тульский и Сестрорецкий) предоставляли в Берг-коллегию сведения о количестве необходимой продукции. На основании этих сведений Берг-коллегия распределяла эти объемы на подведомственные заводы. В случае военной необходимости могли назначаться дополнительные наряды. Казенные горные заводы ежегодно поставляли 30 тыс. пудов железа (20 тыс. полового и 10 тыс. сортового) [ПСЗРИ-1, т. 26, № 19986, с. 756–757].

Органы военного управления могли изменить ассортимент изделий, объемы нарядов, сократить сроки их выполнения. Например, в 1803 г. по решению Военной коллегии отливка тяжеловесных орудий (24 и 18 фунтов) на Каменском заводе была остановлена. Военное ведомство учитывало положение, разработанное в 1798 г. инженер-генералом И. И. Князевым, согласно которому крепостная артиллерия могла комплектоваться

менее тяжелыми орудиями. К этому времени на заводе отлитыми и невысверленными было более 100 орудий, которые Военная коллегия согласилась принять в счет наряда и требовала доставить в Казань для комплектования южных крепостей. Луганский завод, где должны были отливаться эти орудия, еще вводился в действие и не мог изготовить нужного количества [РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 2863, л.106–107].

Потребность военных ведомств в металлах и вооружениях во втором десятилетии XIX в. значительно возросла. Причиной было увеличение численности армии в ходе проведения военных реформ, расширение производства на оружейных предприятиях. Увеличивали объемы нарядов и военные действия, которые вела в этот момент Россия (с 1804 г. – с Ираном, с 1806 г. – с Турцией, участие в антифранцузской коалиции). Согласно сенатскому указу от 22 сентября 1809 г. казенные заводы должны были работать только для нужд армии и флота. Военный и морской министры определяли количество изделий, которые ежегодно должны были поставлять казенные заводы Урала. Эти сведения доставлялись управляющему Министерству финансов, распределявшему их на горные заводы [см.: ПСЗРИ-1, т. 29, № 23854, с. 1166; Шилов, с. 86].

Во исполнение указа Морское министерство к 10 июня и Министерство военных сухопутных сил к 26 сентября 1810 г. произвели расчет необходимого количества военных изделий. Крепости Лифляндского и Финляндского департаментов должны были получать орудия и снаряды с Олонекских, Кронштадтского и Санкт-Петербургского заводов. Луганский завод был занят изготовлением снарядов для крепостей Кавказской линии и Грузии. Часть его нарядов передали на уральские заводы. Вооружения для Астраханского и Сибирского департаментов должны были производить казенные заводы Урала. Весь наряд на три года составил 1,5 млн пуд. (без учета потребностей Молдавской армии в 64 тыс. пудов) [см.: Пугачев, с. 163–164; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 156, л. 17–20 об.; д. 291, л. 208].

По нарядам Морского министерства горные заводы должны были изготовить до 100 тыс. пудов чугуна в балласт для Санкт-Петербургского адмиралтейства и Балтийского флота. Отливкой балласта для Черноморского флота (до 50 тыс. пудов) занимался Луганский завод. Все орудия для флота отливались на Олонекских, Кронштадтском и Санкт-Петербургском заводах. Наряд в якорях для казенных горных заводов составлял до 400 шт. ежегодно [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 115–115 об.].

Министр финансов при получении предварительных сведений об объемах новых военных заказов писал о невозможности их выполнить горными заводами. Поэтому военный министр М. Б. Барклай де Толли

обратился к морскому министру с просьбой сократить количество нарядов для флота. Морское ведомство согласилось на это и просило в первую очередь обеспечить вооружениями корабли, строящиеся в Архангельском порту (до 25 тыс. пудов), а также, начиная с 1812 г., отливать орудия и снаряды для Балтийского флота (33 600 пуд. ежегодно). Министерство военных сухопутных сил для облегчения действия Каменского завода отменило наряд по приготовлению 10 тыс. пуд. железа для Тульского Александровского училища. Кроме того, военный министр отмечал, что с «изменением военных обстоятельств» наряды могут быть увеличены, о чем Горный департамент извещался за полгода [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 156, л. 17–20 об.; д. 291, л. 142–143 об.].

Но и после утверждения объемов военного заказа, с учетом военных потребностей страны, требования военного и морского ведомств в металлах и военных изделиях значительно возросли. По подсчетам Департамента горных и соляных дел только наряды Артиллерийского департамента за 1810–1814 гг. были намного увеличены, а в каких-то изделиях удвоились. В частности, на 1814 г. артиллерии было необходимо уже 60 тыс. пуд. железа (вместо 40 тыс. в 1810 г.), 118 тыс. пуд. поддонов (19 тыс. в 1810 г.). Горные заводы дополнительно должны были изготовить 73 тыс. пуд. листового железа [Там же, д. 291, л. 209–213].

Учитывая, что казенные заводы не могли выполнить весь объем нарядов, министр военных сухопутных сил рассматривал вопрос о передаче части военного заказа на частные заводы, разместить который требовалось в кратчайшие сроки. Но многие заводчики отказывались изготавливать военные изделия. В частности, Алексей Яковлев сообщал, что «к отливке чугунных орудий и снарядов... не находя удобства приступить желания не имею». Еким Лазарев, ссылаясь на выполнение заказов на железо для частных лиц, также отказался выполнять военные наряды [Там же, д. 156, л. 14 об., 84–85].

Департамент горных и соляных дел и горные начальники обозначили проблемы, которые возникнут при передаче нарядов на частные заводы: затруднения в расчетах между заводчиками и правительством, которые не были закончены еще по поставкам 1788–1789 гг.; платежи будут производиться только за годные вещи, а расходы за негодные будут отнесены на счет частных заводов. Кроме того, частным предприятиям могло понадобиться время, чтобы приступить к изготовлению снарядов. В итоге для привлечения заводчиков к изготовлению военной продукции Горное ведомство предложило установить постоянные цены на сна-

ряды (для заводов Урала в 1,5 раза больше казенных), предоставить им искусных мастеров, облегчить браковку снарядов [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 156, л. 169–172].

Эти предложения легли в основу утвержденного императором 3 октября 1810 г. мнения Государственного совета, согласно которому частные заводы обязали изготавливать военную продукцию. В первый год они должны были отлить до 350 тыс. пуд. орудий и снарядов. Предприятия, добровольно приступившие к производству военных изделий, могли получить двойную цену при сдаче их в военное ведомство. В этом же документе были определены меры по развитию производства орудий на казенных заводах. В частности, Каменский завод получал дополнительное число работников. Так как завод не мог удовлетворить всех потребностей военного ведомства, решено было провести опыты по отливке орудий на Гороблагодатских заводах [см.: ПСЗРИ-1, т. 31, № 24368, с. 371–373].

В итоге выполнением военных нарядов занималось около 50 частных предприятий Урала, находившихся в Пермской (35 заводов), Оренбургской (9 заводов) и Вятской (5 заводов) губерниях. Военные заказы были распределены в основном на те предприятия, которые были задействованы в отливке снарядов еще в XVIII в. Объемы нарядов определялись с учетом их производительности в 1788–1789 гг. [ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 138, л. 96–97].

Надежды военного министра на помощь частных предприятий не оправдались. По целому ряду причин, среди которых недостаток руд, годных для отливки снарядов, несовершенство оборудования, нехватка квалифицированных мастеров, частные заводы Урала не выполнили требования Артиллерийского департамента. В частности, на 1812 г. частные предприятия получили наряд в 180 тыс. пуд., в том числе заводы Пермской губернии – 131 тыс., Оренбургской – 37 600, Вятской – 11 400 пуд. В это число входило 65 орудий, которые должны были приготовить Златоустовские заводы Кнауфа. К ноябрю 1812 г. здесь было отлито 146 тыс. пуд. Таким образом, невыполненной оказалась двухлетняя программа военного ведомства по обеспечению орудиями и снарядами. В итоге наряды для частных заводов были сокращены [Там же, л. 90–97].

Порядок платежей за военную продукцию, изготовленную на горных заводах, был определен еще в императорском манифесте от 21 мая 1779 г. Половину средств казенные заводы должны были получать от военного и морского ведомств сразу же после получения нарядов, остальные деньги – после доставки изделий. Цены на продукцию оставались

на уровне установленных указом 1728 г. Такой порядок расчетов был подтвержден указом Сената от 20 августа 1801 г. [см.: ПСЗРИ-1, т. 20, № 14878, с. 823; т. 26, № 19986, с. 756–757].

В 1803 г. система расчетов между различными ведомствами за продукцию, изготовленную для военных нужд, была упорядочена. Прием металлов и их браковка осуществлялись специальными чиновниками, которые выдавали квитанции о приемке, после чего металлы переходили в собственность органов военного управления. Отправка караванов могла продолжаться два года и более, в результате чего расчеты по военным поставкам затягивались. Министр финансов предлагал считать квитанции доказательством расчетов, по которым Берг-коллегия, не ожидая фактической доставки изделий, могла требовать оплаты. Все недостатки в металлах, которые обнаружатся после этого, относились на счет военных ведомств. Военный министр в ответ на это предложение потребовал, чтобы в случае утраты изделий взамен было поставлено такое же количество. Товарищ министра морских сил просил доставлять изделия для морского ведомства отдельно [см.: Там же, т. 27, № 20624, с. 465–466].

В результате министр финансов, военный министр и товарищ министра морских сил в 1807 г. подготовили совместный доклад, где отмечали, что военные ведомства и оружейные заводы не в состоянии вносить плату за изделия сразу после их получения. Расчет за изготовленную казенными заводами продукцию осуществлялся по частям и растягивался на длительное время. Все это приводило к накоплению долгов на Артиллерийском департаменте, Военном министерстве и оружейных заводах. В итоге система расчетов за военные изделия не изменилась [см.: Там же, т. 29, № 22456, с. 1016–1018].

Проблемы в расчетах за военные изделия между Министерством финансов и органами военного управления продолжали приводить к накоплению долгов на последних. Для решения этого вопроса 20 декабря 1810 г. императором было утверждено мнение Государственного совета, обязывавшее с 1811 г. отпускать с казенных заводов для Адмиралтейства, сухопутной артиллерии и Тульского оружейного завода орудия, снаряды, металлы и другие изделия без оплаты. Стоимость продукции определялась только для возмещения утраченного количества из казны [Там же, т. 31, № 24473, с. 500].

Органы военного управления осуществляли контроль над качеством продукции через своих представителей на горных заводах Урала. До начала XIX в. приемка военных изделий производилась комиссионерами воен-

ного и морского ведомств из числа артиллерийских и морских офицеров. Они направлялись на казенные заводы для приема и браковки орудий, снарядов и металлов в соответствии с требованиями Адмиралтейского регламента. Специальные чиновники занимались приемом железа, предназначенного для Тульского оружейного завода [см.: Сергиевский, с. 130].

К началу XIX в. в процессе приемки изделий накопилось большое количество противоречий между горными заводами и военными приемщиками. Горное ведомство было недовольно деятельностью комиссионеров, которые приезжали на заводы поздно, уже в зимнее время. Прием железа при низких температурах приводил к нарушению его качества. Вынужденные проводить осмотр железа в кратчайшее время приемщики браковали его при малейших недостатках, в результате чего большое количество металла признавалось негодным. Берг-коллегия отмечала, что военные комиссионеры проверяли качество продукции, не учитывая требования Адмиралтейского регламента [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 3033, л. 18–18 об.; РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 518, л. 2–3].

Для рассмотрения спорных вопросов 9 марта 1804 г. Александром I был учрежден специальный комитет из представителей органов военного управления и Горного ведомства в составе министра финансов А. И. Васильева, министра военных сухопутных сил С. К. Вязьмитинова, морского министра П. В. Чичагова, занимавшего должность инспектора всей артиллерии графа А. А. Аракчеева, а также начальника Гороблагодатских и Камских заводов А. Ф. Дерябина. Они должны были рассмотреть «все несогласия» и разработать правила приема и браковки военных изделий [РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 518, л. 41–41 об.].

Итогом деятельности комитета стала разработка «Положения для приема железа, якорей и артиллерийских снарядов», которое было высочайше утверждено 22 июня 1804 г. В Положении устанавливались требования к размерам, свойствам железа разных сортов, весу и качеству якорей и артиллерийских снарядов [см.: ПСЗРИ-1, т. 28, № 21359, с. 392–397]. В этом же году были утверждены правила пробы и приема артиллерийских орудий, отливаемых для флота. Военное и морское ведомства должны присылать на заводы модели и лекала всех сортов железа, снарядов, якорей и других изделий. Артиллерийский департамент, Морское министерство и оружейные заводы размещали своих комиссионеров на казенных пристанях, где они обязаны быть круглый год [Там же, № 21232, с. 236–238].

В итоге на горные заводы Урала были назначены военные приемщики, постоянно находившиеся на предприятиях и пристанях. На Уткин-

скую пристань в 1810 г. был направлен подполковник Я. М. Бикбулатов. К 1812 г. артиллерийские офицеры находились на Уткинской, Ослянской, Усть-Реченской, Лаишевской пристанях, а также на Гороблагодатских, Екатеринбургских (Каменском и Нижнеисетском), Златоустовских и Камско-Воткинском заводе. Военные комиссионеры были отправлены для приемки снарядов и на частные заводы. Для более оперативного управления командой приемщиков в январе 1812 г. генерал-инспектор артиллерии П. И. Меллер-Закомельский подчинил всех офицеров и нижних чинов, находившихся в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях, главному приемщику Я. М. Бикбулатову [ГАСО, ф. 39, оп. 1. д. 6, л. 7–8 об.; Сергиевский, с. 134].

Комиссионеры в процессе приемки изделий взаимодействовали с местной администрацией. Горное начальство сообщало главному приемщику о готовности военных изделий и необходимости их осмотра. В ответ он информировал горных начальников, кто из артиллерийских офицеров и когда прибудет на заводы для осуществления приемки. Кроме того, главный приемщик вел обширную переписку с главными конторами и Пермским горным правлением по вопросам отправки военной продукции в караванах и другим вопросам. Я. М. Бикбулатов уделял большое внимание не только самой приемке и браковке изделий, но и при посещении заводов наблюдал за процессом их изготовления. В частности, он обратил внимание на то, что на Каменском заводе снаряды отливались из доменных печей, а на Гороблагодатских из ваграночных [ГАСО, ф. 39, оп. 1, д. 1, л. 46–46 об.; д. 29, л. 110–111 об.].

Военные приемщики сопровождали караваны с продукцией к местам назначения. Им в помощь поступали нижние чины, находившиеся на каждом судне. Погрузка изделий осуществлялась под наблюдением смотрителя каравана при участии военного комиссионера. Последний должен был следить, чтобы грузы для разных мест не смешивались. Если судно в пути повреждалось или тонуло, артиллерийский офицер оставлял с ним рядового из своей команды, пока его не починят или не достанут из воды груз. В Лаишеве, где производилась перегрузка металлов для отправки вверх и вниз по Волге, артиллерийский офицер сдавал их другим военным комиссионерам, которые сопровождали их до мест назначения [Там же, л. 114–116; д. 29, л. 185–186].

Органы военного управления, недовольные качеством изделий, поступающих по нарядам, требовали улучшения их качества. Замечания были к продукции как казенных, так и частных заводов. Так, при приеме в Санкт-

Петербургский арсенал в 1807 г. железо Камских заводов было признано не соответствующим размерам и отправлено обратно на завод для переплавки. Главный артиллерийский приемщик Я. М. Бикбулатов отмечал, что на Белорецком заводе Пашкова и Узянском И. Демидова на бомбах и гранатах неисправности заколачивались железом. В итоге администрация этих заводов была привлечена к ответственности [ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 295, л. 4–4 об.].

Для решения спорных вопросов создавались совместные комиссии из чиновников военного, морского и горного ведомств. В 1809 г. директор Тульского оружейного завода при переходе к изготовлению ружей по новому образцу сообщал о низком качестве ствольного железа уральских заводов. Он отмечал, что половина стволов разрывалась при испытаниях. По предложению министра финансов Ф. А. Голубцова был создан специальный комитет, в работе которого приняли участие горный начальник Гороблагодатских и Камских заводов А. Ф. Дерябин и начальник Ижевского оружейного завода. Военное ведомство командировало с Тульского завода офицера, «имеющего познания по сей части», с двумя лучшими мастерами. Тульским мастерам было разрешено выбрать полосы лучшего качества и произвести с ними опыты по изготовлению ружейных стволов [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 40, л. 3–3 об., 22 об. – 24, 40–49].

Большая потребность в снарядах в ходе Отечественной войны заставляла Артиллерийский департамент смягчить требования по их приемке. В частности, снаряды, доставленные в январе 1812 г. с Гороблагодатских заводов на Дубовскую пристань, были еще раз пересмотрены и часть из них забракована. Но в связи с нехваткой их для артиллерии военному приемщику было предписано их перебраковать. Артиллерийская экспедиция разрешила допускать бомбы и гранаты со свищами и раковинами, не превышавшими установленные размеры (глубиной и шириной в малых снарядах не более $\frac{1}{4}$ дюйма, в больших – не более $\frac{1}{2}$ дюйма). Орудия по военной необходимости также принимались с дефектами [ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 268, л. 73–74 об., 109].

Таким образом, в начале XIX в. устанавливается порядок выполнения военных заказов государства на горных заводах Урала. Военное и морское ведомства играли ведущую роль в определении объемов военной продукции. В первое десятилетие XIX в. требования армии и флота в металлах и военных изделиях значительно увеличились в условиях ведения войн с Турцией и Ираном, подготовки к военным действиям с Францией. Поэтому органы военного управления вынуждены были сократить объемы

нарядов, часть их передать на частные заводы. Кроме того, они контролировали выполнение военных нарядов, качество продукции, осуществляли ее приемку через своих представителей на горных заводах.

-
- ГАСО. Ф. 24* (Уральское горное правление).
ГАСО. Ф. 28 (Нижнеисетский железоделательный завод).
ГАСО. Ф. 39 (Управление инспектора артиллерийских приемок на уральских заводах).
РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия).
РГВИА. Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства).
РГИА. Ф. 37 (Горный департамент).
Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М. : Соцэкгиз, 1962.
Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М. : Наука, 1973.
Ляпин В. А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. (г. Екатеринбург, 19–20 апреля 2000 г.). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. С. 196–198.
ПСЗРИ-I. СПб., 1830. Т. 20. № 14878; Т. 24, № 17669; Т. 26. № 19986; Т. 27. № 20406, 20624, 20747; Т. 28. № 21232, 21359, 21699; Т. 29. № 22456, 23854; Т. 31. № 24368, 24473; Т. 32. № 24971.
Пугачев В. В. К вопросу о военно-экономической подготовке к войне 1812 г. // Учен. зап. Перм. ун-та. 1955. Вып. 2. Т. 7. С. 163–170.
Сергиевский И. А. Зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX в. // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 128–138.
Сперанский В. Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1967.
Столетие военного министерства, 1802–1902: Исторический очерк развития военного управления в России. СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902.
Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное артиллерийское управление : ист. очерк. СПб. : Тип. М. О. Вольф, 1902.
Шилов А. В. К вопросу о влиянии войн начала XIX в. на положение горно-заводской промышленности Урала // Вопросы истории Урала : материалы 2-й науч. сессии вузов Уральской зоны в г. Перми, 20–22 апреля 1965 г. Пермь : [Б. и.], 1966. С. 82–91.

УДК 94(47).081/.082:929

С. О. Никиташина

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МУШКЕТОВ (1850–1902) – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Статья посвящена геологу Ивану Васильевичу Мушкетову. Осуществлена реконструкция процессов формирования личности и мировоззрения ученого, становления его как ученого-исследователя, активного популяризатора науки и вузовского педагога. Дана оценка результатов научно-исследовательской, преподавательской и общественной деятельности Мушкетова – выдающегося представителя научной элиты России второй половины XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: И. В. Мушкетов, отечественная научная элита, ученый-геолог, преподаватель, Россия, вторая половина XIX в., Санкт-Петербургский горный институт.

Выдающийся представитель научной элиты России второй половины XIX в., ученый, путешественник, внесший значительный вклад в познание природы России, богатств ее недр, Иван Васильевич Мушкетов достаточно хорошо известен как в нашей стране, так и за ее пределами. Его личность, жизненный путь, научная, преподавательская и общественная деятельность неоднократно привлекали внимание естествоиспытателей (геологов, географов, экологов и др.), историков и методологов науки.

Имя И. В. Мушкетова вписано в историю отечественной науки наряду с такими известными учеными второй половины XIX в. – его современниками, как П. Л. Чебышев, С. В. Ковалевская, Д. И. Менделеев, А. С. Попов, Н. Е. Жуковский, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. В. Докучаев, А. П. Карпинский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. Н. Анучин, П. А. Кропоткин, Н. М. Пржевальский и многие другие.

И. В. Мушкетов был создателем научных (геологических) школ, родоначальником геологической династии (его сын, Д. И. Мушкетов, продолжил дело). Учениками Мушкетова были известные ученые В. А. Обручев, К. И. Богданович, Л. И. Лутугин и др.

О значимости вклада И. В. Мушкетова в развитие естественных наук, особенно в региональную геологию России, в разработку тектоники, гляциологии, гидрогеологии и др., о масштабности его личности свидетельствуют статьи о нем в авторитетных справочных и энциклопедических изданиях [см.: Мушкетов Иван Васильевич, 1897; 1974; 1987]. Ему посвящены монографии [см.: Тарасов; Вайнер; Гурвич; Басков], множе-

ство научных статей [см.: Богданович, 1903; 1902а; Наливкин; Никиташина, 2013; Никиташина, Попова, 2015; Обручев, 1948; 1952а; 1952б], воспоминания [Лесгафт; Обручев, 1902; Тутковский], а после его кончины в 1902 г. – множество некрологов [см.: Богданович, 1902б; Иностранцев; Карпинский; Криштафович; Никиташина, 2017; Памяти И. В. Мушкетова; Шокальский].

Рассматривая И. В. Мушкетова как представителя научной элиты России, следует учитывать также его роль в распространении и популяризации научных знаний, деятельность как действительного и часто почетного члена ряда научных обществ, большую педагогическую работу в ведущих учебных заведениях страны.

Несмотря на значительное внимание к личности, жизни и творчеству И. В. Мушкетова, проявленное в разные годы, данная тема и в настоящее время остается актуальной по ряду причин: в обществе существенно изменилось положение науки и ее творцов – ученых и, как следствие, важным и в то же время дискуссионным стало понятие «научная элита», представителем которой был Мушкетов; обострилась борьба за приоритеты в сфере науки, что обуславливает необходимость выявления, обоснования и адекватной оценки вклада российских ученых в создание и развитие наук (в том числе горно-геологического профиля), в мировую науку; необходимо ознакомить общество с ранее неизвестными или малоизвестными материалами о Мушкетове из архивных и рукописных фондов. Внимание к личности, научной и преподавательской деятельности Мушкетова послужит усилению интереса и уважения к науке и ученым России, в том числе к истории Санкт-Петербургского горного института ввиду предстоящего его юбилея – 250-летия в 2023 г.

Цель статьи – дать оценку результатов многогранной научно-исследовательской, преподавательской и общественной деятельности И. В. Мушкетова и тем самым обосновать то, что он является выдающимся представителем научной элиты России второй половины XIX в. Достижению этой цели должны способствовать: реконструкция процессов формирования личности и мировоззрения ученого, становления его как ученого-исследователя, представление ученого как активного популяризатора науки и вузовского педагога.

Большинство работ, посвященных Мушкетову, опубликованы в начале и середине XX в., однако в них почти не использовались материалы наследия ученого, хранящегося в Санкт-Петербурге, в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Эти работы посвящены отдель-

ным и важным сторонам жизнедеятельности И. В. Мушкетова, например, его как геолога и путешественника или его роли в познании геологии Средней Азии [см.: Гурвич; Вайнер].

Рассмотрение и анализ работ об И. В. Мушкетове даст основание для выводов о необходимости критического отношения к содержащимся в работах прошлого некоторым оценкам личности и деятельности этого ученого, обусловленных уровнем развития науки и идеологическими установками; переоценки его вклада в отечественную и мировую науку (в горно-геологические науки); учета суждений и оценок его личности и деятельности его современниками, в том числе знавшими его лично, содержащихся в мемуарах, в посвященных ему некрологах и др.; создания целостного, многогранного его образа как ученого, преподавателя, общественного деятеля; более полного обоснования того, что он был выдающимся представителем научной элиты России второй половины XIX в.

Иван Васильевич Мушкетов родился 20 (по ст. ст.) января 1850 г. в казачьей станице Алексеевской, расположенной на берегу р. Бузулук, в живописном месте, предопределившем любознательность, любовь и интерес будущего ученого-естествоиспытателя к природе [ГАРО, ф. 226, оп. 19, д. 97, л. 1801 об.]. Этому способствовали путешествия мальчика по донским степям, Дону и Волге, обучение в Урюпинском приходском училище, Новочеркасской классической гимназии, чтение приключенческой и научно-фантастической литературы, а также гимназический преподаватель естествознания С. Ф. Номикосов, от которого он узнал о геологии и геологах и с которым совершал познавательные краеведческие экскурсии.

В 1867 г. И. В. Мушкетов начал учебу в Санкт-Петербургском горном институте, где продолжилось формирование его личности и научных интересов и с которым в дальнейшем была связана вся его жизнь. Посещение Горного музея, осмотр его минералогических коллекций усилили интерес к геологии и минералогии [ЦГИА, ф. 963, оп. 1, д. 5131, л. 2].

В институте И. В. Мушкетов изучал геологию, петрографию, методы и способы поисков, разведки и эксплуатации рудных месторождений, увлеченно выполнял в лаборатории работы по минералогии и петрографии, следил за развитием геологии – сравнительно молодой в то время науки, посещал научные конференции. На 5-м курсе он сделал первые шаги в своей исследовательской работе: изучил и описал горную породу Волынского края «волынит», результаты доложил 4 апреля 1872 г. на заседании Санкт-Петербургского минералогического общества. По представлению профессора Г. Д. Романовского его доклад был опубликован

в «Записках» этого общества [см.: Мушкетов, 1872]. По мнению известного ученого Е. С. Федорова, в этой работе Мушкетов проявил те индивидуальные черты, которым предстояло получить развитие в будущей деятельности, по его словам, «громкого представителя науки» [Федоров].

Самостоятельное исследование вольтинита, доклад о нем, статья в научном издании – все это стало исходным пунктом формирования качеств личности И. В. Мушкетова как естествоиспытателя-исследователя, его быстрого вхождения в научное сообщество, положило начало его самоопределению в науке, в системе геологических наук.

После окончания в 1872 г. Горного института и получения звания горного инженера Мушкетов был направлен на Южный Урал, где исследовал геологию золотоносных месторождений Кочкарской горной системы, прииски в районе р. Миасс, Троицка и отметил при этом кустарные и хищнические способы их разработки. Там он обнаружил три ранее неизвестных минерала; изучил коллекцию минералов Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ); систематизировал ее в соответствии с новейшей классификацией. Полученные им научные результаты были доложены на заседании комитета УОЛЕ и отражены в печатных работах 1870-х гг. [см.: Мушкетов, 1873а; 1873б; 1873в; 1878].

Проделанная на Урале И. В. Мушкетовым работа и ее итоги говорили, во-первых, о начале разработки им нового направления – региональной геологии и, во-вторых, что важно, о самостоятельном и творческом подходе начинающего ученого к поставленной перед ним исследовательской задаче, характеризовавшем его уже на этом этапе как перспективного, самостоятельно и критически мыслящего молодого представителя научной элиты страны.

Во второй половине 1873 г. перед И. В. Мушкетовым как исследователем открылись новые перспективы в качестве помощника горного инженера, профессора Г. Д. Романовского в изучении Туркестана. Получив предложение начать изучение геологического строения и малоизвестных минеральных ресурсов Средней Азии, горных районов Туркестана, он стал преемником в этом деле известных географов-путешественников – П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова. Осенью 1873 г. в Ташкенте он получил должность младшего чиновника особых поручений по горной части при туркестанском генерал-губернаторе.

Приступая к работе, И. В. Мушкетов предварительно изучил труды путешественников, ранее посетивших Среднюю Азию. Тщательность, учет имевшихся результатов изучения региона характеризовали его как основательного ученого.

И. В. Мушкетову также, как и его предшественникам, ранее посетившим эту территорию, потребовались смелость, мужество и самоотверженность. Во-первых, Средняя Азия была недавно присоединена к России¹, в ней была сложная обстановка; во-вторых, это был новый, не изученный ранее регион. Поэтому основная цель экспедиции ученого носила практический характер: изучить геологию и полезные ископаемые Туркестана с точки зрения возможности их будущего извлечения и использования.

В 1874 г. И. В. Мушкетов исследовал Сыр-Дарьинскую область, хребет Каратау, Бадамские горы. В следующем году им была предпринята вторая экспедиция в Туркестан с целью обследования северной части Тянь-Шаня, от Ташкента до Кульджи, южного склона Джунгарского Алатау. В отчете он кратко представил результаты экспедиции [см.: Мушкетов, 1877а]. Им было изучено геологическое строение, тектоника и закономерности формирования рельефа, собрана, изучена и описана коллекция полезных ископаемых, открыто множество месторождений медных, сербросвинцовых руд, графита и других полезных ископаемых, намечены пути их дальнейшего изучения, а также опровергнуты взгляды немецкого ученого А. Гумбольдта о роли вулканизма в формировании ландшафта Средней Азии. Последний факт говорит о его критическом отношении к имеющимся знаниям, невзирая на авторитеты. Научные результаты экспедиции были опубликованы в ряде работ [см.: Мушкетов, 1877б; 1877в; 1877г; 1877д].

В 1877 г. Мушкетов совершил третье путешествие в Среднюю Азию, во время которого изучал геологическое строение Алайского и Заалайского хребтов, района оз. Кара-куль, Ферганской долины, а в 1878 г. – четвертое с целью изучения восточной части Ферганской долины и побережья оз. Чатыр-куль, в 1879 г. – пятое для исследования геологии Западного Гиссара и Кызыл-кума, в 1880 г. были проведены геологические экскурсии в Семиреченскую область, на оз. Иссык-Куль, восхождение на Зеравшанский ледник.

Проведение шести экспедиций в Среднюю Азию за короткий период (1873–1880) свидетельствует о том, что с самого начала своей научной деятельности И. В. Мушкетов был не «кабинетным» ученым, а, вопреки всем препятствиям и трудностям, неутомимым путешественником, всесторонне и творчески проводившим географические и геологические

---

¹ Хивинское, Кокандское и Бухарское ханства вошли под юрисдикцию России в 1865–1875 гг.

исследования. Полученный при этом материал был упорядочен, проанализирован, обобщен в научных работах – опубликованных отчетах, в статьях, помещенных в специальных периодических изданиях [см.: Мушкетов, 1878; 1877е; 1880; 1881; его же, Геологическая экспедиция..., 1879а]. В них были затронуты различные проблемы: вопросы орографии, палеографии, петрографии, геологии, минералогии, вулканизма, месторождений полезных ископаемых, почв, ледников, тектоники этого региона. Это свидетельствовало о многогранности его научных интересов и вместе с тем указывало на понимание существования связей и взаимодействий в природе. Системное видение объектов является характерной чертой представителей научной элиты.

1877 г. – это время экспедиции И. В. Мушкетова на Алтай и Памир, описанной им в статьях, опубликованных несколько позднее в изданиях императорских научных обществ России (Минералогического и Географического) и в печатном органе Санкт-Петербургского Горного института – «Горном журнале». Целью этой экспедиции было изучение геологического строения Алтая и Памира [см.: Мушкетов, 1879а; 1879б; 1879в]. Закончив исследование Туркестана, Мушкетов вместе с профессором Г. Д. Романовским составил геологическую карту этого региона [см.: Геологическая карта...].

Итак, первый этап научно-исследовательской деятельности Мушкетова, длившийся с 1872 по 1880 г., был насыщенным, сложным, многоплановым, наполненным экспедициями в трудные для путешествий регионы, но и весьма плодотворным. Об этом свидетельствуют его отчеты, доклады, статьи, высокие оценки его деятельности, что в совокупности обеспечило его вхождение в круг отечественной научной элиты в возрасте 22–30 лет.

1881–1887 гг. в жизни Мушкетова были временем продолжения начатой на раннем этапе многоплановой работы по региональной геологии, о чем свидетельствует обширная география его научно-практических поездок (Кавказ, Липецк, Калмыкия, Закаспийская область, Крым).

В 1881 и 1884 гг. Мушкетов изучал геологию Кавказа, оледенения (ледники) Эльбруса и Казбека, минеральные источники, месторождения руд и каменного угля, нефти и цветных металлов и опубликовал результаты в виде научных статей [см.: Мушкетов, 1882а; 1882б; 1883; 1886а].

В 1882 г. Мушкетов был избран старшим геологом Геологического комитета России, по заданию которого в 1883 г. обследовал Липецкие минеральные воды в связи с опасением, что они могут иссякнуть. Он дал

им исчерпывающую характеристику, сформулировал практические рекомендации по их разработке и использованию для системы здравоохранения [см.: Мушкетов, 1885]. В 1884 и 1885 гг. по поручению комитета изучал геологию Калмыцких степей и соленых озер Крыма с точки зрения использования последних в бальнеологических целях [см.: Мушкетов, 1886б].

1886 г. – заметная веха жизненного пути И. В. Мушкетова как ученого: он подготовил к печати свой труд «Туркестан». Первый том этого многолетнего труда, увидевший свет в этом же году, стал теоретическим обобщением полученных во время экспедиций материалов о геологическом строении обширной территории предгорных и низменных частей Средней Азии. Вместе с «Геологической картой Туркестанского края», созданной Мушкетовым совместно с Г. Д. Романовским и опубликованной в 1884 г., книгу «Туркестан» можно считать первым капитальным исследованием геологии Средней Азии и своего рода энциклопедией этой обширной области [см.: Мушкетов, 1886в].

Еще одним заметным событием, определившим расширение научных интересов, деятельности и вклада И. В. Мушкетова в науку, стало землетрясение в городе Верном, носившем это название в 1867–1921 гг. (затем – Алма-Ата), происшедшем 9 июня 1887 г. Правительством России была направлена специальная экспедиция для изучения особенностей и последствий этого землетрясения, которую возглавил Мушкетов. Наблюдения процессов в горных районах и строения последних, на которые распространилось землетрясение, позволили ученому подтвердить ранее возникшую у него идею о том, что среднеазиатская сейсмичность обусловлена тектоническими явлениями, а не вулканизмом. Результаты теоретической обработки эмпирических наблюдений были изложены им в специальных работах, которые вместе с рядом статей по этой тематике, включая «Каталог землетрясений России», составили основу относительно нового для того времени, важного научного направления – геотектоники [см.: Мушкетов, 1888а; 1888б; 1890а; 1890б; 1891; Мушкетов, Орлов].

Период жизни и деятельности И. В. Мушкетова, охватывающий 1881–1887 гг., был временем интенсивного научно-исследовательского труда, экспедиций в различные регионы России с разными теоретическими и практическими целями. Реализация этих целей привела к тому, что ученый, помимо дальнейшего развития региональной геологии, сделал заметный вклад как в традиционные науки, входящие в комплекс геологических наук, так и в новейшие науки того времени – гляциологию, гидро-

геологию, геотектонику, сейсмологию и др. В геологии того времени шли процессы приращения знаний, их систематизации, внутренней дифференциации и тем самым – самоопределения ее в общей системе наук второй половины XIX в.

Деятельность И. В. Мушкетова на этом этапе способствовала его известности в научном сообществе, повышению авторитета как ученого, усилению процесса его дальнейшего вхождения в научную элиту нашей страны.

Начало 1890-х гг., а именно 1891 г., ознаменовался выходом в свет 1-й части обширного труда И. В. Мушкетова «Физическая геология», задуманного как учебное пособие, но вышедшим за пределы этого жанра, благодаря обстоятельному анализу, теоретическим обобщениям, идее о связи геологии и географии.

1890-е гг. были временем продолжения развития И. В. Мушкетовым региональной геологии (благодаря его поездкам в Астраханскую губернию и Киргизские степи, Крым) вместе с изучением водных ресурсов этих территорий для практических целей. Кроме того, он продолжал заниматься проблемами гляциологии. О признании за пределами нашей страны его вклада в эту науку (весьма перспективную в настоящее время) свидетельствовало избрание его председателем Международной комиссии по исследованию ледников (от России) [см.: Басков, с. 186].

О разносторонности деятельности Мушкетова в 1890-е гг., его неумоимости свидетельствуют его поездки в эти годы в Одессу (для изучения оползней), Полесье (в связи с проблемой осушения болот), Липецк (для изучения месторождений железных руд), на Кавказ (для изучения причин и особенностей Ахалкалакского землетрясения), в Забайкалье (для консультаций по вопросу проектирования кругобайкальской железной дороги), результаты которых также были представлены в публикациях этих лет.

Рассматриваемое десятилетие жизни Мушкетова (1890-е гг.) также было очень насыщенным. Его деятельность в этот период была востребованной, а ее результаты, как всегда, продуктивными, что добавило оснований для причисления его к научной элите нашей страны. Но это же десятилетие, к сожалению, стало последним в жизни ученого. 10 января 1902 г. И. В. Мушкетов преждевременно скончался.

Особое место в жизни И. В. Мушкетова занимало его участие в работе различных научных обществ – объединений авторитетных и активных представителей различных наук, которые возникли в России в XIX в.

Особый интерес представляют два общества, членом которых Мушкетов был и в которых наиболее активно работал, – это Императорское минералогическое общество и Императорское Русское географическое общество. Но его деятельность была связана также и с другими научными союзами – с Уральским обществом любителей естествознания, действительным членом которого он был избран в 1873 г., Русским обществом охранения народного здоровья и Русским бальнеологическим обществом, с Обществом естествоиспытателей и врачей (Санкт-Петербург) в связи с изучением минеральных вод и др.

Примечательно, что первые научные работы И. В. Мушкетова были опубликованы в «Записках» Императорского минералогического общества (далее ИМО), действительным членом которого он был избран в 1873 г. В дальнейшем он разместил в них около 30 своих работ, охвативших практически все стороны его исследований. Участие в работе ИМО было почетно и в то же время ответственно для ученых того времени и свидетельствовало о высоком научном уровне их исследований.

Это общество было одним из старейших обществ подобного рода в Европе. Так, до него существовали: в Германии – Великокняжеское минералогическое общество в Йене (1797–1885) и Дрезденское минералогическое общество (1816–1832), в Англии – Британское минералогическое общество (1799–1806). В России такое общество возникло в 1817 г. К моменту избрания И. В. Мушкетова его действительным членом оно существовало около полувека, имело свои традиции и авторитет. Само по себе членство в нем было доказательством признания значимости результатов работы ученых.

Пrestиж ИМО определялся рядом факторов. Его возглавляли известные, уважаемые люди и крупные ученые. Так, в 1873–1900 гг., во время участия Мушкетова в работе этого общества, его президентами были: Н. М. Романовский (Лейхтенбергский), Е. М. Ольденбургская; директорами: академики Н. И. Кокшаров (1865–1892), П. В. Еремеев (1892–1899), А. П. Карпинский (1899–1928). Членами общества являлись русские и иностранные ученые с мировыми именами (нередко академики), такие как В. М. Севергин, А. М. Бутлеров, Н. И. Кокшаров, А. А. Иностранцев, Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, А. П. Карпинский, Е. С. Федоров, А. Е. Ферсман, В. А. Обручев, Ч. Лайель, А. Гумбольдт и др., составлявшие научно-интеллектуальную элиту общества, в которую входил и И. В. Мушкетов, – с 1890 г. почетный член этого общества.

Деятельность Мушкетова в ИМО не ограничивалась лишь публикацией его работ в «Записках» общества. 1864–1882 гг. имели исключи-

тельное значение для всестороннего геологического изучения территории России. В эти годы ИМО проводило систематическое геологическое изучение обширных территорий: значительной части Украины, Поволжье, Приуралье, северную часть Европейской России – более 30 губерний. В ряду выдающихся исследователей, участвовавших в геологических съемках страны, вместе с такими известными учеными, как Н. П. Барбот де Марни, В. В. Докучаев, А. А. Иностранцев, И. И. Лагузен, Г. Д. Романовский и др., был также и И. В. Мушкетов.

В 1876 г. И. В. Мушкетов был избран действительным членом Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) – общественного, внеакадемического объединения ученых-естествоиспытателей и путешественников. Общество было создано в 1845 г. по повелению императора Николая I. В числе его учредителей были известные общественные деятели, деятели науки и культуры: историк и географ К. И. Арсеньев, астроном В. Я. Струве, адмиралы русского флота И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель и Ф. П. Литке, сенатор М. Н. Муравьев, князь Вл. Одоевский и др. Его первым председателем был назначен великий князь Константин Николаевич (1845–1892), в последующие годы (1892–1917) – великий князь Николай Михайлович.

В 1849 г. был принят постоянный устав этой организации, и она получила название Императорского Русского географического общества. Основной целью его основателей явилось изучение «родной земли и людей, ее обитающих», собирание и распространение географических, статистических и этнографических сведений о России.

ИРГО было во времена И. В. Мушкетова (и остается поныне) уникальным, элитарным союзом ученых. Его членами состояли выдающиеся представители русской науки XIX в.: Ф. Ф. Берг, Ф. А. Бредихин, А. И. Воейков, Г. П. Гельмерсен, В. И. Даль, В. В. Докучаев, Н. М. Пржевальский, О. В. Струве, В. Я. Струве, Н. Н. Миклухо-Маклай и многие другие.

Географическое общество организовало сотни экспедиций по исследованию и освоению различных регионов нашей страны: Арктики, Сибири и Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Мирового океана. Имена многих его членов, в том числе И. В. Мушкетова, присвоены географическим объектам.

С 1885 г. И. В. Мушкетов выполнял функции председателя отделения физической географии ИРГО, был членом Совета, редактором «Записок» этого общества и принимал участие в издании его «Ежегодника». Уже на следующий год после избрания Мушкетова действительным членом ИРГО, т. е. в 1886 г., он был награжден серебряной медалью обще-

ства, а спустя три года – Константиновской медалью за исследования нагорной части Туркестанского края – огромной, сложной и опасной для экспедиционной деятельности территории. Эти исследования легли в основу новой зарождавшейся науки – региональной геологии. Всего в изданиях ИРГО опубликовано около 40 его работ.

Деятельность И. В. Мушкетова была насыщенной, многообразной и разносторонней: он участвовал в комиссиях при Географическом и Минералогическом обществах, при Горном департаменте и Министерстве земледелия; был членом Совета Биологической лаборатории, членом суда чести при Союзе писателей; делал доклады в научных обществах; исполнял обязанности инспектора в Горном институте. Она включала в себя деловые контакты и переписку с представителями высшего слоя научной интеллигенции, в состав которого Мушкетов входил на протяжении трех десятилетий своей жизни.

Авторитет И. В. Мушкетова как ученого был высоким, о чем свидетельствует его избрание не только в российские, но и зарубежные научные общества. Среди них можно назвать Венское географическое общество (с 28 марта 1893 г.) и Норвежское королевское общество (с 14 мая 1898 г.) [РНБ, ф. 503, д. 3, л. 9, 10]. Признание заслуг ученого за рубежом указывало на признание успехов российской науки.

Мушкетов вошел в состав российской интеллектуальной элиты не только благодаря своей научно-исследовательской, экспедиционной, общественной деятельности, но и многолетней педагогической работе.

Педагогическая работа И. В. Мушкетова началась в 1877 г., когда он защитил в Санкт-Петербургском горном институте диссертацию на звание адъюнкта по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений и был утвержден в этой должности 27 ноября этого же года и занимал ее до 1895 г. В дальнейшем, с 1896 г., он был членом Совета горного института и ординарным профессором по указанной выше кафедре (до 1902 г.). С этого же года он читал лекции также по петрографии и рудным месторождениям.

В Горном институте И. В. Мушкетов создал школу русских геологов – горных инженеров, которые хорошо знали горное дело и геологию. Это сочетание знаний необходимо для исследования месторождений полезных ископаемых. Многие ученики Мушкетова стали выдающимися учеными, вузовскими профессорами, некоторые – членами-корреспондентами или действительными членами Академии наук СССР.

И. В. Мушкетов преподавал физическую географию в Историко-филологическом институте (1883–1892), в Санкт-Петербургском инсти-

туте инженеров путей сообщения (1884–1902), на Высших женских курсах и на Курсах физического образования П. Ф. Лесгафта.

Благодаря своей активной преподавательской деятельности и заметному вкладу в подготовку специалистов, И. В. Мушкетов вошел не только в научную элиту (в узком смысле слова), но и в профессиональное сообщество педагогов высокого класса. Результатом богатого педагогического опыта И. В. Мушкетова стала подготовка и издание им учебных курсов лекций, учебников, пособий, руководств, программ: «Курса геологии», «Лекций по геологии», «Исторического очерка развития геологии», «Лекций по минералогии» и др. [см.: Мушкетов, 1880; 1887; 1888; 1900; 1892]. В частности, он выпустил первое учебное пособие по петрографии и двухтомное руководство по физической геологии [см.: Мушкетов, 1895; 1888–1891, т. 1–2]. Последнее по полноте и основательности содержания не имело себе равного ни в русской, ни в иностранной научной литературе, во втором издании Мушкетов успел выпустить только первый том, второй закончили его ученики [см.: Мушкетов, 1899–1906]. Позднейшие издания были дополнены его сыном, Дмитрием Ивановичем Мушкетовым [см.: Мушкетов, 1924–1926; 1935, т. 1]. Это издание длительное время являлось наиболее полным в русской литературе и было необходимым справочником для всех занимающихся геологией или интересующихся ею. За этот труд И. В. Мушкетову была присуждена Макарьевская премия.

XIX столетие в истории России – время интенсивного социального, экономического и культурного развития. Необычайный подъем испытала и наука, особенно естествознание, результатом чего явилось быстрое формирование социальной страты – российской интеллигенции, в составе которой можно выделить уровни (слои): массовый и более узкий и малочисленный – элитарный.

Реконструкция деятельности Ивана Васильевича Мушкетова как выдающего ученого-естествоиспытателя, путешественника, педагога, общественного деятеля, его вклада в отечественный культурный фонд позволяют сделать вполне обоснованный вывод о том, что он является выдающимся представителем культурно-интеллектуальной элиты России второй половины XIX столетия в целом, научной, в частности. Он обладал всеми свойствами, присущими представителям не ординарного, а высшего уровня науки российского общества. К такого рода свойствам относятся профессиональные черты ученого-исследователя, явно присущие И. В. Мушкетову: стремление к новому знанию, основательность, уважение к результатам труда предшественников, многогранность исследовательских

интересов и устремлений, активность, коммуникабельность в рамках научного сообщества и за его пределами, стремление передать свои знания другим поколениям.

Кроме того, И. В. Мушкетов, судя по его трудам, обладал еще рядом способностей и черт, необходимых именно для работы в областях естественных наук – наблюдательностью, умением фиксировать характеристики природных объектов, стремлением выяснить причину, сравнить, классифицировать, систематизировать – словом использовать весь арсенал эмпирического исследования. Это были немаловажные качества, так как геология, петрография, минералогия, география, которыми занимался ученый, были науками собирающими, накапливающими материал, обобщающими и систематизирующими свои объекты, постепенно подходящими к следующим – теоретическим – этапам своего развития.

Доказательством того, что И. В. Мушкетов по праву может быть отнесен к научной элите России является то, что он стоял у истоков ряда наук, если не сказать, что он был их создателем, на что неоднократно указывали его биографы. Речь при этом идет, в первую очередь, о региональной геологии, сейсмологии и гляциологии.

Признаком элитарности можно считать и то, что ученый не замыкался в чисто научных исследованиях, будь они эмпирическими или теоретическими. Вместе с научной разработкой проблем геологии, петрографии, минералогии, географии, гидрогеологии, сейсмологии, гляциологии и т. п. И. В. Мушкетов всегда видел прагматическую перспективу, т. е. решал и практические задачи по освоению природных объектов (месторождений полезных ископаемых, минералов, водных источников и т. д.), по адаптации к явлениям землетрясений и др., делая при этом не только вклад в науку, но и принося тем самым пользу стране.

И. В. Мушкетов, обладая громадной эрудицией в сфере горно-геологических наук, передавая свои знания своим коллегам и ученикам, популяризируя науку, не замыкался в своей работе в кабинетном пространстве, не ограничивался литературными источниками, а сам (со своими единомышленниками, вопреки всем трудностям) активно занимался приращением новых знаний, чему способствовали его многочисленные экспедиции в неизведанные или, по меньшей мере, малоизведанные и труднодоступные районы России. Во время путешествий он изучал недавно присоединенные к России территории, за которые продолжалась борьба, что было сопряжено не просто с физическими трудностями, преодолением природных сложных рельефов, но и со многими рисками для жизни. В этой связи добавим, что И. В. Мушкетову присущи такие нравственные

черты, как мужество, бесстрашие, ответственность, обязательность – словом, те качества, которые необходимы в трудных условиях экспедиций в неизведанные земли. И. В. Мушкетов был новым для XIX в. типом ученого-исследователя, явно отличавшимся от привычных стереотипов, от образа ученого-отшельника.

Басков Е. А. Иван Васильевич Мушкетов, 1850–1902. Л. : Наука, 1986.

Богданович К. И. И. В. Мушкетов: Научные заслуги и деятельность его // Зап. С.-Петерб. минерал. об-ва. СПб. : Изд-во Ин-та инж. путей сообщ., 1903. Ч. 40. С. 1029–1039.

Богданович К. И. Иван Васильевич Мушкетов : [некролог] // Изв. Геол. ком. СПб., 1902б. Т. 21, № 1. С. 1–18.

Богданович К. И. Влияние научных трудов И. В. Мушкетова на развитие географического познания об Азии // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1902а. Т. 38, вып. 6. С. 629–644.

Вайнер Л. А. Иван Васильевич Мушкетов и его роль в познании геологии Средней Азии. Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1954.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226.

Геологическая карта Туркестанского края, составленная в 1881 г. горными инженерами Г. Д. Романовским и И. В. Мушкетовым. СПб. : Изд-во Картогр. заведений Военно-топогр. отд. Главного штаба, 1884.

Гурвич С. С. И. В. Мушкетов – геолог и путешественник. Сталинград : Обл. книгоиздат, 1951.

Иностранцев А. А. Краткая речь, посвященная памяти скончавшегося в январе 1902 г. действ. члена С.-Петерб. общ-ва естествоиспытателей проф. И. В. Мушкетова // Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспытателей. 1902. Т. 33, № 2. С. 6–37.

Картинский А. П. Памяти И. В. Мушкетова // Горн. журн. 1902. № 2. С. 203–207.

Криштафович Н. Памяти И. В. Мушкетова // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1902. Т. 6, вып. 1. С. 49–52.

Лесгафт П. И. В. Мушкетов: Воспоминания // Изв. С.-Петерб. биол. лаборатории. 1902. Т. 6, № 4. С. 28–29.

Мушкетов Иван Васильевич // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1897. Т. 39. С. 254–255.

Мушкетов Иван Васильевич // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Совет. энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 147–148.

Мушкетов Иван Васильевич // Горная энциклопедия. М. : Совет. энциклопедия, 1987. Т. 3. С. 415–416.

Мушкетов И. В. Верненское землетрясение 28 мая (9 июня) 1887 г. // Тр. Геол. ком. 1890а. Т. 10, № 1. С. 4–154.

Мушкетов И. В. Вольтинит // Зап. С.-Петерб. минерал. об-ва. СПб., 1872. Ч. 7. С. 320–329.

Мушкетов И. В. Восхождение на Зеравшанский ледник // Зап. С.-Петерб. минерал. об-ва. СПб., 1881. Ч. 16. С. 329–331.

Мушкетов И. В. Вулканы Центральной Азии // Зап. Рус. Геогр. об-ва по общей географии. СПб., 1877е. Т. 39, вып. 1. С. 233–242.

Мушкетов И. В. Геологическая поездка на Кавказ в 1881 г. // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1882б. Т. 18. С. 106–119.

Мушкетов И. В. Геологическая экспедиция на Алтай и к оз. Чатыр-куль // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1879а. Т. 14, вып. 4. С. 392–394.

Мушкетов И. В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 г. // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1881. Т. 17, вып. 2. С. 79–103.

Мушкетов И. В. Геологические заметки о Кавказских минеральных водах // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1886а. Ч. 22. С. 71–126.

Мушкетов И. В. Геологические исследования в северном Тянь-Шане и районе Кульджи // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1877б. Ч. 12. С. 257–258.

Мушкетов И. В. Геологические исследования Калмыцкой степи в 1885 г.: предварит. отчет // Изв. Геол. комитета. СПб., 1886б. Т. 5, № 5. С. 203–234.

Мушкетов И. В. Геологический очерк Липецкого уезда Тамбовской губернии в связи с минеральными источниками г. Липецка: предварительный отчет // Тр. Геол. комитета. СПб., 1885. Т. 1, № 4. С. 1–69.

Мушкетов И. В. Геологическое путешествие на Алай и Памир в 1877 г. // Отчет Рус. Геогр. об-ва за 1877 г. СПб., 1878. С. 45–58.

Мушкетов И. В. Геология : лекции (стеногр.), читаемые студентам IV-го курса Горного ин-та проф. И. В. Мушкетовым в 1886/7 ак. г. СПб. : Лит. Яздовского, [1887].

Мушкетов И. В. Геология : [лекции]. СПб. : Лит. Яздовского, [1888].

Мушкетов И. В. Главнейшие результаты поездки на Кавказ в 1881 году // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1883. Ч. 18. С. 249–251.

Мушкетов И. В. Землетрясение 28 мая 1887 г. в г. Верном // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1888а. Т. 24, вып. 2. С. 65–90.

Мушкетов И. В. Землетрясения, их характер и способы наблюдений // Изв. Рус. Геогр. общ-ва. СПб., 1890б. Т. 26. С. 1–47.

Мушкетов И. В. Исторический очерк развития геологии. СПб. : Лит. Яздовского, [1900].

Мушкетов И. В. Краткий курс петрографии : для студ. Ин-та инженеров путей сообщения имп. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1895.

Мушкетов И. В. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1877а. Ч. 12. С. 117–236.

Мушкетов И. В. Краткий очерк геологического путешествия на Алтай и к оз. Чатыр-куль летом 1878 г. // Горн. журн. 1879в. Т. 1. С. 138–146.

Мушкетов И. В. Курс геологии, читаемый в Горн. институте г. адъюнктом И. В. Мушкетовым. СПб. : Ф. Радлов и А. Кокшаров, 1880.

Мушкетов И. В. Материалы для изучения геогностического строения рудных богатств Златоустовского горного округа в Южном Урале // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1878. Ч. 13. С. 9–242.

Мушкетов И. В. Материалы для изучения землетрясений в России // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1891. Т. 27. С. 1–62.

Мушкетов И. В. Минералогия: лекции, читаемые проф. И. В. Мушкетовым. 1891/92 г. СПб. : [Ин-т инж. путей сообщ. ; литогр.], [1892].

Мушкетов И. В. Новейшие послетретичные отложения в Тянь-Шане // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1877г. Ч. 12. С. 269.

Мушкетов И. В. О вулканизме Средней Азии // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1877в. Ч. 12. С. 266–267.

Мушкетов И. В. О геологической экспедиции на Алтай и к оз. Чатыр-куль в 1878 г. // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1879б. Ч. 14. С. 256–257.

Мушкетов И. В. О минералогической классификации Дана // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания, 1873а. Т. 1, вып. 2. С. 116–133.

Мушкетов И. В. О некоторых месторождениях золота в России. Из отчета о практических занятиях горн. инж. И. В. Мушкетова // Горн. журн. 1873б. Т. 1. С. 83–89.

Мушкетов И. В. О некоторых минералах Кавказа // Зап. С.-Петербург. минерал. общ-ва. СПб., 1882а. Ч. 17. С. 381–382.

Мушкетов И. В. Орографический характер северного Тянь-Шаня // Изв. Рус. Геогр. об-ва за 1876. СПб., 1877д. Т. 12, вып. 6. С. 222–223.

Мушкетов И. В. Поездка на Памир и Алтай в 1877 г. // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1879. Т. 14. С. 82–84.

Мушкетов И. В. Предварительный отчет об исследовании землетрясения в г. Верном 28 мая 1887 г. // Изв. Геол. комитета. СПб., 1888б. Т. 7, № 1. С. 1–14.

Мушкетов И. В. Туркестан: Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. : в 2 т. СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1886в. Т. 1.

Мушкетов И. В. Успенский золотой рудник Новикова в Южном Урале // Зап. С.-Петербург. минерал. об-ва. СПб., 1873в. Ч. 8. С. 43–48.

Мушкетов И. В. Физическая геология : курс лекций, читаемых студентам Горн. ин-та и Ин-та инж. путей сообщ. : в 2 ч. СПб. : Изд-во Ин-та инж. путей сообщ., 1888–1891.

Мушкетов И. В. Физическая геология : в 2 т. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во Ин-та инж. путей сообщ., 1899–1906.

Мушкетов И. В. Физическая геология : в 2 т. Изд. 3-е, перераб. и доп. Д. И. Мушкетовым. Л. : Госиздат, 1924–1926.

Мушкетов И. В. Физическая геология. Изд. 4-е. Л. ; М. : ОНТИ НКТП СССР, 1935. Т. 1.

Мушкетов И. В. Экспедиция на Зеравшанский ледник // Изв. Рус. Геогр. об-ва. СПб., 1880. Т. 16, вып. 3. С. 345–346.

Мушкетов И. В., Орлов А. П. Каталог землетрясений России. СПб. : Тип. ИАН, 1893.

Наливкин Д. В. И. В. Мушкетов и географическая геология // Изв. Всесоюз. Географ. об-ва. 1952. № 3. С. 238–244.

Никиташина С. О. Геологические экспедиции Ивана Васильевича Мушкетова на Урале // Клио. 2013. № 6. С. 119–121.

Никиташина С. О. Некрологи об ученом И. В. Мушкетове как исторический источник // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 348–351.

Никиташина С. О., Попова Е. Е. И. В. Мушкетов и Уральское общество любителей естествознания // Одиннадцатые Татищевские чтения. : Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–19 ноября 2015 года). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 180–184.

Обручев В. А. Воспоминания о профессоре И. В. Мушкетове // Ежегодник по геологии и минералогии. России. 1902. Т. 6, вып. 1. С. 37–43.

Обручев В. А. Иван Васильевич Мушкетов // Люди русской науки. М. ; Л. : Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1948. Т. 1. С. 419–426.

Обручев В. А. Основатель геологии Средней Азии: (К пятидесятилетию со дня смерти И. В. Мушкетова) // Природа. 1952а. № 1. С. 94–97.

Обручев В. А. Очерк деятельности И. В. Мушкетова как географа // Изв. Всесоюз. Геогр. об-ва. 1952б. № 2. С. 122–131.

Памяти И. В. Мушкетова : речи, читанные на общем собрании Рус. Геогр. об-ва за 1902 г. СПб. : [Б. и.], 1905.

Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. Ф. 503.

Тарасов Е. И. И. В. Мушкетов: Его жизнь и деятельность (1850–1902). СПб. : Вестн. казачьих войск, 1902.

Тутковский П. Воспоминания о И. В. Мушкетове // Ежегодник по геологии и минералогии. России. 1902. Т. 6, вып. 1. С. 43–45.

Федоров Е. С. Иван Васильевич Мушкетов // Ежегодник по геологии и минералогии. России. 1902. Т. 6, вып. 1. С. 2.

Шокальский Ю. М. Речь памяти И. В. Мушкетова // Изв. Рус. Геогр. об-ва. 1905. Т. 38, № 6. С. 692–693.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 963.

УДК 94(470.5).084.3:329.1

М. И. Люхуздаев

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КОММУНИСТОВ И БОЛЬШЕВИКОВ В МЕНЗЕЛИНСКОМ УЕЗДЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1920 гг.

В статье рассматривается противоборство членов организации Партии революционного коммунизма с большевиками в Мензелинском уезде Уфимской губернии в условиях Гражданской войны в 1919–1920 гг. Показаны формы и способы подавления их активности партией власти. Определены причины неудачного противостояния революционных коммунистов с большевиками, а также их отношение к крестьянским выступлениям в Мензелинском уезде против продовольственных отрядов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история политических партий, Партия левых социалистов-революционеров, Партия революционного коммунизма, репрессии, Гражданская война в России, Урал, Мензелинск.

Изучение форм и способов оппозиционной борьбы партийных организаций на Урале в годы Гражданской войны позволяет более подробно рассмотреть тактику их противоборства с большевиками, выявить причины, которые привели к их поражению в противостоянии с коммунистами. Партия революционного коммунизма (ПРК), действовавшая в российской политической системе в 1918–1920 гг., по-прежнему остается в сфере внимания исследователей [см.: Алдашов, Иванов, с. 76–82]. Из-за запрета деятельности левозсеровской партии после июля 1918 г. часть ее членов вошла в состав организаций ПРК, чьи представители в период Гражданской войны проявляли политическую активность, в том числе и в Уфимской губернии. В данной работе сделана попытка рассмотреть противоборство членов ПРК с большевиками за влияние в Мензелинском уезде Уфимской губернии 1919–1920 гг. и определить их отношение к крестьянскому выступлению против продовольственных отрядов.

Поскольку левые эсеры Мензелинского уезда были лишены права решающего голоса и возможности выступать на съездах Советов, для продолжения легальной политической деятельности они вошли в состав ПРК. Препятствуя работе нового состава исполкома, избранного на уездном съезде Советов в феврале 1919 г., они саботировали сдачу дел и материальных ценностей его членам. Поэтому Мензелинский уездный исполком 3 марта 1919 г. постановил на ответственные должности в отделах их (С. П. Герасимова, Ф. П. Крюкова, А. Ш. Хамидуллина и др.) не допускать и предложил ЧК забрать у перечисленных лиц оружие, так как они не воевали в рядах Мензелинского коммунистического батальона. В составе исполкома из них остался только комиссар юстиции С. П. Герасимов, который с этого момента находился под наблюдением председателя уездной ЧК М. С. Головина [см.: Белокопытов, Остроумов, Сафин, с. 105–106].

В ходе борьбы с революционными коммунистами большевики особо преследовали их лидеров, проводя их аресты по любому поводу. Так, член организации ПРК Н. Б. Гаврилов был арестован 19 декабря 1918 г. в Мензелинске и находился несколько месяцев в местной тюрьме, а затем был переведен в Уфу [см.: Воля труда, № 5, с. 12]. Хотя обвинения в контрреволюции ему не предъявили, по словам следователя местной ЧК, он содержался в тюрьме за принадлежность к «сомнительной партии революционного коммунизма». Причиной ареста Гаврилова мог стать имев-

шийся у него компромат на членов местной ЧК, в состав которой входили более пяти бывших полицейских чинов. На изменение его положения не повлияло даже заступничество заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса из Москвы. Поручительство ЦК ПРК и неоднократные вмешательства Президиума ВЦИК также не облегчили участи Гаврилова, и в июне 1919 г. он оставался под стражей без предъявления обвинения, но был переведен в Самару [см.: Воля труда, № 6, с. 12]. В итоге Гаврилов был осужден в Самаре военно-революционным трибуналом штаба 5-й армии Восточного фронта.

Большевики всячески препятствовали политической активности организации ПРК в Мензелинске, постоянно обвиняя ее членов в контрреволюционности. Хотя 26 июня 1919 г. был переизбран городской комитет ПРК и велась восстановительная партийная работа, революционные коммунисты не имели возможности активной деятельности, поскольку организация их ячеек на местах грозила расстрелом организаторам [см.: Там же]. Несмотря на корректное поведение революционных коммунистов в Мензелинске, их отношения с большевиками не налаживались. Приезжавший по продовольственным вопросам из центра А. Г. Правдин осудил большевиков за саму возможность появления организации революционных коммунистов в Мензелинске. В октябре революционные коммунисты Мензелинска сообщали в ЦК, что партийная работа тормозилась враждебным отношением к ним со стороны большевиков, хотя их представители в этот период находились на ответственной советской работе, заведя отделом юстиции, земельным отделом, всеобучем, были членами комиссий в различных отделах. Местное население выражало им поддержку и в нескольких волостях возникли ячейки сочувствующих организации ПРК. Успех дальнейшей партийной деятельности во многом зависел от урегулирования отношений с местными большевиками [см.: Там же].

На общем собрании большевиков и сочувствующих им 11 августа 1919 г. в Мензелинске было решено, что все заявления об агитации революционных коммунистов как антисоветские нужно немедленно передавать в ЧК. Собравшиеся постановили поручить ЧК вести строгое наблюдение за агитацией членов ПРК, весь собранный материал о деятельности революционных коммунистов отправить в большевистский губком, а в земельный отдел исполкома назначить ответственного коммуниста. Большевикам М. С. Головину и А. М. Железкину был поручен контроль деятельности местных революционных коммунистов. Учитывая решения большевистской городской организации и борясь с влиянием революционных коммунистов в земельном отделе, Мензелинский уездный ис-

полком постановил 13 августа назначить заведующим этого органа А. М. Железкина, сообщив об этом в Уфимский губком РКП(б) и губернский земельный отдел, а прежнего заведующего А. В. Митюшкина от должности устранить.

О трениях с большевиками сообщала возникшая в сентябре организация революционных коммунистов в Уфе, насчитывавшая 16 человек. Уфимские члены ПРК отмечали, что из-за внешнего давления большевиков вынуждены вести нелегальную партийную работу, хотя многие из них состояли на советской работе [см.: Воля труда, № 11, с. 14]. Для выяснения положения в партии А. В. Митюшкин, избранный 2 октября на общем собрании членов партии и сочувствующих ПРК, с 10 по 20 октября принимал участие в работе губернской партконференции в Казани, областном Поволжском съезде революционных коммунистов в Саратове, IV общепартийном съезде в Москве.

Отношение большевиков к членам ПРК в Мензелинске характеризовала оценка их бывшего председателя, заявившего на губернском съезде, что «не успели очистить уезд от белых банд, как снова появилась контрреволюционная организация революционных коммунистов» [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 59, л. 25]. Ревком отдал распоряжение об аресте 13 ноября всех участников партийного собрания революционных коммунистов во главе с А. В. Митюшкиным, которых сначала направили в ЧК, а оттуда под конвоем ночью доставили в дом принудительных работ. После двухнедельного ареста местных лидеров ПРК и трехдневного ареста остальных членов местной организации революционных коммунистов все были освобождены без особых объяснений. Предложив закончить это дело «по-домашнему», председатель уездной ЧК М. С. Головин сообщил, что их арестовали по решению Мензелинского ревкома за запрос о времени созыва уездного съезда Советов и подозревали в подготовке восстания мобилизованных [Там же].

При обращении А. М. Михайловой за разрешением на отправку телеграммы в ЦК ПРК об этом происшествии Головин ей отказал, сославшись на неофициальный характер ареста революционных коммунистов. Только после обращения членов ПРК в губком партии для ревизии деятельности ЧК Мензелинска и рассмотрения дела об аресте революционных коммунистов в город прибыл представитель из губернской ЧК [Там же, л. 26]. Отметив, что местные члены ПРК только прикрываются флагом этой партии, а персонально состоят из бывших левых эсеров, 8 декабря большевики постановили закрыть их организацию, запретив ее участникам всякую агитационную работу. Согласно телеграмме Митюш-

кина, отправленной в ЦК партии, одновременно с арестом членов местной организации ПРК большевики провели выборы делегатов на VII Всероссийский съезд Советов, кандидатуры которых утвердил Мензелинский ревком. Протестуя против 4 кандидатов, делегированных большевиками и выехавших в Москву, Митюшкин требовал не допускать их на съезд, поскольку их избрал не уездный съезд Советов, а члены правящей партии, что являлось нарушением Конституции [РГАСПИ, ф. 282, оп. 2, д. 21, л. 18].

Из-за вспыхнувших в начале месяца крестьянских выступлений в Белебеевском, Бирском, Мензелинском уездах, части Уфимского уезда Уфимской губернии против действий продотрядов 28 февраля 1920 г. Мензелинск был объявлен на осадном положении. Отношение А. В. Митюшкина к стихийному крестьянскому сопротивлению действиям продотрядов определилось летом 1918 г., когда он оказался перед выбором наказания для 17 крестьян, прогнавших с топорами, кольями и вилами очередной продотряд [Там же, д. 13, л. 121–122]. Настаивая сначала на их расстреле, как выступивших против советской власти, он полностью изменил свое мнение после вмешательства в ход событий военкома А. Ф. Федорова. Не оправдывая восстания крестьян в феврале 1920 г., члены Мензелинской организации ПРК стремились ликвидировать его последствия с наименьшими жертвами. Для этого они пытались выехать в Москву, чтобы вызвать в уезд комиссию из представителей ПРК или ВЦИК для расследования ситуации. Поводом к отъезду стало распоряжение ЦК ПРК о партийной мобилизации членов партии, на основании которого местные революционные коммунисты командировали А. В. Митюшкина и Ф. Ф. Митюшкина в распоряжение политуправления РВС Республики. Одновременно их представители Г. Л. Базин и Л. П. Новиков были направлены в подчинение начальника городской охраны, а Ф. П. Крючков – в распоряжение военкома [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 59, л. 26].

Препятствуя выезду из города революционных коммунистов, большевики в Мензелинске вынесли постановление о нелегальности местной организации ПРК и начали аресты ее членов. При попытке выбраться из города без пропуска, А. В. Митюшкин был арестован ЧК на 7 дней, затем приговорен к 6 месяцам тюрьмы до выяснения политической благонадежности. За неправильное получение пропуска арестовали прибывшего из Казани Н. Б. Гаврилова, а затем А. Ш. Хамидуллина и Ф. П. Крюкова. Месяц провели в заключении Г. Л. Базин, Л. П. Новиков и П. Будрин, арестованные по доносу. На свободе остались переболевший брюшным тифом С. П. Герасимов и А. М. Михайлова, работавшая медсестрой [Там же].

По словам А. В. Митюшкина, при аресте членов ПРК некоторые большевики настаивали на их расстреле, для чего из состава конвоиров были удалены красноармейцы, им сочувствующие. Чтобы срочно выехать в Москву, Н. Б. Гаврилов 6 марта 1920 г. подал заявление в Мензелинский комитет ПРК о выходе из партии, в котором отметил, что ПРК допускает борьбу с большевиками идейно-программного характера, что отрицательно влияет на окружающую крестьянскую массу, которая не в состоянии разобраться в программных тонкостях. В ЦК ПРК он сообщил, что подал заявление после ареста А. В. Митюшкина и Ф. Ф. Митюшкина для ускорения выезда в Москву, поэтому просил рассматривать свое заявление как выход из уездной организации при создавшихся условиях, а не из партии вообще [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 9, л. 2–4]. По словам А. М. Михайловой, особой надежды на Гаврилова у местных членов ПРК не было, поскольку после нескольких обращений в ЦК партии ситуация не изменилась. Телеграмма Казанского комитета ПРК с запросом о положении членов организации ПРК в Мензелинске также была проигнорирована местными большевиками, поскольку партия была объявлена ими нелегальной [Там же, д. 59, л. 26].

Примечательно, что члены Уфимского губкома ПРК в листовке, не принятой большевиками в печать, также называли себя защитниками интересов крестьянства, находящимися в положении резких разногласий с партией коммунистов-большевиков [РГАСПИ, ф. 282, оп. 2, д. 24, л. 6–8]. Однако заявив, что ПРК поставила себе целью добиваться, чтобы советская власть основывалась «не на господстве какой-либо отдельной политической партии, а по свободной воле трудящихся», они допускали в случае отказа крестьян от немедленного прекращения восстания его подавление силой во имя спасения революции. Их мнение о восстании, отличавшееся от точки зрения на события революционных коммунистов Мензелинска, вошло в совместную с губкомом РКП(б) резолюцию 3 марта 1920 г., направленную в губревком для опубликования [Там же, д. 25, л. 162]. От Уфимской организации ПРК в губревком был направлен список членов из 9 человек, подлежащих мобилизации в связи с восстанием (А. Лежнин, А. В. Мануйлов, С. Т. Горенков, Д. Н. Павлов, С. Р. Есиков и др.) [см.: Алдашов, Иванов, с. 79].

Докладывая 3 марта 1920 г. в Казанский губернский исполком об участниках, подготовивших восстание крестьян, председатель Чистопольского уездного исполкома Н. И. Барышев отметил, что среди них были левые эсеры Мензелинского уезда, активизировавшиеся из-за слабой политической и организационной работы в местных партийных и советских

органах. В докладе Уфимского губкома РКП(б), направленном в ВЧК 22 апреля 1920 г., также отмечалось, что левые эсеры вели «усердную работу в смысле агитации» и умело подошли к мусульманскому населению, сыграв на его настроениях. Возможно, в этих докладах под левыми эсерами подразумевались революционные коммунисты, которых большевикам удобно было обвинить в организации восстания, чтобы снять с себя ответственность за действия продотрядов. Однако эти сведения не позволяют судить об их руководящей роли, а лишь о возможном участии некоторых из них на этапе самого восстания. Массовость крестьянского восстания, его лозунги и территориальный размах не могли оставить равнодушными местных членов ПРК, а участие в нем, возможно, позволило бы им временно вернуть потерянное влияние, но большая часть их в этот период была арестована. Известно лишь, что один из них, называвший себя левым эсером, подписал бумаги в качестве секретаря в Нижнебишевском штабе повстанцев.

Вероятно, в промежуток между арестами на заседании городского комитета ПРК 13 марта его президиум в лице А. В. Митюшкина и С. П. Герасимова, рассмотрев заявления Н. Б. Гаврилова и сочувствующего партии Л. П. Новикова о выходе из ее состава, постановил исключить их из местной парторганизации. А. В. Митюшкин в письме к А. М. Устинову 13 марта 1920 г. обвинил ЦК ПРК в нежелании защитить свои организации на местах, отданные на растерзание большевикам, и выразил надежду, что он примет меры к их освобождению [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 59, л. 17]. Он указывал, что ведущий предварительное следствие чекист Я. Остроумов руководствовался соображениями межпартийной борьбы, по которым ему необходимо было уничтожить местную организацию ПРК. Основной причиной отказа большевиков от сотрудничества с революционными коммунистами Митюшкин назвал популярность членов ПРК среди населения, при которой достаточно было одному из них выступить на съезде Советов, чтобы представителей РКП(б) лишили поддержки.

Президиум Мензелинского уездного исполкома, рассмотрев 14 апреля вопрос о разрешении выезда С. П. Герасимову в Москву на общепартийный съезд ПРК, запретил ему покидать город без оснований. По мнению отдела управления, местная организация ПРК была нелегальной и легализована быть не могла, поэтому документы, предъявляемые Герасимовым, уездный исполком не засвидетельствовал. Герасимов сообщил об этом 15 апреля в ЦК, требуя обратиться во ВЦИК для отмены телеграфом постановления Мензелинского исполкома и выдачи распоряжения о разрешении выезда [Там же, л. 11–12]. Примечательно, что 13 апреля

Герасимов получил от народного судьи удостоверение на выезд в Уфу и Москву при условии возвращения через месяц для рассмотрения дела в суде об отсутствии регистрации печати ПРК. Стремясь любым способом покинуть уезд, А. М. Михайлова подала заявление о выходе из состава Мензелинской организации ПРК, которое после рассмотрения было подписано Герасимовым [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 59, л. 20].

На отсутствие внимания ЦК партии к участи местных организаций указывал весной 1920 г. в своем отчете Уфимский губком ПРК, не сумевший без его поддержки наладить партийную работу в масштабе губернии. Его положение осложнилась, когда Уфимский губком РКП(б), рассмотрев вопрос о членах ПРК 20 апреля, постановил собрать всех ораторов, рассмотреть программу революционных коммунистов и в мае повести газетную кампанию против них, предложив губернской ЧК принять соответствующие меры по отношению к ним. Характеризуя ситуацию в Мензелинске, Уфимский губком ПРК отметил, что революционные коммунисты постоянно находятся в тюрьме, репрессии сыплются на них «как из рога изобилия» [Там же, оп. 2, д. 25, л. 133–133 об.]. Не считая легальной группу революционных коммунистов в Мензелинске, большевики при помощи органов власти изъяли партийную печать, присланную для нее Уфимским губкомом ПРК. Попытки членов ПРК мобилизовать партработников на фронт (Западный и Южный), преодолев большевистский запрет на выезд из города, окончились неудачно. В связи с этим Уфимский губком ПРК просил ЦК «обратить внимание на тяжелое положение мензелинских товарищей и принять решительные меры к прекращению репрессий» со стороны представителей местной власти [Там же, л. 133 об.].

В телеграмме в ЦК ПРК С. П. Герасимов 22 мая 1920 г. сообщил, что для борьбы на Западном фронте были мобилизованы три ответственных работника – А. В. Митюшкин, Ф. Ф. Митюшкин, Г. Л. Базин, но местные власти выезд их в Москву не разрешили. Ходатайство А. В. Митюшкина о разрешении выезда в связи с получением телеграммы ЦК ПРК о мобилизации членов партии было отклонено «ввиду неимения в Мензелинске организации революционных коммунистов, так как таковая не зарегистрирована» в органах власти [Там же, л. 21–22]. Из трех мобилизованных членов организации ПРК в Мензелинске лишь Г. Л. Базин был 20 июня командирован председателем Уфимского губкома В. И. Егошиным в Москву в распоряжение ЦК партии, а затем в политуправление РВС Республики для отправки на Западный фронт [Там же, д. 72, л. 2, 25]. Испытывая нехватку в партийных кадрах, Уфимский комитет ПРК 4 августа обратился в ЦК с просьбой вернуть уехавшего из города Егошина

для постоянной или кратковременной партийной работы в Уфе, приняв меры к отзыву А. Лежнина или переброске из Мензелинска А. В. Митюшкина [РГАСПИ, ф. 282, оп. 1, д. 58, л. 44].

Таким образом, пользующиеся авторитетом среди населения и стремящиеся к легальной работе в Мензелинске революционные коммунисты столкнулись с непреодолимыми препятствиями, созданными большевиками. Мешая их политической активности, большевики в ходе противостояния преследовали лидеров местной организации ПРК, проводя их аресты по любому поводу. Борясь с революционными коммунистами, они, кроме травли в печати, смещения с руководящих должностей, использовали незаконные аресты для проведения своих представителей на Всероссийский съезд Советов, что позволяло им контролировать ситуацию в уезде. Активно работая в местных органах власти, революционные коммунисты представляли для большевиков интерес как специалисты, не выражавшие активно своих политических взглядов. Отсутствие временной материальной и организационной поддержки со стороны ЦК ПРК, недостаток партийных кадров и литературы существенно отразились на функционировании и росте организаций революционных коммунистов в Уфимской губернии. Завершили свою деятельность организации ПРК после прошедшего в сентябре 1920 г. VI общепартийного съезда, на котором было принято решение о слиянии этой партии с РКП(б). На этот момент, кроме Мензелинска, организации революционных коммунистов в Уфимской губернии действовали в Уфе, Белебее, Благовещенском заводе. Не оправдывая восстания крестьян в феврале-марте 1920 г., члены Мензелинской организации ПРК не обвиняли их в целом, стремясь ликвидировать его последствия с наименьшими жертвами и пытаясь вызвать в уезд комиссию из представителей ПРК или ВЦИК для расследования ситуации. Массовость восстания, его лозунги и территориальный размах при условии участия в нем революционных коммунистов, возможно, позволили бы им временно вернуть утраченное влияние, но большая часть из них была в этот период арестована.

Алдашов А. Н., Иванов А. О. Отношение партии революционного коммунизма к крестьянскому восстанию «Черного орла» в Уфимской губернии в 1920 г. // Вестн. Башк. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы. 2016. № 3 (39). С. 76–82.

Белокопытов В. И., Остроумов Я. Ф., Сафин М. Мензелинская быль. Казань : Таткнигоиздат, 1970.

Воля труда : журн. ЦК партии революционного коммунизма. 1919. № 5; № 6; № 11; № 12.

УДК 94(47).084:341.39

А. П. Павленко

ПОД УДАРОМ ВОЙСК АДМИРАЛА КОЛЧАКА:
3-Я АРМИЯ РККА В СЕНТЯБРЕ 1919 г.
(ХРОНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ)

В статье реконструируется ход оборонительных боев 3-й армии РККА в сентябре 1919 г. – в период последнего наступления армий правительства А. В. Колчака. На основании информации журналов военных действий описывается участие дивизий 3-й армии в сражении, составлена подробная хроника боевых действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военная история, Гражданская война, Рабоче-крестьянская Красная армия, Восточный фронт, 3-я армия.

В сентябре 1919 г. на территории Западно-Сибирской равнины, от Тобольска на севере до Петропавловска на юге, развернулось последнее наступление войск адмирала А. В. Колчака. Белые называли это сражение Тобольской операцией. В СССР сложилась другая традиция – рассматривать события сентября 1919 г. как составную часть более масштабной Тобольско-Петропавловской, или Петропавловско-Ишимской операции. Она включала в себя три этапа: наступление красных от Тобольска до Ишима в августе 1919 г., контрнаступление белых в сентябре 1919 г., наступление красных и разгром войск А. В. Колчака в октябре – начале ноября 1919 г.

Со стороны красных в сентябрьских сражениях участвовали две армии. На правом фланге Восточного фронта стояла 5-я армия (командарм М. Н. Тухачевский), на левом – 3-я армия (врио командарма М. И. Алафузо). Противостояли им три армии правительства адмирала А. В. Колчака. Напротив 5-й армии РККА располагалась 3-я армия белых (командующий генерал-майор К. В. Сахаров). Именно в этой полосе фронта развернулись основные события сентябрьского наступления колчаковцев. Правее, напротив 30-й дивизии 3-й армии красных, стояла 2-я армия (генерал-лейтенант Н. А. Лохновицкий). На крайнем правом фланге белого Восточного фронта дислоцировалась 1-я армия (генерал-майор А. Н. Пепеляев).

В советской историографии было достаточно подробно изучено участие в операции 5-й армии РККА [см.: Тухачевский; Эйхе; Какурин, Вацетис, с. 253–258; Воробьев]. В этих работах действия 3-й армии описаны очень кратко. Более информативно исследование П. И. Роцевского, однако и на страницах его работы многие сюжеты сражения 3-й армии

остались слабоосвещенными [см.: Роцевский, с. 282–332]. Обобщающая работа по истории 3-й армии, написанная А. А. Спасским, уделила незначительное внимание Петропавловско-Ишимской операции – всего несколько страниц [см.: Спасский, с. 134–139]. Несколько лет назад вышла в свет трехтомная монография О. А. Винокурова. Очень подробно описывая боевые действия в 1919 г. как белых, так и красных сил, он, к сожалению, ограничивает географические рамки работы только современной Курганской областью. 3-я красная армия, за исключением правофланговой 30-й дивизии, вновь осталась вне рамок исследования [см.: Винокуров, 2013; 2015; 2016].

3-я армия РККА в сентябре 1919 г. вела боевые действия на территории Тобольского, Ишимского, Ялуторовского и Курганского уездов Тюменской губернии. Основу армии составили три стрелковые дивизии трехбригадной структуры. На левом фланге армии находилась недавно сформированная 51-я дивизия (начдив В. К. Блюхер), в центре – 29-я дивизия (В. Ф. Грушевский), на правом фланге была 30-я дивизия (Е. Н. Сергеев).

На 1 сентября 1919 г. 3-я армия имела следующий состав. В самой многочисленной 30-й стрелковой дивизии было 32 127 чел. (из них 13 358 штыков и 2 120 сабель), 261 пулемет, 27 орудий, 24 бомбомета и миномета. 29-я стрелковая дивизия имела 26 071 чел. (из них 7 690 штыков и 1 235 сабель), 218 пулеметов, 32 орудия (28 на фронте), 12 бомбометов и минометов. Имелся некомплект личного состава: 29-я дивизия – 7 200 штыков, 30-я – 2 000 штыков. 51-я стрелковая дивизия насчитывала 21 781 чел. (из них 12 029 штыков и 211 сабель), 133 пулемета, 26 орудий, 11 бомбометов и минометов. Этой дивизии были приданы 20-й автобронеполк (3 броневика) и 3-й авиаотряд, состоящий из 5 аэропланов (3 самолета были неисправны). Непосредственно в распоряжении штаба 3-й армии находились 10-й разведывательный авиаотряд (6 самолетов, из них 2 неисправных), 4-й воздухоплавательный отряд (2 аэростата), 29 артиллерийских орудий, 1-й запасной полк (3 241 чел. (2 352 штыка), 5 пулеметов), части железнодорожной обороны (1 505 чел., 2 пулемета) и один бронепоезд. В тылу армии находился Екатеринбургский укрепленный район (1 515 чел.) [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 406, л. 87; д. 407, л. 50–52, 112].

Силы белых были скромнее. В августе 1919 г. общая численность 1-й и 2-й белых армий составляла около 34 тыс. чел. [см.: Сахаров, с. 127; Клавинг, с. 381]. Однако у белой стороны были масштабные планы. Замысел командующего белым Восточным фронтом генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса состоял в окружении с севера и юга войск армии М. Н. Тухачевского. У Петропавловска белыми было запланировано нанесение

главного удара. Уральская группа генерал-майора В. Д. Космина с юга и части 2-й армии генерал-лейтенанта Н. А. Лохвицкого с севера должны были кружным путем выйти к ст. Макушино и с. Моршиха в тыл 5-й армии РККА. Это позволило бы окружить и уничтожить ее главные силы. Также был запланирован рейд казачьего корпуса по тылам 5-й армии. Пройдя вдоль р. Тобол, конница должна была выйти к г. Кургану и отсечь красных от переправ. Смелая по замыслу операция была задумана и на правом фланге белого Восточного фронта. Корабли Обь-Иртышской флотилии и войска Тобольской группы должны были провести десантную операцию: погрузить все основные силы на речные суда и двинуться в тыл красным по р. Иртыш до Тобольска. Взяв его десантом, флотилии следовало подняться вверх по р. Тобол и перерезать пути отступления войскам 3-й армии РККА. Одновременно намечался мощный фронтальный удар всех трех белых армий Восточного фронта. Если бы все пошло согласно плану белых генералов, то красные, сбитые с позиций фронтальным ударом, в ходе своего отступления оказались бы окружены с одной стороны – взявшими Курган казаками, а с другой – кораблями Обь-Иртышской флотилии с десантом [см.: Винокуров, 2015, кн. 2, гл. 1.2]. Для подготовки наступления белым командованием с фронта был отведен ряд дивизий на отдых и комплектование. Противодействовали красным в августе 1919 г. сильные арьергарды, которые не сумели остановить стремительно наступающие красные войска.

Разведка красных сумела добыть некоторые данные о намерениях противоположной стороны. 25 августа заведующий разведкой 1-й бригады 29-й дивизии Лебедев, анализируя полученную информацию, сделал вывод, «...что противник решил дать у Ишима генеральное сражение, перейти в наступление и перехватить инициативу» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 376, л. 132]. Советский военный историк В. Ф. Воробьев отмечал, что в штабе красного Восточного фронта имелись сведения, что колчаковцы после выхода на р. Тобол начали спешно отводить в тыл целые дивизии. Командование красных не придавало этой информации значения, ошибочно посчитав, что белые окончательно разбиты и бегут вглубь Западной Сибири [см.: Воробьев, с. 11].

Командование красного Восточного фронта 31 августа в 22:17 поставило ближайшую цель 3-й и 5-й армиям: продолжить наступление и овладеть рубежом р. Ишим, одновременно готовить к отправке на деникинский фронт ряд соединений [см.: Директивы..., с. 737]. Командование 3-й армии полагало, что главный бой с ядром сил противника произойдет

на укрепленной полосе р. Ишим; до этого момента белые действиями авангардов постараются развернуть наступающие полки и нанести потери красноармейцам. Поэтому начальникам дивизий предписывалось не придерживаться линейного расположения фронта, а свести части дивизий в группы на важнейших направлениях. Действуя достаточно сильными авангардами, не обращать внимания на попытки белых развернуть наступающие группы и решить поставленную задачу: достигнуть сначала р. Вагай, а потом и р. Ишим [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 407, л. 9]. Однако уже на следующий день, 1 сентября, согласно приказу М. К. Дитерихса, белые должны были начать контрнаступление, и вскоре красным пришлось менять свои наступательные планы.

1 сентября сводка боевых действий 3-й армии за истекшие сутки сообщала, что на участке 1-й бригады 29-й дивизии белые, перейдя крупными силами в наступление из района с. Голышмановское, выбили красноармейцев из с. Свистуновское и принудили их отойти к западному берегу р. Каша (в районе д. Боровлянка). Дальнейшее наступление белогвардейцев на этот район сдерживалось красными, несмотря на большие потери, понесенные ими в бою у с. Свистуновского. Также белые войска с линии д. Быстрая – с. Свистуновское большими силами повели наступление на район железнодорожной ст. Усть-Ламенское. Для противодействия им было организовано встречное контрнаступление красных. На других участках 29-й дивизии продолжалось движение вперед. Отметим, что войсковая разведка красных сумела выяснить, что в районе ст. Усть-Ламенское были подвезены свежие полки белых. Штаб 3-й армии обратил внимание на усиление противника в районе железной дороги Ялуторовск – Ишим (где и развернулись вышеперечисленные батальоны) [Там же, л. 2–3, 6]. Однако пока ничего особо опасного для 29-й дивизии не было – эти бои были логичным продолжением прежних сражений в районе магистрали.

2 сентября армейская сводка сообщала об успешном наступлении 30-й дивизии на правом фланге армии, продвинувшейся за сутки на 20 верст. Центр армии – 29-я дивизия – продолжал бои с переменным успехом в районе железной дороги и к северу от линии р. Каша. Белые войска оказывали особенно упорное сопротивление перед центром армии. Однако потери красных были небольшими. За 1 и 2 сентября 29-я дивизия потеряла убитыми 2 командиров и 6 красноармейцев, ранеными 9 командиров и 29 красноармейцев, 2 чел. пропали без вести. Для сравнения: за 31 августа было убито 9 чел., ранено – 40, пропало без вести – 2. Дивизии удалось взять большое количество пленных: 646 чел., в т. ч. 9 офицеров.

Левый фланг армии (51-я дивизия) продолжал наступление на Тобольск и вышел в район с. Карачино. Был убит один командир роты, ранено и контужено 17 красноармейцев [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 407, л. 4, 20–25, 36].

3 сентября обстановка на фронте 3-й армии серьезно не изменилась. Фланги армии продвигались вперед, в центре белые продолжали упорно сопротивляться, переходя в контратаки. Полных данных о потерях 29-й и 30-й дивизий нет, 51-я дивизия потеряла 11 убитых и 27 раненых (из них один командир батальона) [Там же, л. 35, 37, 38, 45, 65]. В этот день командование фронтом отдало приказ, предписывающий 3-й армии оказать содействие левому флангу 5-й армии, оказавшейся под ударом наступающих белогвардейцев [см.: Директивы..., с. 738]. Это была первая реакция на намечающиеся успехи белого наступления. В соответствии с полученной директивой 1-й бригаде 30-й дивизии было приказано передислоцироваться с целью нанесения флангового удара по белым. При этом направление для наступления, указанное в приказе по армии, расходилось с тем, что предписывала фронтовая директива [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 407, л. 74–78, 89–90].

4 сентября 51-я дивизия добилась успеха, взяв с бою Тобольск. При этом красные понесли потери. Сводка за 6 сентября сообщала о значительных потерях 1-й бригады в предшествующий день: 12 убитых (из них 4 командира), 108 раненых (4 командира), 3 пропавших без вести. Взято 639 пленных. Центр армии продолжал вести тяжелые бои с переменным успехом на территории Ишимского уезда: д. Глубокая трижды переходила из рук в руки, оставшись в итоге за красными. Из с. Бутыринское красноармейцы были выбиты. 2-я бригада 29-й дивизии потеряла 15 убитых и раненых, 3-я бригада – 8 раненых. Правый фланг 30-й дивизии продвинулся за сутки на 15 верст, заняв район с. Частоозерское [Там же, л. 45–47, 63, 65, 86].

В этот день штаб 3-й армии узнал о планах белых. Пленный офицер 1-го Новониколаевского полка сообщил, что 1-й белой армии было приказано наступать вдоль железной дороги Ялуторовск – Ишим [Там же, л. 47].

5 сентября на правом фланге армии обстановка оставалась без перемен. В центре, как гласила свodka, «бои на участке ст. Усть-Ламенское, д. Глубокая, с. Бутыринское становятся все ожесточеннее, и контратаки противника чередуются с нашими атаками». В этот день 29-я дивизия понесла ощутимые потери: 22 убитых (3 командира), 185 раненых (19 командиров), 53 пропавших без вести [Там же, л. 63–64, 66].

6 сентября обстановка на правом фланге 3-й армии кардинально изменилась. Перешедшая в наступление 2-я белая армия на участке с. Частоозерское – с. Бердюжское оттеснила в ходе боев части 30-й дивизии

на 15–20 верст. Красные понесли большие потери. На участке 29-й дивизии, наоборот, наступил перелом: «в результате упорных встречных боев на линии с. Ражевское, д. Быстрая, ст. Усть-Ламенское части дивизии, оттеснив противника, овладели указанными селениями». Было взято 314 пленных. Собственные потери за день, согласно сводке, составили 2 убитых и 6 пропавших без вести. Части 51-й дивизии продолжили движение на север по р. Иртыш [Там же, л. 84–87].

Утром 7 сентября части 1-й бригады 30-й дивизии, совершив перегруппировку, перешли в запланированное наступление на с. Долговское для поддержки фланга 5-й армии. В районе д. Дронова они были встречены контрнаступлением белых. Бой продолжался весь день и носил крайне упорный характер. Другие части дивизии вели упорные бои за с. Воробьевское, с. Бердюжское, Рямово¹. 29-я дивизия развивала вчерашний успех. Встречая слабое сопротивление, красные навели переправы через Вагай и продвинулись восточнее этой реки на 25–30 верст, заняв с. Голышмановское и взяв 238 пленных [Там же, л. 106–109, 146].

8 сентября белые войска перешли в энергичное наступление на позиции 30-й дивизии. Наступавшая на с. Долговское 1-я бригада была встречена белой контратакой и отступила на д. Лебяжья. Белогвардейцы, преследуя кавалерию своего противника, прорвали расположение 1-й бригады в районе с. Лихановское и разрезали это соединение на две части. 262-й полк и батальон 264-го полка, «сильно потрепанные», заняли перешеек между озерами Куртан и Черное. Вторая часть бригады (263-й полк и два батальона 264-го полка) отступила к северу, в расположение соседней 3-й бригады. В этот же день белые отбросили части 3-й бригады к восточному берегу оз. Черное, заняли д. Лебяжья и с. Лихановское, создав угрозу флангу и тылу этой бригады. В итоге за день 30-я дивизия отошла до 30 верст назад. На участках других дивизий за сутки больших изменений в обстановке не произошло, за исключением серьезного боя за с. Карасульское с участием войск 2-й бригады 29-й дивизии, сложившегося в итоге неудачно для красных. Общие санитарные потери 29-й дивизии за день составили 21 раненого [Там же, л. 124–128, 134–135, 147–149].

9 сентября правый фланг армии продолжил отступление, отойдя на 10 верст на запад, в район оз. Куртан-южное. Центр армии в результате сильных боев продвинулся немного вперед – севернее железной дороги.

---

¹ В Бердюжской волости Ишимского уезда было два населенных пункта с похожим названием: с. Старо-Рямово и д. Ново-Рямово [см.: Список..., с. 142]. Журнал военных действий не уточняет, о каком именно пункте идет речь.

51-я дивизия продолжала наступать по р. Иртыш, выйдя к Карбинским юртам [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 407, л. 148–151].

10 сентября обстановка на фронте 3-й армии ухудшилась. В полосе 30-й дивизии 263-й полк 1-й бригады в районе д. Зубарева был атакован ночью и с большими потерями отошел к д. Семискуль. Был убит помощник командира полка. Остальные части 1-й бригады и 3-я бригада под давлением белых также отступили. Общие потери 1-й бригады за 8–10 сентября составили до 900 убитых и раненых. Еще более драматично развивались события на фронте 29-й дивизии. Севернее с. Земляновское между 2-й и 3-й бригадами произошел прорыв белой кавалерии. Конниками были взяты ст. Усть-Ламенская, с. Медведевское, разгромлен штаб 2-й бригады и тыловые учреждения. Часть штаба попала в плен, включая начальника бригады Н. П. Захарова², убит комиссар бригады А. А. Юдин. Было много зарубленных (в т. ч. раненых бригадного лазарета) и плененных. Оставшееся без штаба соединение принял под свое командование командир соседней 1-й бригады. Для ликвидации прорыва сразу же было принято решение ввести в бой армейский резерв – свежесформированную 3-ю бригаду 51-й дивизии, подчинив ее командиру 29-й дивизии [Там же, л. 176, 198, 194–196, 199, 210; д. 408, л. 3]. По данным белых в этом рейде они взяли до 500 пленных [с.м.: Зырянов, с. 514].

11 сентября на позициях 29-й дивизии продолжались бои. Несмотря на вчерашний прорыв, все три бригады держали фронт и даже взяли 110 пленных. Была предпринята попытка ликвидировать разрыв фронта. Малочисленный Путиловский кавалерийский полк сумел без боя занять с. Медведевское и получил приказ двигаться на с. Земляновское. Действия же 3-й бригады 51-й дивизии в районе прорыва были неэффективны и вызвали серьезное недовольство командования. 30-я дивизия вела бои с наступающими белогвардейцами. 1-я бригада отбила атаки в районе оз. Куртан-южное, контратакой взяла д. Шелепова. На участке 3-й бригады белые врзались в ее расположение и заняли д. Одина и д. Вялькова, но в итоге красные сумели отбить эти населенные пункты. Со 2-й бригадой пропала связь, на следующий день выяснилось, что соединение неудачно наступало [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 407, л. 198–200, 210–219, 226–227; д. 408, л. 3–4].

12 сентября 30-я дивизия с утра начала контрнаступление на линию с. Частоозерское – с. Бердюжское. Но вечером белые нанесли сильный ответный удар. У оз. Черное они обошли левый фланг 1-й бригады, окру-

---

² Н. П. Захаров погиб в плену.

жили и уничтожили по одному батальону 263-го и 262-го полков (из последнего осталось 50 чел.). Остальные подразделения бригады были вынуждены отойти. 267-й полк 3-й бригады после упорного боя занял д. Меньшикова, но на левом фланге этой бригады белыми было занято с. Армизонское и разорвано сообщение между 3-й и 2-й бригадами [Там же, д. 408, л. 4, 25, 28, 32–36].

29-й дивизия по всему фронту вела бои. Части 3-й бригады 51-й дивизии сумели без боя занять ст. Усть-Ламенская. Командарм М. И. Алафузо, тем не менее, дал такую оценку этому соединению: «ведет себя ниже всякой критики». Было решено предать суду начальника и комиссара 3-й бригады. Вечером ситуация вновь обострилась: белые вторично прорвали фронт. Бой шел у ст. Усть-Ламенское и с. Медведевское. Одновременно 3-ю бригаду 29-й дивизии стали обходить с фронта и тыла. Чтобы избежать катастрофы, начальник дивизии В. Ф. Грушевский приказал всем бригадам отходить. На левом фланге армии 2-я бригада 51-й дивизии продолжала наступление на с. Усть-Ишим и с. Уватское [Там же, л. 4–6, 28–31].

13 сентября в течение ночи значительные силы белой пехоты и конницы атаковали 1-ю бригаду 30-й дивизии у с. Куртан. 2-я и 3-я бригады этой дивизии под нажимом колчаковцев отступали. 29-я дивизия также отошла на линию д. Северо-Дубровская – Рямовское – с. Медведевское – с. Голышмановское – д. Хмелевка – д. Скаредная. Причиной этого стало давление противника, тяжелая обстановка у ст. Усть-Ламенской и отход соседних подразделений 30-й дивизии. Белые, не давая красноармейцам опомниться, продолжали атаки. Не выдержав их удара, с поля боя бежал 458-й полк, 261-й полк был разрезан на две части и также беспорядочно отступил. Командарм М. И. Алафузо, не считаясь с неудачами, требовал от дивизий с рассветом 14 сентября нанести контрудар, однако за час до полуночи операцию перенесли на сутки. И только левый фланг армии в лице 1-й и 2-й бригад 51-й дивизии продолжал наступление в восточном и северном направлениях, понеся небольшие потери (2 убитых, 7 раненых, 3 пропавших без вести) [Там же, л. 36, 38, 40, 44–46, 51–52, 62–63, 65].

Сводка сообщила потери 3-й бригады 29-й дивизии за истекшие сутки: 147 убитых, раненых и пропавших без вести. Большая убыль в личном составе была в 30-й дивизии. По словам начштаба дивизии С. Н. Богомякова, к 13 сентября в 1-й бригаде осталось 800 штыков, во 2-й – 1 900, в 3-й – 1 700. Войска испытывали острую нехватку патронов [Там же, л. 37, 48].

Днем 14 сентября правый фланг армии сдерживал наступление своего противника. 29-я дивизия, не сумев удержать прежнюю линию, получила приказ отойти к западу на линию д. Иванова – д. Шангина – с. Ситниковское – с. Пинигина – с. Усть-Ламенское – с. Малышенское. Отход составил 10–25 верст. Однако уже вечером эта линия на правом фланге была прорвана: белые ударили в стык 3-й бригады 29-й дивизии и 2-й бригады 30-й дивизии, взяли д. Иванова, Одина, д. Шангина и разорвали фронт. Начальник штаба 29-й дивизии А. И. Рошковский докладывал в штаб армии: «...у нас нет ни малейшего резерва, маневрировать совершенно не можем, малейший нажим противника на каком бы то ни было участке ставит нас в безвыходное положение и заставляет волей-неволей отходить». Тем не менее, командование армии вновь приказало 29-й дивизии с рассветом перейти в контрнаступление. 51-я дивизия по-прежнему двигалась вперед. 1-я бригада вышла к линии с. Фирсовское – с. Викуловское на восточном направлении, преодолев 25 верст за сутки, 2-я бригада двигалась на север по Иртышу. В связи с угрожающей обстановкой в центре и на правом фланге армии 1-й бригаде было приказано прекратить движение к р. Ишим и отойти, однако связь с соединением была потеряна [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 407, л. 62–63, 65–66, 75, 80, 84, 86–87, 91].

15 сентября правый фланг 30-й дивизии за сутки отошел на 5 верст, в район оз. Куртан-южное. Центр армии отступил на 30–40 верст. Белыми был прорван фронт у с. Ситниковского. Под нажимом белых 3-я бригада 29-й дивизии в беспорядке отошла с линии д. Шангина – с. Ситниковское. 259-й полк был окружен в районе с. Ситниковское, Смоленское, к своим удалось пробиться одному батальону. После неудачных боев 29-я дивизия отступала на линию Талицкое – д. Чащина – д. Немкова – с. Плетневское – д. Кашевская – с. Сорокинское – пос. Николаевский – д. Оськина – с. Евсинское. Отводя назад части, стоявшие на левом фланге 30-й дивизии и на правом фланге 29-й, командование пыталось сомкнуть бригады и закрыть разрыв фронта. Со своей стороны штаб фронта требовал прекратить отступление на Ишимском направлении, привести части в порядок, перегруппировать их и перейти в наступление. 2-я бригада 51-й дивизии взяла с. Уватское, с 1-й бригадой не удалось восстановить связь [Там же, л. 90–92, 99, 112, 114, 133–134].

16 сентября фронт 30-й дивизии был без перемен, красноармейцы успешно отбивали атаки. 29-я дивизия вела бои в районе с. Омутинское, в итоге уже вечером отступив от него. Одновременно белые прорвались на тракт Омутинское – Усть-Ламенское у д. Русакова. Для восстановления

положения красные ввели в бой резервы, перешли в контрнаступление и ворвались в с. Омутинское, но под атаками белых были вынуждены отойти с потерями на исходные позиции. Согласно сводке, потери 29-й дивизии в этот день составили: 6 убитых, 35 раненых, 2 пропавших без вести. В этот же день колчаковцы перешли в наступление против левого фланга армии – 1-й бригады 51-й дивизии. Белая конница заняла с. Аромашевское, с двух направлений старалась проникнуть в тыл бригады, вынудив ее начать передислокацию и отвод частей [Там же, л. 140, 148, 159–161, 197–198].

17 сентября 257-й и 258-й полки 29-й дивизии вновь пытались отбить с. Омутинское, вечером взяв его. Но, обойденные противником, как и накануне, вынуждены были отступить. Утром белые взяли с. Плетневское, красные пытались отбить его силами 256-го и 261-го полков. Потери 29-й дивизии составили 12 убитых, 42 пропавших без вести, 44 раненых и 2 пленных (очевидно, в это число вошли и потери за вчерашний вечер). «Отличилась» 3-я бригада 51-й дивизии, «бежавшая в панике без всяких оснований». Командование обсуждало применение жестких репрессий против этого соединения. На фронте 30-й дивизии – без перемен. 1-я бригада 51-й дивизии продолжила отход на новые позиции, удерживая фронт по линии с. Больше-Сорокинское – с. Голопутовское арьергардами [Там же, л. 161–162, 171, 178–179, 197–198].

18 сентября 1-я бригада 51-й дивизии вела бои в районе с. Аромашевского, причем наступали как белые, так и красные (стараясь ударить во фланг белой группировке на главном направлении, у железной дороги Ялуторовск – Ишим). Третий день 253-й³ и 254-й полки 29-й дивизии пытались отбить с. Омутинское, подойдя в итоге к нему на 1,5 версты. Силы 3-й и 2-й бригад (261-й и 256-й полки) предприняли новое наступление на потерянное накануне Плетневское, но под встречным ударом белогвардейцев красные части отошли на исходные рубежи у д. Большая и Малая Крутая. В свою очередь белые, развивая наступление, отбросили левый фланг 30-й дивизии, в полосе 29-й дивизии взяли с. Вагайское, отрезав от основных сил дивизии сразу четыре полка, и повели наступление вдоль железной дороги на с. Новозаимское. 261-й полк в беспорядке отступил от с. Вагайского. В бой был введен резерв – 3-я бригада 51-й дивизии, но ввиду ее низкой надежности надежды красного командования на эти силы были небольшие. Сводка сообщала о небольших потерях 29-й дивизии: 2 убитых, 30 раненых, 2 без вести пропавших. Эти сведения

---

³ Полк Красных орлов, описанный П. П. Бажовым [Бажов].

вызывают большие сомнения в их достоверности, так как в Вагайском белой кавалерией была уничтожена учебная команда одного из полков [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 408, л. 197, 202, 205, 220, 229, 230; д. 409, л. 18].

19 сентября на участках 1-й и 3-й бригад 30-й дивизии было затишье, 2-я бригада была атакована и оставила с. Петковское и с. Нижнее-Манайское (последнее в тот же день удалось вернуть контратакой). В связи с наступлением белых на этом участке командование приказало отвести назад все три бригады дивизии. В центре белогвардейцы нанесли встречный удар по силам 3-й бригады 51-й дивизии, наступавшим на с. Вагайское. Под слабым натиском противника красноармейцы откатились на 10 верст от села. В районе железной дороги у с. Новозаимское несколько раз оставлял позиции и бежал 261-й полк. В связи с этим член РВС фронта Н. Н. Кузьмин приказал провести в полку расстрел каждого десятого. Однако обнаружить сведения о приведении этого приказа в исполнение нам пока не удалось. Вечером этого же дня части 3-й бригады под нажимом белых оставили линию Талицкая – с. Большаковское – с. Колесниковское и отошли на 3–4 версты на запад [Там же, д. 408, л. 228; д. 409, л. 12, 17, 25, 34–35].

Командование 29-й дивизии получило разрешение от командарма М. И. Алафузо отвести войска назад для стабилизации фронта и проведения перегруппировки: закрыть главное направление (район железной дороги) надежными полками 1-й бригады, которая располагалась к северу. Штаб дивизии начал эвакуацию на запад, из г. Ялutorовска в с. Шатрово. В связи с отходом 29-й дивизии потеряло смысл наступление 1-й бригады 51-й дивизии в районе с. Аромашевского. М. И. Алафузо приказал эту бригаду также отвести на запад, обеспечив тем самым прикрытие левого фланга 29-й дивизии [Там же, д. 409, л. 12–14, 21–22].

В течение 20 сентября белые вели наступление против частей 1-й бригады 51-й дивизии. Согласно полученному из штаба фронта приказу это соединение должно было нанести удар из района с. Аромашевского, с. Голышмановского, Истятских юрт в южном и юго-западном направлении в тыл белым войскам, действовавшим против 29-й дивизии. В соответствии с новой директивой вчерашнее решение командарма об отводе 1-й бригады было отменено и отдан приказ о переходе в наступление. В этот же день в штабах началось обсуждение возможного отвода войск 29-й дивизии за р. Тобол. На большей части фронта 30-й дивизии было относительное затишье [Там же, л. 25–26, 31–33, 37, 43]. 23 сентября был подведен итог потерь 1-й бригады 30-й дивизии с 14 по 20 сентября: 34 убитых, 101 раненый, 5 контуженных, 14 пропавших без вести [Там же, л. 85].

21 сентября 1-я бригада 51-й дивизии перешла в наступление на с. Аромашевское. 456-й полк 2-й бригады после боя занял д. Усть-Лотова, но, обойденный с тыла кавалерией, отступил. К северу от г. Тобольска, у с. Уватское, при поддержке речной флотилии белые начали наступление против частей 2-й бригады 51-й дивизии, оттеснив красные полки на линию д. Трошина – д. Максимова [Там же, л. 51, 66].

1-я и 2-я бригады 30-й дивизии вели бой на занимаемых позициях, на участке 3-й бригады – действия белых разведчиков. Но в связи с отходом соседей (27-й дивизии 5-й армии справа и 29-й дивизии слева) соединению было приказано отступить на 20 верст, из района оз. Куртан-южное в район с. Мокроусовское. 29-я дивизия за сутки отошла на 8 верст в районе железной дороги, белые заняли с. Новозаимское. Также белые взяли д. Б. Тумашево, в результате они отсекали части 1-й и 2-й бригад к северу от остальных сил 29-й дивизии. С этими бригадами была нарушена связь и сведений о них не поступило. Командование фронта не согласилось на отвод частей 29-й дивизии за Тобол. Однако и без разрешения сверху командование дивизии отдало приказ частям 1-й бригады сосредоточиться в районе к северу от г. Ялуторовска, д. Памятное, д. Сидорова. Полки 3-й бригады 29-й дивизии при поддержке резервного свежего 1-го крепостного полка и 459-го полка 3-й бригады 51-й дивизии отбили д. Пашкова и с. Колесниковское, взяв 153 пленных [Там же, л. 48–49, 52, 55, 57, 58, 61–62, 65, 78–79].

22 сентября на фронте 30-й дивизии, завершившей отход на новую линию, было относительное затишье. 3-я бригада 29-й дивизии и 1-й крепостной полк взяли с. Талицкое и с. Большаковское, захватив 175 пленных. Два полка 3-й бригады 51-й дивизии в районе железной дороги вновь не выдержали давления и отступили, заняв линию с. Падун – д. Семенова. В районе д. Кошкина-Мокрая (Сединкина) батальон 259-го полка был обойден с тыла кавалерией. Общий отход в центре обороны 29-й дивизии составил 18 верст. К северу от железной дороги бои шли с переменным успехом. Несмотря на требование командования фронта не допустить противника до Тобола, левый фланг 29-й дивизии, не сумев пробиться к югу, к железной дороге (атаковали Б. Тумашево, но успеха не имели), отошел к реке. В итоге 1-я бригада стала перебрасываться через Ялуторовск на главное направление. 2-я бригада должна была занять западный берег Тобола [Там же, л. 64–65, 67, 70–73, 78–79, 81, 85]. 24 сентября были подсчитаны потери 1-й бригады 51-й дивизии с 14 по 22 сентября: 20 убитых, 32 раненых и контуженных, 50 пропавших без вести (орди-

нарцы, посланные с поручениями). 25 сентября сводка сообщила об обобщенных потерях 51-й дивизии за 19–22 сентября: 230 убитых и раненых [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 409, л. 107, 122].

23 сентября для оказания помощи соседу (27-й дивизии 5-й армии) части 1-й бригады 30-й дивизии перешли в наступление в направлении д. Утичь, д. Тетерья. Также бригада отбила атаку на с. Мокроусовское. На участках других бригад – относительное затишье, поиски разведчиков. В центре, у железной дороги, части 3-й бригады 51-й дивизии у с. Падун отбивали атаки белогвардейцев. Вследствие обхода левого фланга красные вновь отступили к восточной окраине с. Заводоуковское. Однако белые вновь повторили свой прием – с севера обошли расположение бригады, вследствие чего два полка, оборонявшихся у Заводоуковского, просто разбежались. В связи с отступлением в районе железной дороги пришлось отойти и частям 3-й бригады 29-й дивизии, до этого два дня успешно наступавшим. 1-я и 2-я бригады занимались передислокацией, причем два полка сразу же пришлось направить на с. Заводоуковское для восстановления положения. Был отдан приказ о переходе 24 сентября 1-й и 3-й бригад в наступление. 1-я бригада 51-й дивизии вела бои в районе с. Аромашевского, взяв д. Слободчики. Продолжалось наступление белых на Тобольском направлении [Там же, л. 84–85, 87, 94, 101–102, 104, 105].

24 сентября на участке 1-й бригады 30-й дивизии белые перешли в наступление у д. Кунарская и д. Крепость, но красноармейцы отразили атаку. Наступали части 29-й дивизии. 260-й и 1-й крепостной полки вели бои у д. Коршунова и с. Бигелинское, взяв 121 пленного. 255-й полк, наступая у железной дороги на с. Заводоуковское, взял д. Сидорова. 51-я дивизия находилась под ударом белых войск. 1-я бригада отступала из района тракта Аромашевское – Истятские юрты. К северу от Тобольска белые продолжили наступление на расположение 2-й бригады [Там же, л. 106–107, 114, 120–121].

На следующий день, 25 сентября, результаты на разных участках фронта были противоположными. В центре армии 253-й, 255-й и 259-й полки 29-й дивизии после упорного боя взяли с. Заводоуковское и продолжили наступление на с. Падун. В плен попало 270 солдат белой армии. На правом фланге 30-й дивизии имело место нелогичное отступление. Соседняя 27-я дивизия под ударами белых отступила на 18 верст. Начальник 30-й дивизии Е. Н. Сергеев вместо того, чтобы оказать помощь соседу фланговым ударом, приказал отвести правофланговую 1-ю бригаду на новую линию обороны: с. Мостовское – с. Верх-Суерское – д. Дуракова – д. Грамотеева. Командование армии приказало остановить отступление и ударить

во фланг белым на с. Лапушинское. 3-я бригада 30-й дивизии отбивала атаки белых на с. Кизакское. Потери этой дивизии за сутки составили 13 убитых, 81 раненый, 6 контуженных. 1-я и 2-я бригады 51-й дивизии продолжали отступление на своих участках [Там же, л. 122, 134–136, 140, 141].

26 сентября в соответствии с приказом командования армии 30-я дивизия правым флангом должна была начать наступление для поддержки 27-й дивизии. Однако оно не состоялось. Е. Н. Сергеев оправдывался перед командармом тем, что нет связи с 27-й дивизией, наступление его дивизии очень рискованно, фронт соединения и так «растянут в ниточку» и непригоден для обороны. На это справедливо ответил М. И. Алафузо: «если бы вчера ваша правофланговая бригада вместо отхода назад выручила бы левый фланг 27-й дивизии, то, может быть, сегодня обстановка была бы иная». Отход 1-й бригады составил 20 верст. 2-я и 3-я бригады в течение дня с большим трудом удерживали позиции, белые проводили сильные атаки у д. Дуракова и с. Саломатовское. В итоге Е. Н. Сергеев приказал отступить к Тоболу (новая линия обороны предполагалась в 10 верстах восточнее реки). М. И. Алафузо отменил это решение, но ночью начался отход 1-й бригады. В ответ на это командарм приказал занять прежние позиции и с рассветом 27 сентября нанести удар на район с. Марайское, облегчив тем самым положение 27-й дивизии [Там же, л. 139, 140, 144, 147–148, 155, 159, 164, 171].

В центре армии события развивались благополучно для 29-й дивизии. Вечером 26 сентября после упорного боя у с. Бигелинского белые потерпели серьезное поражение. Красные (260-й полк) взяли около 1 тыс. пленных и трофеи (пулеметы, винтовки, различное имущество). 259-й полк занял д. Глазунова (Звездочетова) и продолжил наступление вдоль небольшой р. Ук. К 18:00 потери 29-й дивизии составили: 11 убитых, 61 раненый, 51 пропавший без вести⁴. Левый фланг армии отступал. 456-й полк вместе с подразделениями 454-го и 455-го полков ночью с боем отошли в район Истяжских юрт. В штаб армии поступили сведения об уничтожении двух батальонов 454-го полка. Используя корабли речной флотилии, белые высадили десант в тылу 454-го полка, рассеяли его и окружили два батальона в районе с. Усть-Ишим. В итоге из окружения сумели выйти командир и комиссар полка, и небольшая группа красноармейцев [Там же, л. 142, 149, 165, 187; Рошевский, с. 322].

⁴ Сводка за 29 сентября привела другие данные о потерях 26 сентября: 6 убитых, 51 раненый, 48 пропавших без вести [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 409, л. 197].

27 сентября 29-я дивизия продолжала развивать наступление в районе железной дороги. 254-й и 255-й полки с боем заняли с. Падун. Контратака белых, которых поддерживали бронепоезда, была отбита. Наступление 257-го полка на д. Шестакова и д. Зонова успеха не имело. На участке 30-й дивизии красные взяли д. Молотово (так в сводке⁵), но потеряли с. Кизакское, д. Саломатовская и д. Середкина. На правом фланге 3-й армии белые развивали наступление. На рассвете 27 сентября пароходы белой флотилии прорвались по Иртышу к Тобольску, подавили легкую артиллерию красных у устья Тобола и десантом заняли город [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 409, л. 166, 186–188; Рощевский, с. 323].

28 сентября полки 29-й дивизии вели наступление на д. Хорзова, д. Звездочетова⁶, д. Лушничиха, д. Семенова. Белые активно сопротивлялись, использовали бронепоезда. В этот день 30-я дивизия все-таки отступила на запад: в связи с дальнейшим отходом 27-й дивизии Е. Н. Сергеев приказал отвести все три бригады своей дивизии. Отступление красных проходило под сильными атаками белых у с. Шмаковское [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 409, л. 187–188, 196].

29 сентября части 1-й и 3-й бригад 29-й дивизии вели наступление на д. Звездочетова, д. Лушничиха. Контратаки белых у д. Семенова и к западу от д. Звездочетова были отражены красноармейцами. Левый фланг 1-й бригады вел бой с белыми, перешедшими в наступление из района д. Б. Тумашова. На этом участке в бой был введен батальон свежего резервного 2-го крепостного полка. 257-й полк наступал на линию Барановское – д. Зонова. Наступление 258-го полка на с. Боровинское успеха не имело [Там же, л. 197, 211].

29–30 сентября на фронте 30-й дивизии было некоторое затишье. Наступление белых на с. Шмаковское было отбито. Отступающие полки заняли новую линию. Приказом командования армии дивизии предписывалось сохранить за собой плацдарм на 15 верст восточнее Тобола [Там же, л. 210, 220].

30 сентября 29-я дивизия продолжала наступление, встречая упорное сопротивление белогвардейцев. Части 1-го крепостного полка с боем заняли д. Локтанова, взяв 60 пленных. 261-й и 259-й полки вели бои

---

⁵ В Марайской волости Курганского уезда было три деревни с похожим названием: Больше-Молотова, Мало-Молотова и России-Молотова [см.: Список..., с. 238].

⁶ Деревня Глазунова (Звездочетова) попала в сводку от 26 сентября как уже взятая красными.

за обладание д. Хорзова, д. Першина, д. Звездочетова, белые в ответ переходили в контратаки. 258-й полк вновь возобновил наступление на с. Боровинское. 257-й полк при поддержке 258-го с боем занял д. Зонова и д. Синьга Юргинской волости [Там же, л. 211].

К концу сентября 1919 г. наступление войск адмирала А. В. Колчака выдохлось. До середины октября 1919 г. на фронте 3-й и 5-й армий была оперативная пауза, шли бои местного значения. На левом фланге красного фронта 1-й и 2-й бригадам 51-й дивизии в начале октября пришлось вести ожесточенные бои в окружении. На Тобольском направлении развивалось явно запоздавшее наступление белых [см. подробнее: Роцевский, с. 322–329].

На Ялуторовск-Ишимском направлении 3-я армия РККА в течение сентября отступила к Тоболу, к исходным рубежам, которые красные занимали перед началом Петропавловско-Ишимской операции. Однако оттеснив своего противника и нанеся ему в ряде боев ощутимые потери, белые так и не смогли реализовать свой план разгрома красных дивизий.

Несмотря на неожиданное для красных начало колчаковского контр-наступления, большая часть красных полков, хоть и измотанных длительным наступлением, оказалась боеспособной и могла оказывать сопротивление идущим вперед белым. Имевшее место бегство нескольких полков с поля боя не стало общим явлением, тем более что красное командование было готово жестко карать подобные проявления трусости подчиненных. В то же время и среди комсостава красных соединений имело место невыполнение прямых приказов вышестоящего командования, прежде всего связанных с проведением контрударов по белогвардейцам. Красные слабо использовали этот способ парирования наступления, предпочитая просто отводить войска на новые линии обороны. В итоге 6 октября 1919 г. М. И. Алафузо был смещен с должности командарма.

Белая сторона не успела до конца завершить подготовку к операции. Стремительно наступающие красные не дали своему противнику времени для этого. Кроме того, белые не смогли создать необходимого численного перевеса над частями 3-й армии РККА. Серьезной проблемой стала нехватка резервов. Фактически на главном участке 3-й красной армии РККА белое наступление свелось к фронтальному давлению, которое красные, хоть и не без сложностей, сумели остановить.

Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Шумиха : Велес, 2013. Кн. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/The%20battle%20on%20the%20Tobol/> (дата обращения: 20.05.2019).

Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Шумиха : Велес, 2015. Кн. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/The%20battle%20on%20the%20Tobol/> (дата обращения: 20.05.2019).

Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Шумиха : Велес, 2016. Кн. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/The%20battle%20on%20the%20Tobol/> (дата обращения: 20.05.2019).

Воробьев В. Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М. : Воениздат, 1939.

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.) : сб. документов. М. : Воениздат, 1972. Т. 2.

Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 2012.

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб. : ООО «Издательство “Полигон”», 2002.

Клавинг В. Белые армии Урала и Поволжья // Гражданская война в России: борьба за Урал и Поволжье / сост. А. Смирнов. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. С. 320–444.

Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966.

Сахаров В. К. Белая Сибирь. Мюнхен : [Б. и], 1923.

Спасский А. А. Третья армия. Пермь : Кн. изд-во, 1958.

Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск : Тобол. губ. стат. ком., 1912.

Тухачевский М. Курган – Омск // Борьба за Урал и Сибирь: воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 74–88.

ЦДООСО. Ф. 41. Свердловский (Уральский) истпарт.

Эйхе Г. Х. 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война 1918–1921 : в 3 т. М. : Воен. вестн., 1928. Т. 1. С. 190–204.

УДК 94(470.5).084.3:35

И. С. Сильченко

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДЧИНЕНИЯ ОТРЯДОВ И ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 гг.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с изменением организационной структуры коммунистических боевых отрядов Екатеринбургской губернии. Автор выделяет периоды существования отрядов особого назначения, характеризует их систему подчинения, определяет основные функции и задачи. В завершение работы представлены выводы о том, что трансформация управленческих систем частей особого назначения связана не только с необходимостью усиления эффективности подразделений, но в целях формирования основы для функционирования армии – с милиционным принципом комплектования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбургская губерния, части особого назначения, коммунистические боевые отряды.

События Октября 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война оказали ключевое влияние на политические, экономические и социальные процессы, став толчком к созданию принципиально новых государственных институтов. В настоящее время изучение событий начала XX в. может не только способствовать переосмыслению сформированных ранее исторических позиций, но и выявить закономерности, актуальные для дальнейшего государственного и социального развития. Научный интерес вызывает всесторонний анализ деятельности политико-административных органов Советского государства. Наряду с рабоче-крестьянской красной милицией (РККМ) и Всероссийской Чрезвычайной комиссией (ВЧК) подобным органом были отряды особого назначения. Подразделения, формируемые из членов и кандидатов в РКП(б), стали не только ярким примером превращения наиболее лояльной власти прослойки общества в военную силу, но и явились образцом формирования новых силовых структур в условиях глубочайшего экономического кризиса и кадрового дефицита.

Идея вооружения граждан, выполнявших комплекс функций по охране общественной безопасности и политическому регулированию без отрыва от основной деятельности, стала главенствующей в большевистской теории военно-политического развития. В. И. Ленин в труде «Государство и революция» [см.: Ленин, с. 36], основываясь на классической марксистской теории, выражал мысль о всеобщем вооружении народа для замены

армии и полиции. Опыт создания органов правопорядка в 1918 г. показал, что отсутствие штатной основы, а также отбор кадров по классовому признаку ведут к снижению эффективности и боевой ценности подразделений. Процесс реорганизации Красной гвардии и создания Красной армии значительно ослабил социальный контроль и привел весной 1919 г. к ухудшению военно-политической обстановки. В то же время местные партийные организации представляли собой полностью лояльную в политическом смысле прослойку, которая при определенном боевом опыте смогла превратиться в орудие удержания власти.

Партийные отряды на Урале начали создаваться в ноябре 1918 г., однако они представляли собою стихийные формирования. Так, в соответствии с письмом Пермского ЦК всем членам партии надлежало «вооружиться и бороться с контрреволюцией». За отказ от вооруженной борьбы следовало наказание в виде исключения из партии [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 45]. Партийные отряды в 1918 г. в полном составе вливались в ряды Красной армии и не являлись обособленными подразделениями.

Первым документом, официально объявившем о необходимости формирования отрядов особого назначения, являлась изданная в марте 1919 г. директива ЦК РКП(б) [см.: Кротов, с. 46]. В директиве была обозначена необходимость вооружения коммунистов и обучения их военному делу. Обособленные коммунистические отряды были созданы в крупных губернских и столичных городах: Москве, Петрограде, Самаре.

17 апреля 1919 г. Центральным комитетом партии было принято постановление о формировании частей особого назначения, которое стало отправной точкой в создании обособленных подразделений при местных партийных структурах. Данный нормативный акт не предусматривал наличия единых требований, а вся полнота принятия решений по вопросам организации и применения отрядов особого назначения принадлежала местным партийным органам.

14 мая 1919 г. ЦК РКП(б) была утверждена «Инструкция по формированию отрядов ОСНАЗ», в которой были перечислены действия местных партийных структур, необходимые для успешного создания отрядов [см.: Лошманова, с. 4]. 20 июля 1919 г. инструкция была переработана с учетом получения первоначального опыта [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 1]. Документ предполагал возможность организации коммунистов в батальоны, роты и отделения, а также определял основные функции частей особого назначения, в которые входили: охрана важных объектов, борьба с проявлениями контрреволюции, участие в боевых действиях в составе частей Красной армии.

В соответствии с инструкцией высшим руководящим органом коммунистических отрядов являлся Центральный Комитет РКП(б). Оперативные вопросы, связанные с общим руководством частями особого назначения, осуществляло Организационное бюро, тогда как на местах формирование и тактическое применение коммунистических частей осуществлялось губернскими и уездными комитетами. Проблемами первоначальной системы подчинения отрядов особого назначения являлось то, что партийные организации различных уровней законодательно не являлись органами исполнительной власти. Поэтому юридически части особого назначения на первом этапе являлись своеобразной «общественной организацией», отношения которой с управленческой государственной системой не были документально закреплены. Отсутствие четких правил взаимодействия с органами власти и советскими структурами негативно сказалось на снабжении коммунистических отрядов униформой, снаряжением, вооружением, продуктами питания и в конечном итоге стало причиной их низкой боеспособности.

В связи с тем, что процесс создания административных структур на территории Екатеринбургской губернии был запущен только после занятия губернии войсками Красной армии, части особого назначения (ЧОН) в губернии начали формироваться в конце осени 1919 г.

В первую очередь зачислению в Екатеринбургские отряды особого назначения подлежали коммунисты, вступившие в партию до Октябрьской революции. Также допускался прием «всех остальных под ответственностью старых членов партии» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 1]. Уклонение от службы в коммунистическом отряде могло привести к исключению из партии. Зачисленные в отряд продолжали обычную работу, занимаясь военной подготовкой в свободное время. В начальный период существования деятельности ЧОН регулировалась приказами местного уровня. Так, в Екатеринбургском отряде за время дежурств коммунары получали свой средний дневной заработок за счет предприятий, на которых официально работали [Там же, л. 5]. Начальником отряда являлся ответственный организатор, который имел право накладывать различные меры взыскания на личный состав за нарушение дисциплины.

В дальнейшем коммунистические отряды Екатеринбургской губернии столкнулись с рядом проблем, которые не позволяли превратить их в боеспособные подразделения. Наравне с недостаточным уровнем снабжения, вызванным тяжелым экономическим кризисом, главными проблемами являлись отсутствие опытных кадров, а также недостаточный уровень военной подготовки коммунистов. Пытаясь решить проблему

военной подготовки личного состава и усилить управление отрядами особого назначения, 12 ноября 1919 г. ЦК РКП(б) принял постановление о передаче функций обучения и стратегического управления коммунистическими частями ячейкам Всеобщего военного обучения (Всевобуча) [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 17]. При этом формирование и оперативное управление подразделениями остались в ведении местных партийных структур. Создание Всевобуча было закреплено 22 апреля 1918 г. декретом ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» [Об обязательном...].

Включение частей особого назначения в систему Всевобуча было связано не только с необходимостью упорядочивания формирования частей в масштабах всего государства и создания эффективной системы обучения личного состава, но и с целью усиления партийного влияния в системе всеобщего военного обучения. Ю. В. Ковалев в своей работе отмечал, что «одной из причин объединения структур являлась необходимость усиления коммунистического влияния при формировании Всевобучем войсковых единиц, а также необходимости замены управленческого аппарата Всевобуча проверенными партийными кадрами» [Ковалев, с. 164].

Примечательно, что сначала объединение структуры Всевобуча с коммунистическими отрядами было решено провести в крупных центральных городах, в частности, в Москве и Петрограде. Официальные документы об изменении структур в регионы отправлены не были, и в Екатеринбургской губернии процесс перехода был начат только осенью 1920 г.

Нестабильная политическая обстановка в государстве, выражавшаяся в десятках крестьянских восстаний, стала причиной укрепления коммунистических отрядов. В постановлении Всевобуча от 15 марта 1921 г. говорилось о необходимости создания Центрального штаба отрядов особого назначения, контролирующего вопросы функционирования коммунистических отрядов в пределах всего государства. В масштабах губернии части особого назначения курировались губернскими штабами. Опыт, полученный отрядами во время подавления крестьянских восстаний, показал, что в боевой обстановке главной проблемой было отсутствие связи и координации действий. Штабы были сформированы в целях организации централизованного управления отрядами, а также для решения текущих вопросов на местном уровне.

25 марта 1921 г. в приказе начальника Всевобуча № 92/4 было объявлено о введении «Положения о частях особого назначения» [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 77, л. 2]. В соответствии с положением устанавливалась должность командующего частями особого назначения республики

(комчонресп). В губерниях вводились должности начальников отрядов особого назначения. Командующий ЧОН республики, а также начальники коммунистических отрядов губерний являлись высшими командирами частей особого назначения, тогда как для политического руководства были сформированы Советы ЧОН.

8–16 марта 1921 г. проходил X съезд РКП(б). Он заявил о переходе к новой экономической политике, а также наметил пути военного строительства. В «Резолюции съезда по вопросу строительства и реорганизации вооруженных сил республики» указывалось, что ослабление военной мощи республики требует немедленной реорганизации военного дела, а также что «для создания основы милиционных пополнений армии необходимо превратить отряды особого назначения в командно-инструкторский состав, введя в него, прежде всего, всех коммунистов, а также соответствующие пролетарские элементы, выделяемые профсоюзами, без отвлечения их от основной работы» [Протоколы, с. 675]. Применение отрядов особого назначения в качестве основы будущей армии должно было обеспечить «максимальный коммунистический дух и пролетарские методы в организации новых вооруженных сил» [Там же].

На том же заседании ЦК РКП(б) обсуждались вопросы демобилизации армии. Особое внимание было уделено направлениям улучшения качества частей особого назначения и выделения ответственных работников для руководства коммунистическими отрядами [РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 147, л. 4]. 7 мая 1921 г. по итогам совещания было принято решение о назначении начальником коммунистических отрядов РСФСР А. К. Александрова, а также о необходимости отделения ЧОН от Всевобуча [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 160, л. 5].

Форсирование всех аспектов деятельности отрядов особого назначения в 1921 г. было связано не только с желанием политической власти укрепить свои позиции, но и с необходимостью проведения полномасштабной демобилизации армии: для восстановления экономики, подорванной Гражданской войной, требовались рабочие руки. Демобилизация личного состава влияла на боеспособность армии, поэтому коммунистические части особого назначения должны были стать основой вооруженных сил молодого Советского государства.

27 июля 1921 г. в соответствии с приказом командующего отрядами особого назначения РСФСР № 2 началось формирование штабов при начальниках отрядов особого назначения округов и губерний, а 14 августа отряды особого назначения были официально переименованы в части особого назначения [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 140, л. 69].

Первоначально изменения структуры и принципов управления отрядами особого назначения отразились на подразделениях, сформированных в центральных регионах страны. Так, в Москве и Петрограде летом 1921 г. действовала отдельная партийная комиссия, основными задачами которой являлись контроль над выполнением распоряжений правительства и создание боеспособных коммунистических подразделений. На Урале процесс отделения отрядов особого назначения начался значительно позже – в конце лета – начале осени 1921 г.

26 августа 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил новое «Положение о Частях особого назначения РСФСР» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 140, л. 8], отменяющее ранее утвержденные положения и ставшее основным документом инструктивного характера на все последующие годы. В соответствии с положением был официально закреплён выход ЧОН из состава Всевобуча и формирование отдельной управленческой структуры.

26 августа 1921 г., согласно совместному приказу РВСР и Приуральского военного округа, началось формирование штаба отрядов особого назначения Екатеринбургской губернии. Начальником штаба был назначен Я. М. Терентьев [Там же, л. 60], ранее занимавший должность начальника губернского Всевобуча. Место начальника частей особого назначения губернии занял А. В. Федоров. Штаб был разделен на отделы (части), которые решали ограниченный круг задач. Оперстроявая часть, включавшая начальника, двух делопроизводителей, переписчика и коменданта, решала вопросы, связанные с обучением и боевой деятельностью партийных формирований. Учетно-мобилизационная часть, состоявшая из начальника, его помощника, трех делопроизводителей, одного переписчика и одного журналиста, занималась кадровыми вопросами и вопросами снабжения подразделений. Кроме того, при штабе имелся штат посыльных и секретарь начштаба. Опыт функционирования штаба ЧОН привел к изменению его структуры. Уже 23 сентября 1921 г. штаб ЧОН губернии был реформирован. Руководителем коммунистических отрядов стал командующий частями особого назначения губернии, в то время как за формирование отвечал инспектор. Штаб ЧОН Екатеринбургской губернии был разделен на оперстроявую, учетно-мобилизационную часть и комендатуру.

Организационно-управленческая структура частей особого назначения, закреплённая осенью 1921 г., соответствовала целям, направленным на формирование кадрового ядра и подготовку милиционного состава. Данная схема с незначительными корректировками эффективно функционировала вплоть до расформирования коммунистических подразделений в 1925 г.

Отряды особого назначения, созданные с целью защиты власти, на начальном этапе своего существования характеризовались отсутствием единой системы комплектования и управления. Коммунистические подразделения имели исключительно партийное подчинение и юридически являлись «общественной организацией». Данная особенность объясняется не только административно-кадровыми проблемами управленческих и партийных структур Екатеринбургской губернии, но задачами, возлагаемыми на отряды особого назначения. Так, в начальный период коммунистические подразделения планировалось использовать как средство усиления армейских частей в борьбе с политическими противниками.

В ноябре 1919 г. отряды особого назначения получили двойную систему управления, опирающуюся не только на партийные комитеты разного уровня, но и на отделы Всевобуча. Подобные изменения объясняются необходимостью повышения уровня военной подготовки личного состава коммунистических подразделений. В чрезвычайных условиях Гражданской войны данную задачу можно было решить с помощью материально-технической и преподавательской базы Всевобуча. Участие частей особого назначения Екатеринбургской губернии зимой 1921 г. в подавлении восстаний в Камышловском и Шадринском уездах показало низкую эффективность этих подразделений, что в комплексе с общегосударственным опытом повлекло за собой выделение ЧОН из структуры Всевобуча. В конце лета 1921 г. были созданы обособленные управленческие органы частей особого назначения, сформированы штабы, набран административный и управленческий персонал при партийных организациях разных уровней. Подобные изменения при достаточном уровне кадровой и материальной базы позволяли оперативно и комплексно контролировать процессы формирования и деятельности ЧОН не только в Екатеринбурге, но и в других населенных пунктах губернии, к тому же выделение частей особого назначения в самостоятельную структуру было связано с необходимостью создания основы для пополнения армии с милиционным принципом комплектования.

Об обязательном обучении военному искусству : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 151–153.

Ковалев Ю. В. Коммунистическая партия – организатор и руководитель отрядов особого назначения по борьбе с контрреволюцией в годы Гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968.

- Кротов В. Л.* Чоновцы. М. : Изд-во полит. лит., 1974.
- Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
- Лошманова О. А.* Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 1. С. 103–138.
- Протоколы X съезда РКП(б).* Л. : «Печатный двор», 1933.
- РГАСПИ.* Ф. 17 (Политическое бюро ЦК (Политбюро)).
- ЦДООО.* Ф. 41 (Свердловский (Уральский) истпарт).
- ЦДООСО.* Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).
- ЦДООСО.* Ф. 1494 (Уральское бюро ЦК РКП(б)).

УДК 94(47).084.8:341.322.6

Я. Войтковяк

ПОБЕДА НЕ ДЛЯ ВСЕХ: МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрен механизм репрессий в отношении целых групп советских граждан (военнопленных и национальных меньшинств) в годы Великой Отечественной войны. Автор отвечает на вопросы: действительно ли руководители СССР во главе со Сталиным расценивали победу в Великой Отечественной войне как общее достижение и достояние всего многонационального советского народа? Не была ли война следующим этапом в развитии сталинского режима, целью которого так же, как и до июня 1941 г., была консолидация большинства общества посредством объявления целых социальных групп врагами, шпионами и коллаборационистами, подвергая их репрессиям и тем самым исключая из общества, которое после долгих четырех лет кровопролитной войны ценой огромных жертв могло праздновать победу?

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война, массовые репрессии, советские военнопленные, сталинские депортации.

На протяжении многих лет победа в Великой Отечественной войне рассматривается как победа всех граждан и всех народов Советского Союза. В связи с приближающимся днем Победы в Великой Отечественной войне целесообразен анализ исторических фактов, который может дать возможность ответить на следующие вопросы:

1. Действительно ли руководители СССР расценивали победу в Великой Отечественной войне как общее достижение и достояние всего многонационального советского народа?

2. Не была ли война следующим этапом в развитии сталинского режима, целью которого так же, как и до июня 1941 г., была консолидация большинства общества посредством объявления целых социальных групп врагами, шпионами и коллаборационистами, подвергая их репрессиям и тем самым исключая из общества, которое после долгих четырех лет кровопролитной войны ценой огромных жертв могло праздновать победу?

После нападения Германии на СССР первое публичное выступление Иосифа Сталина перед «подданными» состоялось 3 июля 1941 г. Его речь транслировалась по радио. После типичной для риторики тех времен формы обращения: «Товарищи! Граждане!», прозвучали известные и беспрецедентные слова: «Братья и сестры!.. К вам обращаюсь я, друзья мои!» [1941 год, с. 448]. Данные слова были адресованы ко всем жителям страны, всем населяющим ее народам. Именно в этой речи была употреблена формулировка, упоминая война 1812 г. с Великой армией Наполеона, которая вскоре стала официальным названием конфликта между Советским Союзом и Третьим рейхом: «всемирная отечественная война против фашистских угнетателей». Главной целью было объединение усилий всех таким образом, чтобы выйти победителем из смертельной схватки с «наиболее жестоким и коварным врагом». Этот враг должен был сплотить общество «всех советских людей».

Однако одновременно Сталин разрушал это общество – не боялся сказать следующие слова: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица» [Там же, с. 451]. Такие формулировки были использованы всеми воюющими сторонами, но в устах советского диктатора они звучали зловеще. Система, созданная Лениным и усовершенствованная его преемником, с самого начала использовала лозунг произвольно выбранного объективного врага. Поэтому было лишь

вопросом времени, чтобы целые слои общества были представлены как «паникеры и трусы», «шпионы и диверсанты», а тем самым вытеснены за рамки «отечественного» общества.

Тем временем Вермахт неумолимо продвигался на восток. Поражение Красной армии уже в первые дни войны приняло катастрофические масштабы. Как отметил сам И. Сталин в своем выступлении: «Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины» [см.: 1941 год, с. 448]. Логика сталинской системы велела искать виновников среди своих. Методом укрепления дисциплины стали новые репрессии. Первоначально они носили индивидуальный характер. За катастрофу на Западном фронте в скором времени ответственность понесло его командование. В постановлении на арест командующего войсками генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова против него использовались все обличительные материалы, собранные в ходе Большого террора в Красной армии в 1937–1938 гг.: в частности, вспомнили, что он гордился образованием, полученным в Германии в период сотрудничества Красной армии и Рейхсвера; была подчеркнута его тесная связь с расстрелянными «врагами народа» и использованы их показания, в которых Павлов был обвинен в «антисоветском военном заговоре» [Органы..., с. 210–213]. Немного другая риторика была использована в официальном документе – указе Государственного комитета обороны, в котором сообщалось о передаче в военный трибунал дела Павлова, бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Владимира Ефимовича Климовских, начальника связи фронта генерал-майора Андрея Терентьевича Григорьева, командира 4-й армии этого фронта генерал-майора Александра Андреевича Коробкова и нескольких командиров и комиссаров дивизий. Были озвучены следующие официальные причины: «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» [1941 год, с. 472–473].

Одновременно Комитет потребовал от командиров и политработников всех уровней, чтобы они «не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины» [Там же, с. 473].

Спустя месяц после начала войны, 22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила четырех генералов к смертной казни, потому что: «вследствие своей трусости, бездействия и пани-

керства нанесли серьезный ущерб Рабоче-Крестьянской Красной армии, создали возможность прорыва фронта противником на одном из главных направлений и тем самым совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 193-17/6 и 193-20/6 УК РСФСР» [Органы..., с. 392–393]. В следующие недели и месяцы их судьбу разделили многие другие высокопоставленные командиры и начальники, которые без особых оснований были признаны виновными в трусости и подобных преступлениях [см.: Звягинцев; Maslov, 2001; 2013].

Но все же это были отдельные случаи. Главная причина вышеуказанных действий – укрепление дисциплины и решимости у командиров высшего уровня. Довольно быстро Сталин и его окружение осознали, что проблема Красной армии заключается в другом. С начала войны солдаты и командиры разных рангов массово сдавались в плен к немцам. Только в Беларуссии в период с 22 июня по 9 июля 1941 г. безвозвратные потери Красной армии составили более 340 тыс. чел. – 54,4 % действующей армии [Великая Отечественная..., с. 78]. Большую часть этих потерь составляли военнопленные. В начале августа немецкая группа армий Юг сомкнула в районе Умани кольцо окружения вокруг 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта, которые вскоре капитулировали. В плену оказалась группа советских генералов, в частности, командующие обеими армиями – генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко и генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин. Немецкая пресса распространяла фотографии командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Николая Кириллова в парадной военной форме, сдающегося в плен солдатам Вермахта¹.

С точки зрения режима, быстро растущие ряды военнопленных создавали серьезную угрозу. Один из лозунгов Третьего рейха в войне с Советским Союзом – антикоммунизм. Массовая сдача в плен, кроме очевидного факта неподготовленности Красной армии к оборонительным действиям, как минимум, свидетельствует о невысоком патриотическом сознании масс красноармейцев, а может быть, даже о выражении бунта против порядков в Советском Союзе. Однако в Кремле не осознавали того, что Гитлер не видел возможности альянса со славянами, доминирующими среди жителей СССР. Даже в отношениях с украинцами, часть которых встречала немцев как освободителей, он не планировал

---

¹ В польском Центральном военном архиве находится крупная неразработанная коллекция фотографий, сделанных немцами на Восточном фронте в первые недели войны. Автору статьи удалось посмотреть эту коллекцию в 1999 г. Значительная часть коллекции – это фотографии генералов Понеделина и Кириллова.

предоставления им автономии, не говоря уже об удовлетворении их амбиций по созданию собственного государства. Поэтому военнопленные, а прежде всего сдающиеся в плен командиры Красной армии, должны были исключаться из общества, борющегося за победу в Отечественной войне, которая была одновременно борьбой за выживание всей системы, созданной Лениным и Сталиным.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии, в которую входили тогда сам Сталин, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, Маршалы Советского Союза С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошников, а также генерал армии Г. К. Жуков, издала 16 августа 1941 г. приказ «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». После перечисления примеров героизма некоторых командиров, которые, будучи окруженными, продолжали сопротивление и смогли прорваться через линию фронта к своим, а также трусости таких командиров, как Понеделин и Кириллов, сдавшихся в плен², было предложено:

«1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

---

² Третий генерал, который, как предполагалось, сдался немцам и был перечислен в приказе, – это командующий 28-й армией генерал-лейтенант Владимир Яковлевич Качалов. Многие указывают на то, что Москва уже тогда знала о его гибели во время прорыва из немецкого окружения под Смоленском. Несмотря на это, в соответствии с приказом, его семья была репрессирована.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах» [1941 год, с. 476–479].

Заключительная фраза приказа имела ключевое значение: все солдаты, командиры и политработники Красной армии были проинформированы, что власть в очередной раз прибегает к использованию принципа коллективной ответственности, т. е. не только сдавшийся в плен становится предателем – страдать должны также и его родные. В случаях, когда члены командно-начальствующего состава сдавались немцам, использовался уникальный по мировым меркам законодательный инструмент, но уже давно присутствующий в советской системе, так называемая статья «ЧСИР» (Член семьи изменника Родины). Наказание за это «преступление» – заключение в лагерь на 5–8 лет³. Также и семьи рядовых красноармейцев должны были исключаться из общества – они лишались государственного пособия и помощи. Такие меры в условиях военного времени фактически означали голодную смерть, в лучшем случае – нищенство. К счастью, от принципа коллективной ответственности очень быстро отказались. В контексте вышеупомянутой статьи сам Сталин должен был попасть в лагерь, так как его сын, старший лейтенант Яков Джугашвили – командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка – с 16 июля 1941 г. считался пропавшим без вести. Как вскоре выяснилось, он попал в немецкий плен [см. : Сухотин]. Его судьбу до конца 1941 г. разделили около 3 млн солдат и офицеров Красной армии, а в конце марта 1942 г. в немецком плену оказалось уже 3,6 млн советских солдат и командиров [см. : Штрайт, с. 7]. В случае последовательного репрессирования семей военнопленных несколько миллионов человек оказалось бы в лагерях или остались бы без работы. Это угрожало полным параличом стране, которая должна была объединить все силы для увеличения шансов на победу в войне. Поэтому данная мера применялась избирательно, в основном к семьям тех военнопленных, которые активно сотрудничали с оккупантами. Например, в случае генерал-лейтенанта Андрея Власова,

---

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 107.

который после того, как в июле 1942 г. был взят в плен немцами, возглавил Комитет освобождения народов России. Затем приступил к созданию (при небольшой и непостоянной поддержке с немецкой стороны) «Русской освободительной армии», которая должна была действовать в составе Вермахта [см.: Органы...; Ковалев; Hoffmann].

Нельзя оспаривать тот факт, что более 1 млн граждан Советского Союза, в основном военнопленных, во время войны носили форму противника, служа в регулярных, полицейских и вспомогательных частях немецких вооруженных сил. Нельзя утверждать, что они делали это по личному убеждению. Некоторых красноармейцев к этому шагу подтолкнул приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г., рассматривающий военнопленных как предателей. В свою очередь, политика нацистского геноцида, особенно во время трагической зимы 1941/42 г., привела сотни тысяч заключенных к медленной смерти от голода, гипотермии и болезней [см.: Масюковщина; Rybak; Snyder].

Эту причину сотрудничества с немцами – желание избежать верной смерти – подтверждает тот факт, что значительная часть коллаборационистов при первой возможности присоединялась, например, к партизанским группировкам (не только советским).

На протяжении всего периода войны и даже после нее военнопленные, как и все солдаты, пребывающие на территории, контролируемой противником, хоть и в малой степени, но были подвергнуты процедуре проверки. Это относилось к офицерам Красной армии, откомандированным в воинские подразделения союзников. В частности, это коснулось полковника Александра Константиновича Лаского, польской национальности, кадрового советского офицера, который в 1945 г. командовал 9-й пехотной дивизией Войска Польского, разбитой немцами у Баутцен в апреле 1945 г. Сам Лаский 27 апреля на короткое время был взят в плен, где давал показания. После освобождения был подвергнут проверке специальной комиссией, возглавляемой другим кадровым офицером Красной армии – генерал-майором Иосифом Иустиновичем Санковским. Комиссия, принимая во внимание данные им показания, а также факт пребывания в плену, 19 июня 1945 г. вынесла вердикт, в котором было сказано:

«полковник Лаский:

1. Нарушил воинскую присягу и верность Родине, запачкал честь офицерского состава.
2. Проявил малодушную трусость и шкурничество, недостойное офицера.

Исходя из этого Комиссия считает, что п-к Лаский не может далее находиться в рядах армии»⁴.

Никто не принял во внимание, что (вполне вероятно) на глазах Лаского был зверски убит другой из плененных тогда командиров дивизий Войска Польского, Герой Советского Союза, генерал-майор Александр Вашкевич. Офицер был отправлен в СССР лишь 10 сентября 1945 г. Не вызывает сомнения, что после такого вердикта он оказался в заключении в лагере.

Аналогичная или даже худшая участь постигла сотни тысяч бывших военнопленных, которым удалось пройти через кошмар плена. На конференции в Ялте Сталину удалось получить от руководителей США и Великобритании гарантии, что все граждане СССР, находящиеся в данный момент или в будущем на территории, контролируемой союзниками, будут депортированы в Советский Союз. Это касалось как военнопленных, так и других жителей СССР, добровольно или принудительно оказавшихся в центре Европы, главным образом в качестве рабочей силы. После возвращения на родину пленники попадали в проверочно-фильтрационные лагеря. Каждый подвергался унижительной процедуре выяснения обстоятельств, при которых он был взят в плен, и оценке поведения во время пребывания в нем. Как с горечью писал один из прошедших такую проверку – майор Василий Новобранец, у него создалось впечатление, что цель одна: «Уничтожить всех военнопленных 1941 года как живых свидетелей поражения Сталина и его клики в начале войны» [Новобранец, с. 106].

По официальным данным из 1,5 млн бывших военнопленных, вернувшихся в СССР, более 226 000 (14,69 %) «были отданы в распоряжение НКВД»; 344 500 (22,37 %) были переведены в строительные батальоны, т. е. в более легкую версию лагеря⁵. Известно также, что из 55 генералов Красной армии, вернувшихся в 1945 г. в СССР, 29 были подвергнуты репрессиям и даже не в связи с активным сотрудничеством с врагом,

---

⁴ Акт о реабилитации бывшего в плену бывшего командира 9-й пехотной дивизии полковника Лаского от 19 июня 1945 г.: Centralne Archiwum Wojskowe, Warszawa – Rembertów (Центральный военный архив, Варшава – Рембертов), Teczki Akt Personalnych, 497/58/4462, k. 6–7.

⁵ Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 г.). Документ из Государственного архива Российской Федерации цит. по Интернету: stalinism.narod.ru/docs/repress/plen.htm. Кроме того, НКВД были арестованы 47 тыс., в строительные батальоны попали 264 тыс. так называемых оstarбайтеров.

а из-за предполагаемой трусости, «антисоветской агитации» в лагере и подобных проступков [см.: Смирнов, с. 76–166]. Репрессии не ограничивались военнопленными – обвинение «стигматизировало» их семьи. Близкие не могли проживать в крупных городах, сталкивались с проблемой получения работы, их детям ограничивался доступ к среднему и высшему образованию. Таким образом, можно подсчитать, что во время войны и после ее окончания около 2 млн советских граждан – военнопленных и их семей – были фактически исключены из общества.

Военнопленные и их семьи хоть и являются самой многочисленной, но отнюдь не единственной группой, которая была исключена из общества «всех советских людей» во время и после Великой Отечественной войны. Та же судьба постигла целые народы. Внешняя угроза вела к репрессиям в Советском Союзе, где основанием было подозрение в нелояльности некоторых национальных меньшинств. В частности, в 1930-е гг. массовые депортации коснулись финнов, поляков, немцев, корейцев, курдов и иранцев, проживающих в приграничных районах Советского Союза. Во время Большого террора НКВД проводились карательные операции по отношению к полякам, латышам и немцам, в рамках которых было расстреляно почти 200 тыс. человек. Последние проживали на всей территории страны, но самая большая их часть находилась в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья и прилегающих областях, где их предки поселились во времена Екатерины II. Все стали подозреваемыми.

Народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия 25 августа 1941 г. представил Сталину проект постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) о режиме переселения почти 480 тыс. немцев из АССР немцев Поволжья, а также Саратовской и Сталинградской областей [Лубянка..., с. 311–312]. 28 августа Президиум Верховного Совета издал Указ, санкционирующий и объясняющий эти меры. В частности, в нем сказано следующее: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья»⁶.

---

⁶ О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. // Арх. Александра Н. Яковлева. Фонд А. Н. Яковлева. Сталинские депортации 1928–1953. Превентивные тотальные депортации и депортации отступления (1941–1943 гг.). Док. 3.6.

Это было грубой ложью: с начала войны, несмотря на все усилия органов внутренних дел, за контрреволюционные преступления было арестовано лишь 145 немцев Поволжья [см.: Ciesielski, Hryciuk, Srebrakowski, s. 357]. Тем не менее, Сталин и его окружение решили изгнать почти 0,5 млн граждан своей страны из родных домов, где зачастую немцы проживали в течение многих поколений.

На этом преследования немецкого населения в Советском Союзе не завершились. В последней декаде августа 1941 г. началась депортация немцев, проживающих в Крыму и Ленинградской области, а затем и в других частях Европейской России и Кавказа. Всего было депортировано 750 тыс. мужчин, женщин и детей [Ibid, s. 356–357, 362–363; Полян, с. 102–116].

Очередная волна преследований немцев и населения с немецкими корнями началась после коренного поворота в ходе войны, во время постепенного освобождения советской территории от немецкой оккупации. Как известно, на оккупированных территориях власти Третьего рейха вводили так называемые фолькслисты, в которых регистрировали людей немецкого происхождения, что далеко не всегда приветствовалось с энтузиазмом самими заинтересованными. Та же политика проводилась после 22 июня 1941 г. в оккупированных районах Советского Союза, прежде всего в Украине, Крыму и Прибалтике. Уже 28 декабря 1943 г. Берия подал докладную Сталину о том, что «НКВД СССР считает необходимым всех “фольксдейче”, выявленных на территории, освобожденной от противника, арестовать. В отношении тех, на которых будет достаточно оснований для привлечения к суду военного трибунала, – судить, всех остальных “фольксдейче” вместе с семьями выселять в Алтайский край. Высылать также семьи тех “фольксдейче”, которые будут осуждены по суду». Решение Сталина было однозначным: «Всех арестовать, содержать в спецконцлагере под особым надзором и использовать для работ. Ст.» [Лубянка..., с. 405].

Наверное, не стоит подробно останавливаться на том, что советские немцы, и особенно те, кто активно сотрудничал с оккупационными властями, в подавляющем большинстве покинули родные края вместе с немецкими войсками. Остались в основном те, кто не чувствовали себя виновными ни в каких преступлениях, хоть и были зарегистрированы в фолькслисте. Несмотря на это, они были объявлены предателями.

Как известно, не только часть украинцев, но и часть представителей национальных меньшинств СССР, проживающих в Крыму и на Северном Кавказе, приветствовали приход немецких войск на их территорию.

Особенно активно они сотрудничали с оккупантами в 1942 г., видя в них освободителей от России и коммунистического угнетения. Некоторые из них, но, конечно, не все. Для Сталина это не имело значения. Грехи коллаборационистов отпечатались на судьбах целых народов, из которых они происходили. Освобождение Северного Кавказа и Крыма обернулось для этих народов не освобождением, а началом трагедии. Они были названы предателями и подверглись депортации. В период 1943–1944 гг. были выселены (в основном в Центральную Азию) тысячи карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, крымских татар, проживающих в Крыму болгар, греков и армян, а также турок-месхетинцев и курдов из Закавказья. Нет особого смысла подробно останавливаться на этих трагических событиях. Они широко описаны в мировой и, прежде всего, российской литературе [см., напр.: Бугай; Полян]. Следует, однако, отметить, что насильственное переселение коснулось более чем 1 млн граждан СССР. Многие из них погибли во время транспортировки (калмыки, балкарцы, чеченцы и ингуши были депортированы в зимнее время) или вскоре после прибытия на новые места поселения, не подготовленные для новоприбывших. Остальные подвергались постоянным преследованиям.

Трактовка закона о преступлении против государства была необыкновенно широка. Обвинения по отношению к крымским грекам были следующими: «Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д.» [Лубянка..., с. 430–431]. За эти «преступления» все (46 тыс. людей) должны были покинуть свою родину [см.: Полян, с. 247–248].

Подводя итоги наших рассуждений, можно сделать вывод, что хотя Советский Союз во время Второй мировой войны в результате военных действий и нацистских преступлений понес невосполнимые людские потери, Сталин считал необходимым исключить из сообщества «всех советских людей», празднующих в мае 1945 г. Победу в Великой Отечественной войне, более 4 млн чел. Не будем отрицать тот факт, что часть из них предала родину и активно сотрудничала с врагом, но следует подчеркнуть, что были репрессированы все члены групп, в которых можно было наблюдать прогерманские настроения. Принцип коллективной ответственности привел к тому, что миллионы пострадали из-за преступлений десятков тысяч. Только меньшинство репрессированных было истреблено пулями, голодом и холодом, остальные из них стали дешевой

рабочей силой или в лучшем случае – гражданами второго сорта. Таким образом, очевидно, что Сталин не считал победу «общей для всех». И хотя во второй половине 1944 г. и в 1945 г. в рядах Красной армии, которая в то время освободила обширные просторы Центральной и Восточной Европы, подготавливая почву для установления на этой территории зоны советского режима, все еще остались некоторые представители репрессированных народов, их близкие вели жалкое существование в местах ссылки.

1941 год : документы / под ред. В. П. Наумова. М. : Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2.

Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М. : Язуа, 2005.

Бугай Н. Ф. Принудительные переселения и демобилизации в СССР: 1944 год // Великая Отечественная война 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М. : Изд-во Главного архивного управления города, 2014.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь // под ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Олма Пресс, 2010.

Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М. : Терра, 2006.

Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009.

Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Арх. Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М. : МФД : Материк, 2006.

Масюковична: Шталаг-352. 1941–1944: Документы и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2005.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. документов. Т. 2 : Начало. Кн. 1 : 22 июня – 31 августа 1941 года. М. : Изд-во «Русь», 2000.

Новобранец В. А. Записки военного разведчика // Воен.-ист. арх. 2005. № 2.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001.

Смирнов Ф. Советские генералы в плену. М. : Изд-во фонда «Холокост», 1999.

Сухотин Я. Л. Сын Сталина. Жизнь и гибель Якова Джугашвили. Ленинград : Лениздат, 1990.

Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М. : Русское историческое общество : Русская панорама, 2009.

Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim. Toruń : Adam Marszałek, 2003.

Hoffmann J. Rosyjscy sojusznicy Hitlera. Własow i jego armia. Warszawa : Wydawnictwo : Bellona, 2008.

Maslov A. A. Captured Soviet Generals. The Fate of Soviet Generals Captured by the Germans 1941–1945. London : Frank Cass ; Portland : Oregon, 2001.

Maslov A. A. Red Army Generals Repressed during the Soviet-German War, 1941–1945. P. 2 : The Western and Northwestern Axes, July-September 1941 // J. of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26. P. 551–575.

Rybak A. Stalag 319 w Chełmie. Zarys dziejów. Chełm : Chełmskie Towarzystwo Regionalne, Stowarzyszenie Bibliotekarzy Polskich Zarząd Oddziału w Chełmi, 2004.

Snyder T. Skrwawione ziemie. Europa między Hitlerem i Stalinem. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi, 2011.

УДК 94(470.55).084.6/.084.9:329

Р. Ш. Хакимов

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИВИЛЕГИЙ ДЛЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АКТИВА В 1930–1950-е гг. (на примере Челябинской области)

В статье проанализированы направления складывания системы привилегий партийно-советского актива в Челябинской области. Выявлены ее основные особенности: всеохватность и всеобщность включения в систему получения льгот и привилегий работников всех структур власти; иерархичность; полная закрытость; консолидация номенклатуры на основе системы привилегий; фактическая ее незаконность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : привилегии, бюро обкома ВКП(б), партийно-советский актив, лечение, питание, материальная помощь.

Одним из отличий Советского государства было фактическое сращивание господствующей Коммунистической партии с государством. При формальном существовании органов законодательной и исполнительной власти в форме съездов Советов, Верховных Советов и исполнительных комитетов, президиумов Советов разных уровней (союзных и автономных республик, краевых, губернских, областных, городских, окружных, районных, сельских), Совета народных комиссаров/Совета министров и наркоматов/министерств фактическая власть принадлежала партийным комитетам (ЦК РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, ЦК компартий республик, крайкомам, обкомам, горкомам, окружкомам, райкомам), хотя ни в одной Конституции РСФСР – СССР, вплоть до Конституции СССР

1977 г., не было законодательного оформления подобного положения. Только Конституция СССР, принятая 7 октября 1977 г., впервые закрепила статус партии, назвав ее «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций...» [см.: Кукушкин, Чистяков, с. 319].

В условиях полновластия Коммунистической партии сложилась и система партийных привилегий. Данная тема в последние годы привлекла внимание исследователей. Следует отметить работы А. Б. Коновалова [см.: Коновалов], О. Н. Калининой [см.: Калинина], А. В. Шумского [см.: Шумской], Е. В. Туфанова [см.: Туфанов], В. Сушкова [см.: Сушков]. Но в то же время данная проблема недостаточно изучена в региональном аспекте. Целью нашего исследования является уточнение, как происходило складывание системы привилегий и льгот партийно-советского актива в 1930–1940-е гг. на примере Челябинской области.

В Советской России привилегии партийным и советским работникам самого высокого уровня давались сразу же после захвата большевиками власти в октябре 1917 г. Был создан Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) – жестко централизованный аппарат с собственной разветвленной структурой (продкомиссары, продотделы и продуправления), имевший свои вооруженные формирования (продовольственные отряды) для реквизиции хлеба и других продуктов питания у крестьян. Наряду с разными категориями пайков (академическим, красноармейским, рабочим) для высших партийных и советских работников были учреждены так называемые ответственные пайки. В условиях Гражданской войны красноармейский паек с осени 1918 г. вышел в лидеры по весу, количеству и значимости. Вскоре его распространили на сотрудников ЧК, милиции, рабочих крупных оборонных предприятий и всех партийных, советских и комсомольских функционеров до уездного уровня включительно. Естественно, красноармейский паек получали наркомы и члены ЦК, но при этом в виде бонуса они имели и «ответственный паек».

Существование последнего тщательно скрывалось. В то же время при Ленине декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. был введен партмаксимум – размер максимального жалования члена ВКП(б), который устанавливал, что зарплата ответственных работников не должна превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях и предприятиях. XII партийная конференция РКП(б), проходившая 4–7 августа 1922 г., уже законодательно утвердила систему привилегий для работников партийного и советского аппарата. Для этих целей предполагалось использование средств из госбюджета [КПСС в резолюциях..., 1983, т. 2, с. 397–398].

С укреплением власти Сталина и складыванием бюрократической системы власти партноменклатуры 8 февраля 1932 г. секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) партмаксимум был отменен. Полуофициальная система привилегий в 1930-е гг. приняла законченный вид с отменой карточной системы. Государство гарантировало своим партийным и советским ответственным работникам жалование и гарантию возможности приобрести на него некий набор благ. В условиях дефицита эти гарантии реализовывались с помощью специальных распределителей, в которые имела доступ только партийная номенклатура и определенные категории служащих. Система спецраспределения с тех пор стала составной частью привилегий номенклатуры в советском обществе.

Привилегии распространялись в целом на всю номенклатуру, как отмечал М. Восленский, на этот реально господствующий слой Советского государства [см.: Восленский, с. 113]. Сюда включались, кроме партийных, работники советских, комсомольских органов, аппарата органов охраны безопасности (ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ), руководители предприятий, общественных организаций. Мы используем общее понятие «партийно-советский актив».

Формирование системы привилегий партийно-советского актива рассмотрим на примере Челябинской области. Необходимо отметить, что вопросы привилегий партийно-советскому активу никогда открыто не ставились, решения по ним принимались в обстановке строгой секретности. Все документы хранились в так называемой Особой папке Челябинского обкома ВКП(б). На них стоял гриф «Не подлежит оглашению», «Строго секретно (из Особой папки). Подлежит возврату в 24 часа» или «Секретно. На голосование вкруговую». Это означало, что решение могло приниматься методом опроса членов бюро, а после ознакомления исполнитель должен был возвратить документ в обком ВКП(б).

Вопрос о привилегиях, как и любой другой вопрос, мог решаться только органами, имевшими на это полномочия. М. Восленский, исследовавший этот вопрос, отмечает: «Центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а органы, которые в ней не названы. Это партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС» [Там же, с. 120]. Основанием этого было реальное право партийных органов распоряжаться финансами. Любой партийный орган на своей территории, на своем уровне мог принять решение по финансовому вопросу. Деньги местного бюджета свободно направлялись на партийные нужды. Так, бюро Челябинского обкома ВКП(б) своим решением от 31 декабря 1934 г. (протокол № 42)

«О содержании курсов марксизма» направило 100 тыс. руб. на расходы по организации питания слушателей курсов марксизма. Интересна сама формулировка принятого решения: «Принять предложение т. Дичева (заведующий областного финансового отдела облисполкома – облФО. – Р. Х.) о выделении из местного бюджета за счет неиспользованных средств на партийное просвещение 100 тыс. руб. на расходы по организации питания слушателей курсов марксизма» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 267].

Бюро обкома ВКП(б) держало под постоянным контролем данный вопрос и при поступлении сигналов принимало оперативные меры по устранению нарушения. Так, 1 декабря 1934 г. (протокол № 39) бюро Челябинского обкома ВКП(б) принимает решение «О снабжении работников политотделов». Было отмечено наличие перебоев в снабжении работников политотделов по линии НКВД («пайки выдаются с большим опозданием и не выдаются все полагающиеся продукты»). На начальника Управления НКВД тов. Минаева был возложен контроль за своевременным и бесперебойным снабжением работников политотделов. В решении было записано:

«...2. Предложить Промторгу ежемесячно отправлять продуктовые посылки секретарям райкомов, председателям райисполкомов, начальникам политотделов.

3. Включить семьи политотдельцев на снабжение райактива. Обязать Облвнуторг (тов. Кочнева) ежемесячно по заявкам политсектора отпускать продукты и военные пайки и обеспечить выдачу, принять необходимые меры... наложив взыскания за виновных в перебое снабжения» [Там же, л. 58].

На бюро обкома рассматривались и вопросы отдыха партийных работников. 2 мая 1934 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) принимает решение «О доме отдыха Обкома». В решении было записано: «Считать необходимым строительство однодневного дома отдыха для областного партийного актива по особо утвержденному обкомом списку. Этот дом должен быть построен примерно на 15 комнат. Дом должен быть обеспечен культурными развлечениями и местом для стоянки машин» [Там же]. Местом для строительства был определен берег оз. Смолино на окраине Челябинска. Сразу же последовало решение бюро обкома ВКП(б) о перечислении с областного бюджета резерва на особый текущий счет в банке 164,6 тыс. руб. для строительства дома отдыха [Там же, л. 65]. Решение подписал первый секретарь обкома ВКП(б) К. В. Рындин. Также было принято отдельное постановление по утверждению списка имеющих право пользоваться домом отдыха в Смолино – всего 36 человек.

Это были члены бюро обкома, члены оргкомитета (Челябинская область только была создана и шла организационная работа по формированию органов власти) и кандидаты в члены бюро, ответственные секретари президиума, заведующие отделами обкома [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 151, 152].

Средства областного бюджета выделялись на проведение различных совещаний партийного актива. Так, бюро обкома ВКП (б) 2 июля 1935 г. (протокол № 59) утвердило смету расходов в сумме 17 820 руб. на проведение совещания партактива. В принятом постановлении было записано: «Обязать облисполком, тов. Советикова (председатель облисполкома. – *Р. Х.*), выделить средства в сумме 5 000 рублей, облЗУ (земельное управление) – 4 000 рублей, зернотрест – 3 000 рублей, уполкомзаг (уполномоченный комитета по заготовкам) – 3 000 рублей, Заготзерно – 3 000 рублей» [Там же, л. 422, 423].

Бюро Челябинского обкома ВКП(б) своим решением от 14 октября 1935 г. на проведение совещания секретарей РК ВКП(б) утверждает смету расходов в сумме 17 490 руб. и одновременно записывает: «В связи с тем, что основным вопросом является вопрос “О завершении сельхозработ”, обязать облисполком выделить 8 745 рублей (т. е. половину суммы по смете. – *Р. Х.*) по возмещению расходов по совещанию» [Там же, л. 483]. Смета предусматривала расходы на театр, автобус, питание по 19 руб. в день на одного человека [Там же, л. 486].

Из бюджета области использовались деньги и для проведения партийных пленумов. Так, например, бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 4 апреля 1935 г. (протокол № 49) «О выделении средств на орграсходы по проведению пленума» записывает: «1. Предложить облФО, тов. Дичеву, ассигновать 31 000 рублей на орграсходы по проведению пленума. 2. Обязать Облисполком – т. Попова – произвести оплату всех счетов, связанных с расходами по подготовке пленума» [Там же, л. 349].

Смета расходов на проведение пленума продолжительностью четыре дня и с участием 300 человек (приезжих – 200 чел. и 100 чел. – местных) включала: питание из расчета 11 руб. в день на одного участника, всего 13 200 руб., буфет для президиума – 4 250 руб., автобусы для поездки на ЧТЗ и один автобус круглосуточно – 4 950 руб., общежитие – 3 тыс. руб., кроме этого, аренда помещения – 1 600 руб., печатание мандатов – 500 руб., газета для участников пленума – 500 руб., оплата машинисток – 1 300 руб. [Там же, л. 351].

После того как 17 января 1934 г. была образована Челябинская область, началась реконструкция здания бывшего отделения Государствен-

ного банка Российской империи (ул. Рабоче-Крестьянская, 29, а с декабря 1934 г. – ул. Кирова, до революции Уфимская) под здание обкома партии. На приобретение мебели и оборудования постановлением бюро обкома от 15 марта 1935 г. (протокол № 48) было направлено 325 тыс. руб. из средств областного бюджета [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 351].

В то же время обком ВКП(б) обращался в советские органы с требованием возмещения денег, которые были израсходованы из партийного бюджета. Так, заведующий финансово-хозяйственным сектором обкома ВКП(б) Гимельфарб и главный бухгалтер Максимов в письме облЗУ, тов. Александрову, от 21 июля 1934 г. пишут о том, что были произведены расходы по посевной кампании за март в общей сумме 84 748 руб. 58 коп. («бензин, передача телеграмм, командировки, за продукты тов. Снегову») и добавляют в конце письма: «перечисление просим не задерживать, так как средства нами израсходованы из партийного бюджета» [Там же, л. 177]. Такие же обращения были направлены обкомом ВКП(б) в оргкомитет Советов на 62 001 руб. 53 коп., «возместить в срок до 20.10.1934 года»; Уполкомзаг СНК – 73 758 руб. 29 коп. к 20.10; Зернотрест – 4 979 руб. 03 коп. к 20.10; облЗУ – 61 065 руб. 70 коп. за уборочную кампанию октябрь–ноябрь [Там же, л. 200, 201, 204, 278].

Для партактива в Челябинске действовала отдельная столовая. Бюро обкома постоянно держало работу столовой под контролем и при необходимости принимало решение об оказании ей финансовой помощи. Для финансирования расходов на обслуживание партактива использовалась следующая схема: заведующий Челябинского областного финансового управления Дичев в январе 1937 г. обращается к тов. Рындиному и тов. Советикову: «Докладываю Вам, что мы имеем сообщение Наркомфина о разрешении нам израсходовать в январе месяце на социально-бытовые нужды 36 тыс. руб. По дому отдыха партактива расходы должны производиться в январе в пределах декабрьских ассигнований. В соответствии с этим прошу принять приложенный проект постановления» [Там же, д. 2, л. 452]. Бюро обкома приняло решение задействовать коммунистов, работающих в советских органах, для проведения в жизнь своего решения по финансам. Бюро обкома ВКП(б) в решении от 16 января 1937 года (протокол № 167) указало: «Предложить партгруппе облисполкома: 1. Профинансировать в январе месяце по местному бюджету дома отдыха партактива в размерах декабрьских ассигнований. 2. На дотации столовой областного партактива выделить 30 тысяч рублей и остальные 6 тысяч рублей отпустить в распоряжение облисполкома для выдачи пособий» [Там же, л. 453].

Это было обычной практикой, когда принимаемые обкомом решения проводились через коммунистов, работающих в советских органах, через партгруппу. Для подтверждения этого можно привести постановление партгруппы при Президиуме Челябинского областного исполнительного комитета от 25 сентября 1936 г. «О распределении дополнительных ассигнований на улучшение бытовых учреждений, состоящих на местном бюджете». Под постановлением партгруппы стоят подписи Советикова, Дичева, Симонова (заведующий советско-торговым отделом Челябинского обкома ВКП(б)). По этому постановлению отпущенные дополнительные ассигнования, согласно постановления Совета народных комиссаров РСФСР от 11 сентября 1936 г., протокол № 1281, на улучшение бытовых условий составили 142,9 тыс. руб., в том числе:

1. На дотацию закрытой столовой лит. «А» – 100,0 тыс. руб.
2. Облесполком – 15,0 тыс. руб.
3. Облземуправление – 7,0 тыс. руб.
4. Облплану – 4,0 тыс. руб.
5. ОблФО – 5,0 тыс. руб.
6. ОблОНО – 4,0 тыс. руб.
7. Облздравотдел – 3,0 тыс. руб.
8. Облместпром – 3,0 тыс. руб.
9. Облколхозу – 2,0 тыс. руб.
10. Дивизии – 9,0 тыс. руб.
11. Челябингорсовет – 5,0 тыс. руб.

Долг нарпиту – 13,0 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 946].

Одним из пунктов данного решения было: «Дополнительно отпущаемые средства 142,9 тысяч рублей покрыть за счет остатков бюджетных средств по собственному областному бюджету» [Там же, л. 947].

Улучшение бытовых условий партийно-советского руководства также происходило за счет областного бюджета. Привлекает внимание еще один пункт из данного решения: «Предложить областным отделам немедленно закрыть внебюджетные средства, на которых хранятся “особые секретные” и “операционные” фонды, предназначенные на эти нужды имеющиеся средства перечислить в доход областного бюджета по счету № 913 в госбанке» [Там же]. Из этого следует, что областные отделы имели возможность создавать и оперировать средствами «секретных» фондов, что позволяло им свободно использовать их в своих целях.

Бюро обкома ВКП(б) на заседании от 13 апреля 1937 г. (протокол № 178) рассматривает вопрос «О лечебной помощи партактива и соцбытовых расходах» и принимает решение выделить на содержание дома

отдыха «Увельды» 600 тыс. руб., на содержание дома отдыха «Еткуль» – 275 тыс. руб., на содержание дач – 150 тыс. руб., на приобретение путевок на центральные курорты – 200 тыс. руб., на дотации в столовой – 293 тыс. руб., в том числе в Челябинске – 30 тыс. руб., Магнитогорске – 25 тыс. руб., отделах облисполкома – 48 тыс. руб., Златоусте – 10 тыс. руб., на единовременную помощь – 32 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 665]. Дом отдыха «Смолино» к тому времени был ликвидирован, его помещения стали использоваться под дачи для партактива. Но вместо одного дома отдыха появилось два.

Для сравнения отметим, что положение с обеспечением продовольствием населения в Челябинской области в тот период было крайне тяжелым. Так, бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 26 июня 1934 г. (протокол № 22) отмечает многочисленные случаи заболевания септической ангиной из-за употребления населением проса, перезимовавшего под снегом на полях и обязывает опубликовать в районной печати следующее сообщение: «Облздравотдел разъясняет гражданам, что употреблять это просо в пищу нельзя» [Там же, д. 1, л. 121].

Факт обращения к газете говорит о масштабе данного явления и о количестве заболеваний с последующей смертностью. Еще пример: начальник Управления НКВД по Челябинской области старший лейтенант госбезопасности И. Блат и начальник 4-го отдела УНКВД Челябинской области Лапшин 10 апреля 1937 г. в спецсообщении обкому ВКП(б) «О продовольственных затруднениях в Каргапольском районе Челябинской области» отмечают: «На почве недостаточности продовольствия в некоторых селах и колхозах Каргапольского района имеют место случаи смерти колхозников и единоличников и их детей. Отпущенные району фонды хлеба для торговли не покрывают потребности населения... В колхозе “Самолет” Тамакульского с/совета от истощения в семье колхозницы Накасиной Анны 30.03 сего года умерла 3-х летняя девочка. У колхозника Ершова умер мальчик 11 лет... В колхозе “Пролетарий” Шляпниковского сельсовета в марте из-за недостатка хлеба колхозники смешивают муку с опилками, березовой корой и картофельной ботвой. Отдельные семьи (Чаринцевой Татьяны, Чаринцева Петра и др.) сидят совершенно без хлеба по 2–3 дня» [Там же, д. 2, л. 643, 646, 648].

На заседании бюро обкома ВКП(б) от 22 апреля 1937 г. (протокол № 179) отмечено: «На основе материалов НКВД и прокуратуры установлено, что вследствие благодушия районных руководителей в Шатровском районе имели место три случая людоедства и имеют место факты истощения ряда семей на почве недостатка хлеба» [Там же, л. 681].

Для принятия мер бюро обкома командировало председателя облисполкома Советикова в Шатровский район. 13 мая 1937 г. решением бюро обкома ВКП(б) Шатровскому району в числе других районов было выделено 8 тыс. пуд. зерна, а всего районам области – 50 тыс. пуд. зерна [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 803]. Для сравнения: в Шатровском районе в 1939 г. проживало 30 586 чел., получается, что Шатровскому району на одного человека было выделено по 4 кг зерна [см.: Шатровский район].

Тяжелое положение с хлебом было повсеместным явлением. Бюро обкома ВКП(б) 28 декабря 1936 г. рассмотрело просьбу Челябинского горкома ВКП(б) и г. Магнитогорска о выделении дополнительных нарядов на муку на декабрь для Челябинска – 749 т, для Магнитогорска – 180 т [Там же, л. 1029]. 25 апреля 1937 г. секретариат обкома ВКП (б) рассмотрел вопрос «О продовольственном затруднении в Белозерском районе» (протокол № 179) [Там же, л. 766, 1301]. Бюро Челябинского обкома партии регулярно принимало решения по этому вопросу.

Для партийных работников строилось жилье улучшенного качества. Так, в Челябинске был построен семиэтажный дом для работников обкома и облисполкома (по адресу: ул. Спартака, ныне пр. Ленина, 54/ул. Цвиллинга, 36). Его начали строить осенью 1934 г. и закончили летом 1938 г. Дом включал 120 квартир с 3–4 комнатами и полезной площадью 47 и 65 кв. м., с кухней, ванной, туалетом, центральным отоплением, горячим водоснабжением, канализацией, в доме имелся лифт. Внизу был размещен гастроном – самый крупный в городе. Дом находился посередине между зданиями обкома партии и облисполкома и до работы ответственным партийным и советским работникам можно было дойти за пять минут. В 1934 г. в Челябинске началось строительство жилого квартала для работников НКВД, известного как Первый городок чекистов (ул. Спартака – ныне пр. Ленина, Сони Кривой, Красная, Свердловская – ныне Свердловский проспект).

В это время жилищные условия в быстро развивающемся Челябинске были особенно тяжелыми. Жилая площадь в городе к началу 1929–1930 гг. составляла 330,4 тыс. кв. м, что при населении 70 тыс. человек равнялось в среднем 4,7 кв. м на человека. Каменные здания составляли всего 3,7 % жилого фонда, большинство домов в городе были одноэтажными и деревянными. В санитарно-гигиеническом отношении город занимал одно из последних мест среди остальных городов Урала. Предприятий общественного пользования (водопровода, канализации, бань и др.) не было [см.: Российский сплав, с. 11]. В городе шло строительство нескольких заводов. Так, например, жилищные условия строителей и рабочих

Челябинского завода ферросплавов характеризовались следующим образом: «Многие из них возводили и сколачивали себе землянки-временки, домики из шпал, образуя поселок Самстрой... Всего же на Верхней и Нижней площадках – городках комбината – в 177 бараках-арочниках и шлаконасыпных домах ютились тысячи людей» [Российский сплав, с. 65].

Кроме всего прочего, работники партийных органов имели возможность при необходимости получать деньги на лечение и питание. Так, секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) Р. М. Хитаров обратился в обком ВКП(б) с просьбой о дотации на лечение и питание партактива. Бюро обкома ВКП(б) от 17 октября 1935 г. (протокол № 73) удовлетворяет данную просьбу и выделяет из местного бюджета для лечебной комиссии 20 000 руб. и 15 000 руб. на питание партактива [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 288].

Партийные работники регулярно обращались в секретариат обкома ВКП(б) с заявлениями о предоставлении материальной помощи. Только в течение 1937 г. была оказана помощь секретарю Ольховского райкома ВКП(б) Елкину в размере 500 руб., секретарю Камышловского райкома Гусеву – 700 руб., инструктору Юргамышского райкома Кононову – 400 руб., заведующему отделом руководящих кадров Биренбаум – 1 тыс. руб., секретарю Курганского райкома Гайнцеву – 800 руб., секретарю Тракторозаводского райкома Кричевскому – 800 руб., секретарю Талицкого райкома Бакунову – 450 руб. [Там же, д. 2, л. 1487, 1490, 1478, 1482, 1504, 1510, 1514].

Деньги выделялись по разным поводам. Так, заместителю секретаря парткома Златоустовского инструментального завода Чуйкову была оказана материальная помощь в связи с его поездкой на лечение, тов. Апасову (в то время первый секретарь Златоустовского горкома ВКП (б)) в связи с кражей из квартиры одежды и других вещей выдано 2 000 руб. [Там же, л. 843, 848].

Отметим, что средняя заработная плата рабочего в стране в середине 1930-х гг. составляла 150–200 руб., пенсия – 25–50 руб., причем пенсии по старости получали далеко не все категории населения. К тому же рабочие и служащие ежегодно были обязаны подписываться на государственные займы в размере двух-четырёхнедельного заработка [см.: Тимошина, с. 276].

Для партийно-советского актива в СССР была создана отдельная система лечения и оздоровления. 18 февраля 1919 г. нарком здравоохранения Н. А. Семашко подписал «План организации санитарного надзора Кремля», а в областях, краях и республиках были созданы лечебные

комиссии (лечкомиссии) при отделах и управлениях здравоохранения. Своей больницы и поликлиники партийно-советский актив Челябинской области не имел, и потому лечился в санчасти Управления НКВД, где имелся стационар на 25 коек. На 1936 г. лечебная комиссия облздравотдела выделила 350 тыс. руб. из местного бюджета на поликлинику, помощь на дому и стационарное лечение по договору [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 688].

Это было только одной из статей сметы расходов на мероприятия лечебной комиссии. Смета в целом предусматривала расходы в сумме 2 млн 823 тыс. руб., в том числе на санаторий «Сунгуль» – 300 тыс. руб.; дом отдыха «Увельды» – 825 тыс. руб.; дом отдыха «Смолино» – 482 тыс. руб.; диспансерный пункт – 206 тыс. руб.; курортную помощь (путевки и проездные расходы) – 500 тыс. руб., дополнительную помощь – 100 тыс. руб.; содержание лечкомиссии – 60 тыс. руб. [Там же].

Для характеристики положения с медицинским обслуживанием населения области можно обратиться к некоторым документам, также находящимся в Особой папке. В 1934 г. в Челябинской области наблюдались вспышки брюшного и сыпного тифа – болезней, связанных прежде всего с голодом, разрухой, бытовой неустроенностью. Бюро обкома ВКП(б) на заседаниях от 20 ноября (протокол № 38) и 10 декабря 1934 г. (протокол № 39) рассматривал данный вопрос и отметил, что эпидемия брюшного и сыпного тифа зафиксирована в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске, Уфалее, Шадринске, Талицком, Макушинском районах, на ЮУЖД и в частях Красной армии. В сентябре было госпитализировано только в Челябинске 134 чел., в октябре – 378, в ноябре – 563, в декабре – 964 чел. Решением бюро обкома создается чрезвычайная комиссия [Там же, д. 1, л. 222, 251].

15 июля 1936 г. начальник управления НКВД по Челябинской области, старший майор госбезопасности Минаев направляет записку в обком ВКП(б), где пишет: «Имеющиеся в распоряжении УНКВД по Челябинской области акты о естественном движении населения за первую половину года отмечают чрезвычайно высокий процент смертности и понижение рождаемости. В частности, в марте месяце смертность увеличилась более чем на 1 500 человек, а рождаемость снизилась на 2 000 человек. По отдельным населенным пунктам и целым районам смертность превышает рождаемость. Так, в гор. Сатка за первые 4 месяца 1936 г. родилось 331 человек, а умерло 351. В рабочем поселке Бакал за первые четыре месяца родилось 152 и умерло столько же. ...Неудовлетворительно поставлено стационарное лечение детей, так как в городе (Челябинск)

ощущается недостаток больничных коек. В городской больнице ежедневно отказывают в приеме на лечение примерно от 5 до 7 детей в среднем. Сама больница помещается в старом, совершенно непригодном помещении, рассчитанном максимум на 50 коек, а фактически в ней находится 80 коек, что лишает возможност[и] создать систему изоляторов для остальных больных. В таком же положении детское отделение больницы ЧТЗ, где имеется 70 коек, в том числе 40 коек для скарлатины, по городу Челябинск из 454 умерших детей в мае месяце – 231 смертный случай падает на детей до одного года... прошу вопрос об увеличении смертности поставить на рассмотрение на ближайшее заседание бюро обкома ВКП(б)» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 754–757].

Бюро обкома 27 июля 1936 г., рассмотрев записку Минаева, принимает решение (протокол № 135) о проведении в двадцатидневный срок обследования состояния медобслуживания во всех больницах и приведении их в состояние, отвечающее современным требованиям медицины и санитарии, в пятидневный срок укомплектовать лечебные заведения детскими врачами, к 1 сентября расширить стационары для детей [Там же, л. 750].

Для партийного и советского актива была организована отдельная система питания. Бюро Челябинского обкома ВКП(б) 20 апреля 1936 г. (протокол № 101) рассмотрело вопрос «О питании областного и городского партактива» и приняло решение: «1. Считать необходимым сохранить столовую № А с диетпитанием для основного областного и городского партактива при Челябинском Гортресте на 165 человек. 2. На питание в столовую включить следующих товарищей: членов бюро обкома, членов президиума облисполкома, заведующих отделами обкома, заместителей заведующих и инструкторов, членов партийной комиссии и партследователей, уполномоченных совконтролеров и ответственных контролеров, заведующих отделами и заместителей заведующих облисполкома и директоров крупных областных организаций, секретарей горкома и райкомов (город) и заведующих отделами, секретарей обкома ВЛКСМ, заведующих отделами и секретарей горкома комсомола и руководителей основных отделов Горсовета. 3. Установить стоимость обеда в столовой № А в 8 рублей при оплате самого столующегося 70 рублей в месяц. Допустить для 45 человек *по персональному списку право пользования обедами на дом* (курсив наш. – Р. Х.) (список прилагается). 4. Недостающую сумму в 120 тысяч рублей на II квартал на содержание столовой № А предложить партгруппе облисполкома покрыть за счет средств соцбыта, а также покрыть задолженность по столовой за I квартал в размере 79 тысяч рублей, из них 34 тысячи рублей – за счет сметы облздравотдела

через лечкомиссию (*лечебная комиссия*)... 6. Перевести столовую № А в помещение Обкома с 15.IV.» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 678]. Ответственность за нормальную работу столовой и качество питания в столовой была возложена на тов. Звягельского, директора треста столовых. Ему же было предложено «весь *отсеянный контингент* (курсив наш. – Р. Х.) бывшей столовой партактива перевести в столовую № 1, добившись улучшения постановки питания в ней» «...по доступным ценам с максимальным сокращением накладных расходов». Отметим, что если до этого столовая помещалась вне здания обкома партии, то сейчас ее перевели внутрь. Это способствовало усилению закрытости системы спецснабжения.

Общий список прикрепленных к столовой № А составил 146 человек. Особо следует отметить, что в список наряду с партийно-советским и комсомольским активом были включены также корреспондент газеты «Правда» Попов, корреспондент газеты «Известия» Дублинский, редактор и зам. редактора газеты «Челябинский рабочий» Кортин и Кондаков, редактор молодежной газеты «Сталинская смена» Остапов, редактор газеты «Уральский большевик» Наильский, редактор газеты «Ленинская искра» Шманцер, командир дивизии Кулешов, облсуд – председатель Домбург, зам. председателя Калмыков, госбанк – управляющий Борвинский, областной прокурор Уманский, городской прокурор Масленников [Там же, л. 678, 681–684]. Таким образом, можно увидеть всеохватность системы льгот и привилегий.

В сельской местности все жители, независимо от того, колхозник или единоличник, уплачивали сельскохозяйственный налог. Однако партийно-советский актив освобождался от уплаты сельхозналога. Предполагалось, что они не ведут личное хозяйство и не имеют приусадебных участков. Райисполкомы ежегодно принимали такое решение об освобождении от уплаты налогов. Так, исполком Кузнецкого районного Совета депутатов трудящихся на заседании 9 июня 1947 г. принял постановление «О представлении к освобождению от уплаты сельхозналога на 1947 год руководящих работников района». Этим решением от уплаты налога были освобождены: первый, второй, третий секретари райкома ВКП(б), председатель райисполкома, его заместитель, ответственный секретарь райисполкома, все заведующие отделами райисполкома – 12 человек, заведующий оргинструкторским отделом райкома ВКП(б), заведующий отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б), заведующий военным отделом райкома ВКП(б), райуполминзаг (районный уполномоченный министерства по заготовкам сельхозпродуктов), судья, прокурор, началь-

ник отдела НКГБ, начальник отдела НКВД, начальник милиции, директор конторы «Главмолоко», председатель райПО, управляющий госбанком, всего 30 человек [Арх. Аргаяшского муниципального района, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 172(об)].

Привилегии партийно-советского актива реализовались также в неформальном порядке, по факту самого служебного положения. Так, бюро Челябинского обкома ВКП (б) 13 ноября 1946 г. (протокол № 531), рассмотрев вопрос «О сельскохозяйственной артели “Вперед” Красноармейского района», отметило: «Большинство руководящих работников района: секретарь райкома ВКП (б) т. Волошенко, председатель райисполкома т. Романенко, его заместитель Пушкарев, начальник районного отдела МГБ Лагунов, комендант спецссыльных Портнягин... находились в прямой материальной зависимости от председателя правления Лапова, брали в колхозе хлеб, кур, мясо-молочные и другие сельскохозяйственные продукты» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 26, л. 80]. Эти действия квалифицировались как «самоснабжение». Если выявляли подобный факт, следовало наказание, но, как показывает практика, небольшое. Так, члену военного трибунала Южно-Уральской железной дороги, коммунисту В. И. Чупаченко за «самоснабжение» в 1943 г. был объявлен выговор без занесения в учетную карточку [ОГАЧО, ф. 3171, оп. 1, д. 3, л. 1].

Со временем система установленных льгот и привилегий лишь видоизменялась, но в основе своей сохранялась. Так, директивой Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 23 декабря 1947 г. отменялся бесплатный отпуск продовольствия и промтоваров руководящим партийным, советским и хозяйственным работникам. Но вместо этого дополнительно к зарплате руководителям выдавалось денежное довольствие. Эта прибавка не проходила по ведомости, а выдавалась отдельно, в конверте. В указанное время должностной оклад первых секретарей обкомов ВКП(б) и председателей облисполкомов, к примеру, составлял от 1 600 до 2 000 руб. в месяц. В то время заработок большинства квалифицированных рабочих или зарплата специалиста не превышали 800–1200 руб. в месяц, а среднемесячная зарплата по стране составляла 646 руб. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 161–161 об.]. В 1950 г. зарплата колхозников в среднем по стране составляла: от зарплаты ИТР – менее 15 %, служащих – менее 30 %, рабочих сельского хозяйства – менее 50 % [Мамяченков, с. 2].

В 1950-е гг. система привилегий сохранялась. Так, на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) 9 июня 1952 г. было принято постановление «Об организации спецполиклиники»: «Бюро обкома ВКП(б) считает необходимым для обеспечения нормального медицинского обслуживания

партийно-советского актива и их семей организовать при областной больнице спецполиклинику со стационаром, и в этих целях обязывает председателя облисполкома т. Бездомова Г. А. и председателя Челябинского горисполкома т. Беспалова А. Н. решить все организационные вопросы» [Сушков, с. 85–86].

Партийно-советский аппарат (номенклатура) в СССР в силу своего положения выполнял управленческие функции. Бесспорно, что повышение качества управленческих решений невозможно без материального стимулирования управленческих кадров в зависимости от квалификации и сложности выполняемой работы. В любой системе управления формируется система поощрения для работников. Но данная система должна быть открытой, гласной, объективной, понятной и должна быть утверждена законами, нормативными актами и положениями о стимулировании, льготах.

Из нашего исследования можно сделать вывод, что к началу 1950-х гг. завершилось оформление системы привилегий партийно-советского актива, которая включала ведомственные столовые, специальные дома отдыха, больницы, поликлиники, улучшенное жилье, материальную помощь.

Также можно выделить следующие особенности системы привилегий и льгот для партийно-советского актива (номенклатуры) на примере Челябинской области:

1. Всеохватность и всеобщность включения в систему получения льгот и привилегий работников всех структур власти: партийный, советский, профсоюзный, комсомольский аппарат, печать, армия, НКВД, руководители суда, прокуратуры, крупных предприятий, представители творческой и научной элиты.

2. Полная закрытость, отсутствие гласности. Никакой информации о привилегиях нигде не публиковалось, и это не было предметом открытого обсуждения, все решения по привилегиям проходили в документах под грифом «совершенно секретно».

3. Обособленность среды проживания. Для партийно-советского актива строились отдельные дома или даже целые кварталы в городе. Все спецстоловые, спецраспределительные пункты, спецмагазины, а затем уже и специальные торговые базы имели закрытый доступ и находились или внутри партийно-советских учреждений, или для входа в них необходимы были пропуска. Полная закрытость была характерна для партийно-государственных дач, домов отдыха, санаториев.

4. Консолидация номенклатуры на почве получения привилегий. Не выявлено ни одного случая отказа представителей номенклатуры

от установленных для них привилегий. Системой льгот и привилегий пользовались и работники контрольных органов (партийные комиссии, партследователи, советские контролеры, работники суда, прокуратуры).

5. Иерархичность системы. Было установлено четкое разделение по ступеням номенклатурной лестницы. Каждый мог получить только тот объем привилегий, который полагался ему на данной ступеньке лестницы.

6. Несоответствие и несоразмерность получаемых привилегий и льгот размеру, сложности, напряженности труда работников партийно-советского аппарата. Привилегии предоставлялись не по признаку объема и напряженности работы, а по признаку принадлежности к руководящему слою.

7. Использование незаконных способов получения льгот (принадлежность к общему кругу номенклатуры позволяла решать вопросы получения дефицитных товаров, услуг по телефону или через личные неформальные встречи, это исключало вообще всякое документирование или иное оформление). Осуществление привилегий, получение дефицитных товаров часто происходило через личного водителя, супругу или родственников.

8. Решение вопроса о привилегиях принималось вне существовавшей системы советских законов. Оформление решений проводилось незаконными внутренними нормативными актами и решениями партийных, реже советских органов, в неформальном правовом поле. Финансирование привилегий в большинстве случаев происходило за счет государственного бюджета.

Восленский М. Номенклатура. М. : Захаров, 2005.

XII Всероссийская конференция РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 573–599.

Калинина О.Н. Продовольственное и промтоварное обеспечение партийной номенклатуры Западной Сибири (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 200–208.

Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП (б) – КПСС в регионах Сибири (1945–1991) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2006.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987.

Мамяченков В. Н. Доходы и расходы колхозного крестьянства в 1954–1964 гг.: «Хрущевское десятилетие» в Свердловской области // Аграрное образование и наука. 2013. № 1.

ОГАЧО. Ф. 288 (Челябинский обком ВКП (б) – КПСС).

Российский сплав : К 70-летию пуска ЧЭМК. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд., 2001.
Сушков А. В. Костюм для первого секретаря обкома... Скандал в руководстве Челябинской области в 1952 г. // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 81–102.

Тимошина Т. М. Экономическая история России : учеб. пособие / под ред. проф. М. Н. Чепурина. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2015.

Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. Ставропол. гос. агр. ун-т. 2017. № 2. С. 127–132.

Шатровский район [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 22.11.2018).

Шумской А. В. Региональная политическая элита РСФСР в 1950-е – начало 1969-х гг. : процесс становления и эволюции (на материалах Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2010.

УДК 94(47).084.9:327.5

Е. В. Каменская

«И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ»:
ЮГОСЛАВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.
НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
И В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам Урала)¹

В статье рассматривается образ Югославии в печати СССР второй половины 1960-х гг. и его восприятие советскими гражданами. Анализируется влияние международной обстановки и, в частности, процессов внутри социалистической системы на презентацию Югославии. Основными источниками выступили публикации центральных и региональных газет («Правды», «Литературной газеты», «Советской России», «Труда», «Уральского рабочего», «На смену!»), а также материалы региональных архивов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Югославия, СССР, информационная кампания, советская пресса, общественное мнение, внешняя политика СССР.

Советско-югославские отношения имеют обширную историографию. Достаточно подробно изучен послевоенный период, в том числе такая масштабная проблема, как конфликт между Москвой и Белградом 1948 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

[см.: Аникеев; Югославия...]. Отдельным сюжетом является антиюгославская кампания в СССР. В частности, Н. П. Быстров, Ю. С. Костылев исследовали создание в советской прессе негативного образа югославского лидера И. Броз Тито в конце 1940-х гг. [см.: Быстров; Костылев]. Период 1950-х – начала 1960-х гг. в советско-югославских отношениях освещен в работах А. Б. Едемского, Б. С. Новосельцева, А. С. Стыкалина [см.: Едемский, 2008, 2011; Новосельцев, 2017; Стыкалин, 2006]. В рамках исследований советско-югославских отношений второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. большое внимание авторов привлекает проблема взаимодействия в период чехословацкого кризиса [см.: Вреск, 2011; Димич, Чавошки; Животич; Едемский, 2010; Новосельцев, 2018; и др.], обострения национальных противоречий в СФРЮ [см.: Романенко, 2001; 2008; 2011; Руднева, 2008; 2010]. В работе Б. С. Новосельцева в ходе анализа внешней политики Югославии 1960-х гг. рассматриваются и отношения Белграда с СССР [см.: Новосельцев, 2015]. С. А. Романенко в книге «Между “Пролетарским интернационализмом” и “Славянским братством”» освещает весь длительный период взаимоотношений СССР и Югославии [см.: Романенко, 2011]. В ряде случаев исследователи обращаются к анализу освещения в советской печати югославской позиции по отдельным вопросам, к примеру, относительно чехословацких событий 1968 г. [см.: Вреск, 2010; 2011; Стыкалин, 2015]. Восприятие Югославии советскими гражданами в указанные периоды отдельно почти не рассматривается.

В предлагаемой статье анализируется образ Югославии в советской печати во второй половине 1960-х гг. и отношение к ней советских граждан. Данный период характеризуется обострением отношений внутри социалистического блока (чехословацкий кризис, советско-китайский конфликт и т. д.). В ходе работы анализировались материалы центральной и региональной прессы («Правды», «Литературной газеты», «Советской России», «Труда», «Уральского рабочего», «На смену!», «Челябинского рабочего»). Основным источником при определении отношения населения выступили архивные материалы (информации и справки райкомов, горкомов о проведении собраний по международной проблематике, справки о характере задаваемых на лекциях вопросов и т. д.).

Рассмотрим динамику советско-югославских отношений после Второй мировой войны. В ходе завершающего этапа войны и в первые послевоенные годы эти страны имели крепкие дружественные связи. Прослеживалась явная обоюдная заинтересованность. Однако даже в этот «спокойный» период у Москвы и Белграда возникали противоречия на почве

этнополитического устройства послевоенной Европы [см.: Костин, 2011, с. 55–57; Романенко, 2011, с. 426–430.]. В конце 1947 – начале 1948 г. отношения дали серьезную трещину. Не оглядываясь постоянно на Москву при осуществлении внутренней и внешней политики, И. Броз Тито неуклонно терял доверие советских руководителей, в том числе и лично И. В. Сталина. События разворачивались по эффекту снежного кома, и в результате Югославия оказалась в «социалистической изоляции». Пустоту, образовавшуюся вокруг Югославии, довольно быстро заняли капиталистические страны: США, Великобритания, ФРГ. Они видели в советско-югославском конфликте солидные выгоды для продвижения своего влияния на восток и ослабления позиций СССР не только в Европе, но и в мире в целом [см.: Киссинджер, с. 498; Костин, 2011; 2015].

После смерти И. В. Сталина кривая советско-югославских отношений поползла вверх, партийное руководство двух стран стало регулярно обмениваться визитами. Были подписаны Белградская и Московская декларации, в которых подчеркивался принцип невмешательства в дела других стран, возможности разных путей построения социализма. Но тлеющие угли конфликта 1948 г. периодически вспыхивали с новой силой. В частности, И. Броз Тито не одобрил венгерские события 1956 г.

В сторону потепления маятник качнулся в связи с другим кризисом, охватившем социалистическую систему – советско-китайским конфликтом. Чувствуя нарастающую напряженность в отношениях с Пекином, Н. С. Хрущев охотнее пошел на союз с Белградом [см.: Вреск, 2010, с. 147]. Необходимо отметить, что СФРЮ являлась единственным социалистическим государством Европы, никогда не входившим в ОВД. В СЭВ она вошла лишь в 1964 г. как ассоциированный член.

Таким образом, к середине 1960-х гг. СССР и Югославия имели за плечами двадцатилетнюю историю достаточно противоречивых отношений. Данное положение дел не могло не сказаться на «газетном» образе Югославии, а если сказать точнее, – на его отсутствии. Работала установка, сформулированная еще в конце 1950-х гг.: «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии... повышенное внимание... отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы об их политике и идеологии много писали» [Стыкалин, 2006, с. 101]. Материал, касающийся Югославии, буквально просачивался в советскую прессу. Фактически, исходя из публикаций газет, советским гражданам было невозможно составить какой-либо цельный образ данной страны. Это касалось и внутреннего состояния дел в СФРЮ, и ее внешнеполитической деятельности. При анализе материалов

«Правды» за 1965 г. в общем количестве информационных заметок о соц-странах, которых в выборке оказалось 175, лишь одна заметка в рубрике «Коротко» была напрямую посвящена СФРЮ [см.: Правда, 1965, 15 апр., с. 3]. Еще в трех случаях Югославия упоминалась косвенно. По информационному освещению событий в центральной и региональной прессе Югославия уступала не только таким газетным «лидерам», как ГДР, Польша и Чехословакия, но даже КНДР. Реже, чем Югославию, упоминали в печати только Албанию, о которой не писали вообще. Информационная блокада Югославии стала ярким доказательством сложности ее отношений с Советским Союзом, но, с другой стороны, и нежелания развивать активные антиюгославские действия в СМИ.

1966 – первую половину 1968 г. А. Б. Едемский называет «медовым месяцем» СССР и СФРЮ [см.: Едемский, 2011, с. 187]. В доказательство он приводит факты развития экономического сотрудничества двух стран, единства взглядов на некоторые международные проблемы, в частности, в отношении ближневосточного конфликта 1967 г. Потепление в отношениях не вызвало значительного роста газетных статей по Югославии. Но стоит отметить, что в региональной печати стиль заметок о ней и о других социалистических странах был сопоставим. Отклики югославской печати на различные события в СССР размещались вместе с другими соцстранами.

Поскольку сведений из прессы о каких-либо недружественных шагах югославского руководства или иной политической активности Белграда советские граждане не получали, интерес к ситуации в этой стране в 1966–1967 гг. был достаточно низким. Жители Свердловской области на лекциях об отдельных внешнеполитических событиях или международных отношениях в целом редко задавали вопросы о политике Югославии и позиции лидеров СКЮ. Для сравнения: в материалах по Свердловской области за 1967 г. вопросов об отношениях СССР с Румынией и мнению Н. Чаушеску было отмечено почти в 6 раз больше, по Албании – в 3 раза [ЦДООСО, ф. 4 (Свердловский обком КПСС), оп. 71, д. 84, л. 1–186]. Население интересовалось уровнем советско-югославских отношений, состоянием югославской экономики. Вопросы вызывали те аспекты, которые, по мнению граждан, отличали югославскую действительность от советской: «Как развивается Югославия в настоящее время? Развитие хозяйства, объем капиталистического сектора, отношение к нему со стороны правительства» [Там же, л. 156].

В 1968 г. начинается новый кризисный этап в советско-югославских отношениях, вызванный событиями в Чехословакии. И. Броз Тито не разделял позиции руководства СССР и других европейских соцстран относи-

тельно ситуации в Праге, выражал свою поддержку лидерам КПЧ. Еще до начала активной публичной фазы конфликта советские граждане могли видеть по составу участников консультативных встреч, что Югославия по чехословацкой проблеме не поддерживала советское руководство. Это вызывало закономерные вопросы на собраниях [ОГАЧО, ф. 288 (Челябинский обком КПСС), оп. 164, д. 112, л. 77, 84, 95].

В связи с новыми разногласиями в советских газетах появилась критика югославского руководства. В Белграде и Загребе местные журналисты активно обсуждали начавшуюся в Советском Союзе антиюгославскую кампанию, сравнивая ее с периодом травли Югославии со стороны Коминформа [см.: Antic]. Однако критика все же не достигла уровня 1948–1949 гг., когда югославских лидеров открыто называли фашистами, тиранами, убийцами [см.: Быстров, с. 150–159; Костылев, с. 139–142]. Отрицательная оценка И. Броз Тито деятельности советского руководства в отношении Чехословакии летом 1968 г. открыто не находила отражения в газетах, но и слов одобрения также не отмечалось. Раскол в социалистической системе был очевиден, пресса не усугубляла ситуацию: позиция Белграда подавалась косвенно. Схожая ситуация сложилась с Румынией, которая, будучи членом ОВД, не поддерживала советскую позицию в отношении Чехословакии.

В обзорах зарубежной прессы по чехословацкой проблеме присутствовали югославские издания («Борба», «Политика»). Советские журналисты указывали, что югославская печать очень внимательно следит за переговорами социалистических стран с руководством ЧССР. Приводимые цитаты из югославской прессы, с одной стороны, имели общий характер и иногда касались совсем других тем, а с другой стороны, раскрывали позицию Белграда. К примеру, про обсуждение Братиславского заявления в «Борбе» говорилось, что «газета выделяет положение заключительного документа о том, что каждая братская партия, творчески решая вопросы дальнейшего социалистического развития, учитывает национальные особенности и условия» [На смену! 1968, 6 авг., с. 1]. Советское издание не комментировало данный пассаж, однако именно за право Чехословакии самостоятельно определять свой путь построения социализма и выступало руководство СФРЮ. Советские читатели знали, что Югославия отдельно от других соцстран вела переговоры с Чехословакией. В прессе появлялись небольшие написанные в официальном стиле сообщения о югославо-чехословацких встречах.

В связи с ситуацией вокруг Чехословакии интерес советских граждан к политике руководства Югославии заметно вырос. Население встраива-

ло газетную информацию в ранее усвоенный образ Югославии как страны-отступника и очень подозрительно относилось к действиям Белграда. Некоторые выступающие советовали советскому правительству пересмотреть свое отношение к Союзу коммунистов Югославии, устранить их наблюдателей в ОВД [ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 120].

Обособленность Югославии не была новой темой для населения. Вопросы на собраниях в основном облекались в нейтральную форму, Югославия почти всегда шла в связке с Румынией («Как оценивают происходящие события в Чехословакии правительства Румынии и Югославии?» и т. д. [Там же, л. 49]). Некоторые высказывания содержали обвинения в адрес руководства СФРЮ: «Как Вы считаете – Тито не вбивает здесь клин?» [Там же, л. 47].

После начала военной операции Югославия вместе с Румынией выступила с активным осуждением советской политики вмешательства во внутренние дела Чехословакии, предоставила свою территорию опальным пражским политикам (О. Шик, И. Гаеку и др.). В официальном сообщении ТАСС 25 августа напрямую говорилось о существовании у Москвы серьезных противоречий с югославским и румынским руководством. Эти страны обвинялись в слиянии с «империалистическим хором», оказании «активной помощи чехословацким антисоциалистическим силам», подчеркивалось, что «именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги» [Правда, 1968, 25 авг., с. 1]. В сообщении указывалось, что «братские социалистические страны единодушны в своей решимости последовательно и неуклонно отстаивать завоевания социализма и безопасность социалистического сотрудничества» [Там же]. Следовательно, социалистические государства, руководство которых не присоединилось к этому единодушию, оставались вне «братской» зоны.

Если существовавшие в международной политической среде мнения о возможности использования Советским Союзом военной силы против Румынии обсуждались в советской печати (с критической позиции), то рассматриваемая Западом вероятность советского вторжения в Югославию не находила отражения в печати. С. А. Романенко указывает, что в 1968 г. США обещали Тито поддержку в случае военной угрозы со стороны СССР [см.: Романенко, 2011, с. 671].

В советской печати политика И. Броз Тито и Н. Чаушеску относительно Чехословакии часто рассматривались вместе, но все же газетный образ Румынии был намного мягче югославского. Примером может служить освещение советской прессой национальных праздников Румынии и Югославии, связанных со Второй мировой войной. В «румынском

варианте» публикаций было значительно больше, присутствовали традиционные указания на развитие советско-румынской дружбы и т. д., хотя происходило это в условиях начала операции «Дунай» (23 августа отмечалась 24-я годовщина освобождения Румынии от фашизма).

Памятной датой в истории освобождения Югославии являлось 20 октября. В 1968 г. эта дата совпала с активным обсуждением в прессе советско-чехословацкого договора об условиях временного пребывания советских войск на территории ЧССР. В «Правде» за октябрьскую неделю, в ходе которой велось активное разъяснение важности подписанного документа и показывалось его одобрение со стороны союзников СССР, единственной публикацией, касающейся Югославии, стала статья «Славная дата». Она была полностью посвящена годовщине окончания Белградской операции. В статье не содержалось никаких отсылок к событиям в Чехословакии и в целом к современным советско-югославским отношениям или внутреннему развитию СФРЮ. Конец статьи был сдержанно позитивным: «Совместно пролитой кровью против немецко-фашистских захватчиков скреплена дружба народов Советского Союза и Югославии» [Правда, 1968, 20 окт., с. 4]. На фоне почти тотального отсутствия информации из Югославии это было лишь слабое обозначение возможности нормализации отношений. Нельзя говорить о начале летом-осенью 1968 г. массовой антиюгославской кампании в советской печати, однако маятник советско-югославских отношений снова качнулся к отрицательному полюсу, и пресса не могла не реагировать на это. Югославия, которая в отличие от Румынии уже давно дистанцировалась от СССР, была на газетной «карте мира» ближе к Западу, чем к советскому блоку. Противоположные оценки чехословацких событий вновь это обозначили, и пресса возвела Югославию в ранг врагов социалистических стран наряду с США, странами НАТО и КНР. Отрицательной информации о Югославии было в разы больше, чем о Румынии, а в сообщениях о встречах советских руководителей с представителями СФРЮ отсутствовали классические указания на «дружественную обстановку».

Интерес советских граждан к позиции Югославии резко возрос после начала операции «Дунай», а также увеличения критических сообщений в прессе. На каждом собрании задавались вопросы о причинах негативного отношения к акции стран ОВД югославского руководства [ИДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 20, 30, 38, 88, 120, 126, 140 и др.]. Реплики в отношении Югославии были жестче, чем в отношении Румынии. Присутствовали обвинения в предательстве интересов социализма, жела-

нии выйти из социалистического содружества, припоминались прошлые «грехи», в частности, проведение «особого» курса после событий 1956 г. в Венгрии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 120]. Фактически уровень отношения населения к Югославии соответствовал ее образу в прессе: критический настрой не перерастал в открытую агрессию.

С конца 1968 г. публикаций о внутреннем состоянии дел в СФРЮ мало. Строились они во многом по тому же принципу, что и публикации о капиталистических странах. К примеру, заметка «Безработица в Югославии», напечатанная в «Правде», «Советской России» и других изданиях и по названию, и по содержанию была идентична газетным материалам о США, Великобритании, ФРГ и пр. В ней указывалось на неуклонный рост безработицы в республике, неспособность руководства страны повлиять на негативную ситуацию, вынужденную работу югославов за границей [см.: Правда, 1969, 16 февр., с. 5; Совет. Россия, 1969, 16 февр., с. 3 и др.]. Подобные заметки должны были подчеркнуть экономическую нестабильность и социальную незащищенность в стране, которая отошла от правильного пути строительства социализма. Стоит заметить, что в «Правде» визуально на газетной полосе эта заметка была отделена линией от трех заметок из соцстран (Польши, Болгарии и ГДР), что символично подчеркивало нахождение Югославии вне дружественной СССР зоны.

Однако газетный образ Югославии не был в этот период абсолютно негативным. В «Литературной газете» регулярно появлялись небольшие заметки о встречах советских и югославских писателей, выдержанные в приветливом тоне, что указывало на сохранение советско-югославских культурных контактов. В «Труде» сообщалось о сотрудничестве с Югославией в области сельского хозяйства. В региональной прессе, в частности в «Уральском рабочем», время от времени печатались короткие сообщения о каком-нибудь интересном факте или событии из югославской жизни (празднование Дня шахтера, о сборе урожая, разработке антибиотиков и т. д.).

1969 г. ознаменовался ухудшением советско-китайских отношений, рядом вооруженных пограничных конфликтов, крупнейшими из которых стали мартовские бои на о. Даманском. В этих условиях контакты Югославии и Китая лишь усугубляли разногласия между СФРЮ и СССР. Советская печать слабо освещала китайско-югославские отношения, но определенная информация была доступна читателям. 20 марта 1969 г. в «Правде» была напечатана миниатюрная заметка. В разгар советско-китайского конфликта издание информировало о подписании «нового юго-

славо-китайского соглашения о торговле и платежах» [Правда, 1969, 20 марта, с. 5.]. В «Литературной газете» это событие было отражено в перепечатанной из иностранной прессы заметке, т. е. само издание отстранилось от комментариев [см.: Лит. газ., 1969, 19 марта, с. 9]. Отсутствие сведений о поддержке СССР со стороны Югославии в ходе советско-китайского конфликта и даже сотрудничество последней с Пекином в этих условиях явно указывали на наличие противоречий между Югославией и СССР. Через месяц после первого вооруженного конфликта на р. Уссури в «Литературной газете» была напечатана заметка «Метаморфоза белградской “Политики”», в которой прямо говорилось о переходе югославской печати от критики «культурной революции» в Китае к ее восхвалению [Там же, 2 апр., с. 9], что лишь укрепляло мысль о недружественной Москве позиции СФРЮ в советско-китайском конфликте. Население, имея косвенные данные из прессы о положительном отношении СФРЮ к политическому курсу Пекина, интересовалось позицией Югославии относительно событий на р. Уссури [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 29].

КПСС, а вместе с ней и компартии почти всех европейских стран и Монголии отказались участвовать в IX съезде СКЮ, проходившем 11–15 марта 1969 г. Информации о нем в советской прессе было крайне мало. Вся она подавалась в виде предельно кратких сообщений фактологического характера. Югославские СМИ в этот период активно обсуждали нарастание партийной полемики между югославскими и советскими коммунистами [см.: Stanković, 1969a; 1969b]. Важно отметить, что в военно-политических изданиях Советского Союза при описании современной расстановки сил в Европе указывалось, что Югославия наравне с Албанией определялась НАТО как «промежуточная зона», т. е. не являющаяся гарантированным союзником СССР при возможном военном конфликте [см.: Ерашов, с. 82]. Авторы открыто критиковали Югославию за постоянный отказ от взаимодействия с ОВД, осуждение советских действий в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., что, по их мнению, противоречило пролетарскому интернационализму [см.: Мовин, с. 16]. Лагерь отступников от истинного социализма, с военной точки зрения, был четко очерчен, и вместе с КНР и Албанией туда входила и Югославия.

Югославия не участвовала в Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 5–17 июня 1969 г. Почти синхронно с указанным совещанием она провела Совещание неприсоединившихся стран, подчеркнув свою независимость в политической сфере. Отказ присутствовать на мировом коммунистическом форуме в период, когда коммунисти-

ческое движение переживало явный кризис (подавление «Пражской весны», советско-китайский конфликт и т. д.), еще больше отдалил И. Броз Тито от Москвы и от социалистического содружества в целом.

Внимание советских граждан к Югославии в этот период было очень велико. Отсутствие представителей СФРЮ в Москве в июне 1969 г. вызвало много вопросов и усилило настороженность относительно Югославии. На собраниях по случаю проведения Совещания руководство СКЮ обвинялось в забвении помощи, оказанной югославам в годы войны [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 105, л. 21]. Население скептически оценивало проповедуемую Югославией позицию нейтралитета [Там же, л. 40]. При этом существовал определенный интерес к совещанию неприсоединившихся стран, которое слабо освещалось в советской прессе [Там же, л. 40; д. 106, л. 46]. В узком смысле жители Свердловской области пытались выяснить причины отказа Белграда приехать на встречу компартий [Там же, л. 40; д. 106, л. 26, 55]. В более широком плане их интересовал уровень советско-югославских отношений, причины существующих разногласий [Там же, д. 105, л. 101, 121].

В 1970 г. активизировался процесс нормализации отношений Советского Союза с ФРГ. Был подписан договор, который бурно обсуждала советская печать, в том числе посредством публикации положительных откликов социалистических стран. Югославия была вне этого процесса, что по-прежнему указывало на ее обособленное положение. При этом жители Свердловской области интересовались ее позицией в деле сближения с одним из главных идеологов империализма, причиной ее отсутствия на совещаниях социалистических государств [ЦДООСО, ф. 4, оп. 74, д. 140, л. 29, 37, 87].

Таким образом, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. отношения СССР и СФРЮ имели двойственный характер. С одной стороны, активных «боевых действий» стороны не вели. Советское руководство, занятое проблемой кризиса социалистической системы, не хотело обострять ситуацию на Балканах. С другой стороны, со второй половины 1968 г. СССР и Югославия часто сталкивались по вопросам развития социалистической системы, прав отдельных государств проводить самостоятельную политику. Разногласия выливались в обоюдные отказы участвовать в тех или иных политических собраниях, открыто обнажая очередной кризисный период в отношениях двух стран. А в политических кругах Запада продолжала обсуждаться тема «советской угрозы» в отношении Югославии [см.: Yugoslavia...].

Советская печать отражала специфику отношений двух стран. Масштабной критики югославского руководства газетные публикации второй половины 1960-х гг. не содержали, а стиль изложения отдельных заметок вполне укладывался в понятие «дружественный, братский». Однако при комплексном анализе центральной и региональной прессы видно, что Югославия в это время чаще тяготела к лагерю «чужих», чем «своих». Газетного материала было мало. Изредка появлялись публикации, продолжавшие тему экономического кризиса в СФРЮ. Отсутствовали отклики югославской общественности и СМИ относительно различных внешнеполитических акций СССР. Изменения в печатном образе Югославии будут связаны с новым периодом советско-югославских отношений, обозначившимся с начала 1970-х гг. Политическое сближение двух стран отразится и на развитии экономического сотрудничества и на росте позитивных публикаций в прессе.

Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». М. : ИСЛРАН, 2002.

Быстров Н. П. Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании (пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.) // Вестн. РГГУ. 2008. № 11. С. 150–159.

Вреск С. Советский Союз и Югославия в 1968 г.: кризис системы отношений // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. История. 2010. Вып. 4. С. 147–152.

Вреск С. Советский Союз и Югославия: проблемы политического взаимодействия в 1955–1971 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Димич Л., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 265–297.

Едемский А. Б. За кулисами советско-югославских отношений (июль–декабрь 1966 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1. С. 168–188.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М. : Наука, 2008.

Едемский А. Б. Советско-чехословацкие отношения в оценках югославского руководства // 1968 год. «Пражская весна» : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 228–264.

Ерашов Ю. Антисоветская истерия в НАТО // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 6. С. 79–83.

Животич А. Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора // 1968 год. «Пражская весна» : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной,

Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 330–358.

Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997.

Костин А. А. Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг. // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2015. № 12. С. 27–36.

Костин А. А. Югославский аспект генезиса холодной войны // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2011. № 3–1. С. 54–64.

Костылев Ю. С. Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати // Полит. лингвистика. 2011. № 1. С. 139–142.

Лит. газ. 1969. 19 марта.

Лит. газ. 1969. 2 апр.

Мовин М. Укрепление военного сотрудничества – интернациональный долг братских марксистско-ленинских партий // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 9. С. 9–17.

На смену! 1968. 6 авг.

Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2015.

Новосельцев Б. С. От нормализации к конфликту: советско-югославские отношения весной-летом 1956 г. // Новое прошлое. 2017. № 1. С. 45–56.

Новосельцев Б. С. Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 году // Славяноведение. 2018. № 3. С. 43–51.

Правда. 1965. 15 апр.

Правда. 1968. 25 авг.

Правда. 1968. 20 окт.

Правда. 1969. 16 февр.

Правда. 1969. 20 марта.

Романенко С. А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75.

Романенко С. А. От Дуная до Адриатики // Родина. 2001. № 1–2. С. 176–181.

Романенко С. А. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX – 1991 год). М. : Алетей, 2011.

Руднева И. В. Как Тито Брежневым пугал // Родина. 2008. № 9. С. 102–104.

Руднева И. В. К истории полемики о «Хорватской весне» 1960-х годов // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 533–543.

Руднева И. В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х – начале 1970-х годов : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Совет. Россия. 1969. 16 февр.

Стыкалин А. С. «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // Мир истории : электрон. журн. 2015. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-strykalin.htm> (дата обращения: 10.01.2019).

Стыкалин А. С. СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 101.

Югославия в XX веке : Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М. : «Индрик», 2011.

Antic Z. Soviet propaganda like cominform's per Yugoslavs 02.09.1968 [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-2-247> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. Soviet-Yugoslav ideological polemics intensifying. 08.04.1969a [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-142> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. The ninth congress of the Yugoslav party: big brother's fourth boycott. 11.03.1969b [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-216> (дата обращения: 28.08.2013).

Yugoslavia: outworn structure // Intelligence report 20.11.1970 / Central Intelligence Agency (Directorate of intelligence) [Electronic resource]. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP79T00975A019500090001-6.pdf (дата обращения: 28.08.2013).

УДК 94(47).084

Л. Н. Мазур

НОСТАЛЬГИЯ ПО СССР : ПАМЯТЬ – МИФЫ – ПОЛИТИКА?¹

В статье рассматриваются вопросы формирования ностальгических настроений в российском обществе. Ностальгические настроения, ориентированные на идеализацию советского опыта, выступают в качестве характерной черты современного сознания россиян. В статье освещаются также причины усиления ностальгических настроений и особенности восприятия прошлого на фоне социальной катастрофы, связанной с крушением СССР. Анализируется роль политики памяти и идеологии в трансформации советского мифа в мифологию «золотого века».

К л ю ч е в ы е с л о в а : ностальгия, СССР, прошлое, историческая память, исторический миф.

---

¹ Статья является сокращенным и переработанным вариантом публикации: Mazur Liudmila. Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 2015. Vol. 57, Iss. 3–4, P. 213–238. Special Issue: NOSTALGIA, CULTURE, and IDENTITY in CENTRAL and EASTERN EUROPE. DOI: 10.1080/00085006.2015.1090731.

Тема ностальгии по советскому прошлому в российском обществе сегодня очень популярна не только в массмедиа, но и в научной среде, поскольку представляет собой интересный феномен коллективной исторической памяти, имеющий высокий эмоциональный накал и несомненную идеологическую подоплеку. Сегодня уже можно говорить не просто о ностальгических настроениях, но активной мифологизации исторической памяти, результатом чего является появление новых версий советской истории и модернизация советского мифа о «золотом веке». Закономерно возникает вопрос о том, насколько ностальгические настроения характерны для населения, чем они вызваны?

Первые симптомы ностальгии по СССР социологи зафиксировали еще в 1993 г. Они отметили рост положительных оценок советского опыта среди респондентов. В дальнейшем тема ностальгии стала традиционной для исследований Левада-Центра. По данным социологов, пик ностальгии наблюдался в декабре 2000 г., когда 75 % респондентов высказывали сожаление о распаде СССР. В 2000-е гг. их число несколько сокращается: в 2002 г. удельный вес этой группы составил 65 %, в 2011 г. – 56 % [см.: В Советский Союз...]. К 2018 г. число россиян, сожалеющих о распаде Советского Союза, вновь выросло и достигло 66 % респондентов [см.: Число...], что свидетельствует о неоднозначных процессах: с уходом поколений, рожденных в СССР, ностальгия должна снижаться. Между тем, мы видим обратную картину, причины которой кроются не в естественно-возрастных, а политико-идеологических факторах.

Исследования ностальгии по советскому прошлому начались уже в 1990-е гг. и носили преимущественно эмпирический характер [см.: Фенько; Шабурова; Аксенов; и др.]. В 2000-е гг. публикуются работы Ю. А. Левады, А. С. Чикишевой, Р. Н. Абрамова, В. А. Касама, А. А. Сорокиной, Д. В. Драгунского и др., в которых ностальгические настроения оценивались как социально-психологический феномен, отражающий кризисное состояние российского общества [см.: Абрамов, 2012; Левада, 2002; Чикишева; Добрынина; Ильичев; Касама, Сорокина; и др.]. Эти выводы опирались на результаты социологических опросов, а также на исследования F. Davis, S. Tannock, S. Boym, D. Лоуэнталь, J. Wilson, D. Bartmanski, С. Ушакина, S. Jones [см.: Davis; Tannock; Boym, 2002; Marcos; Wilson; Лоуэнталь; и др.]. В настоящее время в научной литературе можно встретить две точки зрения на данное явление:

1. Об усилении ностальгии россиян по советскому прошлому. Ее придерживаются, в частности, специалисты Левада-Центра [Постернак];

2. Об отсутствии ностальгии, но активном мифотворчестве и использовании советских образов во всех сферах общественной жизни [см.: Чикишева; В Советский Союз...].

Что такое ностальгия?

Изучение ностальгии имеет давнюю традицию. Первоначально она оценивалась как болезненное психологическое состояние человека, испытывающего тоску по дому или прошлому (детству, юности) [см.: Абрамов, 2012]. В дальнейшем ностальгия стала интерпретироваться более широко – в контексте исторической памяти. Так, согласно одному из определений, ностальгия – это «интеллектуально-эмоциональный конструкт, искажающий публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого» [Абрамов, 2013].

В настоящее время существует множество дефиниций ностальгии, но большинство из них сложно использовать при проведении эмпирических исследований, так как они включают слабо измеряемые смыслы. Так, например, Ф. Джеймисон рассматривает ностальгию как характерный для эпохи постмодерна «кризис историчности», когда неспособность справиться со временем и историей превращается в реконструкцию прошлого как бесконечной коллекции образов [см.: Jameson, p. 25]. По мнению С. Бойм, «ностальгия – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было. Это – утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое, а также проекция времени на пространство» [Бойм, 1999, с. 91]. С. Тэннок определяет ностальгию как «периодизирующую» эмоцию, которая проводит границы между разными эпохами в истории, между счастливым прошлым и настоящим, где не все хорошо, как раньше [см.: Tannock].

Последнее определение позволяет нам приблизиться к пониманию сущности ностальгии как преимущественно положительного эмоционального образа прошлого, основанного на личном опыте и окрашенного печалью о невозвратно ушедших «прекрасных» временах, желанием туда вернуться. Для ностальгии важен не только эмоциональный, но и временной аспект: чем более отдалены события от настоящего, тем в большей степени ностальгия становится формой коллективной памяти, т. е. перестает быть личным живым опытом и становится мифом.

Особенности восприятия ностальгии, основанные на индивидуальном/коллективном, а также прямом/непрямом опыте [см.: Davis], порождают многообразие форм ее проявления. В частности, Хавлена и Холак в качестве основных выделили:

1. Персональную ностальгию (прямой индивидуальный опыт);
2. Интерперсональную (непрямой индивидуальный опыт);
3. Культурную ностальгию (прямой коллективный опыт);
4. Виртуальную ностальгию (непрямой коллективный опыт) [см.: Havlena, Holak].

Эти формы могут сосуществовать, но чаще постепенно замещают друг друга: прямой ностальгический опыт постепенно вытесняется непрямым, а индивидуальный – коллективным. Особый интерес представляет виртуальная ностальгия, поскольку является полностью конструируемой эмоцией, роль которой в условиях современной информационной среды существенно возрастает.

Таким образом, в настоящее время ностальгия оценивается чаще всего в двух основных измерениях:

- 1) на индивидуальном уровне как позитивно эмоционально окрашенные воспоминания о прошлом, которые переживает каждый человек в определенном возрасте (персональная ностальгия);
- 2) на коллективном уровне как общественное социально-психологическое явление (массовая ностальгия) [см.: Образы прошлого...; История и память; Диалоги со временем; Хальбвакс и др.].

Массовая ностальгия появилась в XX в. в условиях новой коммуникационной и информационной среды. Именно ей сегодня посвящены десятки публикаций. Среди причин массовой ностальгии М. Chase и С. Shaw выделяют:

- 1) возросшую мобильность населения вследствие индустриализации, урбанизации, миграции;
- 2) рост темпов повседневной жизни, динамичность экономической, социальной, технологической, культурной среды;
- 3) формирование новой информационной среды общества, в которой особую роль играют массмедиа [см.: Chase, Shaw].

Все эти факторы влияют на уровень стрессов, обостряют психологические реакции человека, в том числе связанные с формированием исторической памяти. С этих позиций ностальгия выполняет функции социальной идентификации и психологической адаптации к настоящему. Массовая ностальгия имеет тенденцию к усилению в условиях кризиса, когда среди населения растет недовольство существующим положением.

Важное место в изучении ностальгии занимает ее типология. Она имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет оценить текущие процессы и провести их диагностику. Наиболее часто используются типологии, предложенные Ф. Дэвисом и С. Бойм.

С. Бойм подразделяет ностальгию на два типа: ресторативную (восстанавливающую) (*restorative*) и рефлексивную (*reflective*) [см.: Бойм, 1999]. В первом случае имеется в виду эмоциональное идеализирующее переживание прошлого, во втором – попытка его осмысления: что было хорошо, что – плохо. Ф. Дэвис выделяет три иерархических типа ностальгии: *простую*, *рефлексивную* и *интерпретативную* [см.: Davis, p. 24]. Их можно рассматривать в качестве определенных этапов формирования исторической памяти. Для простой ностальгии характерны идеализирующее эмоциональное восприятие и оценка прошлого, обычно позитивная. Рефлексивная ностальгия связана с формированием устойчивых образов прошлого, составляющих основу коллективной памяти. Для рефлексивного уровня очень важен критический взгляд, который способствует снятию эмоций и выработке взвешенной оценки событий прошлого. Интерпретативный уровень предполагает изложение исторических представлений в форме нарратива, в том числе ностальгического мифа, создающего образ прошлого, воспринимаемый и транслируемый всем обществом или его частью. Как отмечает Йорн Рюзен, наряду с другими формами исторического нарратива миф наделяет весь прошлый опыт актуальным смыслом [см.: Рюзен]. Интерпретативный уровень ностальгии имеет своих агентов влияния, среди которых выделяются власть (идеология и политика), наука и образование, искусство, массмедиа, церковь, бизнес и др. В миф перерастают не все ностальгические настроения, а только те, которые отличаются массовостью и наиболее высоким эмоциональным накалом.

Особую роль ностальгия играет в обществах, которые пережили социальные катастрофы (войны, революции), перевернувшие привычный мир. Она представляет собой не просто эмоционально окрашенные воспоминания о прошлом, а психологическую реакцию на посттравматический шок и потому может быть обозначена как *ностальгия катастроф*. В этом случае в основе ностальгических настроений лежит противопоставление прошлое – настоящее. Опираясь на позитивные реконструкции прошлого, оттененные негативным опытом настоящего, ностальгия катастроф становится основой ностальгического мифа о «золотом веке» и превращается в инструмент политических манипуляций.

Пережитые обществом социальные потрясения нарушают естественные процессы формирования исторической памяти (простая – рефлексивная – интерпретативная стадии), где ностальгия проявляет себя только на первой стадии. В условиях социальной катастрофы возникает эффект разрыва памяти. Ее пересекает резкая граница: «до и после», которая

порождает ностальгические aberrации прошлого, способствуя стремительной мифологизации исторической памяти. Именно такая ностальгия была характерна для постсоветского общества. По мнению С. Ушакина, «советский мир распался столь стремительно, а травма была столь глубока, что ностальгия по советскому появилась спустя десятилетие после 1991 г., став по-настоящему массовым феноменом и существенным образом отразившись на массовой культуре» [Oushakine, p. 451].

Назад в СССР?

Для оценки уровня и характера ностальгических настроений в феврале-марте 2014 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 989 человек, 623 из них были привлечены в результате целевой выборки методом «снежного кома», отправной точкой формирования которого стали студенты Уральского федерального университета. В качестве анкетеров они опросили своих родителей, родственников, друзей, соседей. В дополнение к этой выборке был проведен интернет-опрос, в котором приняли участие 366 респондентов из разных регионов России.

Состав респондентов приведен в табл. 1 и характеризуется определенными параметрами, ограничивающими репрезентативность выборки.

Т а б л и ц а 1

Характеристика выборочной совокупности

Параметры	По данным выборки, %	По России в целом (данные Всесоюзной переписи населения 2010), %*
По месту проживания		
Город	96,4**	74,0
Село	3,6	26,0
По полу		
Мужчин	28,4	46,2
Женщин	70,8	53,8
По уровню образования		
Неполное высшее и высшее	61,8	27,2

О к о н ч а н и е   т а б л . 1

Параметры	По данным выборки, %	По России в целом (данные Всесоюзной переписи населения 2010), %*
Полное среднее и среднепрофессиональное	24,4	69,3
Основное и начальное	12,9	
По занятости		
Работающие	59,2	
Безработные	6,7	
Пенсионеры	3,5	
Учащиеся	29,3	
По уровню материального благополучия		
Высокий	5,7	
Средний	86,1	
Низкий	4,2	

* Итоги переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.05.2019).

** 64,6 % – крупнейшие города (свыше 1 млн жителей); 18,4 % – средние и крупные города; 12,3 % – малые города.

Социальный портрет респондента, принявшего участие в опросе, выглядит следующим образом: это преимущественно женщины с высшим или неполным высшим образованием, учащиеся или работники бюджетной сферы со средним уровнем дохода, проживающие в крупном городе. Выборка может быть оценена как репрезентативная по отношению к *среднему классу населения крупных городов России*. В выборке отсутствуют такие категории населения, как представители крупного бизнеса, силовых структур и оборонного комплекса, мнения которых могут существенно отличаться. Слабо представлен аграрный сектор. Тем не менее, результаты проведенного опроса представляют интерес, так как позволяют выделить основные тенденции формирования исторической памяти.

Анкета включала 30 вопросов, которые подразделялись на несколько блоков: диагностика ностальгии и ее причин; характеристика информационных каналов формирования исторической памяти и механизмов ностальгии; анализ образа прошлого и уровня его мифологичности. Среди задач опроса было изучение представлений респондентов о «золотом веке» применительно к истории СССР. Обработка результатов опроса велась по возрастным группам, что позволило проследить изменение представлений о СССР и отношения к нему в зависимости от возраста.

Для оценки индивидуальной ностальгии респондентов были сформулированы несколько вопросов, в том числе стандартный вопрос о том, сожалеют ли респонденты о распаде СССР. Он постоянно фигурирует в социологических опросах Левада-Центра, что позволяет соотнести полученные результаты с проведенными ранее исследованиями. По данным Левада-Центра (март 2011 г.) 58 % россиян сожалели о распаде СССР, 27 % – не сожалели [см.: О распаде СССР]. В 2014 г. соотношение настроений соответствовало 55 % и 31 % [Общественное мнение..., с. 224]. Основной повод для сожалений – потеря чувства принадлежности к великой державе (52 %) [см.: В чем причины ностальгии...].

В проведенном нами опросе о распаде СССР сожалеет меньше респондентов – 34,8 %, не сожалеют совсем – 42,4 %, затруднились ответить – 22,8 %. Среди молодежи удельный вес сожалеющих о распаде СССР не превышает 26 %. Среди респондентов, родившихся и живших в Советском Союзе, уровень сожаления существенно выше и в старших возрастных группах достигает 70 %.

Более точно уровень ностальгии позволяют оценить вопросы, связанные с восприятием прошлого в категориях «лучше – хуже», а также с выбором исторического времени, в котором хотелось бы родиться. В общей сложности 29,3 % респондентов считают, что в СССР жилось лучше; 34,7 % – хуже; 30,8 % затруднились ответить. Свой вариант предложили 4,7 % (преимущественно представители старших поколений), он отражает неоднозначную оценку («в чем-то лучше, в чем-то хуже»; «смотря для кого, для современной молодежи было бы плохо»; «не лучше – спокойнее»; «да – с точки зрения значимости человеческих ценностей», «нет – с точки зрения возможности заработать и выразить свое мнение»).

В качестве уточняющего вопроса был предложен выбор наиболее предпочтительного исторического времени и места проживания. По результатам опроса более 1/3 респондентов (33,5 %) предпочли бы жить в другой стране, 66,5 % – в России, в том числе в царской России – 8,0 %, в СССР – 24,1 %, в современной России – 34,5 %. Наиболее высокая доля

респондентов, выбравших в качестве альтернативы другую страну, наблюдается среди молодежи (20–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Кризис и отсутствие позитивной перспективы в стране заставляют их рассматривать варианты своего будущего за пределами родины. В рамках советской истории предпочтение было отдано брежневским годам (14,4 %), а также хрущевскому периоду (5,4 %), что коррелирует с представлениями о «золотом веке» в позднем СССР [см., напр.: Кустарев, 2007].

По совокупности ответов можно сделать вывод, что ностальгию ощущают не более 30 % респондентов, в основном в старших возрастных группах. И этот показатель заметно ниже, чем принято считать. На индивидуальном уровне она отрицается большей частью респондентов. Эти данные подтверждают мнение А. С. Чикишевой, которая еще в 2009 г. отметила, что, «несмотря на несомненную популярность советских образов во всех сферах общественной жизни, население России не выражает желания действительно вернуться в советское прошлое» [Чикишева].

Однако около 20 % молодежи (до 29 лет) считают, что в СССР жилось лучше, а 25 % сожалеют о распаде СССР. Примерно 6 % молодежи обозначили в качестве «золотого века» сталинский период, а 20 % – 1950–1980-е гг. Таким образом, мы наблюдаем формирование ностальгических настроений в той возрастной группе, которая не жила в СССР, не имеет собственных воспоминаний, но выступает носителем коллективной памяти ностальгирующего типа. Современная российская молодежь активно включается в ностальгическое пространство, формируемое телевидением, Интернетом, кино, рекламой, политическим дискурсом, перенимает оценочные суждения о советском прошлом, которые транслируют старшее поколение и СМИ. Она выступает носителем так называемой *виртуальной исторической памяти*², которая опирается не на личный опыт, а на мифологизированные представления о прошлом. В целом внимание к советскому прошлому фиксируется среди всех категорий респондентов: 60,9 % из них интересуются советской историей и 88,1 % обсуждают события прошлого со своими близкими, друзьями и знакомыми.

Причины ностальгии в современном российском обществе можно подразделить на две группы:

– возрастные настроения, свойственные старшему поколению, составляют основу для простой ностальгии. Они связаны с желанием вернуться в годы своей юности, молодости, которая воспринимается эмо-

² Термин был предложен Susan Holak.

ционально позитивно («моя юность и молодость»; «были молоды, все было по плечу, поступили в институт по желанию, учили хорошо, ездили в стройотряды, были все другими»);

– недовольство настоящим как отражение существующего в обществе кризиса (политического, экономического, идеологического). Данное настроение встречается во всех возрастных группах и в условиях отсутствия позитивной социальной перспективы легко перерастает в коллективную ностальгию по прошлому, которое представляется уже на рациональном уровне как более благополучное время («смысла в жизни больше нету. Раньше было великое будущее впереди, а сейчас – ничего»).

Таким образом, причины индивидуальной ностальгии кроются в самом человеке, массовой ностальгии – в обществе, его проблемах и особенностях развития. Массовая ностальгия, в свою очередь, может быть естественной реакцией населения на проблемы сегодняшнего дня, а может выступать объектом целенаправленного конструирования. Если к конструированию подключается власть со всеми своими институтами информационного регулирования, создаются условия для мифологизации и идеологизации исторической памяти, что особенно характерно для современной России.

Опрос показал, что в обществе существуют объективные предпосылки для формирования массовой ностальгии: более 40 % в целом недовольны произошедшими после распада СССР переменами и не видят положительной перспективы в будущем. В сельской местности и в депрессивных городах доля склонных к ностальгии по прошлому должна быть еще выше, поскольку проблемы с работой и уровнем доходов там выражены сильнее, а социальный оптимизм стремится к нулю.

Люди ищут в прошлом то, чего им не хватает в реальной жизни. В этом смысле ностальгия – один из вариантов психологического ухода от нарастающих проблем. В свою очередь, в условиях кризиса, не имея четкой программы развития, власть также предпочитает искать опору своих стратегий в образах прошлого, оформляя их в знакомые и привлекательные для общества символы. Как правило, в этом случае включаются механизмы отбора исторической информации при формировании виртуальной исторической памяти (например, возвращение к идее единого учебника по истории, появляются запретные темы, борьба с «фальсификациями» в истории и пр.).

В качестве причины массовой ностальгии следует отметить также роль общественных институтов, которые с разными целями конструируют и стимулируют ностальгические переживания. К ним относится масс-

медиа (особенно телевидение, радио, кино), а также торговля и реклама, которые, используя законы рынка, формируют модели потребления, основанные на ретро-символах.

Конструируя прошлое...

Ностальгия как разновидность исторической памяти опирается прежде всего на личный опыт. Она жива, пока живы участники событий – свидетели прошлого. Личный опыт придает эмоциональность образам прошлого, влияет на их информационную структуру. Помимо личного опыта, эмоциональные переживания прошлого передают воспоминания представителей старшего поколения, аудиовизуальные каналы информации (фотографии, песни, фильмы, живопись). Они выступают в качестве дополнительных механизмов конструирования исторической памяти.

Для изучения механизмов формирования ностальгии в анкету были введены вопросы о том, насколько оно интересно для респондента, какие источники информации используются, в том числе уточнялось влияние на ностальгические настроения таких каналов информации, как устный (обсуждение с родными, друзьями, товарищами, учителями), медийный (фильмы, книги, теле- и радиопередачи, интернет-ресурсы и пр.), а также предметный.

Опрос показал, что 64,9 % респондентов интересуются советским прошлым, в том числе 52,4 % юношей и девушек в возрасте до 18 лет и 57,2 % в возрасте от 19 до 29 лет. В средних и старших возрастных группах, где знание прошлого опирается на личный опыт, интерес к советской истории испытывают более 70 % респондентов. Из периодов советской истории наиболее интересными для респондентов являются 1930–1940-е гг. и 1970–1980-е гг. Время правления И. Сталина с его репрессиями и достижениями в сфере экономики, победа в войне привлекают внимание преимущественно молодежи, а также представителей среднего возраста. Интерес объясняется респондентами связью с историей семьи, а также стремлением понять это сложное, противоречивое время. Позднесоветский период интересен преимущественно для старших возрастных групп и связан с желанием «вернуться в свою юность». Повышенное внимание юношей и девушек до 18 лет к периоду перестройки и распада СССР поддерживается школьными занятиями, где обсуждается эта тема, в том числе «причины, приведшие к развалу огромной страны».

В зависимости от возраста меняется информационный базис исторической памяти. Так, например, для респондентов в возрасте от 40 лет

и выше основным источником информации о советском времени выступают собственные воспоминания, которые дополняются фильмами, художественной и научно-популярной литературой, а также телепередачами. Для молодежи, родившейся в конце 1980-х – 1990-е гг., основным источником информации о СССР стали воспоминания родителей, школьные уроки, вузовские лекции, а также художественные и документальные фильмы и книги. Наиболее разнообразную информационную картину дает опрос 30-летних респондентов. В равной степени они опираются практически на все источники информации: собственные воспоминания дополняются рассказами родителей, вниманием пользуются телепередачи, фильмы и книги, интернет-ресурсы, информация которых постепенно вытесняет знания по истории, полученные в школе и в вузе. Для этого возраста характерно стремление к независимой оценке событий прошлого (табл. 2).

В целом наиболее востребованными информационными каналами выступают воспоминания (собственные или родительские) – 89,7 %, а также аудиовизуальные информационные каналы – телевидение, художественное и документальное кино – 75,5 %. В меньшей степени привлекаются книги (художественные, научно-популярные) – 30,0 % и интернет-ресурсы – 9,4 % (см. табл. 2). Высокий удельный вес воспоминаний и визуальных источников в структуре информационных каналов обеспечивает трансляцию не только и не столько научной исторической информации и знаний о советском прошлом, сколько эмоционально окрашенных образов, нередко искаженных.

Особую роль в формировании идеализированного образа советского прошлого играет художественный кинематограф, влияние которого отметило большинство респондентов. Более половины опрошенных (55,6 %) любят смотреть советские фильмы. Наибольшей популярностью они пользуются у 50-летних зрителей. Около 1/3 молодежи в возрасте до 29 лет отметили, что также с удовольствием смотрят фильмы; 20 % их смотрят редко или вообще не смотрят. Среди фильмов чаще всего упоминаются комедии Э. Рязанова и Л. Гайдая, мелодрамы, а также приключенческие картины («Белое солнце пустыни», «Место встречи изменить нельзя» и др.) и фильмы о Великой Отечественной войне.

Советские фильмы регулярно демонстрируются по всем центральным каналам, кроме того, телевидение предлагает зрителю специализированные «фильмовые» каналы («Любимое кино», «Наше кино», «Дом кино», «Русский иллюзион» и др.), где советские картины составляют основной контент. Однако репертуар телеканалов очень похож и весьма

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:

«Какие источники информации о советском прошлом Вы используете?», %

Варианты ответов	До 18 лет	19–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет
Я сам/сама хорошо помню это время	1,6	1,9	42,9	76,2	82,4	86,0
Телепередачи по истории	30,9	34,0	36,0	18,8	20,3	20,0
Художественные и документальные фильмы	55,0	58,0	57,1	43,6	47,3	32,0
Художественные и научно-популярные книги по истории	38,7	53,4	31,7	25,7	20,3	10,0
Рассказывали преподаватели в школе или университете	55,5	37,9	11,2	5,9	2,7	2,0
Интернет-ресурсы (сайты, форумы)	9,9	16,0	16,8	8,9	2,7	2,0
Рассказывали мои родители, бабушка, дедушка	72,8	70,1	56,5	33,7	12,2	2,0
Ваш вариант ответа	2,1	3,9	2,5	2,0	1,4	0,0
Количество респондентов, человек	191	412	161	101	74	50

ограничен: демонстрируются практически одни и те же фильмы. В основном по телевидению показывают комедии и мелодрамы 1930–1970-х гг., многие из которых вошли в «золотой фонд» советского кинематографа («Кавказская пленница», «Берегись автомобиля», «Любовь и голуби» и др.). Практически не транслируются «серьезные» проблемные советские фильмы, очень редко можно увидеть авторское кино. Развлекательность свойственна и большинству телепередач о советском прошлом. В результате у среднестатистического зрителя формируется позитивная и благополучная картина прошлого, соответствующая представлениям о «золотом веке». Ее дополняют трансляции по каналам «Ностальгия» и «Ретро» записей советских популярных телевизионных передач («Голубой огонек», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», «Песня года» и др.).

Заметное место в формировании ностальгического пространства сегодня занимает виртуальный СССР, представленный «советскими» сайтами (проект «Энциклопедия нашего детства»; Музей «20-й век»; За_ссср – сообщество «За нашу Советскую Родину!»; ussr_ru – сообщество «СССР (все об эпохе 1917–1991)»; vospominaniya – сообщество «То, о чем всегда приятно вспоминать...»; sssr_foto – сообщество «1922–1991: СССР в фото»; «Как это было»; «Вспомнить все» и др.). Пока интернет-ресурсы используются незначительно, в среднем 9 % респондентов указали на данный источник информации как значимый для получения сведений о СССР (см. табл. 2). Наиболее активными пользователями выступают респонденты в возрасте от 20 до 40 лет (около 16 %). Однако следует ожидать, что значение данного канала в будущем будет возрастать, поскольку он все больше принимает на себя роли модератора коллективного сознания и памяти.

Несколько вопросов анкеты были связаны с изучением влияния предметного мира на формирование исторической памяти и ностальгических настроений. Вещь может нести сильный эмоциональный заряд, напоминая о прошлом их владельцам и передавая эту память последующим поколениям. Особенно важны артефакты, визуализирующие и оживляющие прошлое – это фотографии, музыка, видеозаписи и любительские фильмы, а также лично-отно ориентированные предметы, т. е. связанные с хобби, коллекционированием.

По результатам опроса более 80 % респондентов хранят фотографии, около 1/3 – пластинки и магнитофонные записи с песнями. Более половины берегут значки, марки, монеты и прочие предметы, не занимающие много места. Среди часто называемых предметов упоминают также предметы интерьера: часы, картины, посуду, мебель. Реже вспоми-

нают об одежде, бытовой технике, их сохраняют примерно 10 % респондентов. Более 7 % молодежи полагают, что от советского времени не сохранилось ничего.

Современный предметный мир очень динамичен. В 1960–1970-е гг. сформировался новый тип потребления, ориентированный не на сохранение, а на быструю замену одних предметов другими – более современными, модными, технологичными. В этих условиях вещи из советского прошлого исчезают быстрыми темпами, но не окончательно, возрождаясь во внешних своих чертах в новых товарах. Ностальгия давно уже стала источником получения прибыли. Мода на старые вещи и винтажный дизайн охотно эксплуатируется производителями, поскольку она затрагивает чувства человека. К тому же в массовом сознании «советские» продукты нередко ассоциируются с более качественными, чем пользуются многие производители, возрождая памятные старшему поколению товарные бренды.

По данным опроса 11,7 % респондентов предпочитают товары, использующие советскую символику, так как считают их более качественными. Чаще всего покупают продукты питания и напитки, сохранившие название и оформление из советского прошлого. Особой популярностью пользуются конфеты, колбасы, сгущенное молоко и мороженое. Основная часть респондентов (64,6 %) считают, что при покупке товаров руководствуются их качеством и не обращают внимание на уловки производителей. На деле все гораздо сложнее. Как показало наблюдение, проведенное в нескольких крупных супермаркетах Екатеринбурга, а также интервью с продавцами, товары, использующие советские образы и символы, раскупаются более активно, причем не только пожилыми покупателями, но и молодежью. Поскольку молодое поколение не знакомо с советскими товарами, многие производители прибегают к использованию более наглядных советских символов в оформлении продукции. Особенно популярна аббревиатура ГОСТ³, в магазинах продаются «гостовские» мороженое, масло и колбаса. Советская тематика востребована при оформлении интерьеров ресторанов и кафе.

Таким образом, на протяжении 2000-х гг. шло формирование информационно-предметной среды, объективно подпитывающей ностальгические настроения бывших советских граждан и конструирующей

---

³ ГОСТ (Государственный отраслевой стандарт) – нормативный документ, регламентирующий состав и технологию изготовления продукта с учетом санитарно-гигиенических, а также потребительских качеств.

историческую память новых поколений россиян. В создании позитивных образов советского прошлого сегодня участвует сразу несколько информационных каналов. Особую роль играет телевидение, где уже в 1990-е гг. было реализовано несколько успешных проектов, посвященных советскому прошлому. Среди них музыкальный фильм «Старые песни о главном», премьера которого состоялась в новогоднюю ночь 1996 г., получивший продолжение в 1997–1998 гг. Одновременно на экраны вышел документальный цикл Л. Парфенова «Намедни 1961–2003: Наша Эра» (1997–2000). Эти программы задают границы ностальгического пространства прошлого – 1950–1980-е гг. Оно дополняется художественными фильмами, снятыми на данную тему: «Парк советского периода» (2006); «Назад в СССР» (4 серии, 2010); «Сделано в СССР» (телесериал, 2011); «Обратная сторона Луны» (телесериал, 2012); «Восьмидесятые» (телесериал, 2012–2014); «Оттепель» (телесериал, 2014); и др.

Насыщенность информационной среды очевидными и неочевидными приметами советского прошлого такова, что они стали привычным элементом повседневности. Опираясь на ностальгические настроения, они заполняют и эмоционально окрашивают окружающий мир, оживляя прошлое, делая его близким и привычным не только для тех, кто был рожден в СССР, но и для новых поколений.

Образ советского прошлого

Основным элементом исторической памяти (индивидуальной и коллективной) выступает образ прошлого, который представляет собой совокупность представлений, закрепленных в общественном сознании в форме устойчивого набора фактов-символов. Движение от факта к символу происходит по сложной схеме: событие – обозначение (имя) – символ. Событие должно быть значимым и восприниматься сознанием как важный факт прошлого, судьбоносный для развития страны и общества. Значимость события может быть объективной (например, победа в Великой Отечественной войне 1941–1945) и сконструированной (например, Ледовое побоище 1242 г.). Обозначение события не предполагает использования строго научной лексики, поскольку научные понятия лишены эмоциональности. Название события должно быть образным, всем понятным, но лишенным обыденности. С обозначением события тесно связана визуальная символика, призванная отражать его смысл в узнаваемых изображениях. При наличии всех трех аспектов (значимость, название, символ) историческое событие приобретает свойства *образа прошлого*.

Образ прошлого формируется под влиянием нескольких взаимосвязанных факторов – внутренних и внешних. В первую очередь, это индивидуальные практики, связанные с трансляцией семейных историй, передачей семейных реликвий и традиций, т. е. с личной жизнью человека. Большую роль в создании образа прошлого играет предметный мир, в том числе личные памятные вещи (фотографии, музыкальные записи, плакаты, открытки, значки, ордена, монеты и пр.), они содержат не просто информацию, но становятся носителями символов прошлого, которые постепенно трансформируются в образы. Не менее значима роль мест памяти. Несмотря на попытки уничтожения советских памятников, имевшие место в начале 1990-х гг., российские города и села в целом сохранили советский архитектурный пейзаж, который также является источником актуализации образа прошлого.

Формирование образа советского прошлого детерминировано такими внешними факторами, как политика и идеология, массмедиа, реклама. Особую роль играют мероприятия по возрождению праздников, реанимация явлений советского прошлого (нормы ГТО⁴, ВДНХ⁵ и пр.), использование советизмов в лексике. Важное место в конструировании образа прошлого занимают искусство и наука, в том числе особенности интерпретации истории.

Образ прошлого, сформированный под воздействием разнонаправленных факторов, обычно оказывается достаточно противоречивым, включая как позитивно, так и негативно окрашенные элементы (события и символику). В случае целенаправленного конструирования образа прошлого он приобретает эмоциональную однородность и упрощенную структуру, составляя основу для мифа.

Как можно судить по результатам проведенного социологического исследования, образ советского прошлого, транслируемый респондентами, в целом несет положительную эмоциональную окраску и складывается прежде всего из символов, связанных с победами и достижениями СССР. В частности, победу в Великой Отечественной войне в качестве

---

⁴ ГТО (Готов к труду и обороне) – спортивные нормы, разработанные для всех возрастов и обязательные для выполнения.

⁵ ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства. Была организована в 1939 г. в Москве как Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в 1959 г. была реорганизована в постоянно действующую Выставку достижений народного хозяйства СССР, в 1992 г. реорганизована во Всероссийский выставочный центр, в 2014 г. вновь переименована в ВДНХ.

ассоциативного факта отметили 56,2 % респондентов. Достижения науки и культуры в качестве символов СССР зафиксировали около 1/3 респондентов (33,7 % – покорение космоса и атома; 30,9 % – достижения науки и культуры; 16,2 % – спорт). Космос и культура оказались значимы в большей степени для среднего и старшего поколения респондентов, молодежь (до 18 лет) чаще выбирала спорт, интерес к которому объективно усилила Олимпиада 2014 г.

К нейтральным символам были отнесены руководители государства и государственные символы. Их в качестве ассоциативных образов обозначили более 1/3 респондентов (38,8 % – руководители государства; 32,6 % – государственные символы).

Факты и события с негативной коннотацией отметили также более 1/3 респондентов, в том числе: 10,9 % указали на репрессии; 11,1 % – коммунальные квартиры; 37,1 % отметили дефицит и бюрократизацию. Особое место в этом ряду занимает дефицит, так как это знаковый элемент советской обыденности. Он сохраняется в памяти представителей старшего поколения и передается на уровне виртуальной памяти младшему. Проблема дефицита после многолетнего забвения вновь стала обсуждаться в 2014 г. на волне санкций по отношению к России в связи с войной в Украине. Реакция на появление возможного дефицита оказалась очень предсказуемой – происходит изменение потребительской модели поведения, в частности, снова можно было наблюдать «закупки впрок» не только продуктов, но и товаров длительного пользования. Потребительский ажиотаж подогревался колебаниями курса рубля. На сегодняшний день «дефицит» является самой массовой ностальгической фобией, наиболее опасной для власти, поскольку появление дефицита лишает власть тех достижений, которые она может поставить себе в заслугу. В целом негативные элементы присутствуют в ответах большинства респондентов молодого и среднего возраста: до 18 лет – 62,3 % случаев; 19–29 лет – 74,8 %; 30–39 лет – 70,2 %; 40–49 лет – 61,4 %; 50–59 лет – 46,0 %; 60–69 лет – 40,0 %, что свидетельствует о сложном восприятии истории СССР.

Итак, образ советского прошлого в коллективной памяти респондентов достаточно противоречив и часто включает негативные представления, опирающиеся на исторические знания и представления, а также на личный опыт. Учитывая особенности выборки, в которой преобладают респонденты с высшим и неполным высшим образованием, эта картина представляется вполне обоснованной и свидетельствует о рефлексивном характере ностальгии. Однако чем ниже образовательный

уровень респондентов, тем проще, одномернее образ прошлого, сильнее выражено стремление видеть в нем одни только успехи и не замечать недостатков или наоборот.

Советский миф о «золотом веке»

Одно из определений ностальгии, предложенное С. Бойм, гласит: «Ностальгия – это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [Бойм, 2013]. Мифологизация прошлого – один из вариантов меморизации исторического опыта в форме устойчивого, эмоционально окрашенного конструкта, включенного в коллективную историческую память [см.: Репина].

Для исторического мифа характерно одномерное восприятие факта прошлого в категориях оппозиции (хорошо – плохо) с устоявшимися и общепринятыми оценками, которые транслируются всеми информационными каналами (устным, письменным, визуальным). В обычном режиме этап мифологизации исторической памяти наступает с уходом носителей живой памяти, но в некоторых случаях он может протекать в ускоренном режиме, если в этом заинтересованы определенные силы, обладающие рычагами влияния.

Именно такой вариант мы можем наблюдать сегодня в российском обществе. Проблема мифологизации советского прошлого уже неоднократно поднималась в научной литературе и получила освещение в работах А. А. Кустарева, Д. В. Драгунского и др. А. Кустарев, рассматривая эволюцию советских мифов, считает возможным говорить о наличии двух мифологий советского прошлого – официальной и критической. По его мнению, к концу «нулевых» годов критическая советская мифология была вытеснена мифологией новой власти, которая опирается на апологетику прошлого советского опыта, в том числе формирует новые мифы (например, миф об эпохе стабильности в 1970-е гг.) [см.: Кустарев, 2013]. В качестве носителей (агентуры) новых ностальгических мифов он выделяет *стареющие возрастные когорты*, утратившие свое благосостояние или статус, а также тех, кто не адаптировался к новым условиям. Д. В. Драгунский, изучая социальные мифы современной России, также отмечает среди прочих советский ностальгический миф, который называет мифом доброты [см.: Драгунский]. Все эти выводы свидетельствуют о продолжающейся модификации мифа о «золотом веке».

В опросной анкете для изучения уровня мифологичности исторических представлений респондентов о советском времени были сфор-

мулированы два вопроса: «Можно ли какой-либо из периодов советской истории назвать “золотым веком”»; а также открытый вопрос: «Приведите несколько аргументов в пользу того, что этот период времени можно назвать “золотым веком” Страны Советов». На первый вопрос отказались отвечать около половины респондентов (49,9 %), преимущественно молодежь. Это свидетельствует о незавершенности процессов мифологизации исторической памяти и преобладании рациональных подходов к оценке советского прошлого. Следует скорректировать данную оценку с учетом особенностей изучаемой выборки: уровень мифологизации сознания жителей села и малых городов будет выше.

Специфика мифа такова, что он способен «оживить» прошлое, приобщить его к настоящему и представить как реальный вариант будущего. На фоне «ностальгии катастроф» формируется новый миф о «золотом веке», так как «счастливое» прошлое всегда воспринимается через оппозицию к настоящему. Сила мифа о «золотом веке» состоит в том, что он ориентирован как в прошлое, так и в будущее. На образах прошлого строится желаемая модель, которая транслируется в будущее. В частности, социалистические идеи, господствовавшие в советском обществе в 1920–1970-е гг., также представляют собой проекцию мифа о «золотом веке» в будущее. Этот миф поддерживал целостность и жизнеспособность советского общества, пока владел сознанием. Разочарование в идеях социализма стало одной из предпосылок падения советского строя.

Можно выделить несколько вариантов мифа о «золотом веке». Самым древним и наиболее распространенным остается миф о *благоденствии* (миф о рае). С него начинается поэма Овидия. Рассказывая мировую историю от сотворения Вселенной, поэт рисует счастье первых людей под правлением отца Юпитера – Сатурна. Воспоминание о счастливой весне человечества стало любимой темой мировой культуры и превратилось в один из архетипов сознания. По мнению Ю. Г. Чернышева, миф о рае имеет психологическую основу, поскольку связан с воспоминаниями каждого человека о том блаженном состоянии, которое он испытал еще до появления на свет, находясь во чреве своей матери [см.: Чернышов]. В обыденных представлениях «золотой век» – это время, когда *все жили хорошо и были счастливы, сыты, здоровы*.

Именно этот вариант мифа преобладает в суждениях респондентов о советском прошлом. Советский «рай» соотносится с 1950–1970-ми гг. Основные мифологемы, используемые респондентами, – это стабильность и уверенность в завтрашнем дне; социальные гарантии для граждан; высокий уровень жизни; дружба народов, безопасность, порядок; надежда

на светлое будущее, возможность построить рай на земле (коммунизм). Так, например, среди аргументов респондентов звучат следующие высказывания: «Здравоохранение и образование были бесплатные и каждый мог съездить в санаторий, отдохнуть, т. е. все было доступно»; «Считали, что живем в лучшей в мире стране: стабильная работа, зарплата, в магазинах тоже еще все было, каждый год могли ездить в отпуск по всей стране, пересмотрели весь репертуар всех театров»; «Да и вообще жили легко и весело, не думали о том, что будет завтра, вернее, не боялись его». Данный миф наиболее приближен к личному опыту и воспоминаниям, что придает ему особую убедительность и популярность и в наибольшей степени отражает недовольство настоящим на индивидуальном уровне.

Другой разновидностью мифа о «золотом веке» является *миф достижений* – это *время наивысшего развития науки, культуры, искусства, экономики, спорта*. Такая вариация мифа о «золотом веке» появилась позднее, в период Возрождения, когда не только сытость и безделье стали ассоциировать со счастливой жизнью, но и занятие искусством, наукой, т. е. «золотой век» – это время плодотворной духовной жизни. В гуманитарных науках понятие «золотого века» часто используется для описания периода расцвета классической литературы, живописи, музыки.

Миф достижений является наиболее сложным по своей структуре, поскольку имеет не только личностное выражение, но и социальное. Расцвет науки и культуры – это результат напряжения всего общества, создания особых условий для творцов. Используемые мифологемы: наука, промышленность, культура находятся на пике развития; совершенно много выдающихся открытий; подъем экономики, рост качества жизни народа; высокий уровень образованности, культуры, нравственности. Респонденты среди аргументов использовали следующие: «Рекордные объемы строящегося жилья, получение звания первой космической державы»; «Жилье массово строилось, жизнь улучшалась, профилактории строились, колхозы, культура, театры... да все тогда пошло в рост, и все – разумно, для людей»; «Преодолены тяготы военного времени. Романтизм “шестидесятников”. Успехи советской науки. Расцвет (если так можно назвать) культурной жизни. “Оттепель”»; «Великие коммунистические стройки, победа в войне, СССР – сверхдержава»; «Решались глобальные задачи, был покорен космос».

Данный миф в большей степени характерен для представителей средних и младших возрастных групп, которые пытаются рационализировать свои представления о «золотом веке» и аргументировать их на научном уровне. Однако несмотря на стремление к объективности, в них

присутствует мифологическое восприятие прошлого. Мифологичность в этом случае выражается в некритичном восприятии достижений. Более того, в сознании российских граждан на уровне школьного образования закреплялись представления о первенстве России во всем: в изобретении радио, паровоза, электричества, овладении ядерной энергией и пр. В результате реальные факты превращались в мифы, поскольку были вырваны из общеисторического контекста, находились вне зоны сравнения с культурой других государств и народов. Этот миф получил дополнительную мощную поддержку от массмедиа и власти в ходе подготовки и проведения Олимпиады 2014 г., которые ориентировали общество на «возрождение» спортивной славы СССР.

Еще один вариант мифа о «золотом веке» – миф силы, в центре которого находятся образы великой нации и государства. Это наиболее политизированный вариант мифа, где в центре находится уже не человек с его мечтами и проблемами, а высшая сила – государство, ради величия которого приносятся жертвы, а патриотизм становится наивысшей добродетелью. Миф силы имеет длительную историю и фиксируется еще в римской традиции, где идея мощного государства и его приоритетности получила наиболее заметное развитие. Для него характерно некритическое восприятие событий героической истории (например, идеализация истории войн, революций и прочих свидетельств исторической исключительности) и превращение их в святыни, достойные только поклонения. Базовые мифологемы: СССР – сверхдержава; мощная армия; великий народ; выдающиеся лидеры; великая миссия (создание общества свободы, равенства, братства).

Основными трансляторами данного мифа в проведенном исследовании стали молодежь и старшее поколение. В своих ответах они используют такие аргументы: «Стабильный экономический рост, наличие национальной идеи, положение в мире, близкое к господствующему»; «Люди стали более образованными, в стране установились стабильность и порядок, строй, который был только в СССР и Германии»; «Победа в войне, СССР стал сверхдержавой»; «Высокий военный потенциал»; «Наше государство уважало, была дисциплина в народе...»

В высказываниях многих респондентов наблюдается сочетание мифологем из разных вариаций мифов, что позволяет говорить о формировании *сверхмифа*, включающего все три версии и обладающего особой энергетикой и эмоциональной силой. В его основе лежит представление о СССР как великой, могучей державе (миф силы), усиленное мифологемами о благополучной жизни и великих достижениях. В условиях по-

литической конфронтации, в которой оказалась Россия после 2014 г., миф силы становится доминирующим, поскольку отвечает запросу власти и общества в целом. Идея сильного государства сегодня транслируется властью как главная ее заслуга, и этот образ оказался востребованным значительной частью общества, поскольку он позволяет повысить самооценку, укрепить национальный авторитет – заблуждение очевидное и очень опасное.

С целью временной локализации «золотого века» респондентам был предложен вопрос: какой период советской истории можно назвать «золотым веком»? «Нет такого периода» уверенно обозначили 8,0 % респондентов, 49,9 % затруднились с ответом. Из ответивших в 19,4 % случаев был обозначен брежневский период, а в 9,5 % – 1950-е гг., т. е. хрущевское время. Эти выборы оказались приоритетными во всех возрастных группах, за исключением когорты до 18 лет. Они предпочли 1930–1940-е гг. (сталинский период), а также годы перестройки как наиболее близкие им по времени.

Таким образом, можно сделать вывод об оформлении мифологического исторического пространства – это СССР 1950–1970-х гг., время, с которым соотносится сверхмиф, включающий представления о достижениях, силе и благополучии. Оно имеет тенденцию к расширению за счет 1930–1940-х гг. Этот вывод соотносится с результатами других исследований, где отмечена активная мифологизация брежневского периода [см.: Левада; Кустарев, 2007], по отношению к которому в средствах массовой информации все чаще используется именно это словосочетание – «золотой век».

Особенностью постсоветского мифологического поля является активный интерес молодежи к сталинскому времени: более 6 % молодых людей до 29 лет обозначили этот период в качестве «золотого века», аргументируя свою позицию тем, что СССР этого периода был сверхдержавой, которую все уважали и боялись. По данным ранее проведенных социологических исследований Сталин и его деятельность мифологизируются наиболее активно, а сам он становится неким символом противостояния современному миру, постмодернистской культуре и либеральному государственному устройству. В 2003 г. 22 % жителей РФ положительно относились к Сталину, а в 2008 г. уже 42 % опрошенных соглашались с тем, что стране нужен такой вождь, как Сталин. В интернет-голосовании «Имя России» (проект телеканала «Россия»), Сталин занял третье место из двенадцати. По мнению исследователей, для части общества (в том числе молодежи) ностальгия по Сталину будет оставаться символом на-

циональной идентичности, а сталинизм – приемлемой системой ценностей [см.: Асташкин]. Как считает политолог Сергей Черняховский, ностальгия по СССР будет усиливаться [см.: В Советский Союз...]. Этот прогноз во многом соотносится с жизненным циклом «ностальгии катастроф», переживающей сегодня стадию мифологизации исторических представлений о советском прошлом.

Выводы

Результаты проведенного исследования достаточно противоречивы. Итоги опроса в целом демонстрируют нежелание российского общества вернуться в советское прошлое, сопротивление этому процессу [см.: Чикишева]. Одновременно необходимо констатировать несомненную популярность советских образов во всех сферах общественной жизни и активную целенаправленную мифологизацию советского прошлого. Ностальгия поддерживается и развивается властью, СМИ, бизнесом. С какой целью? Каждая сила имеет свой интерес и свои причины, но в современной ситуации они объективно действуют в одном направлении, возрождая фантомы прошлого и создавая новый советский сверхмиф. Обращенность в прошлое свидетельствует о процессах инкапсуляции российского общества и идейно-политическом кризисе власти.

Своеобразие отношения общества к советскому прошлому Ю. Левада в 2002 г. обозначил как «реанимацию теней прошлого» для решения задач, с которыми власть неспособна справиться [см.: Левада]. Однако с течением времени эти тени становятся все более живыми, охватывая новые поколения россиян и заражая их ностальгическими настроениями.

Российское общество сегодня объективно разделено на две части: рожденные в СССР (до 1991 г.) – их удельный вес составил в 2010 г. 79 % и появившиеся на свет после 1991 г. – 21 % [см.: Всероссийская перепись...]. Первые выступают носителями живой памяти о прошлом и формируют свое отношение к нему, опираясь в том числе на личный опыт. Вторая часть является носителем конструируемой памяти и учитывает при оценке советского прошлого мнение своих родителей, а также другие источники информации, в том числе идеологические установки власти. Удельный вес этой группы населения с течением времени будет возрастать и определять общую ситуацию. После того как уйдет последнее поколение рожденных в СССР, эмоциональный накал образов прошлого должен постепенно спадать. Но это только один из вариантов развития событий. Возможен и другой – дальнейшее обострение и усиление

ностальгических настроений, основанных не на личных воспоминаниях, а на мифологизированных представлениях о советском прошлом, чему объективно способствует сегодня сконструированное ностальгическое пространство, отсутствие в обществе позитивной перспективы и идейно-политический кризис власти.

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социол. журн. 2012. № 4. С. 5–23.

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Аксенов В. Странности ностальгии // Известия. 1995. 21 нояб.

Асташкин Дм. Ностальгия по И. В. Сталину у российской молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/astashkin> (дата обращения: 20.02.2019).

Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s-pr.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Нов. лит. обозрение. 1999. № 39. С. 90–100.

В Советский Союз уже не очень хочется // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113534>. (дата обращения: 14.01.2013).

В чем причины ностальгии по СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://enw-fond.ru/ekspertnoe-mnenie/188-v-chem-prichiny-nostalgii-po-sssr-ekspertnoe-mnenie.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Всероссийская перепись населения 2010 // Госкомстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.01.2018).

Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2008.

Добрынина Е. «Советский» да любовь // Рос. газ. 2010. 2 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/02/02/sovetsky.html> (дата обращения: 15.05.19).

Драгунский Д. Социокультурный аспект. Социальная мифология // Россия между вчера и завтра. Кн. 1 : Экспертные разработки. М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2003.

Ильичев Г. Демография против ностальгии. Чем моложе россияне, тем меньше они жалеют о распаде СССР // The New Times. 2011 г. 26 дек. № 44–45 (229).

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2006.

Касамара В. А., Сорокина А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–32.

Кустарев А. «Золотые 1970-е» – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ku1.html> (дата обращения: 15.01.2018).

Кустарев А. Мифология советского прошлого // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/1m.html> (дата обращения: 15.01.2018).

Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13 [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2002/12/17/474877/> (дата обращения: 15.01.2018).

Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2004.

О распаде СССР : пресс-релиз. 2011 // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2011041103.html> (дата обращения: 15.09.2015).

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред Л. П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2003.

Общественное мнение – 2014 : ежегодник. М. : Левада, 2015.

Постернак А. «Ностальгия по СССР» // Жизнь человека. Воспитание и социальное развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kabmir.org/news/2362-nostalgiya-po-sssr.html> (дата обращения: 20.01.2019).

Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.

Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.

Фенько А. Ностальгия // Человек. 1993. № 6. С. 38–53.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме : в 2 ч. Ч. 1 : До установления принципата. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1994.

Чикишева А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса. Т. 6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. М. : Новый хронограф : Эйдос, 2009. С. 267–277.

Число сожалеющих о распаде СССР достигло максимума за десятилетие // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/chislo-sozhaleyushhih-o-raspade-sssr-dostiglo-maksimuma-za-desyatiletie/> (дата обращения: 21.02.2019).

Шабурова О. В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. 1996. № 5. С. 42–55.

Boym S. The future of Nostalgia. N. Y. : Basic Books, 2002.

Chase M., Shaw C. The dimensions of nostalgia // The imagined past: history and nostalgia / ed. by M. Chase, C. Shaw. Manchester : Manchester University Press, 1989. P. 1–17.

Davis F. Yearning for yesterday: A sociology of Nostalgia. N. Y. : Free Press, 1979.

Havlena William J. and Holak Susan L. Exploring nostalgia imagery using consumer collages // *Advances in Consumer Research* / eds. K. P. Corfman, J. Lynch. Provo, UT : Association for Consumer Research, 1996. Vol. 23. P. 35–42.

Jameson F. Postmodernism, Or, The Cultural Logic of Late Capitalism. London : Verso, 1991.

Marcos P. N. History and the politics of nostalgia // *Jowa J. of Cultural Studies*. 2004. Nr 5 (Oct.). P. 23–35.

Oushakine S. A. We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Nr 66. July. P. 451–482.

Tannock S. Nostalgia critique // *Cultural Studies*. 1995. Nr 9. P. 453–464.

Wilson J. Nostalgia: A sanctuary of meaning. Lewisburg, PA : Bucknell University Press, 2005.

УДК 94(37)"303/339"(093.3)

А. С. Козлов

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТРАКТАТА *VITA CONSTANTINI*

Исследование раскрывает проблему жанровой принадлежности трактата *Vita Constantini*, созданного Евсевием, епископом Кесарийским, в конце 30-х гг. IV в. Рассматривается новаторство Евсевия, объединившего в трактате свойства панегирика, церковной истории, агиографии и античного жизнеописания. Ни один из этих жанров не довлеет над другими в трактате, представляющем незавершенный их синтез. Разработка Евсевием такого синтеза имела целью презентовать императора Константина I не как исторического правителя (в античном смысле), а как воплощение в великом человеке Божьего замысла (в помощь утверждению христианской веры во всей Римской империи). Изображаемые в трактате Евсевия деяния Константина оказываются знаками реализации такого замысла.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евсевий Кесарийский, *Vita Constantini*, Константин I, позднеантичная историография.

В двух предыдущих статьях, посвященных уникальному историческому трактату *Vita Constantini* («Жизнь Константина», далее – *VC*), принадлежащему перу Евсевия, епископа Кесарии Палестинской (ок. 260–339 гг.) (одного из родоначальников жанра позднеантичной христианской хроники и жанра церковной истории) [см.: Кривушин, с. 11, 57–58; Burgess, Witakowski, p. 21–22], я разбирал в основном проблемы аутентичности, эволюции и источников этого документа. Речь шла прежде всего о поисках дополнительных аргументов в пользу концепции о тесной связи изменений текста трактата, связанных как с судьбой самого Евсевия, так и с изменением политической ситуации в Восточной Римской империи сразу после смерти в мае 337 г. героя сочинения, императора

Константина I [см.: Козлов, 2016; Козлов, 2017]. Однако понять смысл *VC* (и его эволюцию) нельзя без соотнесения этого документа с определенным видом текстов III–IV вв., ибо содержательные и формальные черты трактата оказались слишком оригинальны для своего времени.

Даже такие современные специалисты по творчеству Кесарийца, как Эв. Камерон и С. Хэлл, представляющие всю сложность историографии вопроса, охарактеризовали трактат Евсевия как «литературный гибрид» [см.: Cameron, Hall, p. 27]. Однако такая оценка вряд ли может считаться удовлетворительной хотя бы потому, что некорректно представлять подобный документ неким синтезом двух самостоятельных жанров – имперского энкомия и историко-агиографического нарратива¹. Недаром такой знаток текстов Евсевия, как Т. Барнс, с одной стороны, стремится отнести почти каждый пассаж *VC* с этикетом «обычной поминальной речи по умершему монарху» [Barnes, 1989, p. 102], «речи, составленной Евсеем в 337 г. и начатой предположительно тогда, когда он услышал о смерти Константина 22 мая» и отредактированной после 8 сентября [Ibid., p. 104]. С другой стороны, английский исследователь говорит о «весьма грандиозном и детальном изложении и... связном повествовании» [Ibid., p. 108]. Ж. Моро, наоборот, считает трактат Евсевия только панегириком [см.: Moreau, Sp. 1073–1075; ср.: Ващева, с. 232–233].

Самого пристального внимания, по-моему, заслуживает мнение К. М. Жирарде, согласно которому *VC* «является интерпретацией, а не историческим рассказом, историзирующим панегириком, а не научным, биографическо-историческим трудом» [Girardet, s. 71]. Конечно, «интерпретация» – это не жанр, но мысль Жирарде ясна: Кесариец решал в комплексе несколько задач: изучал исторические реалии и вскрывал как профессионал-эксегет скрытое в высокомудых деяниях своего героя, смысл которых часто был непонятен многим современникам, отсюда – конкретные изыскания автора на пограничье теологии и психологии. Лишь исходя из подобной предпосылки, Жирарде считает возможным подходить к рассмотрению закономерностей становления формы и содержания такого документа, как *VC*.

По мнению немецкого исследователя, трактат не имеет «панегирического характера», он, как указывает сам Евсевий (Ibid., I, 10–12), «является незавершенным биографическим трудом, несущим многообразные следы неуклюжести, отсутствия навыка в осуществлении замысла»

---

¹ Уточнение подобных оценок см.: [Barnes, 1994, p. 4–8]. Детальную критику мнения Барнса см.: [Cameron, 1997, p. 93].

[Girardet, s. 58]. Первым на такого рода свойства труда Евсевия указал И. А. Хайкель [см.: Heikel, s. XLV–XLVII]. В разной степени к подобной характеристике трактата склонялись с 60-х гг. XX в. И. Штрауб, Ф. Винкельман, Д. С. Уоллес-Хэдрилл, Р. Фарина [см.: Straub, s. 106–107, 116–117, 148–149; *VC*, s. XLIX; Wallace-Hadrill, p. 43–44; Farina, p. 16–23], а из наших современников – Эв. Камерон и Г. Дрейк [см.: Cameron, 1997, p. 82–83; Drake, 1975, p. 20–38].

Следует помнить, что Евсевий был писателем-новатором и в ряде иных жанров, а сама задача создания рассказа о христианском императоре ставила перед автором новые проблемы и заставляла искать новые решения. И даже если считать, что Евсевий не был особенно успешным писателем [см.: Tartaglia, p. 22], то ему следует отдать должное за экспериментаторство при создании *VC*, позволившее продемонстрировать интеллектуалам того времени новые возможности в историографии, публицистике, агиографии и т. д.

Примечательно, что даже вводные главы трактата [*VC*, I], хотя и апеллируют к банальным для христианских энкомиев тезисам, также позволяют поместить сей литературный документ в контекст интеллектуальных новаций и оригинальной аккомодации автора к новым идейно-политическим обстоятельствам благодаря ссылке на факт превращения в Августов детей Константина (*Ibid.*, I, 1), а это доказывает, что введение (как и заключение), было написано по крайней мере после сентября 337 г., без сомнения, после завершения основной части работы². Импульс к подобному завершению труда был сугубо политическим: Евсевий счел нужным призвать сыновей Константина продолжить дело отца³. Однако даже если считать трактат (точнее, его литературно-политическую отделку) незавершенным, несомненно, что автор уделил пристальное внимание именно литературно-документационной стороне своего сочинения и не случайно снабдил *VC* такими вступительными и заключительными главами.

Наиболее значимыми приемами Евсевия, использованными для подчеркивания политической актуальности трактата, представляются следующие. В нескольких разделах *VC* утверждается, что Константин продолжает жить в самом факте царствования своих сыновей (см.: *Ibid.*, I, 1; I, 1.9; IV, 72). В полном соответствии с средневековым церковно-литера-

² Об этом см.: [Pascuali, s. 369–386; Barnes, 1989, p. 94–123; Barnes, 1994, p. 1–11; ср. : Cameron, 1997, p. 245–274; Козлов, 2016, с. 121].

³ Наиболее подробно о мотивах, содержании и формах этого призыва см.: [Cameron, 1997, p. 245–274].

турным этикетом Евсевий подчеркивает скудость своей мысли и авторскую некомпетентность перед величием того, что он собирается отобразить (см.: *IC*, I, 1.2–2.3). Подчеркивается, что памятники искусства, скульптуры и надписи, пусть даже и используются для поминаения усопших, все же гленны по сравнению с наградами, кои Бог даровал Константину (см.: *Ibid.*, I, 3.2). Евсевий преподносит миссию Константина как свержение гонителей и их религии, а также как демонстрацию примера истинного благочестия. С другой стороны, в духе античного панегирика или жизнеописания автор утверждает, что Константин превзошел величайших завоевателей прошлого, Кира и Александра, не только по размаху своих завоеваний, но и по благочестивому образу жизни и смерти (см.: *Ibid.*, I, 9). Тут же говорится о преемственности добродетели Константина, полученной им от отца и переданной ныне сыновьям.

Отмеченные суждения, безусловно, служат подходами к обозначению предмета трактата. Сам предмет, будучи интегрирован с целеполаганием, преподнесен в виде упрощенной схемы, характерной для современной Евсевию античной биографии типа тех, что были включены в компендиум *Scriptores Historiae Augustae*⁴. Логика проста – если пишутся сочинения о предосудительных правителях, то тем более следует писать о хороших (см.: *Ibid.*, I, 10). Но мотив реализации такой цели в трактате отличается от античных образцов. Хотя Евсевий и утверждает, что ограничится описаниями богоугодных деяний Константина, не останавливаясь на его войнах, сражениях с врагами и т. п. (см.: *Ibid.*, I, 11), но обещание это соблюдается своеобразно, ибо констатируемые автором военные мероприятия поданы как религиозные войны. Ярче всего это видно при сравнении Константина с Моисеем, когда победа над Лицинием представлена как избавление христиан от преследований. Более того, царствование Константина следует рассматривать как предначертанный Богом путь, подобный тому, что был предначертан Моисею, дабы увести свой народ из Египта и обрести Закон (см.: *Ibid.*, I, 12). Целеполагание трактата обладает также эстетическим и дидактическим зарядом: автор

---

⁴ Компендиумы подобного типа (и тем более Плутарха или Корнелия Непота) Евсевий вряд ли считал достойными образцами; прямую связь Кесарийца с такой традицией исследователи не устанавливают [см.: Cameron, Hall, p. 21; Drake, 1988, p. 20–38; Barnes, 1989, p. 108–109; Hall, p. 239–263; Ващева, с. 182–207]. Косвенная связь с ней может быть отслежена через специфическое отражение в *IC* принципов и частных свойств жизнеописания Аполлония Тианского [см.: Dzielska, p. 136–147].

сравнивает свою задачу с задачей живописца, рисующего «словесный портрет» Константина [см.: Cameron, 1997, p. 246–248], и труд сей представляется поучительным, ибо он не просто даст полезную летопись добродетели или продемонстрирует красоты высокого стиля⁵, а продемонстрирует гарантированно правдивый рассказ, ибо автор видел и знал героя этого повествования, беседовал с ним (см.: *VC*, I, 10)⁶.

Следует учитывать, что дискуссия по поводу жанровой принадлежности «Жизнеописания Константина» началась с его структурного анализа и сконцентрировалась на восприятии его как сочетания биографии и энкомия [см.: *VC*, s. XLI–XLIII; Tartaglia, p. 7–15; см. также: Cameron, 1997, p. 250–253]. Между тем при взгляде на изложение Евсевием природы своей работы (см.: *VC*, I, 10–11) становится ясен разножанровый характер предшественников трактата. Евсевий сравнивает свой труд с предыдущими «историями», жизнеописаниями и «деяниями», написанными с целью классического эпидейксиса (см.: *Ibid.*, I, 10). Поэтому неудивительно, что он вспоминает Деяния апостолов и помещает трактат в эллинистическую историографическую традицию [см.: Morley, p. 174–177]. Для обозначения этой процедуры (и своего творчества в целом) автор использует глагол *ἱστορεῖν*, а «Жизнеописание Константина» он нигде не называет термином *ὁ βίος* (точно так же не называет это сочинение подобным образом ни одна дошедшая до нас рукопись трактата), предпочитая именование *εἰς τὸν βίον* [см. об этом: Wilson, p. 107–135]. В той же главе он говорит, что с презрением отвергает классическую риторику. Можно согласиться с Паскуали, Барнсом и другими исследователями в том, что «Жизнеописание» не является цельным литературным сочинением, что оно не было написано в один прием, а более поздние интерполяции были сделаны самим Евсевием. Однако неясно, в течение какого времени выполнялась такая работа. К этому необходимо добавить, что книга IV не является в полной мере ни энкомием, ни повествованием в манере «историй» античных авторов IV в., демонстрируя элементы того и другого жанра. Барнс признает, что композиция книги «неряшлива» (как и ряда других разделов

⁵ Здесь Евсевий пишет в манере двух жанров эллинистической документации – этической биографии и всеобщей истории; его образцом могло быть жизнеописание Александра, созданное Плутархом [Morley, p. 31–32, 74–77].

⁶ Ф. Хайм, проанализировав гл. 1–11 первой книги «Жизнеописания», пришел к выводу, что их цель – показать, как успех Константина (констатируемый в *VC*, I, 4–9 и резюмируемый в заключительных главах) зависел от благочестия императора [см.: Heim, p. 90–91].

трактата) [см.: Barnes, 1989, p. 95]. Но в то же время многие недостатки композиции, структуры *ИС* часто объясняются (в том числе и Барнсом) незавершенностью документа в связи со смертью автора [см.: Ibid., p. 104].

Тем не менее, первые одиннадцать глав книги I, а также гл. 71–75 книги IV, безусловно, принадлежащие перу Евсевия, связаны с трактатом именно как с целостным документом, и точно так же, как автор позволил себе остановиться на известной нам конечной версии «Церковной истории» (несмотря на ее отдельные нестыковки и поспешность коррекции), точно так же он, возможно, полагал приемлемой и конечную, известную нам, версию «Жизнеописания», так как обстоятельства последних месяцев 337 г. стимулировали быстрое обнародование им такого сочинения. Действительно, нет доказательств тому, что Евсевий работал над трактатом до самой своей смерти, и факт добавления другим автором названий к главам *ИС* с таким суждением совсем не связан.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что как «Церковная история» Евсевия не была похожа на классические «истории» того времени, так и «Жизнеописание» не было ни энкомием, ни биографией в жанре *ὁ βίος*, ни «историей», а сложным сочетанием трансформированных элементов такого рода сочинений. Следует учитывать, что Евсевий мог предвидеть появление разножанровых панегирических трактовок правления Константина, это ясно из текста его же известного труда *De laudibus Constantini* (далее – *LC*) [см.: Drake, 1975, p. 345–356]. Но если смотреть на *ИС* как на цельный документ, то трактат оказывается выпадающим из параметров тогдашних панегириков с их риторическими особенностями, конструируемыми в соответствии с принципами Менаандра Лаодикейского [см.: Russell, Wilson, p. 89–90], которые можно отследить в книге I, первой части книги II и которые частично повторяются в книге IV, высвобождая остальное поле второй части книги II и всей книги III для широкого повествования в духе исторического нарратива, насыщенного документалистикой. Мы должны учитывать, что в конце первой трети IV в. еще не существовало жанра и формы христианского энкомия, осознанного и усвоенного на интеллектуальном уровне. Однако еще к началу IV в. жизнеописания и жития, как языческие, так и христианские, окончательно утвердились в качестве идеологических мессиджей [см.: Hägg, Rousseau, p. 2–4], и Евсевий мог располагать, например, такими недавними образцами подобного рода документов, как жизнеописания Протагора и Плотина, созданные Порфирием, труды которого он постарался опровергнуть в других своих сочинениях. Книга VI его «Церковной истории» (*Historia*

ecclesiastica, далее – *HE*) содержит материалы, составляющие ряд тезисов жития Оригена, являвшегося в глазах Евсевия выдающейся личностью [см.: *HE*, VI, 1–36; Сох, р. 69–101; Cameron, Hall, р. 34–39]. Кесариец также знал жизнеописание Аполлония Тианского [см.: Cameron, 1997, р. 247–251; Cameron, 2000, р. 81–162] и житие Антония, как правило, считающееся одним из первых сочинений подобного жанра, написанных еще до смерти Евсевия [см.: Cameron, 2000, р. 73–74, 87; Rousseou, р. 89–109].

С учетом такого рода обстоятельств можно охарактеризовать *VC* как «политическое», а не классическое житие (пронизанное мотивами аскетизма, чудес и т. д.), как, например, жизнеописания Плотина или Пифагора, – однако же оно имеет достаточно признаков агиографического документа⁷, хотя бы потому, что рисует Константина как «богоподобного мужа» (θεῖος ἄνθρωπος) или же героя, отмеченного божественными знаками. Ибо как Моисею было даровано знамение неопалимой купины, так свое видение обретает и Константин. Агиография и энкомиастика обладали в начале IV в. уже достаточным набором общих формальных признаков, и если объект, рефлектируемый ими, был императором, то использование весьма определенного жанра императорского энкомия означало наличие еще более тесной связи между житийными и панегирическими составляющими, чем это было принято в повседневной литературно-политической практике. При всем при этом масштабное включение в текст *VC* разнообразных документов (методика, примененная автором ранее в «Церковной истории») являлось новацией, абсолютно противоречащей существующим агиографическим принципам⁸. Новация заключалась и в том, что эти документы должны были подтверждать избранничества Константина Господом и служить гарантией истинности свидетельств Евсевия, – истинности, о которой он писал в первых разделах трактата [*VC*, I, 10]. Раздумья Кесарийца о роли и миссии Константина, имевшие место после 325 г.

⁷ Барнс, сравнивая *VC* с житием Антония (употребив при этом термин «эксперимент в агиографии») [Barnes, 1989, р. 108, 110], допустил знание Евсевием «Жизнеописания Аполлония Тианского», даже отрицая принадлежность последнего к жанру житий и характеризуя его как «что-то среднее... между церковной историей и агиографией» [Ibid., р. 116].

⁸ Некорректной представляется попытка сравнить практику документационного обеспечения текста *VC* с включением в текст «Жития Антония» длинных речей, приписываемых этому святому [см.: Cameron, Hall, р. 31, п. 109], хотя бы потому, что, по мнению большинства специалистов, большинство приводимых Евсевием документов подлинные.

(т. е. после устранения Лициния и Никейского собора), а также его зрелые суждения об Императоре (!) достаточно полно были изложены в *LC*, сочинении, датированном довольно близко к той версии *VC*, которую мы имеем.

Жанровые мотивы, которые *VC* разделяет с βασιλικός λόγος⁹, следующие: синкрисис (при сравнении с другими правителями) [см.: *VC*, I, 7–9], генос (при характеристике рождения, семьи, воспитания) [см.: *Ibid.*, I, 12–13], юность и начало соучастия в делах [см.: *Ibid.*, I, 19–20], воинские подвиги (описанные, несмотря на первоначальный отказ автора от таких сюжетов) [см.: *Ibid.*, I, 25–40], деяния мирного времени [см.: *Ibid.*, I, 41–42], вновь деяния на войне [см.: *Ibid.*, 46 sq.]. Разделы *VC* II, 1–19 по сути продолжают повествование о воинских подвигах описанием кампании против Лициния и окончательной победы героя трактата. Сходство *VC* с императорским панегириком весьма велико, оно касается терминологии, мотивов и типов аргументации, о нем имеют место специальные рассуждения, например, в пассаже о видении Константина [см.: *Ibid.*, I, 28–29]. *VC* также демонстрирует внимание к визуальной презентации императора, к его внешности, а подобный тренд, как известно, проявляется и в латинских панегириках, и в изобразительном искусстве того времени¹⁰. В *VC*, II, 20 Евсевий пишет об указах Константина и его последующей политике в отношении христианства; данные пассажи, несмотря на свою длительность, вполне подпадают под категорию деяний в мирное время и включают в себя стандартный на этот счет материал (законодательная и строительная деятельность и т. п.). Книга IV отличается смещением энкомиастики с подробностями личных качеств героя, например – констатация филантропии, *liberalitas* Константина [см.: *Ibid.*, IV, 1–4] и тут же восхваление его внешней политики [см.: *Ibid.*, IV, 5–14.1]; далее – констатации *pietas* [см.: *Ibid.*, IV, 14–25] и *iustitia* императора [см.: *Ibid.*, IV, 29–39]; в *VC*, IV, 40 Евсевий описывает в основном события и эпизоды конца жизни своего героя. Барнс рассматривает разделы *VC*, II, 24–60, III, 5–22 как «заготовки для документированной истории», а разделы *VC*, I, 26–46 (описание войны с Максенцием) считает связным повествованием, прерывающим последовательно панегирический текст [см.: Barnes, 1989, p. 105–106; ср.: p. 106–107 и разделы *VC*, I, 48–II, 19].

⁹ См. об этом: [Russell, Wilson, p. 77–78; Nixon, Rodgers, p. 21–26; Mause, s. 34–36; Pasquali, 1910, s. 384–385; Tartaglia, p. 8].

¹⁰ О сравнении мотивов *Panegyrici Latini* с мотивами памятников изобразительного искусства см.: [Smith, p. 194–201].

Если задаться вопросом: каковы были источники знакомства Евсевия с риторическими деталями панегириков, то можно согласиться с Камерон и Хэллом в том, что он вряд ли знал компендиум *Panegyrici*, где были соблюдены общие правила βασιλικός λόγος; предписания же, изложенные в трактатах по риторике, являлись программным меню в тогдашней системе высшего образования [см.: Cameron, Hall, p. 32; ср.: Nixon, Rogers, p. 10–14]. Тем не менее, если первая половина книги I (в отличие от LC) действительно следует общим правилам риторики, заложенным Менандром Лаодикейским [см.: Wilson, 1981, p. VI], то в других местах трактата элементы панегирика, а также обычного или исторического повествования смешиваются в самых разных пропорциях, как это наблюдается в более поздних житиях святых. Неординарным приемом нарратива, использованным Евсевием, является упущение имен собственных (Диоклетиана, Максимиана, Максимины, Галерия, Ария, Афанасия – VC, I, 26). Отнюдь не приемами панегирика (в строгом смысле) можно считать использование связного рассказа в хронологическом, а не тематическом плане и уж тем более включение в текст пространственных документов. Как уже отмечалось специалистами, определенное сходство с манерой жизнеописаний Плутарха можно увидеть в приемах сравнения Константина с императорами-гонителями [см.: Ibid., III, 1]¹¹. Такого рода преемственность античного имперского жанра, по мнению Р. Морли, привела к определенному противопоставлению моралистического стиля жизнеописаний стилю энкомия, и это породило новый жанр, который, «вероятно, ничем не был обязан римским источникам» [Morley, p. 180]. Мнение Морли представляется весьма дискуссионным хотя бы потому, что сам Евсевий явно не сомневался в четкости природы жанра VC, в отличие от современных критиков этого документа.

Вопрос о потенциальной аудитории VC также весьма спорен. Поскольку автор обращался к возвышенному стилю своего нарратива, то, видимо, правы те специалисты, которые полагают, что трактат был адресован смешанной аудитории, особенно тем, кто имел хотя бы минимальное влияние при дворах верхушки власть имущих, включая самих сыновей Константина. Конфессиональная принадлежность этой аудитории, скорее всего, рассматривалась автором как вторичный мотив; трактат явно

---

¹¹ Тарталья обращает внимание на особое значение жанра биографии для христианских писателей и на то, в каком смысле жизнь Константина рассматривается Евсевием как модель христианской биографии [см.: Tartaglia, p. 9; ср.: Ruhbach, s. 201–203].

был адресован как христианам, так и язычникам. Известно, что аудитория Pan. Lat. V (VIII), произнесенного 31 марта 312 г., состояла, по словам самого панегириста, из Константина, его *amici*, высоких официалов, а также прибывших в Трир делегатов от городских общин Галлии. Такое известное сочинение Евсевия, как *De laudibus Constantini*, было доставлено в Константинополь на празднование триценналий Константина; известно, что при декламации присутствовали и языческие риторы [см.: Drake, 1975, p. 345–356]. Панегирики писались для исполнения, и Евсевий не являлся исключением в понимании состава своей потенциальной аудитории [см.: L'Huillier, p. 119, 287–303]. Язык и общая презентация трактата подчеркнута нейтральны; библейские аллюзии нечасты и, как правило, лишены ясности, а прооймий выполнен в высоком стиле и явно подражает классической риторике. Сравнение Константина с Моисеем таково, что могло быть понятно как язычникам, так и христианам, тем более что уже фигурировало в современной *VC* литературе; в нескольких пассажах трактата оно выполнено утонченно классическим греческим языком. Недаром в одном месте трактата автор жалуется на присутствие псевдохристиан при дворе Константина [см.: *VC*, IV, 54], а в другом пишет о регулярных публичных проповедях императора, отмечая, что аудитория часто приходила на них просто из любопытства и оставалась невозмутимой [см.: *Ibid.*, IV, 29]. Вполне вероятно, что среди членов двора были люди разных убеждений и конфессий, а также многие, кто предусмотрительно держал при себе клиентов-советников. То же самое, скорее всего, можно сказать о первых читателях трактата. Чтобы привлечь внимание всех этих разнообразных групп, *VC*, само по себе насквозь христианское сочинение, использовало язык и литературные стили, которые соответствовали, по крайней мере в общих чертах, классическим образцам. Однако подобные обстоятельства никоим образом не свидетельствуют о каких-то колебаниях или сомнениях в правящей верхушке империи относительно основных линий религиозной политики [см.: Drake, 1976, p. 33–35]. Основной чертой ее оставался голый прагматизм [см.: Grégoire, s. 175–233; Bleichen, s. 64–108; Bringmann, s. 21–47; Brandt, s. 53–67, 165–167]. Столь же изрядный заряд прагматизма мотивировал Евсевия при создании «Жизнеописания Константина».

Козлов А. С. Проблема аутентичности трактата *Vita Constantini* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Вып. 15. С. 120–133.

Козлов А. С. Эволюция и источники трактата *Vita Constantini* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 283–302.

Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. СПб. : Алетейя, 1998.

Barnes T. D. Panegyric, History and Hagiography in Eusebius' Life of Constantine // The Making of Orthodoxy: Essays in Honour of Henry Chadwick / ed. R. Williams. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. P. 94–123.

Barnes T. D. The Two Drafts of Eusebius' "Life of Constantine" // T. D. Barnes From Eusebius to Augustine. Selected Papers 1982–1993. Aldershot : Ashgate Publishing, 1994. Nr 12. P. 1–11.

Bleichen J. Constantin der Große und die Christen. Überlegungen zur konstantinischen Wende // Konstantin und das Christentum / hrsg. H. Schlang-Schöningen. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft (Neue Wege der Forschung), 2007. S. 64–108.

Brandt H. Konstantin der Große: Der erste christliche Kaiser. Eine Biographie. München : C. H. Beck Verlag, 2006.

Bringmann K. Die konstantinische Wende. Zum Verhältnis von politischer und religiöser Motivation // Historische Zeitschrift. 1995. Bd. 260, H. 1. S. 21–47.

Burgess R. W., Witakowski W. Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronography. I: The Chronici canones of Eusebius of Caesarea: structure, content, and chronology, ad 282–325; II: The Continuatio Antiochensis Eusebii: A Chronicle of Antioch and the Roman Near East during the Reigns of Constantine and Constantius II, AD 325–350. Stuttgart : Steiner, 1999.

Cameron Av. Eusebius's *Vita Constantini* and the Construction of Constantine // Portraits: The Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford : Clarendon Press, 1997. P. 245–274.

Cameron Av. Form and Meaning. The *Vita Constantini* and *Vita Antonii* // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage, 31) / ed. T. Hägg, P. Rousseau. Berkeley, Los Angeles : Univ. of California Press, 2000. P. 72–88.

Cameron Av., Hall S. G. Eusebius of Caesarea: Life of Constantine. Oxford : Clarendon Press, 2001.

Cox P. Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man. Berkeley : Univ. of California Press, 1983.

Drake H. A. What Eusebius Knew: The Genesis of the *Vita Constantini* // Classical Philology. 1988. Vol. 83, Nr 1. P. 20–38.

Drake H. A. When was the De laudibus Constantini Delivered ? // Historia. 1975. Nr 24. P. 345–356.

Drake H. A. In Praise of Constantine: A Historical Study and New Translation of Eusebius' Tricennial Orations. Berkeley : University of California Press, 1976 (Classical Studies, 15).

Dzielska M. Apollonius of Tyana in Legend and History (Problemi e ricerche di storia antica, X). Rome : L'Erma di Bretschneider, 1986.

Eusebius Werke, I. 1. Über das Leben des Kaisers Konstantin / ed. F. Winkelmann (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, 7.1). Berlin : Akademie-Verlag, 1975.

Farina R. L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. Zürich : Pas Verlag, 1966.

Grégoire H. Die „Bekehrung“ Konstantins des Großen // Konstantin der Große / hrsg. H. Kraft. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974. S. 175–233.

HE – Historia ecclesiastica: Eusebius von Caesarea. Kirchengeschichte // hrsg. E. Schwartz (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller. Bd. 9, т. 3). Leipzig : J. C. Hinrichs, 1909.

Hall S. G. Eusebian and Other Sources in the Vita Constantini, I // Logos: Festschrift für Luise Abramowski / ed. H. Brennecke et al. Berlin : de Gruyter, 1993. P. 239–263.

Hägg T., Rousseau Ph. Introduction: Biography and Panegyric // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 31) / ed. T. Hägg, Ph. Rousseau. Berkeley ; Los Angeles : Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 1–28.

Heikel I. A. Einleitung // Eusebius Werke, B. 1: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung. Tricennalsrede an Constantin / hrsg. I. A. Heikel (Die griechischen christlichen Schriftsteller. Bd. 7). Leipzig : Hinrichs, 1902. S. I–CVIII.

Heim F. La Théologie de la histoire de Constantin Théodose (Théologie historique, 89). Paris : Beau-chesne, 1992.

L'Huillier M.-C. L'Empire des mots: Orateurs gaulois et empereurs romains. 3e et 4e siècles. Paris : Les Belles Lettres, 1992.

Mause M. Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik (Palinogenesia, 50). Stuttgart : Franz Steiner, 1994.

Moreou J. Euseius von Caesarea // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart : Hiersemann, 1966. Bd. 6. Sp. 1052–1058.

Morley R. The Idea of Universal History from Hellenistic Philosophy to Early Christian Historiography. Lewiston ; N. Y. : Edwin Mellen Pr, 1996.

Nixon C. E. V., Rodgers B. S. Introduction // Praise of Later Roman Emperors. The *Panegyrici Latini*. Introduction, Translation and Commentary. Berkeley : University of California Press, 1994. P. 1–34.

Pan. Lat. – Panegyriques Latins / Texte établi et trad. par. ed. Galletier. P. : Les Belles Lettres, 1949–1955. Vol. I–III.

Pasquali G. Die Composition der *Vita Constantini* des Eusebius // Hermes. 1910. Bd. 46. S. 369–386.

Rousseau Ph. Antony as Teacher in the Greek Life // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 31) / ed. T. Hägg, Ph. Rousseau. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 89–109.

Ruhbach G. Apologetik und Geschichte: Untersuchungen zur Theologie Eusebs von Caesarea : Diss. Theol. Heidelberg, 1962.

Russell D. A., Wilson N. G. Introduction // *Menander Rhetor* / ed. D. A. Russell, N. G. Wilson. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford University Press, 1981.

Smith R. R. R. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century // *The J. of Roman Studies*, 1997. Vol. 87. P. 170–202.

Straub J. A. Vom Herrscherideal in der Spätantike. (Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte, XVIII.). Stuttgart : Kohlhammer, 1964.

Tartaglia L. La forma letteraria della Vita Constantini di Eusebio die Cesarea // *Forme letterarie nella produzione latina di IV–V secolo* / ed. F. E. Consolino. Rome : Herder, 2003. P. 7–17.

VC – Vita Constantini: Eusebius Werke, I. 1. Über das Leben des Kaisers Konstantin / ed. F. Winkelmann (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, 7.1). Berlin : Akademie-Verlag, 1975.

Wallace-Hadrill D. S. Eusebius of Caesarea. London : Mowbray, 1960.

Wilson A. Biographical Models: the Constantinian Period and Beyond // *Constantine: History, Historiography and Legend* / ed. S. N. C. Lieu, D. Montserrat. London : Routledge, 1998. P. 107–135.

Wilson N. G. Introduction // *Menander Rhetor* / ed. D. A. Russell, N. G. Wilson. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 1981.

УДК 94(363)

А. М. Харитонов

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ РАБОТЫ С ОБЪЕКТАМИ ЛЕГЕНДАРНОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются некоторые легенды о происхождении германских народов в разрезе средневековой и античной географии. Показано возможное использование этих преданий восточной средневековой космографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Асгард, асы, ваны, норманны, нарт, Скифия.

Современная научно-техническая революция кардинально меняет наши представления даже о нашем родном языке. Совсем недавно поймал себя на мысли, что воспринимаю выражение из классического детектива, где главный герой «распечатал почту», как распечатку файлов, присланных по электронной почте, с помощью принтера. Потребовалось

небольшое усилие, чтобы «перевести» это же выражение на обычный для себя язык («вскрыл письма, пересланные в его адрес обычной почтой»), чтобы все встало на свои места.

А как же тогда мы воспринимаем мифы, легенды, предания прежних поколений и содержащиеся в них упоминания имен, этнонимов и топонимов? На первый взгляд, работа с объектами мифологической географии не представляет особой сложности. Считается достаточным на выбранной территории (чем подробнее у вас карта, тем лучше) подобрать подходящие географические названия (иногда с привлечением методов лингвистики для пущей важности) и расшифровка географии мифа закончена.

Вот только почему тогда существуют самые разнообразные трактовки географии отдельных мифов и топонимов в них у разных авторов? Историки редко над этим задумываются. В результате – полное пренебрежение к географии в мифах и преданиях, как не имеющих под собой реальной исторической почвы. А ведь реальная античная и средневековая география опиралась на эти «легендарные и мифологические объекты» как на действительно существующие. Кроме того, у них была достаточно жесткая географическая привязка.

Более того, если получившийся результат историка более-менее устраивает, то автору получившейся географической трактовки мифа порой прощают довольно серьезные географические допуски и даже ошибки. А вот если результат историков не устраивает, то все происходит с точностью до наоборот. Любое суждение подвергается резкой критике и выворачивается наизнанку. Чаще всего для этого используются так называемые «сирены созвучия». Ведь одинаково звучащие слова часто встречаются в совершенно разных языках, что и дает повод для пренебрежения некоторыми полученными результатами.

30 лет назад автора данной работы заинтересовала популярная брошюра в серии «Знак вопроса» за № 9 «Где жили герои эддических мифов?» [см.: Щербаков], автор которой искал Асгард (город скандинавских богов) на месте древнего города Ниса.

«А почему бы не попытаться распространить имена и топонимы скандинавской мифологии на территорию Азии, ведь названия многих географических объектов сохранили наименования легендарных мест из мифов разных народов?» – подумали мы и даже составили соответствующие карты (рис. 1, 2), заинтересовавшие редакцию газеты «Дальневосточный ученый». Более подробные материалы на эту тему можно найти в этой газете за 20 сентября 2000 г.

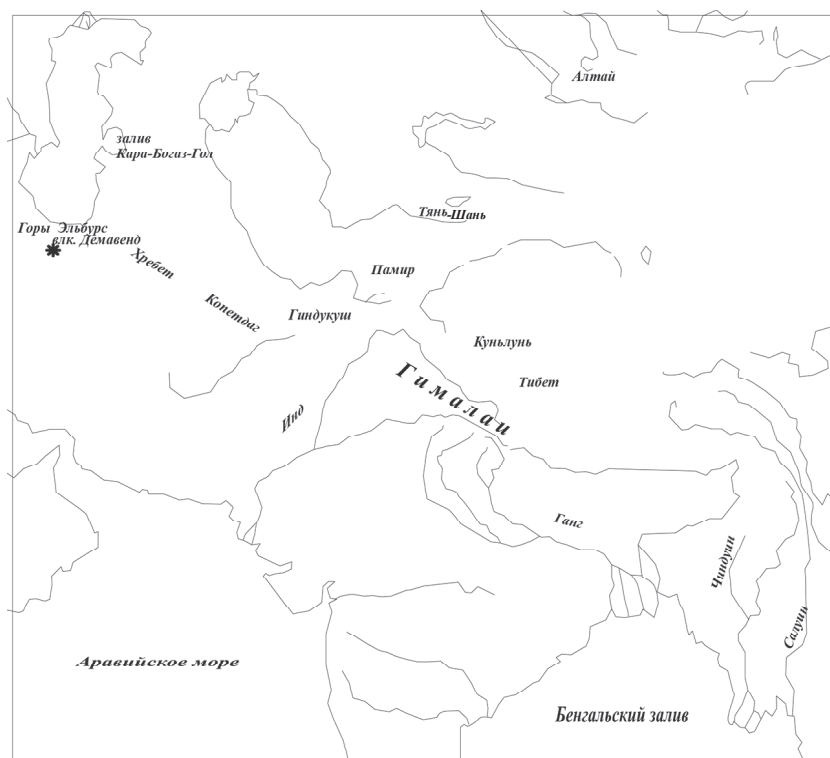

Рис. 1. Современная картосхема Центральной и Южной Азии

Обычно что-то подобное составляют порой начинающие исследователи, делая скоропалительные выводы. Но в данном случае работал все же профессиональный географ, который заметил, что получается несколько абсурдная картина: неграмотный скальд должен был знать географию лучше профессионального географа той эпохи. Как же так?

В конечном итоге пришлось отказаться от заманчивой идеи, тем более что сами скандинавы вели происхождение своих предков из Скифии и с Нижнего Дуная. Тем не менее, карты наводят на мысль, что, возможно, в древности существовала некая легендарная основа, вокруг которой строилась вся реальная география.

Впоследствии мы выяснили, что современному исследователю В. А. Курбатову [см.: Курбатов] удалось на массе примеров показать возможность перемещения топонимов вместе с их носителями на новые

Рис. 2. Возможная география Центральной Азии по данным скандинавской мифологии

территории методами ареально-векторного анализа. Почему бы некоторым географическим названиям не распространиться сходным образом и по территории Азии? Ведь арии в Индии были пришельцами, а германские языки не столь уж и далеки от индийских в плане лингвистических классификаций. Впрочем, все это интересно, скорее, в плане общегеографических исследований в исторической географии, а не само по себе.

А есть ли какие-то географические материалы, которые могли бы подтвердить местонахождение предков скандинавов на предлагаемых историческими и легендарными материалами землях? Похоже, такие сведения имеются, но мы их еще недостаточно хорошо понимаем.

В одной из современных монографий [см.: Ахунов, с. 52] мы наткнулись на некий народ ашбан, происхождение которого недостаточно ясно,

в описании арабской карты Кавказского региона (см. схему ниже). Здесь мифологические народы йаджудж и маджудж олицетворяют явно Дербентскую стену. При этом народ ашбан некоторые авторы пытались соотнести даже с Испанией.

Бурджан (булгар)
Сакалиба
Ашбан
Хазары
} = Йаджудж и Маджудж
Тюрки
Персы

Обратите внимание на семиуровневое, в арабо-мусульманской традиции, расположение рассматриваемых нами этносов [см.: Ахунов, с. 52].

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби в «Книге путешествия» [1979] сохранил для нас некоторые предания о происхождении черкесов в главе «Описание пшукко черкесов шегаке». Своими предками они считали потомков арабов-курейшитов. Один из них бежал от гнева халифа к императору Антиохии, затем к испанскому королю, который дал ему владение в горах Албании. Там он с потомками был ассимилирован албанцами, но некоторые, сохранившие язык, бежали от албанцев к генуэзскому королю в Галату, а уже оттуда переселились на восток по берегам Черного моря. По иному преданию, неких черкесов, живших между Багдадом и Мосулом, переселил к подножию Эльбруса хан Хулагу.

Географически легенды никак не прокомментированы издавшими сочинение историками. Маршрут из Багдада к испанскому королю и в Албанию действительно странен. Но, возможно, речь идет о менее протяженном маршруте в Кавказскую Албанию, откуда до современных мест обитания черкесов путь лежит через Аланское ущелье. Но откуда взялся испанский король?

Если исходить из наличия в преданиях Хулагу, то речь, скорее всего, может идти о другом правителе. Ведь современный Исфахан называли ранее Испагань. А уже оттуда из «Испании» до Албании совсем рядом даже по средневековым меркам. Получается, что если немного уточнить предания географически, то они приобретают весьма правдоподобный оттенок.

Обращает на себя внимание возможное наличие «Испании» и на картосхеме с народом ашбан. Но данный географический объект явно находился отнюдь не в современном Иране. Искать его требуется где-то

на просторах Северного Кавказа, где располагалась территория и Хазарии, примыкающая к стене города Дербента. А что, если это те самые боги асы-ваны из скандинавских преданий? Совсем недавно один из белорусских исследователей – С. Даниленко – высказал предположение о наличии города богов Асгарда как раз на Кавказе.

Сами «северные люди» (норманны) в переводе на русский язык вполне могли бы звучать как северяне, а жили разные группы этого народа как раз там, где указывают земли предков скандинавы – на границе Европы и Азии и на Нижнем Дунае. Более того, сопоставляются *Nord* (север) и русское *народ* с кавказским эпосом о *нартах*. А ведь скандинавский Локи давно уже отмечен филологами как аналог одного из героев именно нартского эпоса. Вряд ли все эти совпадения случайны.

Кстати, скифский народ германиев известен еще Геродоту и тогда встречался в Месопотамии. Это несколько противоречит современным теориям историков о происхождении германцев, если это действительно один и тот же народ. Ведь попасть на Ближний Восток эти германцы могли разве что с кельтами, которые далее Галатии в Малой Азии вроде бы не продвигались.

Но даже если принять точку зрения, что все эти сведения носят чисто легендарный и мифологический характер, то география востока показывает явное знание преданий своих западных соседей. Это согласуется и с нашими географическими построениями по локализации Древней Руси на географической карте средних веков [см.: Харитонов].

Ахунов А. М. Исламизация Волжско-Камского региона (VII–X вв.) : на материале арабских и старотатарских источников. Казань : Отечество, 2003.

Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М. : Изд-во Эксмо : Изд-во Алгоритм, 2005.

Харитонов А. М. Историческая география Древней Руси: античная география против современной истории // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 9–10 ноября 2018 г. Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, 2018. С. 65–67.

Щербаков В. И. Где жили герои эддических мифов? М. : Знание, 1989.

Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. : Наука, 1979.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А. И. ГЕРЦЕНА: В ПОИСКАХ ОРИГИНАЛЬНОСТИ

В статье проводится анализ эволюции общественно-политических взглядов А. И. Герцена с помощью методологии постмарксизма, а именно: дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф. Показывается, что на протяжении жизни Герцена несколько дискурсов боролись в его сочинениях, соединившись, в конце концов, в рамках дискурса русского социализма. Переосмысливается само наследие Герцена как мыслителя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постмарксизм, Герцен, дискурс-анализ, русский социализм.

Дитя своей эпохи – дитя дискурса? Вернее, дискурсов, которые менялись в ходе их борьбы друг с другом. «Для марксиста Герцен – человек своего времени, <...> дитя своей эпохи», по словам Луначарского [Воейков, с. 35]. Для постмарксиста, думается (несмотря на всю неоднозначность данного определения) [см.: Барковский, с. 64–72], также, но несколько под другим углом. Под каким же? Это нам и предстоит выяснить. Таким образом, главной целью нашей статьи является попытка рассмотрения эволюции общественно-политических взглядов Герцена с точки зрения методологии постмарксизма, а именно с позиций концепции дискурс-анализа, предложенной Э. Лакло и Ш. Муфф [см.: Гурин, 185–192].

Дискурс – способ понимания социального мира, придающий этому миру определенные значения. На протяжении всей жизни Герцена такие «способы понимания» менялись. Превращая биографию человека в схему, можно выделить несколько этапов таких изменений:

- 1) генезис и становление;
- 2) взгляды периода 1848–1849 гг.;
- 3) воззрения в рамках «русского социализма» 1849–1856 гг.

По этим трем выделенным периодам мы и будем рассматривать эволюцию взглядов нашего героя. Но возникает проблема: почему именно такое разделение? Что такое эволюция взглядов? Эволюция взглядов в русле используемой нами концепции дискурс-анализа – это вытеснение одного дискурса другим в рамках «борьбы дискурсов». Таким образом, периоды эволюции Герцена выделяются по изменению дискурса его сочинений, высказываний [см.: Русакова, с. 190–205].

Кроме того, существует еще один момент: множественность значений какого-либо понятия, которое использует Герцен. Зачастую его толкование понятия расходится с уже общепринятым или же с другим мнением, и он вынужден заменять одно понятие на другое, то, которое он считает ближе по смыслу к тому пониманию, которое он хочет выразить. Таковую эволюцию мы увидим, к примеру, понятие «анархизм», которое Герцен будет понимать по-особому, насыщенно, более интересное.

Примечателен еще один момент. Как позиционирует, идентифицирует себя Герцен в рамках дискурса? Революционер, мыслитель, дворянин – все это будет на страницах его сочинений. В этом также стоит разобраться. Какие идентичности для него являются приоритетными?

Итак, мы задаемся несколькими вопросами:

- 1) какие дискурсы были «гегемонами» в его сочинениях на протяжении всей жизни и из-за чего происходила их смена;
- 2) какие понятия использует Герцен для разъяснения своих мыслей, как эти понятия видоизменяются;
- 3) как выстраивает Герцен свою политическую идентичность (политический дискурс – дискурс изменения социального)?

I

Первое – генезис взглядов. Важная работа для данного периода – «Двадцать восьмое января» [см.: Герцен, т. 1, с. 29–35], где Герцен предстает перед нами во многом неоригинальным автором. Здесь главным является анализ преобразований Петра I, которым автор дает свою оценку. Петр выступает воплощением революции. Революции в смысле романтического: движение к качественному преобразованию. Но преобразования эти велись в рамках «особой формы деспотизма», без демократической оппозиции, которая и не могла существовать, ведь «иго татар» привело к тому, что в России не смогли получить развития эти демократические начала. Оппозицию же представлял собой Петр, но оппозицию народу. Царь представлял Европу, а народ, как следует из рассуждений, видимо, некоторую «особость» из азиатских, византийских и славянских черт. Так, Петр обратил взор России на «цивилизованный Запад» для того, чтобы перенять у него необходимые элементы развития. Однако далее Герцен замечает, что от петровских преобразований осталось мало что, ибо России еще предстояло достигнуть уровня (или масштаба) петровского гения. «Пусть разовьется у нас народность, пусть русские, быстро

слившиеся с Европою, или, лучше, вдохнув ее в себя, оставят одни элементы, им свойственные, и переработают их в свое собственное» [Герцен, т. 1, с. 29–35].

Таковы мысли Герцена о политико-правовом развитии России. Так, ключевым понятием является здесь понятие «революция», понимаемое как качественный скачок, изменивший направление исторического развития. Страна движется европейским путем и, соответственно, должна, принимая европейские политические и правовые аспекты, переосмысливая их в своем ключе, двигаться вперед. Однако, как мы уже заметили, Герцен не оригинален в своих рассуждениях. Они вписываются в западный дискурс, да и сам Герцен явно свою идентичность видит внутри этого поля. Россия есть Европа через переосмысление. Таков, в частности, университетский период формирования взглядов Герцена.

Интересны мысли Герцена в первые годы его ссылки. Стоит сказать, что они не сразу видоизменяются или даже обретают какой-то налет революционности. Скорее, напротив, эти мысли довольно сдержанны. Важно рассмотреть по крайней мере две его работы этого времени: «Несколько слов о лекции г-на Морошкина» [Там же, с. 319–320] и «Отдельные замечания о русском законодательстве» [Там же, с. 320–323].

В первой заметке, написанной в 1833–1834 гг., Герцен также не оригинален. Достаточно привести цитату: «Россия – еще юноша, и народы – взрослые – должны воспитывать ее» [Там же, с. 319]. Во втором сочинении все интересно для будущего революционера. К примеру: «Правительство есть формула движения, выражение идеи общества, форма его историческая, факт непреложный» [Там же, с. 319–320]. Правительство Герцен предпочитает народу. Доказывает он это тем, что правительство стояло выше в развитии самого народа, по крайней мере, по двум элементам: именно оно вводит коллегиальное начало и дворянские выборы. До этого Россия, что называется «снизу», дойти, по Герцену, не могла. Далее уж совсем интересно про институт монархии: «воля царя самодержавная есть воля самого народа, его решение имеет святость», т. е. не подлежит сомнению и обжалованию. Тормозом же развития России, считает Герцен, выступают несколько причин. Первая – народ не понимает законов, свои права. Вторая – некоторые государственные учреждения основаны на противоположных началах и, следовательно, препятствуют друг другу в развитии. Третья – законы существуют для дворян и, скорее, написаны для них, чем для остальных социальных групп.

Как видим, если последние две причины основаны на том, что мы можем назвать предложением умеренных реформ, замечаний по суще-

ствующему порядку вещей, то первая – тот же просвещенческий дискурс: народ нужно просветить, чтобы он знал свои законы, тогда будет устранена первая причина, мешающая развитию страны. Интересно, что далее «юридическую жизнь человечества» должны повести США и Россия: «Россия как высшее развитие самодержавия на народных основаниях, и Америка – как высшее развитие демократии на монархических основаниях» [Герцен, т. 1, с. 323].

Такой проникновенный монархизм, выражаемый в ссылке, напоминает разве что Достоевского с его произведениями послессылочного периода. Если первое произведение – явное западничество, то второе вписывается в официальный дискурс, вполне дозволенный властью. Здесь политическая идентичность Герцена предстает перед нами в обличье умеренного мыслителя, выражающего некоторые соображения по поводу улучшения законодательства.

Мы не разделяем эти периоды в жизни Герцена. Для нас это единый период, зачастую, неоригинальных мыслей в рамках умеренного дискурса, где политическая идентичность автора, не сформированная в полной мере, предстает как не слишком выходящая за рамки дозволенного.

В 40-е гг. XIX в. Герцен обращается к Гегелю и его концепции развития духа, пишет несколько работ о Востоке и о греко-римском мире [см.: Герцен, т. 2, с. 151–176]. Но он скорее следует за Гегелем, не внося чего-то нового в свое мироощущение. Открывая дневник Герцена за 1842–1845 гг., мы видим, как изменяются его мысли, если сравнивать их с теми, что мы рассмотрели ранее. Здесь Герцен называет самодержавие «болезнью», говоря, что в России оно стало самоцелью, «словом эпохи» [Герцен. Дневник 1842–1845 гг., т. 2, с. 280–281]. Переводя свой взор снова на Западную Европу, Герцен пишет, что этой «болезнью» здесь переболели быстро. Он задается вопросом о форме правления, не видя будущего для России ни в самодержавии, ни в республике. Если первое – «болезнь», то второе – не свойственно стране из-за того, что демократическое начало не могло выработаться здесь, а вследствие этого произросло крепостное право, которое является признаком «несединения» государства и народа. Народ никак не участвовал в эволюции государства.

Так, мы видим эволюцию Герцена здесь, но видим ее все же в рамках одного периода. Все эти изменения в рамках одного западнического дискурса, где самодержавие в России – «болезнь», потому что стало самоцелью, а в Европе – закончилось; ранее такого противоречия Герцен не видел, также находя «самодержавные» государства и в Европе.

Однако тезис о первичности правительства, а не народа уходит в прошлое. Появляется разьединенность народа и государства, где одним из главных проявлений является «болезнь» самодержавия, а ее следствием становится крепостное право. Идеалом же для Западной Европы является республика со всеобщим избирательным правом, во главе с народом. О России Герцен так не говорит. Что есть идеальная форма правления для нее, так и остается неясным. Что-то между республикой и монархией? Конституционная форма последней? Эволюция, так или иначе, хоть и в рамках одного дискурса, видна, что открывает простор для новых мыслей Герцена, которые сбросят эту гегемонию западнического дискурса, открыв дорогу для качественно новой ступени в мыслях Герцена, для оригинальных идей, с которыми он и войдет в историю.

II

Период эмиграции Герцена – период дискурсивной трансформации. 1848-й год перевернул как его воззрения, мысли, так и полностью всю жизнь. «Я не умер, но я состарился, я оправляюсь после июньских дней, как тяжелой болезни» [Герцен, т. 6, с. 42]. Он, как сам же и выразился, начал «страшный суд разума» над всем, что раньше было ему дорого. Так поэтично Герцен описывает падение гегемонии одного дискурса и восхождение другого.

Революция 1848 г. разочаровывает Герцена приходом к власти буржуазии, а не народа. Но кого ему винить в этом? Выборы были на основе всеобщего избирательного права. Но такое устройство – не хуже ли оно самодержавия? Не подмена ли это одной «болезни» на другую? Вот о чем думает Герцен. Самодержавного короля сменила самодержавная ассамблея, в руки которой народ отдавал свою свободу, как ранее отдавал ее в руки монарха. В чем же заключается завоевание революции, если народ все равно остается без свободы? Дискурс свободы народа выходит у Герцена здесь на первый план. Республика для Европы – такое же самодержавие, как для России – конституционная монархия: это такой же самообман. Республика – не власть народа, а передача своей свободы в руки нескольких самодержцев.

Однако следует понимать, что представительная республика – необходимый переходный этап (для Герцена) от монархии к социальной республике, хоть сама монархия лучше этого переходного этапа. М. Малиа совершенно, как думается, верно называет разочарование Герцена разо-

чарованием в «формальной демократии», где старая аристократия не просто осталась, но еще и упрочила свои позиции [Малиа].

Но просвещенческий контекст никуда не исчезает, вторгаясь в рамки дискурса о свободе. «Свобода ничего не значит, пока не проникла в убеждение, пока не сделалась верой, мыслию, мнением», – пишет Герцен в «Письмах из Франции и Италии» [Герцен, т. 5, с. 158]. Так, свободу в человеке нужно воспитывать и культивировать.

Далее Герцен начинает сравнительный анализ идеала республики и идеала монархии. Для этого он вычленяет несколько критериев. Первый – режим правления. Для монархии – это отец, пекущийся о своих детях; для республики – это артель братьев. Следующее – наличие или отсутствие священного авторитета. «Уничтожение авторитета – начало республики» [Там же, с. 180], ведь люди объединяются не на основе религиозного, харизматического чувства, а на основе разума. Разум – следующий критерий. Для монархии характерно управление людьми, в республике же каждый человек способен управлять сам собой. А следовательно, монархия негуманна, ведь видит в народе стадо, в республике же каждый человек – брат другому человеку, все люди способны на общечитие. Правительства в республике также не может быть, оно не видно, как и в природе. Поэтому представительная республика – обман и лицемерие, замена монархии на самодержавие нескольких. Кроме того, республика – несомненная федеративность, тогда как монархия не может существовать без сильной централизации. В монархии – недоверие к людям, в республике же люди доверяют друг другу.

Но интересно в мыслях Герцена, помимо этого, и то, что не монархия и политическая республика довели людей до «растления всякого нравственного чувства» [Там же, с. 184]. Нет, это люди довели эти режимы до такого состояния. Следовательно, и социальная республика также может быть уничтожена нравственно, если не будет основана на началах тех критериев, которые были описаны выше.

В связи с гегемонизацией нового дискурса интересна работа «С того берега» [Герцен, т. 6, с. 7–133]. В ней формируется система взглядов, которую некоторые исследователи называют «политическим реализмом» [Келли]. Речь идет о такой системе, в которой наличествует пласт анархических воззрений. Но анархизм этот весьма своеобразный, вплоть до того, что ему приходится давать иной термин. Понятие анархии для него синонимично понятию социальной республики, которое он будет употреблять вместо первого, в следующих своих трудах. Употребляя понятие

«анархия», Герцен поясняет: «*анархия* не значит беспорядок, а безвластие, self-government, – дерзкая повелевающая рука правительства заменяется ясным сознанием необходимых уступок, законы вытекают из живых условий современности, народности, обстоятельств, они не вечны, но беспрерывно изменяемы, отвергаемы» [Герцен, т. 5, с. 347]. Идеал Герцена – анархичная федерация общин-городов. Однако социальная республика не отвергает государства, она не может существовать вне данного конструкта, хотя и допускает, что впоследствии в нем может отпасть необходимость.

Интересно и понимание Герценом понятия «демократия». Ее судьба – сжечь все отжившие формы и исчезнуть, став инструментом для того, чтобы открыть дверь в новый мир – мир социальной республики. Таким образом, демократия – не цель, а средство для вхождения в мир, где нет демократии. «Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саваны прошедшему и пеленки новорожденному» [Там же, т. 6, с. 78].

Либерализм, по Герцену, – «ни то, ни се» [Там же, т. 5, с. 54]. Либералы настолько «вшиты» в старый мир, что им жаль его менять, они и не смогут изменить его, потому что для этого им нужно изменить самих себя, перестать быть либералами. Революция 1848 г. как раз не удалась из-за либерализма, который по сути есть консерватизм масс. Они привыкли к понятному укладу жизни, не захотев его менять. Но Герцен не винит массы, не винит он в этом и большинство. Виноваты все, но и в этих «всех» винить некого. Кто виноват? Вот классический вопрос, поставленный им в своем романе.

Но что же такое для Герцена «революция»? Это символ нового мировоззрения после разрушения старых форм. К ней ведет весь процесс исторического развития. Таким образом, весь данный процесс есть процесс-прогресс, который в наивысшей точке являет «социальную республику», которая также может эволюционировать в будущем. Но и понятие регресса знакомо Герцену, ибо, как мы уже говорили, из-за людей любая форма государства может вырождаться, быть «растлена нравственно». Таким образом, понятие революции у Герцена носит также неоднозначный, многослойный характер.

Так, видим, что после Революции 1848 г. в мировоззрении Герцена западнический дискурс сменяется новым дискурсом – социалистическим, который занимает главное место. Его политическая идентичность обре-

тает форму мыслителя-социалиста с крайне специфичным отношением к таким понятиям, как «анархизм», «анархия», «демократия», «либерализм», «революция».

III

Следующий виток развития социалистического дискурса у Герцена – теория «русского социализма». Эта теория у Герцена изложена в ряде работ [см.: Павлов, с. 105]. Название бросается в глаза сразу, так как несет в себе два момента: националистический («русский») и социалистический. Данная теория основывается в своем воплощении и отражении на двух аспектах:

- 1) утверждении, что в России существуют все предпосылки и условия, чтобы в скором времени форсированно перейти к социализму;
- 2) пропаганде такой возможности в кругах европейских мыслителей и в рамках европейской литературы.

Уже отмеченная разочарованность Герцена в скором приходе европейского социализма после Революции 1848 г. заставила его обратить свой взор на Россию. В своих рассуждениях, как мы видели выше, он остановился на невозможности в России ни монархии, ни республики. И вот он конструирует третий путь развития, в котором нельзя было обойтись без того, что он вынес еще из своего западнического периода, – славянофильскую идею общины. Возрождается и идея разделения народа и правительства. Так, недемократическую, ненациональную структуру представляет собой государство, тогда как народ – другое, противоположное. Идея разделения Герценом вновь берется, но трансформируется, преобразается. Так он избавляется от недемократичных аспектов национальной истории. Российское государство изжило себя. Почему? Герцен отвечает: потому что оно не считается с русским народом, народ вне государства. Так, дискурс просвещенческий трансформируется в дискурс гуманности. Народ же гуманен, так как сохранил общину, которая априори гуманна, т. е. представляет сама по себе ту самую «артель братьев» [см.: Герцен, т. 6, с. 187–223], которую Герцен описывал, говоря о «социальной республике».

Глава исполнительной власти здесь – староста и его помощники, избираемые общиной. Каждый общинник имеет равный голос в политических делах. Если староста злоупотребляет своей должностью, община легко может принудить его отказаться от исполняемой должности.

Рычагов принятия решений несколько:

- 1) действующие обычаи;
- 2) мнение совета старшин;
- 3) мирской сход.

Все это – источники законодательной инициативы. Эти же институты решают судебные дела, ибо среди общинников царит всеобщее доверие, основанное на разуме. «Судебного сословия же нет совсем» [Герцен, т. 12, с. 185].

Однако Герцен не рисует совсем уж идеализированный образ общины. Он замечает ее главный недостаток – «поглощение лица». Понимание этого происходит потому, что дискурс свободы из герценовской мысли никуда не пропадает. В общине каждое «лицо» должно быть свободно, образовано, индивидуально. Община, таким образом, превращается в свободный союз индивидуумов.

Но как община сможет стать этим свободным союзом индивидуумов? Герцен отвечает на данный вопрос так: с помощью так называемого образованного меньшинства, незначительной части дворянства. Именно они – «зародыш и умственный центр революции» [Там же, т. 6, с. 187–223]. Герцен фактически призывает часть дворянства, разночинцев, идти просвещать народ, без чего народ в общине не сможет выйти на уровень социалистической общины. Так, Россия может прийти к социализму быстрее Европы.

Как видим, на данном этапе жизни абстрактный социалистический дискурс Герцена переносится на российскую почву, образуя национальный вариант социализма – «русский социализм». Если понятие социализма, «социальной республики» и анархизма Герцен рассматривал ранее, в период 1848–1849 гг., то здесь он соединяет эти понятия с понятием сугубо национальным – «русский», преобразуя их. Свою политическую идентичность Герцен воплощает уже в качестве адвоката и апологета этого «русского социализма»: именно Россия, а не Европа стоит на пороге социализма. А непросвещенный народ и жандарм во главе государства – это только поверхностный взгляд из Европы, не проникающий в самую действительность русского существования.

* * *

На нескольких страницах мы попытались проследить эволюцию общественно-политических взглядов Герцена, причем попытались это сделать с помощью методологии постмарксизма. В недавнем прошлом

Герцена помнили, но, как думается, не знали. Сейчас, как кажется, не помнят, да и хотят ли знать?

Может быть, рис. 1 отражает эволюцию герценовских взглядов? Хотя он, как и всякая схема, условен.

Рис. 1. Эволюция взглядов Герцена

Но, как кажется, более удачна схема, изображенная на рис. 2, где каждый треугольник соприкасается друг с другом, постоянно своими острыми окончаниями сталкиваясь друг с другом, образуя единую систему в рамках общего, если так можно выразиться, герценовского дискурса, который изменяется внутри самого себя как структура из-за видоизменяющихся множественных артикуляций.

Рис. 2. Структура взглядов Герцена

Данные рисунки являются попыткой систематизировать выводы работы, вернее, несколько их схематизировать.

Барковский П. О становлении понятия «постмарксизм» и его локализации в постсоветской философской традиции // *Topos*. 2010. № 24. С. 64–72.

Воейков М. И. А. И. Герцен и теория опережающего развития // *Terra Económica*. 2015. № 13. С. 34–54.

Герцен А. И. Двадцать восьмое января // Герцен А. И. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. С. 29–35.

Герцен А. И. Дневник 1842–1845 гг. // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 199–413.

Герцен А. И. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 151–176.

Герцен А. И. Несколько слов о лекции г-на Морошкина // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 319–320.

Герцен А. И. Опять в Париже // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 5. С. 303–384.

Герцен А. И. Отдельные замечания о русском законодательстве // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 320–323.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7–228.

Герцен А. И. Россия // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 6. С. 187–223.

Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7–133.

Герцен А. И. Старый мир и Россия // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 12. С. 167–200.

Гурин К. Е. Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 185–192.

Келли А. Республика под судом: Герцен и 1848 год // НЛО. 2002. № 53 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/kelly.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Малия М. Революция 1848 года // НЛО. 2001. № 49 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/malia.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Павлов А. В. Учение о государстве и праве А. И. Герцена : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 190–205.

Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. СПб. : Изд-во «Азбука-Аттикус», 2011.

УДК 94(470.54-25).084:314

Д. С. Бахарев

НАСЕЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1860 г. ПО ДАННЫМ Х. И. МОЗЕЛЯ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ ГЕНШТАБА

Статья посвящена критическому анализу данных о населении Екатеринбурга, опубликованных в «Материалах для географии и статистики России» Генштаба России, собранных в конце 1850-х – начале 1860-х гг. под руководством Х. И. Мозеля. По итогам работы можно сделать вывод об относительной достоверности информации касательно общей численности населения и наличии большого количества погрешностей в сведениях о сословно-религиозном составе населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая демография, источниковедение, демографический источник, Екатеринбург XIX в.

Одной из важнейших черт современной исторической науки является ее цифровизация, вызванная как идейными соображениями – высокими требованиями к достоверности исследования, так и инструментальными возможностями – компьютерными технологиями. Опора на статистику, построение с ее помощью непрерывных динамических рядов эффективно иллюстрирует и придает убедительность нарративным

историческим теориям. В ряду показателей, чья важность для реконструкции прошлого неоспорима, стоит динамика численности населения – отдельного города, региона или страны. Эта характеристика является важнейшей для составления «демографического портрета» территории; без нее нельзя представить настоящий масштаб происходящих событий и степень их значимости. Особенно интересен данный показатель для изучения эпох, когда происходят значительные демографические сдвиги.

Именно такая ситуация характерна для России XIX в., особенно ее второй половины. Великие реформы Александра II интенсифицировали модернизационный процесс в империи, ускорив передвижение масс населения и запустив демографическую революцию. Самые серьезные демографические изменения произошли в среде городского населения вследствие урбанизации, которая затронула, в первую очередь, торгово-промышленные центры России. К числу последних принадлежал и объект нашего исследования – Екатеринбург, имевший статус уездного города Пермской губернии. Однако чтобы учесть масштаб произошедших изменений, необходимо знать численность населения, предшествовавшую Великим реформам. Самой подходящей контрольной точкой, запечатлевшей демографический облик Екатеринбурга, Пермской и многих других губерний накануне эпохи перемен, является масштабное статистическое исследование Генерального штаба Российской империи, проведенное в конце 1850-х – начале 1860-х гг.

Русская военная статистика по своей сути была самостоятельной и весьма заметной ветвью статистической организации в России XIX в. Главными органами, ведавшими этим направлением в военном ведомстве, были Военно-учетный комитет Главного штаба и Николаевская академия Генерального штаба [см.: Rich, p. 623]. Их силами в течение первой половины XIX в. было выпущено три издания «Военно-статистических обозрений Российской империи». «Обозрения» включали общую статистическую и географическую информацию о территориях и предназначались для внутреннего использования в военном министерстве. Однако качество информации в этих источниках оставляло желать лучшего: при сборе сведений офицеры Военно-учетного комитета не руководствовались никакой единой научной методологией, что делало собранные данные ненадежными, непроверяемыми и в итоге бесполезными [см.: Ibid., p. 627]. Предпосылки для изменения ситуации постепенно складывались в стенах Николаевской академии Генерального штаба. Последняя являлась элитным военным учебным заведением, в котором

проходило переподготовку небольшое число уже действующих офицеров императорской армии; здесь преподавались иностранные языки (в том числе арабский, турецкий, фарси и татарский), политическая и военная история, стратегия и тактика, фортификация, география, военная статистика, управление и математика. В целом академия была проникнута характерным для этого времени духом сциентизма, позитивизма и романтизма [см.: Rich, p. 625–626].

Именно сюда в 1840-е гг. на должность инструктора военной статистики и географии пришел будущий военный министр и реформатор русской армии, капитан Дмитрий Алексеевич Милютин. Он фактически создал российскую военно-статистическую науку, разработал авторский курс и внедрил его в программу обучения академии [см.: Ibid, p. 627–629]. Распространению новой методологии на ведомственную практику, однако, мешали недоверие и фактическая опала, в которой находилась академия Генштаба в поздние годы правления Николая I. Но навыки, полученные курсантами на занятиях Милютина, не пропали даром – выпускники академии этих лет принимали самое активное участие в экспедициях Императорского Русского географического общества, составляя целое «сословие» «генштабистов» внутри ИРГО.

Событием, послужившим причиной перелома сложившейся ситуации, стала Крымская война. В условиях противостояния с сильным, зачастую превосходящим противником потребность Генштаба в качественных статистических сведениях необычайно обострилась, а имевшиеся в его распоряжении данные были малонадежны и неудовлетворительны. После поражения в войне и воцарения нового монарха одной из его первоочередных задач стала военная реформа, частью которой было преобразование военно-статистической службы. Уже в 1857 г. был модернизирован курс статистики в академии Генштаба, академические методологические разработки внедрены в практику Военно-учетного комитета, а сам комитет взял за правило открыто публиковать результаты своих исследований. В этом же году началось новое, четвертое по счету обследование губерний Российской империи офицерами Генштаба, но уже на новых основаниях [см.: Ibid, p. 631–632]. В число избранных для изучения территорий вошла и Пермская губерния, куда отправилась экспедиция под руководством подполковника Христиана Ивановича Мозеля.

Помимо начальника, мы можем также предположить еще одного члена экспедиции – капитана Адольфа Ивановича Мозеля, брата Христиана Ивановича. Оба брата стали офицерами в один день – 7 августа 1851 г.

(по старому стилю), оба были офицерами Генштаба [Список подполковникам..., с. 519; Список генералам..., с. 912]. Адольф Мозель также был выпускником Николаевской Императорской военной академии 1855 г. [Императорская Николаевская военная академия].

В задачи экспедиции входило масштабное описание как природных, естественных условий Пермской губернии, так и местного культурного, экономического и политического быта. Первая краткая публикация результатов работы экспедиции была сделана в 1860 г. именно Адольфом Ивановичем на страницах «Пермских губернских ведомостей» в номерах с 1 по 12, а также в 44 и 45 под заголовком «Статистическое Описание Пермской губернии» [см.: Мозель, 1860, с. 3–8]. Этот труд моментально завоевал авторитет среди местных краеведов, став классическим источником в их среде. Следующей публикацией Адольфа Мозеля стала заметка в «Памятной книжке Пермской губернии» за 1863 год под названием «Географическое положение Пермской губернии. Границы, пространство и разделение ее в административном и хозяйственном отношении» [см.: Мозель, 1863, с. 3–12]. Анализируя содержание обеих работ, нетрудно заметить их очевидный «нарративный» географический крен. Дело в том, что в качестве «контрольной точки» экономических и демографических статданных экспедицией был выбран 1860 г. и местные власти попросту не успевали вовремя предоставить актуальную статистику (напомним, что работа экспедиции началась, по всей видимости, в 1857–1858 гг.). По признанию Христиана Ивановича, последние необходимые для издания сведения ему прислали лишь в 1863 г. [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. XVI]. Таким образом, финальное издание результатов обследования офицерами Генерального штаба Пермской губернии вышло в начале 1864 г. в двух томах, общей сложностью более 1 200 стр.

Значительную часть опубликованных сведений составляло подробное демографическое описание населения Пермской губернии, в том числе Екатеринбургa. При анализе достоверности этих данных в первую очередь возникает вопрос об их происхождении. В ходе работы экспедиции Мозеля были изучены десятки источников; для их описания Х. И. Мозель составил классификацию, в рамках которой выделялись официальные/частные и печатные/рукописные [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. II–XV]. Однако информация о численности и составе населения отдельного уездного города за 1860 г. не слишком актуальна, чтобы печататься во всероссийских изданиях (например, в «Отчетных таблицах статистического комитета»), а местные статистические органы еще не взяли за привычку публиковать сведения подобного рода.

Единственный источник из списка, приведенного Х. И. Мозелем, который мог содержать свежую и однородную губернскую статистику – это данные губернского статистического комитета (ГСК), предоставляемые властями офицерам Генштаба по прямому запросу (у Мозеля – «Сведения, доставленные от разных должностных лиц и правительственных учреждений, по требованиям составителя общего статистического описания губернии»). Губернские статистические комитеты этого времени, в свою очередь, подсчитывали население следующим образом: брали численность жителей за известный год и прибавляли к ней показатели естественного прироста. Долгое время такой подход к расчетам влиял на серьезную погрешность конечных результатов, так как «известным годом» обычно выступали данные ревизского учета, который к началу XIX в. превратился в анахронизм, а источником цифр естественного прироста – церковные сведения, чье качество в первой половине XIX в. было чрезвычайно низким.

Однако в середине века картина серьезно изменилась. После многократных попыток Министерство внутренних дел выработало собственную методику сбора данных, создав таким образом новый вид учета в Российской империи – административно-полицейский. Первым удачным обследованием населения Российской империи такого рода был учет населения 1858 г. По своему качеству результаты учета были признаны превосходящими данные X ревизии 1857 г. [см.: Кабузан, с. 97–100]. Что касается данных об естественном приросте, то к середине века качество церковного учета этого показателя становится удовлетворительным [см.: Там же, с. 99]. Административно-полицейский аппарат также начинает фиксировать и механические перемещения жителей страны. Таким образом, вопрос о том, какие сведения о численности екатеринбургских горожан были взяты Мозелем в качестве «исходных», остается открытым: это могло быть как обследование МВД 1858 г., так и X ревизия 1857 г. Оба показателя имели широкое хождение, более того, не существовало никаких инструкций о предпочтении какого-либо из них.

Чтобы разрешить эту проблему, мы можем опереться на приведенные в издании сведения о населении Пермской губернии. Чрезвычайно удачным является то, что Х. И. Мозель помимо статистики за 1860 г. привел также данные за предшествующие годы, в том числе 1858 г., что позволяет провести прямое сравнение всех трех показателей (табл. 1).

Очевидно, что данные Мозеля гораздо ближе к результату административно-полицейского учета, чем к ревизскому. Чтобы объяснить 10-тысячную разницу между ними, можно предположить, что «генштабисты»

Т а б л и ц а 1

**Численность мужского населения
Пермской губернии за 1858 г.***

Источник	Х ревизия (с регулярной армией)	МВД	Х. И. Мозель
Численность	916 964	975 499	985 520

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 1, с. 300; Кабузан, с. 104].

прибавили к данным МВД данные о приросте населения за 1858 г. Если мы проделаем эту операцию, используя информацию о естественном и механическом приросте населения, приведенную Мозелем, то получим следующий результат (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Численность и движение мужского населения
Пермской губернии за 1858 г.***

Показатели	Количество, чел.
Численность по данным МВД	975 499
Естественный прирост	7 895
Прирост за счет иммиграции	16
Прирост за счет вышедших в отставку военных	2 669
Прирост за счет пойманных бродяг, беглых и дезертиров	96
Всего:	986 142

* Составлено по: [Кабузан, с. 104; Мозель, 1864, ч. 1, с. 305, 311, 321, 322, 325].

Полученное итоговое количество даже несколько больше, чем приведенное Х. И. Мозелем. Это можно объяснить тем, что в исследовании Генштаба цифра естественного прироста взята не за весь год, а за несколько месяцев, так как военные статистики могли быть точнее осведомлены о периоде, за который был проведен учет населения полицией в 1858 г.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что в статистико-географическом исследовании Пермской губернии офицерами Генштаба в 1860 г. в качестве «опорной» статистической отметки были исполь-

зованы результаты административно-полицейского обследования населения губернии 1858 г. Данные за последующие годы дополнялись за счет церковного учета естественного прироста, официальных данных о механическом приросте, а также ежегодного персонального локального учета полицейскими «по кварталам и станам».

Население Екатеринбурга, согласно труду Х. И. Мозеля, в 1860 г. составляло 19 832 человека, из них 9 839 мужчин и 9 993 женщин. Сословная структура Екатеринбурга 1860 г. удивляет большой долей крестьян в населении города – 46,6 % – при относительно небольшом проценте городских сословий – 22,9 % (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Население Екатеринбурга по сословиям в 1860 г.*

Сословия	Численность, чел.	Численность, %
Сельские	9 234	46,6
Городские	4 535	22,9
Военные	3 258	16,4
Лица иных разрядов	1 195	6,0
Дворяне	1 173	5,9
Духовенство	328	1,7
Иностранцы	107	0,5
Инородцы	2	0,01
Всего:	19 832	100,0

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727–728].

Почти через сорок лет перепись 1897 г. зафиксировала в Екатеринбурге почти равные доли крестьян и мещан: 42,1 % и 42,5 % соответственно [см.: Первая всеобщая перепись..., с. 2]. Это противоречит общему представлению о развитии позднеимперских городов, согласно которому рост числа крестьян в населении города – это продукт пореформенной урбанизации. Еще одной заметной особенностью является значительный процент лиц военных сословий: после военной реформы 1884 г. эта группа сословий перестала пополняться, к 1897 г. исчезнув из структуры населения.

Религиозная структура населения города не вызывает больших вопросов: безусловное преобладание православных, значительная доля единоверцев и старообрядцев, традиционное для Екатеринбурга компактное и стабильное представительство протестантов и католиков (европейские специалисты и их потомки), а также небольшое количество мусульман – мигрантов из окрестной сельской местности (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Религиозная структура населения Екатеринбурга в 1860 г.*

Вероисповедание	Численность, чел.	Численность, %
Православные	17 842	89,5
Старообрядцы	947	4,7
Единоверцы	872	4,4
Протестанты	193	1,0
Католики	47	0,2
Мусульмане	36	0,2
Всего:	19 937	100,0

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727].

Очевидной, однако, является ошибка в расчетах: численность населения города, изначально заявленная Мозелем (19 832 чел.), не сходится с суммой представителей всех религиозных конфессий (19 937 чел.). Это довольно типичная ситуация для дореволюционной статистики, но, учитывая небольшие размеры некоторых конфессий Екатеринбурга, даже 105 «мертвых душ» могут внести существенное искажение в численность религиозных меньшинств.

Оценивая достоверность вышеприведенных сведений, мы имеем удачную возможность их сличения с хронологически близкими данными. В 1860–1861 гг. в соответствии с Высочайшим положением в России было реорганизовано все статистическое дело, в том числе губернские статистические комитеты. Одним из самых заметных для общества результатов этой реформы стала открытая публикация некоторых статистических сведений, до этого предназначавшихся лишь для внутреннего пользования, в том числе статистики народонаселения. В Пермской губернии

впервые такого рода сведения были опубликованы в первой «Памятной книжке» на 1863 г.¹, изданной губернским правлением в 1862 г. и включавшей демографическую статистику за 1861 г. Таким образом, мы имеем данные о населении Екатеринбурга за год, смежный с приведенным Мозелем, и, кроме того, имеющие, по нашему мнению, то же самое происхождение.

Сравнение данных 1860 и 1861 гг. вызывает вопросы, главным из которых является серьезная разница в численности горожан – 1 571 чел. (19 832 и 21 403 чел. населения соответственно). Для уездного города, пусть и регионального торгово-промышленного центра, почти 8 % за год – это колоссальный прирост. Причины такого прироста, по нашему мнению, имеют несколько объяснений (естественных и формальных). Во-первых, оба статистических корпуса имеют неясную хронологию внутри года. Если к концу XIX в. традиционным становится исчисление на 1-е января, то в исследуемых случаях это совсем не очевидно. Хотя и в том, и в другом издании опубликованы сведения о движении населения за эти же годы, что дает основание предполагать исчисление сводных показателей на конец года, но могут быть и сбитые (неодинаковые) даты учета населения. Учитывая масштабы естественного прироста населения Екатеринбурга за 1861 г. – 155 чел. [Памятная книжка, с. 122, 134, 138–139], очевидно, что даже двойной естественный прирост не в состоянии компенсировать то увеличение населения, которое произошло, исходя из приведенной статистики. Чтобы подробнее разобраться в причинах этого феномена, нами было проведено сравнение сословного состава населения по данным обоих источников (табл. 5).

При сравнении двух корпусов данных подтверждается единство их происхождения – названия и описания сословных групп в источниках практически идентичны. Кроме того, для данных из «Памятной книжки» выявлена та же проблема, что и для издания Генштаба – сумма представителей всех сословий меньше заявленной численности горожан на 190 чел., что касается увеличения численности сословий в составе населения города, то самым заметным из них является рост сельских сословий. Изучение сословных подгрупп выявило главные группы роста –

---

¹ Следует заметить, что это издание осталось в истории как самая полная в статистическом отношении «Памятная книжка» Пермской губернии; последующие выпуски этой серии включали либо куда более бедную статистику, либо не включали ее вообще.

Таблица 5

Население Екатеринбурга по сословиям в 1860 и 1861 гг.*

Сословия	Х. И. Мозель	Памятная книжка
Сельские	9 234	10 245
Городские	4 535	4 594
Военные	3 258	3 702
Лица иных разрядов	1 195	1 101
Дворяне	1 173	998
Духовенство	328	473
Иностранцы	107	99
Инородцы	2	1
Всего:	19 832	21 213

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727–728; *Памятная книжка...*, с. 96–98].

«крестьяне государственные всех наименований» (прибавилось 359 чел.), «горного ведомства заводские мастеровые» (440 чел.) и «крестьяне хлебопахотные» (173 чел.). Причина их массового переселения приводится в этом же источнике: «переселение же заводских людей в 1861 году было сильно от увольнения от службы выслуживших узаконенные сроки мастеровых горного ведомства» [*Памятная книжка...*, с. 100], что подтверждает гипотезу о дате исчисления населения в конце года.

Тут же находим указание на дороговизну хлеба в 1861 г. и, как следствие, миграцию населения в более богатые местности губернии (к которым, несомненно, принадлежали Екатеринбург и его уезд). Вкупе с крестьянской реформой это объясняет приток в Екатеринбург не только мастеровых, но и крестьян. Можно выдвинуть осторожное предположение, что с этими же событиями связано еще одно резкое изменение в составе населения – снижение числа дворян на 175 чел. исключительно за счет личных дворян, большинство которых обыкновенно были представителями чиновничества. Вполне возможно, что горная и крестьянская реформы упразднили часть бюрократии. Однако такое резкое снижение единственной группы населения в течение одного года вызывает подо-

зрение – с тем же успехом это колебание может быть результатом недоучета в 1860 г.

Увеличение числа представителей духовенства, в свою очередь, слабо поддается рациональному объяснению. Учитывая, что почти 150 чел. составляют исключительно «монашествующие женского пола», можно наверняка сказать, что мы имеем дело с недоучетом в материалах Мозеля. Число насельниц в екатеринбургском Ново-Тихвинском женском монастыре поступательно росло в течение всего XIX в.: в 1819 г. в монастыре проживали 152 насельницы, в 1837 г. – 246, а в июле 1873 г. – 429 [см.: Нечаева]. На этом фоне информация о том, что в 1860 г. в Екатеринбурге находилось 76 монахинь, а в 1861 – 272, выглядит откровенно неправдоподобной. С другой стороны, компактно живущие и подотчетные епархии монахини должны были быть наиболее просто учитываемой категорией населения. В качестве объяснения этой статистической аномалии можно предположить, что в 1860 г. к категории духовенства были причислены лишь монахини, в то время как послушницы и белицы, число которых обычно в разы превосходило монашествующих, были учтены по своему исконному сословию.

Другой резко выросшей социальной стратой стали военные, чей рост за год составил почти 450 чел. Львиная доля этого прироста (350 чел.) пришлось на две группы: «отставные нижние чины, солдатские жены и дочери» и «солдатские дети и кантонисты». При этом самое очевидное объяснение – массовое возвращение на родину отставных чинов, которое как раз и происходило волнами – в нашем случае не подходит, так как 2/3 этого прироста приходится на женщин. У нас нет удовлетворительных объяснений данному феномену, кроме предположения о связи с вышеупомянутым массовым освобождением мастеровых и крестьян от службы на заводах.

Сравнение данных о распределении населения Екатеринбурга по религиям за 1860 и 1861 гг., помимо вышеупомянутой погрешности данных 1860 г. на 105 чел. (табл. 6), дало лишь два повода к комментариям. Первый связан с резким снижением числа приверженцев старообрядчества и единоверия в городе: суммарно обе конфессии «потеряли» 358 верующих. Причиной этого может быть как реальная миграция, так и бюрократическая подтасовка цифр – известно, что чиновники, которым было невыгодно иметь в своем регионе большое число раскольников, искусственно занижали их количество в отчетах. Имея в виду то, что профессиональными исследователями старообрядчества уже отмечалась ненадеж-

Т а б л и ц а 6

**Распределение населения Екатеринбурга по религиям
в 1860 и 1861 гг.***

Вероисповедание	Численность, чел.	Памятная книжка
Православные	17 842	19 756
Старообрядцы	947	818
Единоверцы	872	643
Протестанты	193	112
Католики	47	45
Мусульмане	36	27
Иудеи	0	2
Всего:	19 937	21 403

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727; Памятная книжка..., с. 110].

ность данных административно-полицейского учета (и конкретно «Памятных книжек» Пермской губернии) относительно численности старообрядцев [см.: Клюкина-Боровик, с. 127–130], наиболее вероятной выглядит версия о недоучете либо искусственном занижении числа приверженцев старообрядчества и единоверия в статистике 1861 г. Второй вопрос касается серьезного снижения числа протестантов (на 81 чел.). Однако этот момент кажется логичным связать с рассмотренным выше резким падением числа личных дворян – многие европейские специалисты и чиновники-немцы исповедовали протестантизм, и уменьшение числа членов этой общины в таком случае выглядит закономерным.

Подводя итог анализу информации, опубликованной в «Материалах для географии и статистики Пермской губернии», собранной и изложенной экспедицией Генштаба во главе с подполковником Х. И. Мозелем, можно сделать ряд выводов. Их происхождение, по всей видимости, связано с деятельностью губернского статистического комитета. Тот, в свою очередь, в качестве «точки отсчета» использовал результаты административно-полицейского обследования населения Российской империи 1858 г. Затем они дополнялись сведениями об естественном приросте населения, предоставляемыми церковными органами, и сведениями

о механическом движении населения по данным полиции и государственных органов. Опора этого статистического массива на данные обследования 1858 г. – несомненное достоинство; близость 1858 и 1860 гг. снижает вероятность серьезных изменений в составе населения, для которых нужно «длинное» время. Кроме того, к плюсам можно отнести однородность данных с последующими показателями ГСК Пермской губернии, благодаря единству их происхождения.

Слабые стороны опубликованной информации были общими для результатов работы ГСК второй половины XIX в. Во-первых, проблема неопределенности даты обследования затрудняет проверочные подсчеты и синхронизацию с историческим процессом. Во-вторых, классическая для статистики этого времени проблема ошибочных расчетов: приводимое Х. И. Мозелем число жителей Екатеринбурга – 19 832 чел., на 105 меньше, чем сумма приверженцев всех упомянутых им конфессий – 19 937; предпочитая первое число, мы, таким образом, приписываем сотню «мертвых душ» неизвестным конфессиями и наоборот. Значительное повышение в 1861 г. численности крестьян и снижение количества личных дворян нам кажется правильным связать с реформами, в ходе которых от службы освобождалось большое количество мастеровых и крестьян по всему горнозаводскому Урала, а часть чиновной бюрократии неизбежно сокращалась. Эта гипотеза снимает с Мозеля обвинение в недостоверности. Однако, в свою очередь, откровенной ошибкой выглядит недоучет монашествующих женщин в 1860 г., которые были либо по большей части не учтены совсем, либо разделены на монахинь и послушниц, после чего последние записаны в свои старые сословия. Наконец, странным и пока необъяснимым выглядит рост численности членов отставного военного сословия в 1861 г., в первую очередь, за счет женщин. Отсутствие правдоподобной объяснительной гипотезы оставляет допустимым предположение об очередном недоучете в 1860 г. Что касается религиозной структуры, то здесь, за исключением 105 «мертвых душ», опубликованные в издании Генштаба данные выглядят даже более достоверными, чем в следующем году, за счет объективно более правдоподобной информации о числе старообрядцев и единоверцев в городе. В качестве дополнительного минуса следует учесть чрезвычайно слабый учет механического движения населения. Например, по данным Мозеля в 1854 г. в Пермскую губернию переселилось 8 человек, в 1858 – 33, а в 1860 – 56 [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. 321].

Вероятно, такая слабая регистрация мигрантов могла существенно исказить конечные сведения о численности и составе населения губернии и уездов. Несколько сглаживает ситуацию упомянутая близость 1860 г. к 1858-му, когда в рамках обследования МВД жители империи были учтены де-факто. Помимо этого, в «Памятной книжке...» за 1863 г. есть прямое указание на неверность части данных за 1860 г.; это замечание было сделано относительно всей губернии без указаний на конкретные уезды и города, что не освобождает екатеринбургские данные от проверки.

По итогам исследования можно заключить, что статистические данные о народонаселении Екатеринбургa за 1860 г., опубликованные в работе Х. И. Мозель, по большей части пригодны к использованию. Несомненно, общая численность жителей, зафиксированная в обследовании Генштаба, правдоподобна и заслуживает доверия. В то же время статистика, касающаяся сословной и религиозной структуры населения, включает достаточно много погрешностей и неточностей, что требует детального анализа обстоятельств учета каждой отдельной группы населения.

Императорская Николаевская военная академия. Выпускники с 1851 по 1860 гг. // Русская Императорская Армия : [сайт]. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/A/1/3-2.htm#1855> (дата обращения: 13.01.2019).

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М. : Наука, 1992.

Клюкина-Боровик Ю. В. Переписи и материалы статистического учета численности старообрядцев Екатеринбургa в 1860–1890-х гг. // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 124–130.

Мозель А. И. Географическое положение Пермской губернии. Границы, пространство и разделение ее в административном и хозяйственном отношениях // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь : Губернская Типография, 1862. С. 3–12.

Мозель А. И. Статистическое Описание Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1860. № 1. Часть неофиц. С. 3–8.

Мозель Х. И. Пермская губерния. СПб. : тип. Ф. Персона, 1864. Ч. 1 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 18]).

Мозель Х. И. Пермская губерния. СПб. : тип. Ф. Персона, 1864. Ч. 2 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 18]).

Нечаева М. Ю. Екатеринбургский в честь Тихвинской иконы Божией Матери (Новотихвинский) женский монастырь // Православная энциклопедия [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189627.html> (дата обращения: 14.01.2019).

Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год: год первый / ред. С. С. Пенном. Пермь : Губернская Типография, 1862.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 31. Пермская губерния. СПб. : Слово, 1904.

Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е февраля [1875 г.]. СПб. : Воен. тип., 1875.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1-е апреля [1867 г.]. СПб. : Воен. тип., 1867.

Rich D. Imperialism, reform and strategy: Russian military statistics, 1840–1880 // Slavonic and East European review. 1996. Vol. 74, Nr 4. P. 621–639.

УДК 94(470.5).081/.082:61(093)

Д. Э. Черноухов

«ЗЕМСКО-МЕДИЦИНСКИЙ СБОРНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1870–1880-х гг.

«Земско-медицинский сборник» стал первым сводным обобщением результатов развития земской медицины в Пермской губернии. Его материалы отражают специфику региона с его огромной, в основном слабозаселенной территорией: большой размер врачебных участков, концентрацию врачей в крупных населенных пунктах, острый недостаток стационарных лечебных заведений, высокую текучесть квалифицированных кадров. Он позволяет проанализировать нормативную базу, финансирование, сеть участков, состав персонала, основные направления деятельности земской медицины в Пермской губернии, проследить динамику ее роста за два десятилетия. Проведенный автором анализ свидетельствует о высокой верифицируемости материалов «Земско-медицинского сборника» по Пермской губернии, их ценности для исследователей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Земско-медицинский сборник», история медицины, источник, Пермская губерния, врачи.

Земские учреждения в России традиционно уделяли большое внимание гласности своей работы, регулярно публикуя результаты по основным направлениям деятельности, в том числе по медицине. В Пермской губернии был издан обширный комплекс различных материалов: нормативных, делопроизводственных, статистических.

Публикации материалов, кроме прагматических соображений (обобщение опыта), способствовали регулярные дискуссии по ряду принципиальных проблем дальнейшего развития медицины: о необходимости полного отказа от разъездной системы, оптимальных размерах врачебных участков, обоснованности создания больниц в каждом из них, улучшении подготовки среднего и низшего персонала и др.

Первые итоги организации и деятельности земства в медицинской сфере региона были систематизированы известным врачом И. И. Моллесоном (1842–1920) только через 15 лет. Причем, по его представлению, это было сделано «в самых общих и коротких словах». И. И. Моллесон отметил, что «каждый уезд живет своей замкнутой жизнью, практически не имея сведений о других» [см.: Моллесон].

Аналитическое обобщение результатов развития земской медицины в Пермской губернии за два десятилетия было проведено в рамках всероссийского проекта, инициированного «Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова». II Пироговский съезд врачей (1887) создал временное бюро, составившее «программу собирания сведений и составления свода по состоянию земской медицины» в России. Правление съезда запросило земские управы о предоставлении необходимых материалов и призвало оказать финансовое содействие изданию. Опубликованные в нем материалы должны были стать своеобразным подведением итогов практической работы земства в медицинской сфере на первом этапе, когда путем «проб и ошибок» шел поиск наиболее действенных и плодотворных методов его деятельности [см.: Актовы..., с. 228].

Информация за 25 лет (1865–1889) собиралась по специальной анкете, разосланной Временным бюро. Для уездных земств она состояла из 30 пунктов, объединенных в восемь блоков. В анкете для губернского земства был дополнительный вопрос по съездам врачей. Временному бюро удалось собрать материалы по 369 уездам 34 земских губерний России. Они были обработаны Дмитрием Николаевичем Жбанковым (1853–1932). Этот земский врач был известен своими научными работами, особенно в области медицинской статистики. На основе полученных материалов был подготовлен «Земско-медицинский сборник», изданный Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова в 1890–1893 гг. в семи выпусках. Его редакторами стали два других известных ученых-медика: Ф. Ф. Эрисман (1842–1915) и Е. А. Осипов (1841–1904).

Материалы по Пермской губернии вошли в 7-й выпуск «Земско-медицинского сборника». Организация и деятельность собраний и управ (губернского и 12 уездных) в медицинской сфере были отражены

на 103 страницах текста и в трех сводных таблицах [см.: Земско-медицинский сборник].

Характер издания предопределил привлечение широкого круга лиц, собравших и обобщивших необходимую информацию. Пермскую губернию представили земские врачи из восьми уездов и губернского земства, уездные управы (два уезда), совместно управы и врачи (два уезда). Так, Екатеринбургская уездная управа прислала в Москву «подробный свод сведений на 100 листов» и оформила подписку на будущий сборник на 130 руб. [см.: Журналы..., с. 32–33].

Поступившие в «Общество русских врачей» первичные материалы из Пермской губернии в большинстве своем не сохранились. В то же время подготовленный для этого издания обширный 100-страничный труд по Красноуфимскому уезду, составленный известным земским врачом Матвеем Ивановичем Мизеровым, был опубликован уже в 1890 г. [см.: Сведения о земской медицине...].

При редактировании закономерно возникла проблема сопоставимости и качества полученных материалов. Д. Н. Жбанков отметил, что из семи уездов (Ирбитского, Камышловского, Кунгурского, Осинского, Пермского, Соликамского, Чердынского) и Пермского губернского земства запрашиваемая информация поступила не по всем пунктам анкеты. Поэтому он взял недостающие сведения из опубликованных материалов «Съездов врачей Пермской губернии». В то же время Д. Н. Жбанков вынужденно сократил обширные отчеты, присланные из других уездов Пермской губернии, в основном по исторической части.

Характер рассматриваемого издания позволяет проводить сравнительный анализ развития земской медицины за первую четверть века ее истории как в отдельных губерниях, так и на общероссийском уровне. Впервые это попытались сделать уже сами составители «Земско-медицинского сборника», опираясь в основном на материалы по центральным и поволжским губерниям. Исследование Е. А. Осипова, подготовленное к XII Международному съезду врачей в Москве (1897), в определенной мере подвело итоги становления земской медицины в России [см.: Осипов].

В 1890 г. Пермское губернное земство создало медико-статистическое бюро во главе с врачом В. Ф. Предтеченским. В 1899 г. оно смогло издать «Очерк состояния санитарного и медицинского дела». В нем, в отличие от «Земско-медицинского сборника», составители постарались проанализировать основные итоги развития земской медицины не по отдельным уездам, а в тематическом плане по губернии в целом [см.: Очерк

состояния...]. В то же время структура этих изданий частично совпадает. Они определенным образом дополняют друг друга, являясь важной частью источниковой базы по истории медицины Пермской губернии.

Обратимся к внутренней критике «Земско-медицинского сборника». Он содержит разнообразную информацию по медицинской сфере Пермской губернии, в основном земской, за два первых десятилетия (1870–1880-е гг.). Материалы по губернскому земству и уездам разбиты на восемь блоков, в соответствии с вышеназванной анкетой.

В первом из них содержатся краткие сведения о состоянии медицинской сферы в губернии накануне введения земского самоуправления. Составители, а затем и исследователи вполне обоснованно оценивали плачевное состояние медицины, особенно в сельской местности. На общем фоне в лучшую сторону выделялись уездные центры и крупные заводские поселки, где имелись стационарные медицинские заведения различных ведомств и частных лиц с квалифицированными врачами.

Во втором блоке были описаны созданные земством врачебные участки: дата образования, радиус и диаметр обслуживания, количество селений и населения, наличие больницы или приемного покоя, аптеки, фельдшерского пункта, состав медицинского персонала. Существенное внимание было уделено развитию собственных стационарных лечебных заведений (как имевшихся, так и строившихся): приведены даты их постройки, функциональные особенности, количество палат и кроватей, материальные условия нахождения в больницах.

Данные материалы наглядно показывают специфику Пермской губернии с ее огромной, в основном слабозаселенной территорией [см.: Богатырева, с. 125–127]. Радиус врачебного участка колебался от 23 до 300 верст, не считая городских в уездных центрах (табл. 1).

Средний общероссийский показатель по земским уездам на начало XX в. был существенно меньше: 16–17 верст [см.: Веселовский, с. 366]. Это предопределило широкое распространение во всех уездах Пермской губернии фельдшерских пунктов с самостоятельной практикой, против чего последовательно выступали многие земские врачи.

Самым плачевным в этом плане было положение в Чердынском уезде. В нем было всего два врачебных участка с максимальным радиусом до отдельных селений в 200 и 300 верст [см.: Земско-медицинский сборник, с. 41]. В то же время другой обширный северный уезд Пермской губернии – Верхотурский – оказался относительно благополучным. Это во многом объяснялось тесным взаимодействием с руководством распо-

Т а б л и ц а 1

Земские врачебные участки в Пермской губернии в 1889 г.*

Уезд	Кол-во участков	Население уезда	Среднее кол-во населения	Радиус участка (наименьший – наибольший), верст**
Верхотурский	8	208 237	26 030	45–107
Екатеринбургский	9	373 125	41 458	23–66
Ирбитский	4	134 244	33 561	50–87
Камышловский	4	245 365	86 341	55–69
Красноуфимский	5	235 728	47 146	66–117
Кунгурский	4	124 565	31 141	27–96
Осинский	4	248 884	62 221	60–85
Оханский	5	253 538	50 708	44–102
Пермский	8	217 020	27 128	30–110
Соликамский	4	203 104	5 076	75–160
Чердынский	2	80 799	40 400	200–300
Шадринский	5	324 964	67 993	30–80

* Все четыре таблицы составлены автором по: Земско-медицинский сборник. С. 1–103.

** Наименьшее и наибольшее максимальное расстояние до границы участка. Для Шадринского уезда расчет произведен на основании диаметра. В Ирбитском и Камышловском уездах для расчета расстояния не учитывались городские участки.

ложенных на его территории горнозаводских округов: Алапаевского, Богословского, Нижнетагильского. Земство на взаимовыгодной основе пользовалось их материально-технической базой и квалифицированными кадрами.

В третьем блоке содержатся сведения по санитарной организации, которая в рассматриваемый период только зарождалась. В Пермской губернии существенных успехов в этом направлении удалось добиться лишь в Верхотурском и Шадринском уездах. Данные успехи во многом

объясняются активной деятельностью Санитарного комитета в первом из них [см.: Черноухов, 2017, с. 135–141] и Врачебного совета во втором. Нормативные положения по организации этих органов опубликованы в рассматриваемом сборнике.

В поступивших из уездов ответах уделено минимальное внимание борьбе с эпидемиями. Между тем, в 1870–1880-х гг. они нанесли существенный ущерб Пермской губернии [см.: Шестова, с. 202–208]. Несколько обширнее сведения об оспопрививании. Но существенные проблемы, с которыми пришлось столкнуться уездным земствам в этой области, здесь также отражены весьма фрагментарно.

Четвертый блок вопросов посвящен отчетности по оказанию медицинской помощи. Для ее эффективной организации земству, в том числе врачам, пришлось проводить различные демографические исследования. Среди них следует особо выделить однодневные переписи местного населения в ряде населенных пунктов Верхотурского и Екатеринбургского уездов. Они были проведены не по домовым спискам, а путем поквартирных опросов, которые, как это было принято в Западной Европе, осуществлялись в течение одного дня. Их материалы были обстоятельно проанализированы в земских изданиях.

Пятый блок содержит различную информацию по земскому медицинскому персоналу (врачи, провизоры, фельдшеры, акушерки и др.): его количеству, порядку назначения и увольнения, наличию специальной инструкции, определявшей его права и обязанности, окладам, средней продолжительности службы. Составители закономерно уделили особое внимание врачам, заведовавшим уездными земскими больницами и врачебными участками. Данные по их окладам и сроку службы в уездах Пермской губернии в 1889 г. систематизированы в табл. 2.

В первые два десятилетия средний годовой оклад земского врача по Пермской губернии составлял 1 500–1 800 руб. Были и исключения: женщина-врач в Красноуфимском уезде получала всего 1 000 руб., а П. В. Кузнецкий в Нижнетагильском участке Верхотурского уезда, служивший в крупной больнице – 3 000 руб. Средний срок службы земского врача в Пермской губернии в первые два десятилетия был небольшим. Причины быстрого увольнения этих специалистов в материалах не указаны, но уже проанализированы в научной литературе [см.: Черноухов, 2012, с. 158–159].

В шестом блоке отмечены нормативные акты, принятые земскими собраниями для развития медицинской сферы. Здесь же освещается взаимодействие собраний, управ и медицинского персонала. Но неодно-

Т а б л и ц а 2

Уездные земские врачи Пермской губернии в 1889 г.

Уезд	Кол-во	Оклад, руб.	Средняя и максимальная продолжительность службы, лет
Верхотурский	5	1 200–3 000	5,3/18
Екатеринбургский	9	1 500–1 800	?/12,5
Ирбитский	4	1 500	2,9/11
Камышловский	4	нет свед.	нет свед.
Красноуфимский	6	1 000–2 200	?/9
Кунгурский	5	1 200–1 800	?/11
Осинский	5	1 500	нет свед.
Оханский	5	1 200–2 000	3,2/11,5
Пермский	9	980–1 680	?/9
Соликамский	4	1 500–1 800	?/8
Чердынский	3	1 800	3,5/6
Шадринский	7	1 500–1 800	нет свед.

кратно возникавшие в Пермской губернии серьезные проблемы во взаимоотношениях между земскими гласными, членами управы и врачами нигде не упомянуты.

В седьмом блоке содержится информация по бюджету земской медицины. Она оправданно систематизирована в табличной форме.

В восьмом блоке имеются краткие сведения о медицинских заведениях различных ведомств и частных лиц на территории Пермской губернии. Правда, проблемы их взаимодействия с земством практически не рассматриваются.

Нарративные материалы по Пермской губернии «Земско-медицинского сборника» удачно дополняют данные историко-статистического плана, сведенные в три таблицы. Здесь в динамике за 1870–1888 гг. поуездно содержатся различные показатели: количество врачебных участков, больниц, фельдшерских пунктов, медицинского персонала, расходы на земскую медицину на фоне общих сметных показателей.

Эти цифры позволяют проанализировать динамику роста земской медицины Пермской губернии за два десятилетия. Так, количество врачебных участков увеличилось более чем в три раза, врачей – в 3,5 раза, больниц – почти в четыре раза, кроватей – почти в 10 раз. Несколько меньшим был рост вспомогательного медицинского персонала и фельдшерских пунктов (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Земская медицина Пермской губернии в 1871 и 1888 гг.

Показатели	1871	1888
Врачебные участки	18	59
Больницы	13	50
Кровати	145	1274
Фельдшерские пункты	75	163
Врачи	19	69
Вспомогательный медицинский персонал	123	332

Данные успехи во многом обеспечил существенный рост земских бюджетов в Пермской губернии, а также процент ассигнований в них на медицинскую часть. Если в 1871 г. на нее в среднем выделялось 13 % ежегодных смет, то в 1888 г. расходы на медицину составили уже 23,7 % (табл. 4).

Принципиально важна корреляция абсолютного большинства сведений по развитию земской медицины по Пермской губернии 1870–1880-х гг. в трех изданиях: «Земско-медицинском сборнике», «Очерке состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии» и «Журналах» уездных земских собраний. Это подтверждает достоверность представленных в сборниках данных.

В целом «Земско-медицинский сборник» является ценным источником по истории медицины Пермской губернии 1870–1880-х гг. Он был составлен на основе сведений, присланных по специально разработанной признанными специалистами анкете, содержит репрезентативную информацию по всем ее 12 уездам, а также губернскому земству. В «Земско-медицинском сборнике» отражены основные вопросы организации

Т а б л и ц а 4

**Расходы на медицину в сметах уездных земств Пермской губернии
в 1871 и 1888 гг.**

Уезд	Расходы на медицину, руб. (в скобках в % от общей сметы)	
	1871	1888
Верхотурский	25 968 (17,6)	87 594 (28)
Екатеринбургский	5 200 (6,1)	82 153 (22,1)
Ирбитский	6 250 (16,4)	44 345 (25,6)
Камышловский	14 040 (16,6)	48 595 (23,9)
Красноуфимский	81 00 (11,5)	39 412 (18,3)
Кунгурский	4 300 (7,5)	31 750 (23,2)
Осинский	12 560 (28,3)	39 890 (18,1)
Оханский	9 130 (9,4)	47 269 (28,9)
Пермский	7 053 (7)	38 420 (17,8)
Соликамский	4 396 (11,5)	34 967 (22,5)
Чердынский	4 810 (7)	37 522 (18,8)
Шадринский	10 396 (32,9)	57 360 (49,6)
Всего:	112 203 (13)	589 277 (23,7)

и направления деятельности земской медицины Пермской губернии за два десятилетия, определены важные проблемы в этой сфере, намечены перспективные пути их решения.

Акторы российской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / под ред. И. В. Побережникова. Екатеринбург : БКИ, 2016.

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.

Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд-во Поповой, 1909. Т. 1.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XX очередной сессии (1889 г.). Екатеринбург : тип. «Екатеринбургской недели», 1890.

Земско-медицинский сборник : Материалы по развитию земской медицины в России за первое 25-летие (1865–1890 гг.) / обработал Д. Н. Жбанков. М. : Тип. Иноземцева, 1893. Вып. 7. С. 1–103.

Моллесон И. И. Очерк организации медицины в Пермской губернии // Сб. Перм. земства. 1885. № 16. С. 402–409.

Осипов Е. А. Земская медицина в России // Русская земская медицина / сост. Е. А. Осипов, И. В. Попов, П. И. Куркин. М. : печ. Яковлева, 1899. С. 43–211.

Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь : Тип. губ. земской управы, 1899.

Русская земская медицина / сост. Е. А. Осипов, И. В. Попов, П. И. Куркин. М. : печ. Яковлева, 1899.

Сведения о земской медицине в Красноуфимском уезде (по программе IV Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова) /сост. М. И. Мизеров. СПб. : Тип. Трей, 1890.

Черноухов Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX в. // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

Черноухов Э. А. Нижнетагильский заводской поселок в 1870–1880-х гг.: демография и санитария // История и компьютер : информ. бюл. 2017. № 46. С. 135–141.

Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской), 1864–1900. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003.

УДК 94(470.5).084.3(093)

Т. И. Славко

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВРЕМЕННОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УРАЛА (вторая половина июля – ноябрь 1918 г.)

В статье рассматриваются источники, относящиеся к деятельности Временного Областного правительства Урала, созданного в Екатеринбурге в августе 1918 г., под руководством кадетско-меньшевистско-эсеровской коалиции. Несмотря на короткий период его функционирования (всего три месяца), отложился комплекс источников, позволяющих охарактеризовать одну из предложенных, в противовес большевистской модели, систем государственного устройства России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Гражданская война, Временное Областное правительство Урала, источники, история России XX в.

В годы Гражданской войны осуществлялись попытки социалистических партий меньшевиков и эсеров найти «третий путь» развития революции, исключающий господство одного класса над другим. С решением данных проблем связана и история Временного Областного правительства Урала, которое было создано наряду с другими всероссийскими, областными и национальными антибольшевистскими правительствами. Изучение и обобщение опыта построения одного из вариантов новой государственной системы управления требует дальнейшего, более углубленного анализа, тем более что сохранились источники в фондах Государственного архива Свердловской области [ГАСО, ф. 1951] и Центра документации общественных организаций Свердловской области [ЦДООСО, ф. 41]. Часть материалов была опубликована [см.: Антибольшевистское правительство].

За короткий срок существования Областного правительства (с августа по ноябрь 1918 г.), а также подготовительного этапа отложился значительный массив документации, регламентирующей различные стороны деятельности правительства, начиная с организационных моментов его образования и заканчивая роспуском.

Все источники, относящиеся к истории Временного Областного правительства, можно классифицировать по различным признакам. Так, что касается административного уровня, то здесь присутствуют документы организационного, распорядительного и справочно-информационного характера, кадровая документация. Основная масса документов датирована. В случае отсутствия даты ее можно восстановить по содержанию источника. Большинство документов подписано, но, к сожалению, многие подписи неразборчивы. Систематизация документов по характеру деятельности позволяет выделить материалы, связанные с созданием Правительства, его полномочиями, программными материалами в области экономической, социальной и военной деятельности, с контролем за исполнением, причинами роспуска.

Следует подчеркнуть видовое разнообразие документов. Это протоколы заседаний, постановления, лозунги и обращения, правительственные декларации, доклады и докладные записки, переписка в виде предписаний, распоряжений, рапортов, донесений и др. Отдельной группой среди источников являются газетные публикации и мемуары.

Остановимся подробнее на информационной составляющей документальных источников, отложившихся в двух отмеченных выше архивах Свердловской области.

Предыстория Областного правительства Урала отражена в протоколах работы межпартийной комиссии, которая определила основные направления его деятельности и структуру правительства. Так, из протоколов заседаний № 1–5 от 1–3, 6, 8 августа 1918 г., посвященных вопросам выработки платформы и организации Временного Областного правительства Урала, видно, каким образом обсуждался вопрос о его полномочиях. В качестве основных положений платформы правительства были выдвинуты вопросы: отношение к войне и союзникам; единство России и права областных правительств; вопрос порядка и свободы; рабочий вопрос; земельный; финансовый и др. Была принята следующая политическая установка: «Вопрос развития производительных сил России в области промышленности – вопрос жизни и смерти для России». Предполагалось привлекать иностранный капитал. Преимущество в развитии промышленных сил отдавалось личной инициативе. В это понятие включалась кооперативная и частная инициатива, но не государственная [см.: Антибольшевистское правительство, с. 3–10].

В конце июля 1918 г. было подготовлено несколько извещений, в которых до сведения граждан доводилась информация о создании Временного Екатеринбургского комитета народной власти, «который в полном согласии с военной властью приступает немедленно к устройению общественной жизни на основе гражданских свобод» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 121]. В других извещениях, от 29 и 30 июля 1918 г., содержатся сведения о создании независимых от властных структур профессиональных организаций и возобновлении деятельности Городской думы [Там же, л. 4].

Основным для Временного комитета народной власти стал лозунг «Да здравствует Учредительное собрание!» В обращении к гражданам были кратко изложены задачи по управлению хозяйством и поддержанию порядка в городе. «Ставя своей главнейшей задачей оберегание интересов всех граждан и защиту демократических принципов, комитет считает себя временным и одной из первых задач своих наметает организацию выборов в новое городское и земское самоуправление, в руки которых и должна будет перейти административная и хозяйственная власть в городе и уезде» [Там же, л. 2]. В документе также описывается разруха, оставшаяся в городе после ухода большевиков.

В комплексе имеющихся в распоряжении исследователей источников в первую очередь следует выделить постановления, представляющие собой законодательные акты областного правительства и отражающие его политику в процессе восстановления буржуазно-демократических основ общественного строя, существовавшего в дореволюционной

России. Эти материалы составили «Собрание узаконений и распоряжений Временного Областного правительства Урала», которое выходило отдельными номерами в период существования правительства.

Особый интерес представляет правительственная декларация, принятая 19 августа 1918 г., в которой были изложены основы экономической, социальной и военной политики в регионе.

Программа правительства состояла из следующих пунктов:

- 1) «строго охранять все завоеванные народом свободы <...>»;
- 2) признать «незыблемыми равноправие национальностей, их право на культурное самоуправление, а также равноправие лиц всех вероисповеданий и свободу совести...»;
- 3) «всемирно способствовать развитию производительных сил и промышленности Урала, охраняя право частной собственности, привлекая иностранный капитал и устраняя помехи инициативы личной, кооперативной, акционерной и т. п.»;
- 4) принять меры «к возвращению заводов их прежним владельцам...», на «предприятиях будет введен государственный контроль над производительностью и максимумом прибыли»;
- 5) сохранять 8-часовой рабочий день, установить заработную плату не ниже прожиточного минимума;
- 6) восстановить частные банки и «...государственный контроль их деятельности...»;
- 7) сократить штаты служащих и прекратить «казнокрадство и расхищение казенного имущества...»;
- 8) восстановить «казенную продажу питей, по высоким ценам и с ограничением потребления...»;
- 9) ограничить «роль правительства в продовольственном деле лишь мерами регулирования»;
- 10) принять все меры ко «скорейшему осуществлению всеобщего и обязательного обучения»;
- 11) сельскохозяйственные земли оставить в руках их фактических пользователей;
- 12) разработать закон о выборах в городское и земское самоуправление «на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права без различия пола»;
- 13) проводить все меры, связанные с военными задачами, «не допуская уклонения от неизбежных тягот для кого бы то ни было»;
- 14) считать «декреты и распоряжения Советской власти незаконными...» [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 2, л. 1–2].

Председателем Совета Временного Областного правительства Урала стал П. Иванов, заместителем председателя – Л. Кроль, членами Совета: Н. Глассон, П. Мурашев, Н. Алешкин, В. Анастасьев, А. Гутт, А. Преблыв [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 2, л. 67].

Локальные постановления о денационализации предприятий, социальном страховании рабочих и служащих, пользовании лесными дачами, налоговом обложении и другие принимались в развитие отмеченной выше декларации. В качестве примера можно привести постановления Областного правительства Урала «О выборах педагогического персонала в средних и низших учебных заведениях» от 4 сентября 1918 г. [Там же, л. 9–10], о хлебной торговле от 15 сентября 1918 г. [Там же, л. 13], о свободном обращении золота от 19 сентября 1918 г. [Там же] и др. В постановлении Областного правительства о введении в действие «Временного положения о губернских и уездных комиссарах» от 19 сентября 1917 г. губернский и уездный комиссары меняли свое наименование на губернский и уездный уполномоченный и уездный уполномоченный [Там же, д. 5, л. 69–70].

Достаточно полно представлены материалы заседаний Областного правительства. На них решались текущие вопросы, связанные с удовлетворением потребностей населения, заготовкой продовольствия, организацией промышленного производства, проведением мобилизации в армию и т. д. Принятые решения зафиксированы в протоколах заседаний Совета Временного правительства Урала.

Значительный по объему пласт источников представлен делопроизводственной документацией – это протоколы заседаний различных правительственных учреждений, органов самоуправления, общественных организаций и политических партий. Так, в протоколе заседания межпартийной комиссии по вопросу «Об образовании Временного Областного правительства Урала» от 9 августа 1918 г. была отмечена необходимость «организации центральной Всероссийской власти, – соединенное совещание из представителей общественных групп и политических партий Уральского края и представителей Временного Сибирского правительства» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 120, л. 104].

Интересная информация содержится в протоколе заседания межпартийной комиссии по вопросу о взаимоотношениях с Сибирским правительством от 11 августа 1918 г. В знак солидарности с ним Уральское правительство не сочло возможным принять официальное участие в Самарском совещании. Но, считая необходимым установление контактов с Самарским комитетом членов Учредительного собрания, Уральское правительство назначило своего полномочного представителя в лице

А. А. Кощеева для установления «нормальных взаимоотношений» [ИЦООСО, ф. 41, оп. 1, д. 120, л. 109].

Последний протокол заседания Совета Областного правительства Урала от 10 ноября 1918 г. был связан с вопросом о своем упразднении. Складывавшаяся полномочия по Указу Временного Всероссийского правительства от 4 ноября 1918 г., члены Уральского правительства выступили с призывом сплотиться вокруг единого Всероссийского правительства, оказать ему «поддержку и повиновение» [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 3, л. 158].

Большое количество материалов представлено отчетной документацией: докладами и докладными записками. Эти документы составлены главноуправляющими различных ведомств Областного правительства, а также органами местного самоуправления и представляют особый интерес с позиции изложения взглядов конкретного лица или целого учреждения. Содержание вопросов, поднимаемых в докладах и докладных записках, довольно широко. Это взаимоотношения с местными властями, Сибирским правительством, социальная политика и т. д. Как правило, каждый из документов посвящен одной конкретной проблеме.

К примеру, в докладе главнокомандующего внутренних дел о поездке в Невьянск от 14 сентября 1918 г. приводится информация о том, что в городе после ухода большевиков был образован Временный комитет народной власти, который действовал совместно с комендантом чехословацких войск. Необходимо было установить более тесные контакты с вновь образованным Временным Областным правительством Урала [Там же, д. 2, л. 8–11].

В другом документе – докладной записке главноуправляющего внутренних дел Н. В. Асейкина в главное управление торговли и промышленности от 23 сентября 1918 г. – дан перечень уточнений и предложений по поводу подготовки и принятия закона о денационализации предприятий.

Среди документов фонда присутствует также докладная записка уполномоченного Областного правительства по Кунгурскому уезду в главное управление внутренних дел с жалобой на самоуправство военных властей от 18 октября 1918 г. [Там же, д. 57, л. 115–117] и докладная записка уполномоченного Областного правительства Урала по Южному району Екатеринбургского уезда главноуправляющему внутренних дел о расхищении лесных материалов в частновладельческих дачах от 19 октября 1918 г. [Там же, л. 130–131], и др.

Интересна переписка, представленная разнообразными документами. Среди них есть источники, переданные по телеграфу, записи разговоров по прямому проводу, материалы периодической печати. Эти

документы самые многочисленные и касаются различных вопросов взаимоотношений Временного Областного правительства с другими существующими на тот момент правительствами: Временным Всероссийским, Сибирским, Самарским и др. Именно по телеграфу из Омска 4 ноября 1918 г. были переданы Грамота и Указ Временного Всероссийского правительства о прекращении деятельности всех областных правительств, в том числе и Уральского [см.: Антибольшевистское правительство, с. 27–29].

Итак, в годы Гражданской войны с целью выхода из политического и экономического кризиса создавались временные областные правительства, одним из которых было Областное правительство Урала. Несмотря на короткий период его функционирования (всего три месяца), отложился комплекс источников, позволяющих охарактеризовать одну из предложенных, в противовес большевистской модели, систем государственного устройства России. Все они требуют дальнейшего изучения не только с источниковедческой, но и с документоведческой точки зрения: оценки системы делопроизводства, документооборота, использования дореволюционного опыта оформления документов и др.

Антибольшевистское правительство: Из истории белого движения : сб. документов. Тверь : ТвГУ, 1999.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1951.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41 – Фонд Уральского (Свердловского) исппарга.

УДК 94(470.5).084.5

М. А. Фельдман

ЖУРНАЛ «УРАЛЬСКИЙ КОММУНИСТ» В 1926–1929 гг. : МЕСТО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

В статье рассмотрены основные сюжеты короткого периода существования главного партийного издания Уральской области – журнала «Уральский коммунист». Сделан вывод о том, что статьи, объективно характеризующие развитие социально-экономических отношений на Урале, начиная с 1929 г., уступают место политизированным публикациям. Сведя к минимуму самостоятельность регионов и региональных элит, Сталин и его окружение навязывали собственное видение и понимание «индустриального проекта» в СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Урал, журнал, рабочие, промышленность, партия, диктатура.

Разгром «новой оппозиции» на XIV съезде партии в декабре 1925 г., затем – объединенной «левой оппозиции» на XV съезде в декабре 1927 г., без сомнения, сужал каналы для *общепартийных* дискуссий, однако, во-первых, хотя бы на короткий период (1926–1928) оставалась возможность открытого диалога по основным проблемам жизни в СССР на пленумах ЦК ВКП (б) [см.: Данилов...]. Во-вторых, сохранялась ниша для обсуждения вариантов реализации партийных и хозяйственных директив на низовом уровне. В условиях, когда областные и губернские комитеты РКП (б) стояли «во главе всей хозяйственной и политической жизни» [см.: Березкина, с. 304] и, опираясь на сформировавшийся номенклатурный слой, решали все вопросы местного значения, от действий провинциальных лидеров в определенной степени зависела конкретика нэпа.

Даже с учетом того, что уже в начале нэпа шел процесс формирования системы более высокой заработной платы, льгот и привилегий для управленцев верхнего и среднего звена [см.: Лютов, с. 321], в 1920-х гг. большевистский режим еще строился на специфическом сочетании авторитарных и демократических форм. Можно ли считать, что такое сочетание оставалось характерным и для неоднозначного периода 1928–1929 гг. – времени борьбы за сохранение нэпа и действий по его свертыванию? При внешней парадоксальности вопроса отметим и определенную инерционность подходов и методов управления со стороны провинциальных кадров, с трудом, но осваивавших практику регулирования многоукладной экономики.

Рассмотрим этот сюжет на примере анализа содержания статей в журнале «Уральский коммунист» – печатном органе Уральского обкома ВКП(б) в 1926–1929 гг. Выбранный период позволяет сравнить публикации «классических» нэповских лет (1926–1927) и переходных (1928–1929). Каким образом изменились оценки новой экономической политики; нового этапа индустриализации Урала; построения «социалистического общества»; отношения к специалистам; характер освещения взаимодействия органов власти и рабочих?

Интерес к этим вопросам определяется и тем, что с самого начала своей работы, с декабря 1923 г., партийно-хозяйственное руководство Уральской области демонстрировало собственное видение политической ситуации [см.: Фельдман]. Не случайно за три года (декабрь 1923 г. – январь

1927 г.) ЦК четыре раза менял управленцев на посту первого секретаря Уралобкома ВКП (б)¹.

В составе авторов статей в 75 номерах журнала «Уральский коммунист» за 1926–1929 гг. можно выделить четыре основные категории: работники Уралобкома ВКП(б), Уральского облисполкома, Уральского совета народного хозяйства, специалисты Уральского облплана. Журнал систематически перепечатывал статьи теоретического характера из центральных партийных журналов. В то же время статьи журналистов – членов редколлегии журнала – печатались нечасто. В силу этого важным индикатором политических настроений региональной элиты являлся характер комментариев к партийным постановлениям и государственным нормативным документам, отражавших собственное видение проблем области.

Заметим, что в силу концентрации внимания на односторонней подаче событий («борьба с антипартийной оппозицией» либо «бесперспективность борьбы с ортодоксами»), ни «традиционный» подход к освещению событий второй половины 20-х гг., характерный для советского доперестроечного периода [см.: Кравцов], ни тоталитарный [см.: Бакунин], не позволяют провести научный анализ деятельности журнала.

Объединение на основе постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1 659 тыс. км² и населением 6 380 тыс. чел. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 90, л. 127].

Созданный в 1922 г. как орган Уральского бюро ЦК РКП(б) журнал «Уральский коммунист», начиная с 1924 г., превратился в журнал обкома партии Уральской области. Он был адресован руководящему слою партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных работников, преподавателям вузов и партийных школ, пропагандистскому активу. Главное внимание в журнале уделялось разработке и реализации индустриального проекта. Тираж журнала колебался от 300 до 1 000 экз.

---

¹ Харитонов Моисей Маркович (декабрь 1923 – май 1925); Антипов Николай Кириллович (май 1925 – март 1926); Сулимов Даниил Егорович (март 1926 – март 1927); Шверник Николай Михайлович (март 1927 – январь 1929). См.: Уралобком ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <http://энциклопедия-урала.рф/index.php> (дата обращения: 01.05.2019).

Показательно, что первый номер журнала, вышедший в 1926 г., открывался статьей ответственного редактора журнала Я. Я. Шипова «К очередным хозяйственным задачам», в которой оптимистическое начало статьи – о «перспективах социалистического строительства в СССР» – слабо сочеталось с основным ее содержанием. Автор отмечал низкую доходность предприятий государственной промышленности (существенно «ниже довоенной»); преобладание на госпредприятиях «явной бесхозяйственности, расточительности, разгильдяйства»; множество случаев бюрократической волокиты – всего того, «от чего теряются миллионы рублей» [см.: Шипов, 1926]. Обращало на себя внимание и иное: упомянув о том, что государственная промышленность является составной частью всего народного хозяйства, Я. Я. Шипов не только обошелся без употребления термина «нэп», но и ушел от упоминания негосударственных секторов экономики. Подобная двойственность (отражение реальности и в ряде случаев ее сознательное игнорирование либо замена мифологемами) была характерна не только для статей на экономические темы, но и в целом для многих публикаций «Уральского коммуниста».

Раздел «В помощь массовой работе» (пропагандистам и агитаторам) в том же первом номере за 1926 г. был представлен анализом социального состава населения Уральской области. В статье отмечалась немногочисленность промышленного пролетариата региона – 3,3 % среди всего населения и 10,8 % среди занятого населения. С сельским хозяйством индустриального края, каким считался Урал, была связана судьба подавляющего большинства населения. Кроме того, государственный сектор был невелик: в нем работали 21,5 % уральцев, тогда как 71,6 % уральцев вели частное хозяйство [см.: В помощь...]. Приведенные данные убедительно показывали: «социалистический» характер послеоктябрьских перемен (даже с учетом подмены понятия «социалистический» термин «государственный») весьма незначителен. Длительность переходной эпохи не афишировалась, но читатель подводился к такому выводу. При этом комментарий к статистическим материалам акцентировал внимание на позитивности последовательного сокращения доли занятых в негосударственных секторах экономики.

Статья Л. Е. Гольдича – председателя Уралоблплана – касалась проблемы повышения заработной платы рабочих промышленности. Низкий уровень оплаты труда представителей «господствующего класса» советского общества неоднократно рассматривался властными структурами в 1920-х гг. Публикация Л. Е. Гольдича подчеркивала, что рост заработной платы возможен только при повышении производи-

тельности труда; сокращении числа прогулов и других нарушений трудовой дисциплины; при снижении себестоимости выпускаемой продукции [см.: Гольдич, 1926]. Тем самым статья журнала ставила барьер необоснованным требованиям профсоюзов, отдельных работников о необходимости повышения заработной платы и выдвигала встречные требования к улучшению организации труда на предприятиях.

Примечательность статьи заключалась и в указании доли фонда заработной платы в общем размере прибылей предприятий Урала. Согласно приведенным сведениям 13,5 % прибыли предприятий отводилось на заработную плату, а еще 3,5 % шло на социальные задачи (фонды общественного потребления). К фондам общественного потребления относились расходы на медицинскую помощь, пособия, дома отдыха, ясли и детские сады и т. п. Публикация не приводила данных о числе рабочих, получивших доступ к таким видам социального обслуживания – характерная черта советской эпохи, но читатель сам мог делать выводы о степени доступности такой услуги.

И все-таки ключевым сюжетом статьи Л. Е. Гольдича представляется заявление автора о необходимости сокращения расходов на социальные нужды под предлогом выполнения «режима экономии» [см.: Гольдич, 1926, с. 9]. Как видно, пролетарское происхождение многих уральских управленцев не стало панацеей от готовности «избавить» рабочих промышленности края от весьма скромных «излишних» социальных расходов.

Во всех номерах журнала большое место отводилось материалам пленумов Уральского обкома ВКП(б). В 5–6 номерах за 1926 г. были напечатаны резолюции пленума обкома ВКП(б), которые демонстрировали как типичные реакции партийных комитетов в Советской России, так и отклонение от общепринятых правил. В частности, «полное осуждение» оппозиции под руководством Троцкого, целиком воспроизводящее документы XV партийной конференции, показывало готовность уральцев следовать «курсом ленинского ЦК». В то же время резолюция о «землеустройстве в горнозаводских районах Уральской области» говорила о необходимости закрепления за жителями этих местностей земельных участков, которые находились у них на правах пользования. Это означало, что сотни тысяч рабочих промышленности Урала должны были получить право на сохранение своих земельных наделов – факт, говорящий о степени понимания властными структурами края роли земельных наделов в бюджетах уральских рабочих, всего быта горнозаводского населения.

Следует учитывать два обстоятельства. За послеоктябрьское десятилетие, произошло *сокращение земельных наделов* рабочих края: если в предвоенные годы земельный надел на мужскую душу составлял 3,8 дес., то в 1926 г. такой участок приходился уже на одно хозяйство. Площадь земельных наделов рабочих Урала сократилась примерно в четыре раза. В то же время, если в 1897 г. не имели земельных наделов 28,7 % жителей горнозаводских поселков, то в 1926 г. – только 11,1 % [см.: Сигов, с. 184, 187]. В этом восторжествовали уравнилельные принципы советской эпохи.

Резолюция пленума обкома ВКП(б), посвященная перспективам развития уральской промышленности, ставила перед областью скромные и довольно абстрактные задачи (приступить к строительству новых заводов). Однако в тексте документа отмечалось: пятилетний план, разрабатываемый региональными плановыми структурами, вскоре изменит ситуацию.

Наряду с реалистическими статьями и комментариями в каждом номере журнала за 1926 г. постоянно присутствовали публикации идеологического плана: о стачке горняков в Англии (полные надежд на пролетарскую революцию в «классической» стране капитализма); других «классовых боях» за рубежом; составе партийной организации Уральской области, с указанием на процент рабочей прослойки – в качестве *главной качественной* характеристики; работе системы партийного просвещения. Подобные материалы объединяли формальность, поверхностность освещения событий; абсолютизирование количественных показателей. Масса партийцев, обучающихся в сети партийного просвещения, рассматривалась только как объект для информационного освещения.

Год десятилетия Октябрьской революции (1927) подталкивал к осмыслению пройденного пути. В журнале появляется «раздел Истпарта», где была сделана попытка реконструкции событий революционного 1917 г., чаще всего в форме хроники событий в отдельных горнозаводских поселках. Акцент при этом делался на действиях Красной гвардии, прежде всего из Екатеринбурга. Роль армейских подразделений, вопреки статистическим данным, рассматривалась как вспомогательная.

Новым явлением в 1927 г. в журнале стали статьи ученых и специалистов, посвященные проблемам сельского хозяйства и кооперации, написанные с различных теоретико-методологических позиций. Анализ проблем уральской деревни зачастую опирался на либеральные, организационно-производственные и ортодоксальные марксистские взгляды.

Так, статья Ф. М. Казанского «О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале» убедительно доказывала процесс осереднячивания крестьян Уральской области в годы нэпа. Однако рыночные отношения принесли и иное – рост доли безземельных и безлошадных батраков. Переломить последнюю тенденцию, по мнению автора, могли целенаправленная помощь со стороны государства и льготные условия вступления в различные формы кооперации. Не были забыты и меры по ограничению имущественных прав зажиточных крестьян [см.: Казанский].

Статья А. П. Танеева «О социальной направленности сельскохозяйственных кредитов на Урале», посвященная вопросам сельскохозяйственного кредита, отмечала: кредитование коснулось всех слоев крестьянства. Однако если сельскохозяйственными кредитами пользовались 28 % середняков, 30 % зажиточных крестьян, то среди сельской бедноты таких насчитывалось всего 17,7 %. Выход из подобной ситуации виделся (в соответствии с марксистскими подходами) в ограничении выдачи кредитов кулакам, усилении налогового бремени на зажиточных крестьян [см.: Танеев, 1927]. Статьи Ф. М. Казанского, А. П. Танеева – специалистов-аграрников – связывали развитие сельского хозяйства с «нэповской» экономикой, даже с учетом того, что предлагаемые меры по усилению давления на зажиточных крестьян объективно затрудняли рост сельскохозяйственного производства.

Исключительно важный для жизни Урала вопрос – судьба земельных наделов уральских рабочих в горнозаводских поселениях – рассматривалась в статье М. А. Советникова «К землеустройству в горнозаводских районах». Публикация в партийном журнале на десятом году советской власти не могла быть напечатана вне марксистских догм, и автор вынужден был писать о «карликовом характере земледельческого хозяйства горнозаводского населения» [см.: Советников, 1927, с. 19]. Однако весь последующий текст говорил об ином. Фактическое землепользование горнозаводского населения за период с 1917 г. выросло с 460 тыс. десятин до 1 235 тыс., из которых 1 млн десятин приходилось на земельные наделы, а 235 тыс. – на лесные наделы. Действительно, подавляющая часть земельных наделов приходилась на сенокосные угодья (70 %) и выгон (19 %) и только 7 % – на пашню. Тем не менее, представленные данные о среднем размере хозяйства горнозаводского поселения – в своей массе рабочих поселков – убедительно говорили о непролетарском облике рабочих Урала. Рабочий со своим домом, лошадью, коровой, девятью десятинами земельного надела – явно не вписывался в классические представления о пролетариате [см.: Там же].

Необычным языком для партийного журнала была написана статья Д. Гуревича «За улучшение советского аппарата на Урале» [см.: Гуревич]. Вместо привычных обвинений в адрес советского аппарата по поводу бюрократизма и косности «старых специалистов» автор отмечал хроническое неприятие советскими чиновниками «новых изменений», научных методов управления. Болезнью советской системы государственного управления, указывал Д. Гуревич, стала ведомственность, а универсальным средством улучшения работы («рационализации») госаппарата должно было стать внедрение принципов управленческих знаний («управления как науки»). В духе времени звучали и призывы к пополнению аппарата работниками партийных и профсоюзных организаций.

Впервые с критических позиций оценивалась ситуация с уровнем профессиональной подготовки директорского корпуса промышленных предприятий Уральской области, состоящего в большинстве из «красных выдвиженцев». Автор статьи У. И. Манохин – заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Уральского обкома – отметил, что из 123 директоров 100 коммунисты, но вместе с тем подчеркнул, что задачи индустриализации осложняет начальный уровень образования у 105 руководителей предприятий. Выход из сложившейся негативной ситуации автор видел в создании специальных курсов по обязательной переподготовке производственников [см.: Манохин].

Подобные статьи были немногочисленными в потоке публикаций откровенно пропагандистского толка, то бесосновательно сообщающих о преимуществах советской действительности над капиталистической, то трескучих заявлений о перманентном укреплении диктатуры пролетариата. Но они фиксировали одно из направлений редакционного курса: на осмысление эпоховой реальности с рационалистических позиций. Этот вектор был близок к содержанию «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспектив первого пятилетия», к статьям экономистов в журнале «Плановое хозяйство» в 1927 г., к позиции СНК СССР (и РСФСР) во главе с А. И. Рыковым.

Обратим внимание еще на одну публикацию «Уральского коммуниста» – Н. Бобровникова «Лицо уральской оппозиции» [см.: Бобровников], где оппозиционеры-троцкисты, работавшие на Урале, назывались «заблудшими людьми», но вовсе не «заклятыми врагами большевистской партии», как это звучало у Сталина и его креатуры.

Статьи в журнале за 1928 г. отразили всю гамму внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Вместе с тем очевидным было преобладание статей по *аграрной тематике* – главного вопроса апрельского и июльского

(1928) пленумов ЦК ВКП(б), в том числе темы строительства новых совхозов.

«Горячо поддерживав» идею создания новых «социалистических крупных зерновых фабрик», заместитель председателя Уралоблисполкома М. А. Советников в статье «Строительство новых совхозов на Урале» писал: только в РСФСР на организацию новых совхозов требуется 500 млн руб. и 10 тыс. тракторов, десятки тысяч единиц сельхозтехники и тысячи квалифицированных специалистов. Таких ресурсов в настоящий момент в стране не было. В силу этого одобрение автора вызвало то, что «план организации новых совхозов предусматривает определенную постепенность с нарастанием числа совхозов и затрат по строительству их из года в год» [Советников, 1928].

Перед совхозами ставилась задача: они должны были «превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского населения». Ссылка в статье М. А. Советникова на решения июльского Пленума ЦК ВКП(б) (1928) превращала приведенную выше формулировку в партийный лозунг, камуфлируя ожесточенную борьбу на июльском Пленуме сторонников и противников нэпа и не афишируя тот факт, что совхозы понимались как предприятия пищевой промышленности, *дополняющие* крестьянские хозяйства, объединенные простейшими видами кооперации. Ситуация в Уральской области с созданием совхозов была еще более напряженная, чем по РСФСР в целом: в регионе имелось минимальное количество тракторов, из которых часть была неисправной, а часть оказалась пригодной только для второстепенных работ.

Вернувшись к этой теме в ноябрьском выпуске журнала, П. Потеряхин писал о недостаточности мероприятий по механизации, электрификации при создании новых совхозов; острой нехватке специалистов; срыве планового финансирования [см.: Потеряхин]. Таким образом, журнал дал правдивую картину уровня технического и кадрового оснащения уральской деревни; выразил свое сдержанное отношение к призывам ускоренного обобществления крестьянских хозяйств.

Стремление не «выпадать из строя» партийной периодики привело к появлению в «Уральском коммунисте» статей, где акцентировалось внимание на благотворности резкого повышения (на 1/3!) налогов на зажиточных крестьян. В таких статьях и передовицах, с одной стороны, приводились данные об успешном развитии уральской деревни в годы нэпа (например, о росте условно-чистого дохода сельского хозяйства за 1923–1927 гг. на 57 %; поставок зерна на рынок с 97 до 116 млн пудов).

С другой стороны, звучали призывы к новому повышению налогового бремени на кулаков без учета возможных рисков. При этом даже в статьях о партийной работе в деревне приводились убедительные статистические данные о нежелании подавляющего большинства крестьян вступать в колхозы. Как о значительном успехе сообщалось о росте доли крестьян, охваченных производственной кооперацией в Тюменском округе за 1927–1928 гг. с 5, 8 до 6,7 %.

В 1928 г. статьи в «Уральском коммунисте» о работе частного сектора перестали однозначно враждебно оценивать деятельность предпринимателей Уральской области. Фактически, «товарооборот в мелкой розничной торговле вытягивал частник», – отмечал М. М. Мудрик. На долю частного предпринимательства в Уральской области в 1926 г. приходилось 82 % всех торговых точек, но не более 13 % всего торгового оборота. Удобство торговли с лотков, маленьких будок в горнозаводских поселках оценили рабочие, совершавшие более 1/4 покупок у мелких торговцев. Не требуя никаких дотаций у государства, мелкие частные торговые предприятия внесли в государственный бюджет в 1926/27 г. около 5 млн руб. Вместе с тем автор отметил в качестве позитивного факта наступление на позиции частного предпринимательства, в частности, увеличение налога на прибыль с 15 до 28 % [см.: Мудрик].

В статье М. С. Иванова «Состав Уральской организации ВКП(б): к 1 января 1928 г.» [см.: Иванов] впервые приводились данные социологического опроса рабочих пяти крупных предприятий региона о причинах вступления в партию и вариантов отказа от предложений о вступлении. Статистические данные могли обескуражить многих читателей: только 7 % рабочих Уральской области выразили желание вступить в «рабочую партию»! Еще 20 % с той же определенностью высказались против вступления в ВКП(б). Остальные 73 % представителей «правлящего класса» заявили о различных причинах, не позволяющих им стать коммунистами (неграмотность и малограмотность, политическая неподготовленность, семейные обстоятельства, болезни). Думается, данные социологического опроса – один из примечательных документов эпохи и, без сомнения, рабочей истории.

В статье П. Парамонова как о большом достижении говорилось об уменьшении различий в оплате труда высоко- и низкоквалифицированных рабочих Уральской области [см.: Парамонов]. Казалось бы, история горнозаводских рабочих зафиксировала значение мастерства уральских умельцев и роль мотивации в их жизни, но интересы пролетариата понимались сквозь призму уравнилельных взглядов.

Явными критическими нотками в адрес левацких, нереальных планов по ликвидации неграмотности была отмечена статья В. Криулина «Наши задачи в области ликвидации неграмотности». Автор указывал: завышенные, произвольные планы обучения грамоте взрослых, а также нехватка квалифицированных преподавателей оборачиваются тем, что 30–40 % обученных через десять месяцев забывают грамоту. Выдвинутая задача – ликвидировать неграмотность к десятилетию Октябрьской революции – оценивалась как абсолютно нереальная. Но за рациональной оценкой следовал вывод в типично марксистском духе: не нужно тратить силы и средства на обучение представителей зажиточных крестьян и предпринимателей [см.: Криулин].

Статья, подписанная псевдонимом «Экономист», содержала реальные результаты перехода промышленных предприятий на семичасовой рабочий день, начиная с ноября 1927 г. Обращалось внимание на то, что переход на семичасовой рабочий день происходит очень медленно: во всей промышленности СССР в 1927/28 г. было переведено только 118 622 рабочих промышленности, в основном на текстильных предприятиях. В Уральской области это решение реализовали Миасский механический завод и ряд мелких предприятий [см.: Экономист].

Переход промышленных предприятий на семичасовой рабочий день вскрыл значительные трудности: предприятия не успели подготовить достаточного количества доброкачественного сырья. Низкое качество сырья затормозило уплотнение рабочего дня и отрицательно отразилось на производительности труда и качестве продукции, вело к простоям. Также отрицательно сказались на этом процессе и несвоевременное внедрение сдельных расценок применительно к новым условиям труда и недочеты в самом их установлении. Уплотнение рабочего дня и рационализация рабочего времени оказались непроработанными и привели к снижению объема выработки за смену и перерасходу фонда заработной платы.

В течении семи месяцев 1928 г. между пленумами ЦК ВКП(б) состоялось три сражения. Первые два (в апреле и июле) выиграли сторонники нэпа, в ноябре был зарегистрирован формально ничейный результат. Этот период не мог не отразиться на содержании публикаций в журнале. Уже в октябрьском номере (1928) журнала передовая статья «За ленинские основы» говорила о «правой опасности». Имена «правых» еще не назывались, но люди, призывавшие к гармоничному развитию тяжелой и легкой промышленности, обвинялись в «правых» взглядах и подлежали осуждению. Фамилии этих партийных и государственных работников были знакомы номенклатурным работникам.

В 1929 г. продолжалась традиция публикации материалов, с рациональных позиций оценивавших положение в экономике, обществе и партии. Так, в статье Я. Я. Шипова приводились данные медицинского обследования областной партийной элиты. Постоянные физические и психологические перегрузки привели к тому, что из 284 ответственных партийных работников Уральской области 240 страдали болезнями нервной системы; 220 – болезнями сердца; 185 – болезнями крови [см.: Шипов, 1929]. В качестве причины физического и психического, нервно-психологического нездоровья представителей региональной элиты автор называл «множество дополнительных общественных нагрузок». Однако к этому, наряду с потрясениями подпольной работы, революций и Гражданской войны, следовало бы добавить и полученные уже в советское время неврозы из-за непрекращающейся внутрипартийной борьбы и вынужденной (в силу недостаточного профессионализма) работы методом «проб и ошибок».

О тревожном социальном явлении – широком распространении алкоголизма среди промышленных рабочих Уральской области и, как следствие, массовых прогулах и нарушениях общественной дисциплины – шла речь в статье Л. Е. Гольдич «Алкоголизм среди рабочих Урала» [см.: Гольдич, 1929].

С учетом растущей критики «правых» смелой выглядела статья П. Уральского «Против извращений в хлебозаготовках», призывавшая к недопустимости карательных мер против крестьян, не желавших вступать в колхозы. Автор приводил многочисленные конкретные случаи травли не только взрослых сельчан, но и их детей за отказ вступать в коллективные хозяйства Урала [см.: Уральский].

На протяжении 1929 г. практически в каждом номере журнала стали появляться статьи, осуждающие правых: сначала без фамилий; затем – рядовых партийцев; наконец – работников среднего звена. Передовая статья октябрьского номера за 1929 г. впервые открыто осуждала члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарина, «отошедшего от марксизма-ленинизма и перешедшего на позиции правого оппортунизма». Обращал на себя внимание и формат передовицы: вместо обычных двух-трех страниц, она заняла семь страниц.

Если первый номер журнала за 1929 г., напечатав панегирик в адрес брошюры Сталина «Об индустриализации и правом уклоне», рядом разместил весьма сдержанные рецензии оппонентов (А. И. Рыкова и Г. Крумина), то последний (декабрьский) номер был практически целиком посвящен поименному обличению «правых оппортунистов» в партийном и государственном аппарате.

Казалось бы, с инакомыслием в журнале было покончено. Однако две статьи А. П. Танеева в журнале «Уральский коммунист» в 1930 г., насыщенные резкой аргументированной критикой необоснованных планов форсированного рывка промышленного развития в Уральской области, названных автором «плодом свободного творчества» [см.: Танеев, 1930а; 1930б], говорили о несогласии ряда авторов «Уральского коммуниста» с генеральной линией. Сам факт возможности выхода подобных публикаций в 1930 г. в партийном журнале говорил о поддержке материалов А. П. Танеева со стороны областных руководителей. Весь путь партийной и хозяйственной элиты Уральской области в 1920-е гг. подтверждает эту гипотезу.

Резюмируя, можно заметить, что журнал «Уральский коммунист» стремился следовать «генеральному курсу» правящей партии. Однако сам курс в силу острых внутрипартийных дискуссий не был единым. Отражение различных точек зрения в руководстве СССР особенно заметно в статьях «Уральского коммуниста» за 1928 г.

Необходимость отражения наиболее острых проблем региона обусловила тот факт, что на протяжении всего исследуемого периода в журнале появлялись статьи, с рациональных позиций освещающие жизнь населения Уральской области. В этом заключались некоторая самостоятельность и автономность журнала в 1926–1928 гг. и в меньшей степени – в 1929 г.

Вместе с тем очевидно стремление редакции журнала обойти те сюжеты, которые требовали глубоких теоретических знаний и немалой смелости в самостоятельном осмыслении действительности. К ним следует отнести прежде всего вопросы регулирования многоукладной экономики; необходимость и риски от взвинчивания налогового пресса на частный сектор; комплексной оценки положения промышленных рабочих; аналитики такого важного документа, как «Генеральный план развития Уральской области на 1926–1941 гг.», – единственного в СССР опубликованного стратегического плана, основанного на сохранении принципов многоукладной экономики.

Но самое поразительное заключалось в том, что из-за внутрипартийных баталий (и связанных с ними «организационных» и «теоретических» выводов), журнал «Уральский коммунист» не приступил к обсуждению вариантов Первого пятилетнего плана в Уральском регионе. Журнальное «безмолвие» способствовало принятию нереальных планов, и предостерегающие статьи А. П. Танеева в 1930 г. стали запоздавшим сигналом бедствия вслед уже ушедшему поезду.

Журнал «Уральский коммунист» смог отразить настроения и убеждения руководящего состава работников Уральской области, включая стремление снизить накал внутрипартийной борьбы; обойтись без ускоренной и неподготовленной коллективизации; продлить существование нэповской экономики. Однако двойственность, присущая как большевизму в целом, так и отдельным его представителям, наглядно проявилась в уклонении от осмысления роли многоукладной экономики и ее возможностей; в покорности начавшемуся и нарастающему валу критики близких по политическим взглядам «правых» в руководстве ВКП(б).

Сведя к минимуму самостоятельность регионов и региональных элит, Сталин и его окружение навязывали собственное видение и понимание «индустриального проекта» в СССР. Но лавинообразное нарастание проблем и противоречий на рубеже 1920–1930-х гг. получило отражение в «предостерегающих статьях» журналистов, которые помогали части хозяйственников, партийных и советских руководителей разобраться с причинами экономических кризисов в годы первой пятилетки. Сопроотивление сталинизму продолжалось, уходя в «глубины» экономической мысли и практики.

Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Генезис. Екатеринбург : Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1997.

Березкина О. С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М. : РОССПЭН, 2006. С. 302–320.

Бобровников Н. Лицо уральской оппозиции // Урал. коммунист. 1927. № 11. С. 10–18.

В помощь массовой работе // Урал. коммунист. 1926. № 1. Прил. С. 1–6.

Гольдич Л. Е. Производительность труда и заработная плата уральских рабочих // Урал. коммунист. 1926. № 1. С. 3–9.

Гольдич Л. Е. Алкоголизм среди рабочих Урала // Урал. коммунист. 1929. № 4. С. 31–34.

Гуревич Д. За улучшение советского аппарата на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 10. С. 3–9.

Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг: исторический источник в контексте эпохи // Как ломали Нэп : стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. : в 5 т. Т. 1 : Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М. : РОССПЭН, 2000. С. 15–33.

Иванов М. С. Состав Уральской организации ВКП(б) к 1 января 1928 г. // Урал. коммунист. 1928. № 3. С. 42–45.

Казанский Ф. М. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 26–27. С. 62–75.

Криулин В. Наши задачи в области ликвидации неграмотности // Урал. коммунист. 1928. № 8. С. 12–15.

Кравцов В. С. Роль партийно-советской печати в духовном развитии трудящихся Урала в годы первой пятилетки : автореф. ... канд. ист. наук. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1975.

Люттов Л. Н. Региональная руководящая элита в начале нэпа (1921–1923 гг.): социокультурный аспект // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 321–338.

Манохин У. И. Состояние кадров уральской промышленности // Урал. коммунист. 1927. № 11. С. 10–12.

Мудрик М. О частном капитале в торговле на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 6. С. 7–18.

Парамонов П. Заработная плата на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 11. С. 15–19.

Потеряхин П. Состояние и основные задачи совхозного строительства // Урал. коммунист. 1928. № 14. С. 18–20.

Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики земледельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск : Уралпрофсовет, 1927. С. 127–191.

Советников М. А. К землеустройству горнозаводского населения // Урал. коммунист. 1927. № 18. С. 18–22.

Советников М. А. Строительство новых совхозов на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 9. С. 16–21.

Таняев А. П. О социальной направленности сельскохозяйственных кредитов на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 15. С. 10–16.

Таняев А. П. Проблема промышленных кадров для Большого Урала // Урал. коммунист. 1930а. № 3–4. С. 20–33.

Таняев А. П. О современном лице промышленных кадров Урала // Урал. коммунист. 1930б. № 11–12. С. 24–31.

Уральский П. Против извращений в хлебозаготовках // Урал. коммунист. 1929. № 6. С. 6–10.

Фельдман М. А. Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // Вопр. истории. 2016. № 12. С. 29–39.

Шишов Я. Я. К очередным хозяйственным задачам // Урал. коммунист. 1926. № 1. С. 5–12.

Шишов Я. Я. Состояние здоровья партийных кадров Уральской области // Урал. коммунист. 1929. № 5. С. 18–21.

Экономист. К переходу на семичасовой рабочий день // Урал. коммунист. 1928. № 13. С. 6–10.

ЦДООСО (Центральный архив документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4 – фонд обкома ВКП(б).

УДК 651.2:004

В. А. Бондарь

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СИСТЕМАХ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

В статье основное внимание уделяется особенностям технологии блокчейн и ее возможным способам применения в процессах электронного документооборота. Разбираются достоинства и ограничения технологии, приводятся мнения об ее применимости в процессах электронного обмена документами в целом и системах электронного документооборота в частности. Делается вывод, что в настоящее время блокчейн из-за технических ограничений и особенностей нормативной базы лишь ограниченно применим в электронном документообороте, но, несомненно, в перспективе возможностей для его использования будет больше.

К л ю ч е в ы е с л о в а: блокчейн, электронный документ, электронный документооборот, электронная подпись, транзакция, криптозащита, смарт-контракт.

Технология блокчейн, несмотря на практически десятилетие своего существования, остается сравнительно малоиспользуемой. Ее идея – распределенная база данных, представляющая собой цепь взаимосвязанных блоков, в каждом из которых, помимо основного массива данных, содержится информация о предыдущих блоках, включая место их хранения. Основное использование технологии в настоящее время – денежные транзакции через компьютерные сети, особенно криптовалютные. Кроме денежных транзакций, также есть применения, которые обусловлены следующими возможностями платформы: регистрация сделок; заключение контрактов; подтверждение личности пользователя на стадии его идентификации.

Вне банковской сферы блокчейн, помимо стандартных транзакционных записей и данных по блокам, может быть использован для хранения любого другого компьютерного кода, например, триггеров для инициации определенных действий при определенных условиях. Например, генерация сопутствующей документации, когда два участника сделки используют свои ключи при подписании контракта. Кроме того, задаются особые показатели или параметры. При их наступлении сделка будет подписываться в автоматическом порядке [см.: Технология блокчейн]. В сфере интеллектуальной собственности сеть на основе блокчейн позволяет определить, сколько раз тот или иной участник сети вправе иметь доступ к необходимому содержанию [см.: Там же].

Распределенное хранилище данных, благодаря своей защищенности от изменений, анонимности и верифицируемым механизмам работы, может представлять определенный интерес для компаний. Технология, хоть и ограниченно, может применяться различными способами:

- в сфере управления данными преуспела компания Factom. У ее клиентов, благодаря предоставляемой базе данных на основе блокчейн, появилась возможность безопасно вести свою деятельность;
- платформа Ascribe дает творческим людям больше возможностей сохранять право владения своими произведениями;
- решение Uphold обеспечивает безопасность перевода своих средств на другие кошельки и операций с сырьем физическим и юридическим лицам;
- платформа компании Civic, благодаря технологии блокчейн, позволяет регистрироваться, подтверждать персональные данные и защищать собственную кредитную историю;
- компания LO3 Energy придумала проект Trans Active Grid – это децентрализованная платформа для создания приложений. В частности, она помогает измерять потребление электроэнергии;
- компания Follow My Vote разработала безопасную систему для проведения онлайн-голосований. При использовании блокчейна результаты получаются достоверные и точные;
- существует движение Free My Vunk, которое поставило перед собой задачу – обмениваться в видеоиграх виртуальным имуществом. В качестве валюты выступают токены на базе Ethereum;
- платформа Advocate помогает рядовым гражданам удобно взаимодействовать с государственными органами [см.: Блокчейн – что это такое...];
- компания Chronicled помогает людям улучшать свой потребительский опыт;

- фирма Ubitquity на основе собственной блокчейн-платформы предлагает другим компаниям безопасно вести записи об имуществе и связанном с ним праве собственности [Блокчейн – что это такое].

В России также есть предпосылки к использованию блокчейн-технологий в некоторых сферах. Пока подобные решения остаются нишевыми, тем не менее достойны упоминания следующие инициативы:

- в конце зимы 2018 г. с использованием технологии блокчейн впервые заключили договор по участию в долевым строительстве;
- в Москве скоро будет запущен проект для мониторинга достоверности информации в Едином государственном реестре недвижимости;
- авиакомпания S7 смогла автоматизировать продажи билетов благодаря блокчейну. Пассажиры уже могут воспользоваться этой возможностью;
- Национальный расчетный депозитарий разработал блокчейн-платформу для компании «Мегафон». Благодаря ей будут массово выпускаться облигации;
- Министерство здравоохранения России планирует внедрить блокчейн в медицинские учреждения. В первую очередь, электронные карты пациентов будут храниться в безопасной базе данных. Человек сможет выбрать тех, с кем он будет делиться личными данными [см.: Там же].

Технология имеет ряд особенностей, благодаря которым обеспечивается ее надежность и доверие ней. Плюсы блокчейна сводят к следующему:

- информация о блоках цепочек хранится децентрализованно на различных серверах по всему миру. Это гарантирует, что при попадании таких данных к посторонним людям они ничего не смогут с ними сделать;
- в блокчейн доверие формируется не к какому-то конкретному узлу, а к сети в целом. Это уникальное свойство построено в том числе на криптографических алгоритмах. Чтобы изменить информацию в каком-то блоке, необходимо менять все последующие блоки. Чтобы сеть признала эти изменения, их должны подтвердить другие узлы. Лишь в случае, когда большая часть сети принадлежит злоумышленнику, такие операции возможны, однако на практике этот сценарий маловероятен и зачастую финансово невыгоден [см.: Евтушенко];
- устойчивость к атакам и подменам данных, которая обусловлена децентрализацией и особенностями формирования доверительных вычислений;
- ускорение расчетов по сделкам, поскольку блокчейн позволяет проводить транзакции круглосуточно, 365 дней в году. Банкам нужно несколько дней, чтобы провести основные операции, кроме того, у них есть рабочий график и выходные;

- у блочных цепочек практически всегда имеется открытый исходный код, который может быть изменен по усмотрению любого, кто имеет соответствующие навыки. Однако это делает очень сложным незаметное изменение зарегистрированной ранее информации. Последнее обстоятельство делает блокчейн надежной технологией;

- правительства всех стран мира пытаются контролировать блокчейн, но пока это плохо получается. Поэтому технология сразу пришлась по душе большинству пользователей [см.: Блокчейн – что это такое].

Кроме таких преимуществ, как открытость, безопасность и защищенность, блокчейн также уменьшает транзакционные издержки и позволяет организациям избавиться от лишних статей расходов [см.: Volkonska].

Несмотря на 10 лет существования, блокчейн до сих пор ограниченно применим в силу следующих особенностей:

- пока не разработаны готовые коробочные продукты, позволяющие внедрить блокчейн в существующую инфраструктуру. Мало специалистов, а те, что есть, стоят дорого. Кроме того, до сих пор возникают трудности в интегрировании платежных систем в блокчейн;

- блокчейн – это энергозависимая технология, поэтому стоит довольно дорого. Например, одни только майнинговые фермы потребляют 16 ТВт/ч за год [см.: Блокчейн – что это такое];

- в блокчейне на текущем уровне развития дорого хранить файлы: как правило, их выносят во внешнюю сеть [см.: Толкачев];

- сегодня блокчейн не способен обеспечивать огромное количество транзакций за короткое время. Например, платежные системы MasterCard или Visa обрабатывают около 45 тыс. транзакций в секунду, в то время как у биткойна их всего 7. Также ежедневно растет и вес базы, которая хранится на компьютерах сети [см.: Volkonska]. Если говорить о публичных платформах, то их предел – 100 транзакций в секунду, у закрытых и гибридных платформ он несколько больше [см.: Толкачев].

Представляется возможным также воспользоваться сетевыми платформами на основе блокчейн-технологии. Существуют даже конструкторы бизнес-приложений как для стартапов, так и для уже сформировавшихся компаний [см., напр.: SmartStarter]. Если же говорить о существующих платформах, то перечислим некоторые из них:

- Sia – облачное хранилище. В отличие от Google Drive, оно имеет механизмы, способные передавать зашифрованную информацию на каждый компьютер. Стоимость подписки значительно дешевле, чем в обычных проектах;

- Ripple – первая государственная криптовалюта, которая помогает банкам быстро переводить средства в другие страны.
- NEM – самая известная японская крипто-платформа. Транзакции очень быстрые. В настоящий момент ведутся работы над уменьшением комиссии;
- Ethereum – это децентрализованная платформа, работающая на базе смарт-контрактов. Разработчик, пользующийся этим проектом, может программировать необходимые триггеры и различные действия с использованием языка сценариев [см.: Блокчейн – что это такое]. Она многофункциональна, но работать на ней сложно.

Также можно упомянуть:

1. EmcSSH. Эта платформа рассматривает систему как глобальную базу ключей для обеспечения прав доступа к данным и материалам. Ключи эти быстро заменяются. Метод подходит для организации работы большого количества терминалов, на каждом из которых пользователь может получить свой ключ доступа;
2. EmcSSL. Это единая база хранения подписей, сертификатов и цифровых отпечатков юзеров и компаний. При авторизации пользователя в системе аутентификация осуществляется на основании этих данных [см.: Технология блокчейн];
3. Emc InfoCard – пространство для применения информационных визиток в электронной форме в связке с сертификатами пользователей SSL;
4. EmcTTS – система записи, размещения и публикации документов с предоставлением доступа к ним по личному ключу;
5. EmcDPO – основа системы доказательства и закрепления авторских либо имущественных прав на материальные и творческие активы;
6. Atom Atom Emc используется для создания и подписания контрактов без посредников и привлечения третьих лиц;
7. EmcDNS – сервис для организации и выдачи имен доменов и закрепления их за пользователями [см.: Там же].

Для компаний будет полезен такой инструмент технологии блокчейн, как смарт-контракт. Впервые появился в сети Эфириума и значительно упрощает процедуру подписания договоров [см.: Volkonska].

В этом случае нет необходимости привлекать к процессу третью сторону, которая выступала бы гарантом соблюдения условий. Здесь программный код на основе заранее прописанных условий автоматически решает, что делать с тем или иным активом. Все заинтересованные участники процесса в любой момент могут провести аудит сделки. В международной торговле технологию впервые опробовали в начале осени

2016 г. Тогда на платформе Wave британским банком Barclays был проведен аккредитив на 100 тыс. долл., обеспечивающий экспорт предприятием из Ирландии Ognua крупной партии молочных продуктов в адрес Сейшельской компании. Стандартно такая сделка занимает минимум неделю, здесь на все ушло около четырех часов [см.: Volkonska].

В рамках использования в системах электронного документооборота технологии блокчейн перспективными представляются несколько направлений. Во-первых, системы аутентификации для обеспечения доступа к материалам и облачные хранилища данных типа Sia, которые обеспечивают гораздо более надежное, чем централизованные базы данных, хранение информации. Это обусловлено особенностями структуры сети блокчейн, которые наиболее ярко описаны в функционировании сети Биткойн. За десять лет не было ни одного программного сбоя собственно блоков системы, только проблемы, связанные с программными надстройками и ассоциированными платформами.

Во-вторых, системы подписания документов различного типа. В отличие от уже имеющей нормативное обеспечение электронной подписи, аналогичные технологии криптозащиты данных в блокчейн-сервисах пока не имеют возможности придать защищаемой информации юридическую силу. Этот аргумент может приводить к выводу, что в текущей ситуации электронный документооборот несовместим с технологией блокчейн [см., напр.: Болдачев].

Возможна и другая точка зрения, основанная на допущениях действующего гражданского права в отношении криптоалгоритмов электронной подписи. Судебная практика подтверждает, что виды электронной подписи – простой и неквалифицированной – признаются, если стороны взаимодействия договорились об этом.

Для подписи транзакций в блокчейн-системах используются пары «публичный ключ – приватный ключ». Все формируемые транзакции должны быть подписаны с использованием приватного ключа. Эта механика не отличается от простой или усиленной неквалифицированной электронной подписи при наличии должным образом удостоверенного соглашения об электронном взаимодействии данного типа. В нем выделяются следующие этапы:

- каждая сторона генерирует пару «публичный ключ – приватный ключ»;
- в договоре об электронном взаимодействии или в основном соглашении закрепляется возможность обмениваться сообщениями, подписанными простой электронной подписью;

- в блокчейн-сети прописываются реквизиты сторон;
- устанавливается порядок формирования электронного документа и его подписания [см.: Электронный документооборот...].

Уже функционирует платформа-регистр BlockSign, содержащая подписанные электронным способом документы. Каждая такая подпись сохраняется в блокчейне сети Биткойн и потому является уникальной и немодифицируемой [см.: Tanzarian...].

Если же говорить о том, чтобы признать записи о транзакциях на платформе блокчейн юридически значимыми без соответствующего соглашения, то тут возникают сложности. В открытом блокчейне (Bitcoin, Ethereum, Waves) ключи генерируются автоматически, что исключает возможность участия в процессе удостоверяющих центров. Квалифицированную электронную подпись можно подключать и использовать в транзакциях на закрытых блокчейн-платформах, в нашей стране это Мастерчейн (построена на базе кода Ethereum от Ассоциации Финтех) и Vostok (построена на базе кода Waves) [см.: Электронный документооборот...]. Таким образом, использование технологии блокчейн в проведении сделок и документообороте возможно уже в настоящее время, но с определенными исключениями. К ним относятся оговоренные в нормативных актах случаи, когда прямо запрещается электронная форма документа (например, электронным не может быть трудовой договор) или действуют дополнительные правила (например, как при обмене электронными счетами-фактурами).

В построении СЭД, помимо придания юридической силы электронным документам, также важна реализация обмена неструктурированными документами. В этом аспекте блокчейн не очень приспособлен к хранению в первоначальном виде большого количества тяжелых файлов, поэтому его применение ограничивается хранением хэш-сумм документов и их верификацией с помощью как средств электронной подписи, так и хэш-сумм. Также полезно ускорение проведения транзакций, т. е. блокчейн подходит для управления записями в значительно большей степени, чем для управления документами.

В документообороте между компаниями блокчейн может использоваться для ускорения проведения сделок и, в конечном итоге, укрепления доверия между сторонами. Хороший пример проектов, использующих это свойство блокчейна, – Legium и BlockSign. Технология блокчейн при наличии соответствующей нормативно-правовой базы позволит свести к нулю потребность в посредниках и в третьей доверенной стороне при проведении сделок в электронной форме. Неизвестно, произойдет

ли это в ближайшее время, так как обязательность наличия в цепочке обмена операторов и использования квалифицированной электронной подписи прописана законодательно [см.: Евтушенко].

В порядке эксперимента упомянем систему обмена информацией между госкорпорациями на основе блокчейн – Digital Ecosystem. Она была внедрена в первом квартале 2017 г. с участием Сбербанка, ФАС, «Аэрофлота», ОАК, «Русского угля» и «ФортеИнвеста» [см.: Сбербанк...].

Во внутреннем документообороте наиболее уместны будут блокчейн-технологии в тех случаях, когда необходимо доказательство факта подписания сотрудником того или иного внутреннего документа. Это дополнительный верифицирующий механизм для спорных ситуаций, его лучше всего реализовывать на основе публичной блокчейн-платформы, поскольку локальная база данных такого рода не имеет смысла. Использование технологии непосредственно в обмене электронными документами ограничено и требует дальнейшего изучения. Вот несколько ситуаций, в которых использование блокчейн-технологий может быть сочтено оправданным:

- токенизация расчетов – выпуск электронных платежных средств в виде токенов – гарантируется отсутствие контроля со стороны эмитента над реестром. Следовательно, эмитент не сможет удалять записи о выданных векселях, что создает доверие к электронным векселям, сравнимое с доверием к бумажному векселю;
- заверение документов – блокчейн выступает гарантом точности информации в системе электронного заверения. Такая система решила бы проблему подтверждения подлинности документа, убрав необходимость в лице-посреднике;
- отслеживание товара вдоль цепочки поставок – блокчейн решил бы проблему проверки подлинности, борьбы с контрафактом и обмена информацией о местоположении и качестве товара, поскольку, в силу неизменяемости, хронологического порядка блоков и децентрализации, все участники могут вносить свою информацию и доверять чужой [см.: Толкачев].

В-третьих, весьма полезными в осуществлении хозяйственной деятельности в перспективе могут стать смарт-контракты, которыми можно заменить как классические договоры, так и процедуры, и регламенты, регулирующие деловые процессы. По сути, это среда разработки правил, по которым происходят или не происходят некоторые события, например, транзакции. Таким образом, внутри блокчейн можно разрабатывать правила, условия, протоколы работы, по которым будет проис-

ходить взаимодействие участников сети. Направление «Разработчик на блокчейн» становится сейчас востребованным и хорошо оплачиваемым [см.: Евтушенко]. Наиболее известной платформой разработки смарт-контрактов на блокчейн считается среда Ethereum.

Применение смарт-контрактов в банковской сфере, например, в деятельности Альфа-банка, позволило сократить время осуществления стандартного аккредитива с 14 дней до 23 секунд [см.: Теряева, Баева]. При этом минимизируется участие в сделке третьих лиц и исключается риск невыполнения одним из контрагентов условий контракта, поскольку блок не подлежит редакции и удалению.

Технология блокчейн, несмотря на относительно продолжительное и стабильное существование в сфере криптовалюты и денежных транзакций, в настоящее время может быть лишь ограниченно применима в сфере электронного документооборота. Из-за особенностей нормативного регулирования в настоящее время возникают трудности с переводом на блокчейн-платформы значимых транзакций между предприятиями, например, обмен электронными счетами-фактурами или договорами. Также не решен в полной мере вопрос равнозначности предоставляемой технологией блокчейн криптозащиты информации и квалифицированной электронной подписи, что вызывает сомнения в юридической значимости записей в блоках.

Кроме того, существуют и технологические ограничения, наиболее критичными для электронного документооборота представляются два: непригодность для хранения неструктурированных файлов (соответствующих документам в классическом понимании) и высокие траты энергии на поддержание соответствующей инфраструктуры. Это обеспечивает, с одной стороны, высокую стоимость гибридной, тем более приватной, блокчейн-платформы. С другой – серьезные сложности в построении системы электронного документооборота на базе рассматриваемой технологии, поскольку полные тексты документов, необходимые для функционирования предприятия, приходится, как правило, выносить во внешнюю сеть. Вышеупомянутые особенности дополняются отсутствием готовых продуктов и сложностями во внедрении блокчейн-решений как из-за проблем с настройкой и интеграцией, так и по причине малого количества специалистов.

Тем не менее, перспективы применения блокчейн в обеспечении электронного документооборота просматриваются в нескольких аспектах уже в настоящее время. Это управление записями, системы подпи-

сания и верификации документов, токенизации расчетов, отслеживание логистических цепочек, а также использование смарт-контрактов при совершении различных сделок. Расширение сферы использования блокчейн возможно при усовершенствовании нормативно-правовой базы и преодолении технических проблем и ограничений, что позволит обеспечить быстрые, надежные и безопасные электронные транзакции. При этом дальнейшие возможности ее использования в рамках электронного документооборота остаются пока на уровне допущений и перспектив.

Блокчейн – что это такое простыми словами // Finfex: финансы, инвестиции, бизнес : [сайт]. URL: <https://finfex.ru/blokcheyn-chto-eto-takoe-prostymi-slovami/> (дата обращения: 06.02.2019).

Болдачев А. Лишнее звено: почему электронный документооборот на блокчейне не имеет смысла // Forbes : [официальный сайт журнала]. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343787-lishee-zveno-pochemu-elektronnyy-dokumentoorot-na-blokcheyne-ne-imeet-smysla> (дата обращения: 06.02.2019).

Евтушенко А. ЭДО без операторов, или немного о блокчейн // ECM-journal : журн. об электронном контенте, документах и бизнес-процессах : [сайт]. URL: <https://ecm-journal.ru/docs/EhDO-bez-operatorov-ili-Nemnogo-o-blokcheyn.aspx> (дата обращения: 06.02.2019).

Сбербанк в 2017 году запустит документооборот на основе blockchain // РБК : [информ. портал]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/19/01/2017/587de3d49a7947533915ad51> <https://www.rbc.ru/finances/19/01/2017/587de3d49a7947533915ad51> (дата обращения: 06.02.2019).

Теряева А. С., Баева А. С. Внедрение в банке электронного документооборота на основе blockchain: проблемы и перспективы // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-v-banke-elektronnogo-dokumentoorota-na-osnove-blockchain-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 06.02.2019).

Технология блокчейн (Blockchain) – что это такое простыми словами // Mining-bitcoin: все о криптовалюте : [сайт]. URL: <https://mining-bitcoin.ru/interesting/tehnologiya-blokcheyn-chto-eto> (дата обращения: 06.02.2019).

Толкачев А. Зачем здесь блокчейн // vc.ru: бизнес и технологии : [сайт]. URL: <https://vc.ru/crypto/44408-zachem-zdes-blokcheyn> (дата обращения: 06.02.2019).

Электронный документооборот на блокчейне: работает или нет? // vc.ru: бизнес и технологии : [сайт]. URL: <https://vc.ru/crypto/51297-elektronnyy-dokumentoorot-na-blokcheyne-rabotaet-ili-net> (дата обращения: 06.02.2019).

SmartStarter: конструктор блокчейн-приложений [Электронный ресурс]. URL: https://lp.smartstarter.ru?_openstat=ZGlyZWN0LnlibmRlcC5ydTszODQ0NjQyNzszNTU0MDY0NTgxO3lhbmlRlcC5ydTpdnWFyYW50ZWU&yclid=349767638567640494 (дата обращения: 06.02.2019).

Tanzarian Armand Технология блокчейн на службе электронного документооборота // BitNovosti: информационный ресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://bitnovosti.com/2014/08/18/blockchain-dokumentooborot/> (дата обращения: 06.02.2019).

Volkonska E. Блокчейн – что это понятным языком // BestInvestPro.com : [сайт]. URL: <http://bestinvestpro.com/blokchejn-chto-eto-ponyatnym-yazykom/> (дата обращения: 06.02.2019).

УДК 651

Т. А. Селезнева

КОНТРОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье дается краткая характеристика становления, развития и современного состояния функции контроля исполнения документов и поручений, рассматриваются различные технологии контроля. Акцентируется внимание на том, что организация контроля исполнения документов является специфической составляющей, присущей отечественной практике работы с документами. В статье использован опыт участия автора в разработке, внедрении и эксплуатации систем автоматизации документационного обеспечения, в частности, систем и подсистем контроля исполнения документов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: контроль исполнения, контроль исполнения документов, традиционные и современные технологии контроля исполнения документов.

Контроль – это достаточно многоплановое понятие. Примечательно его происхождение от французского слова *contrôle*, которое переводится, как «список, ведущийся в двух экземплярах» (от лат. *contra* – «против» и *urotulus* – «свиток»). В общем плане контроль – это наблюдение, надсмотр над чем-нибудь с целью проверки [см.: Контроль].

Контроль – важнейшая функция управления наряду с такими функциями, как организация, планирование, регулирование. Как функция контроль исполнения занимает особое место в системе управления, поскольку обеспечивает реализацию прочих управленческих функций, поставляя информацию о фактическом состоянии дел в организации.

Задачей контроля, в самом общем виде, является количественная и качественная оценка результатов работы организации. Контроль исполнения обеспечивает обратную связь и позволяет непрерывно повторять

циклический процесс управления на новой основе. Контроль устанавливает степень соответствия фактического состояния управляемой системы принятым решениям, реально достигнутых результатов запланированным, выявляет отклонения и их причины [см., напр.: Нестеров, с. 3–5]. Успешное функционирование организации во многом зависит от эффективности контроля ее деятельности. Эффективная система контроля позволяет не только своевременно выявить ошибки и нарушения, неизбежные в деятельности любой организации, но и оперативно принимать меры по их устранению. В идеальном варианте система контроля позволяет выявлять факторы, которые могут оказать негативное влияние на деятельность организации, на реализацию намеченных планов и своевременно отреагировать на эти обстоятельства.

В отечественной практике важной составной частью управленческого контроля является контроль исполнения документов и поручений. Контроль исполнения документов является, в свою очередь, одной из функций документационного обеспечения управления.

Можно, вероятно, утверждать, что система контроля исполнения документов – это национальное явление, отражающее специфику российского менеджмента. Россия – страна – ярко выраженной исполнительной вертикалью. Деятельность российских организаций (в первую очередь, органов власти и управления, иных государственных учреждений) заключается в последовательном исполнении документов. Важнейшим механизмом обеспечения их своевременного исполнения считается контроль исполнения документов, который трактуется как совокупность действий, обеспечивающих своевременное исполнение документов [см.: ГОСТ Р 7.0.8–2013, с. 9]. Исполнение документа, в свою очередь, трактуется как выполнение в установленные сроки заданий, содержащихся в тексте документа или в резолюции руководителя, рассмотревшего документ. Документ считается исполненным, если фактически проведены предусмотренные в нем мероприятия: выполнено конкретное задание, подготовлен письменный ответ или составлен другой документ. Подготовка в порядке исполнения другого документа является наиболее распространенной практикой.

Следует, вероятно, отметить, что в настоящее время общепризнанным является понятие «контроль исполнения документов», зафиксированное в национальном терминологическом стандарте «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», а не широко используемая в советский период (ныне устаревшая) словесная конструкция «контроль за исполнением документов».

Национальная система контроля исполнения документов начала формироваться в начале XVIII в. При Петре I контроль исполнения документов выделяется в отдельный вид работы с ними. Петровскими указами 1711 г. учреждается должность фискала – специальная централизованная надзорная система, важнейшей задачей которой было путем негласного надзора и изучения канцелярского делопроизводства следить за исполнением указов и регламентов должностными лицами. Контрольные функции осуществляли последовательно генерал-ревизор, обер-секретарь Сената и с 1722 г. – генерал-прокурор. Указом 1722 г. «О должности Сената» устанавливалось иметь подробную роспись неисполненных дел, особо отмечалась необходимость незамедлительного исполнения указов и прочих поручений государя. При Сенате была учреждена должность экзекутора, в обязанности которого входило записывать в особую книгу исходящие документы с отметкой о времени и способе их отправления, составлять рапорты об исполнении. Во многих указах оговаривались сроки исполнения документов, устанавливались штрафы за просрочку исполнения сенатских указов. Контроль исполнения документов в каждой коллегии осуществлял прокурор коллегии, который, в частности, вел книгу, в которую записывалось, что и в какие сроки сделано в порядке исполнения того или иного указа. За исполнением решений, принятых коллегией, наблюдал нотариус, который вел так называемый настольный реестр, в который вносились все документы, прежде всего указы государя и Сената, намеченные к слушанию. Этот реестр во время заседаний находился на столе перед президентом, возглавлявшим коллегию. В канцелярии коллегии велись реестры отдельно по рассмотренным и исполненным и по рассмотренным, но не исполненным документам. В «настолевых реестрах» местных учреждений предписывалось указывать дату поступления каждого документа и дату его рассмотрения на заседании, фиксировать принятое решение, а также сведения о том, что указы по этому решению разосланы и исполнены [см.: Илюшенко, с. 26].

Вполне законченные очертания отечественная система контроля исполнения документов получила в период министерского или исполнительного делопроизводства. «Общим учреждением министерств» 1811 г. устанавливалось единообразие производства дел во всех министерствах, т. е. была сформирована единая система делопроизводства для всех министерств, их департаментов и отделений. Единообразными по функциональному назначению стали канцелярии – структурные подразделения, осуществлявшие делопроизводственные функции. Процесс дело-

производства делился на 4 этапа, одним из которых был этап ревизии, т. е. контроля исполнения.

Контроль исполнения документов в соответствии с положениями «Общего учреждения министерств» осуществлялся следующим образом. В учреждениях велись настольные реестры, в которых проставлялись отметки о том, «что по каждому делу учинено». В реестрах по каждому документу указывалась следующая информация: дата получения документа, дата рассмотрения, принятое решение, какие документы отправлены в порядке исполнения. Велись также «описи» нерешенных дел, в которых, в частности, указывалось, кем исполняется каждый документ. Документы, законченные исполнением, вносились в «опись делам решенным» [Илюшенко, с. 33–37].

По срокам исполнения документы делились на «текущие», «чрезвычайные» и «не терпящие времени». Сроки исполнения даже срочных документов («не терпящих времени») составляли от 2 до 6 недель, а в отдельных случаях и до 6 месяцев. Объяснялось столь длительное исполнение документов тем, что каждый из них должен был пройти многочисленные инстанции. Например, в земском суде документ в процессе исполнения проходил 26 инстанций, в губернском правлении – 54, в департаменте министерства – 34, в совете министра – 45.

Проверку исполнения документов («ревизию дел») в министерствах проводили начальники отделений и директора департаментов. Начальники отделений проверяли исполненные и неисполненные документы по столам и представляли сведения директору департамента. Директор департамента ежемесячно проводил проверку исполненных и неисполненных документов по регистрационным журналам и настольным реестрам и представлял сведения министру. В конце года в канцелярии составлялась общая ведомость исполненных и неисполненных документов по всем департаментам и канцелярии [см.: Илюшенко, с. 33].

Таким образом, в министерском (исполнительном) делопроизводстве сформировалась сложная, многоступенчатая, но не вполне эффективная система контроля исполнения документов, во многом обусловленная сложной иерархической структурой управления, громоздкостью аппарата.

Постепенно негативное воздействие на деятельность организаций громоздкого и неповоротливого делопроизводства, чрезмерно медленного прохождения документов начинает проявляться все явственней. В связи с этим во второй половине XIX – начале XX в. отдельные ведом-

ства предпринимают попытки реформирования в рамках одного министерства или учреждения. Меры по рационализации делопроизводства затрагивают и организацию контроля исполнения.

Например, в Канцелярии попечителя Московского учебного округа с целью ускорения исполнения поручений была упрощена обработка документов. Пометки на документах (о получении, регистрации, направлении на исполнение, об исполнении) делались с помощью механических нумераторов и штампов. Была детально продумана последовательность обработки и исполнения документов. На каждом входящем документе ставилась дата получения. При регистрации документа на нем ставился штамп, в котором указывались название канцелярии, дата и номер документа, стол, где он должен исполняться, номер дела, в которое подшивали документ после исполнения. Таким образом, уже на этапе регистрации определялся исполнитель документа. На документах, которые подлежали рассмотрению окружного инспектора, от руки или с помощью штемпеля проставлялась его фамилия. Решение вопроса, затронутого в документе, оформлялось резолюцией, которая, как правило, представляла собой готовый текст ответа. Документ с резолюцией инспектора направлялся попечителю, который обычно выражал свое согласие с решением и делал отметку «согласен». После этого чиновники соответствующих столов канцелярии составляли ответ, включая в него текст резолюции. На документе сначала от руки, позднее – с помощью специального штемпеля делалась отметка об исполнении («исполнено» и дата исполнения) [см.: Илюшенко, с. 43].

В 1911 г. пересмотрена существовавшая система делопроизводства в военном ведомстве. В целях ускорения исполнения документов предлагалось все запросы и жалобы направлять непосредственно тем лицам, от которых зависело разрешение вопроса. И ответ должен был посылаться тому должностному лицу или учреждению, от которого документ был получен. Вместо одной категории определения срочности исполнения – «спешно» – стали употреблять две: «спешно», что означало немедленное исполнение, и «срочно», что означало исполнение к определенному сроку. Предлагалось неисполненные документы хранить отдельно от документов, по которым не требовались предварительные запросы. Именно в военном ведомстве было дано определение термину «исполненная бумага». Исполненным документ считался тогда, когда затронутый в нем вопрос «разрешен окончательно и об этом в случаях, когда это нужно, послано соответствующее уведомление» [см.: Илюшенко, с. 45].

В этом же ведомстве в процессе регистрации и контроля исполнения документов в отдельных случаях применялась карточная система регистрации.

В конце XIX – начале XX в. карточная система регистрации контроля исполнения документов вызывает в России определенный интерес. Одно из первых упоминаний картотек в отечественной литературе относится к 1890 г., когда выходит книга Н. И. Шишкова «Счетоводство для неграмотных». А в 1902 г. в Петербурге создается фирма «Главный склад Шведско-Американской конторской мебели», занимавшаяся (в числе прочего) устройством и оборудованием делопроизводств по карточной системе [см.: Медведев]. Идея записывать данные на одноразмерных карточках, из которых формировались картотеки, была весьма прогрессивна для отечественного делопроизводства рубежа XIX–XX вв. Но широкое распространение картотеки в сфере делопроизводства получили позже.

В первые годы советской власти огромное значение организации контроля исполнения придавал В. И. Ленин, считая проверку исполнения наиболее важной функцией управления. Он неоднократно указывал, что после принятия решения и выдачи заданий подчиненным необходим систематический, действенный контроль за четким и своевременным выполнением поручений. В своих работах В. И. Ленин неоднократно давал конкретные указания по вопросам организации контроля исполнения документов. В частности, он предлагал создать несколько образцовых учреждений с целью выработки наилучших приемов работы и методов контроля исполнения с целью последующего перенесения их в другие учреждения [см., напр.: Ленин, т. 45, с. 152–159; т. 54, с. 121–122]. Придавая первостепенное значение проверке фактического исполнения документов, Ленин уделял много внимания постановке техники контроля. В 1922 г. при его непосредственном участии была выработана особая форма карточки (которую в современных терминах можно назвать регистрационно-контрольной). При этом он настаивал, чтобы в карточку были включены только графы, обязательные для заполнения. Графы, которые заполнять затруднительно, на практике заполняться не будут, поэтому включать их в карточку не следует. Работу по ведению контрольной картотеки он поручил специальному сотруднику и неоднократно проверял правильность заполнения карточек и ведения картотеки. Два раза в месяц Ленин требовал представлять ему краткие отчеты о том, как осуществляется проверка исполнения [см., напр.: Фотиева].

1920-е гг. были чрезвычайно плодотворными с точки зрения организации исследований в области научной организации управленческого труда (НОУТ) и делопроизводства в частности. В этот период появляется несколько оригинальных отечественных научных школ в области научной организации труда и теоретических основ управления. Был создан не только особый Институт техники управления (ИТУ) при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции СССР, но и целая сеть общественных организаций, институтов и лабораторий, занимавшихся вопросами НОТ и делопроизводства. Для координации работы по НОТ в масштабах всей страны в 1923 г. был образован Совет научной организации труда, производства и управления (СовНОТ). Он стал постоянно действующим совещательным органом при коллегии НК РКИ (Рабкрин) СССР и был призван вырабатывать основные принципы техники администрирования и научной организации управления и, в частности, его документационного обеспечения. В составе Рабкрина был образован отдел административной техники (АТО). В 1925 г. был создан Оргстрой, а в 1926 г. Государственный институт техники управления (ИТУ). Эти организации работали в постоянном контакте. Деятельность Оргстроя носила преимущественно прикладной характер, а ИТУ больше внимания уделял теоретическим исследованиям в области управления. Реализация теоретических положений проходила по линии Оргстроя или осуществлялась силами самого института, имевшего тесные связи с низовыми органами НОТ (опытно-рационализаторскими станциями, оргбюро предприятий, ячейками по НОТ, лабораториями и др.) [см.: Митяев, с. 105–113].

Наиболее интересные и перспективные разработки проблем делопроизводства велись в ИТУ. Одним из основных направлений были вопросы контроля исполнения документов. В проекте «новой системы делопроизводства» ИТУ излагались общие принципы, на основании которых оптимизировалась деятельность организаций. В частности, предполагалось, что контроль исполнения документов должен быть проверкой по существу, а не носить формальный характер. Этот принцип звучит актуально и сейчас. В подготовленном ИТУ проекте «Общих правил документации и документооборота», изданных в 1931 г., был раздел, посвященный принципам организации и технологии контроля исполнения документов. Несомненный интерес представляли рекомендации АТО НК РКИ СССР по введению централизованных карточных систем регистрации документов, с помощью которых можно было не только эффективно организовать справочную работу, но и контроль исполнения документов [История..., с. 89–99].

В 1932 г. ИТУ был закрыт. Все работы были прерваны, Общие правила не были доработаны и утверждены. Позже был ликвидирован и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Движение за научную организацию труда было свернуто, прекратили работу ведомственные и вневедомственные органы рационализации, закрыты все периодические издания, освещавшие вопросы управления и делопроизводства. Прекратились научные разработки проблем документирования и организации работы с документами. В истории делопроизводства начался длительный период ведомственного регулирования работы с документами. Каждое ведомство решало их по-своему.

Интерес к делопроизводственной основе управления возрождается к началу 1960-х гг., когда осознается необходимость формирования единой системы делопроизводства. Разработка Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) была поручена Всесоюзному научно-исследовательскому институту документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), учрежденному в 1966 г. в рамках Главного архивного управления (Главархива) СССР. Разработка и внедрение ЕГСД были выполнены в несколько этапов: 1965 г. – подготовка материалов; 1967 – разработка методической программы исследований; 1970 – создание проекта Основных положений ЕГСД. В 1973 г. Основные положения ЕГСД были одобрены Госкомитетом СССР по науке и технике и рекомендованы министерствам, ведомствам и организациям для использования. Основные положения ЕГСД содержали раздел «Организация контроля за исполнением документов» [ЕГСД].

В конце 1980-х гг. на основе ЕГСД была создана Государственная система документационного обеспечения управления (ГСДОУ). Основные положения системы в 1988 г. были утверждена приказом Главархива СССР. При неоднократных переизданиях ГСДОУ редактировалась и актуализировалась.

Основные положения ГСДОУ содержат п. 3.3 «Контроль исполнения документов» [см.: ГСДОУ, с. 35–37]. В этом подразделе изложены основные принципы организации контроля исполнения документов и выделены его этапы: постановка документа на контроль; проверка своевременного доведения документа до исполнителя; предварительная проверка и регулирование хода исполнения; учет и обобщение результатов контроля исполнения документов; информирование руководителя. Определяется, что документ считается исполненным и снимается с контроля после выполнения заданий, запросов, сообщения результатов заинтересованным организациям и лицам или другого документированного

подтверждения исполнения. Отдельный пункт касается сроков исполнения документов: указывается, что сроки исполнения могут быть типовыми и индивидуальными; отмечается, что сроки исполнения исчисляются в календарных днях с даты подписания (утверждения) документа, а поступивших из других организаций – с даты их поступления. Особо оговаривается, что приостанавливать или отменять исполнение документов имеет право только автор документа, вышестоящая организация и органы госнадзора. Отдельным пунктом регламентируется организация контроля исполнения в условиях традиционной обработки документов, т. е. с помощью контрольной картотеки. В п. 4.3 («Автоматизация работы с документами») есть пункт, в самых общих чертах характеризующий автоматизированный контроль исполнения. В прил. 6 приводятся правила заполнения основных реквизитов регистрационно-контрольных форм (РКФ), в прил. 10 – перечень типовых сроков исполнения документов.

До середины 1970-х гг. в государственных учреждениях и на предприятиях широко использовались традиционные контрольные (или срок-овые) картотеки. В качестве контрольных карточек использовались, как правило, РКК (регистрационно-контрольные карточки), рекомендованные ГСДОУ. В процессе постановки документа на контроль заполнялись соответствующие графы РКК. Срок исполнения отмечался на календарной шкале карточки, для наглядности использовались различные графические пометки, цветные индикаторы и т. п. Для контроля различных видов документов иногда использовались РКК различных цветов.

Карточная система контроля была чрезвычайно трудоемка. В зависимости от содержания на каждый подконтрольный документ заполнялась одна или несколько карт контроля. Как правило, на одно поручение, на один срок исполнения и на одного ответственного исполнителя составлялась отдельная карточка. Зачастую каждая РКК заполнялась в двух экземплярах, первый оставался в контрольной службе, а второй направлялся ответственному исполнителю вместе с контролируемым документом.

Карточки в контрольной картотеке систематизировались по срокам исполнения поручений. Небольшая контрольная картотека состояла из одного картотечного лотка, разделенного на 31 рубрику (соответственно дням месяца) и нескольких дополнительных рубрик, в которые помещались карточки на просроченные документы, на документы, исполнение которых запланировано на последующие месяцы. При значительном объеме контролируемых документов картотека состояла из нескольких картотечных лотков, каждый из которых состоял из 31 рубрики.

В одной лотке размещались карточки на документы текущего месяца, в другой – карточки на просроченные документы, в третьей – карточки на поручения следующих месяцев и т. п.

Ежедневно сотрудник, осуществляющий контроль, просматривал карточки в рубрике сегодняшнего дня и три-пять последующих рубрик. По результатам просмотра он напоминал по телефону соответствующим исполнителям о наступлении или приближении срока исполнения.

Кроме напоминаний по телефону, исполнителям еженедельно выдавались справки-напоминания с перечислением контролируемых документов. Руководителю организации и его заместителям еженедельно направлялись ведомости контроля с перечнем контролируемых, просроченных, выполненных документов, отчеты о состоянии исполнительской дисциплины. Составление этих документов даже при условии использования специальных бланков занимало значительное время. Подобная практика с незначительными особенностями в зависимости от специфики деятельности организации была в 1970-е гг. чрезвычайно распространена [см., напр.: Инструкция..., с. 35–40].

Именно в этот период формируются основные принципы организации контроля исполнения документов, многократно воспроизводимые в учебниках, учебных пособиях, нормативно-методических документах разных лет.

В контрольной деятельности четко прослеживались две составляющие. Первая – контроль исполнения документов по существу поставленных в них вопросов. Этот контроль осуществляли руководители различных рангов. Вторая составляющая – контроль за своевременностью исполнения и контроль соответствия формы создаваемых документов их содержанию. Этот формальный контроль осуществляли сотрудники делопроизводственных или специальных контрольно-инспекторских служб. Операции этого предельно формального контроля носили достаточно рутинный характер. Сотрудники, его осуществлявшие, недостаточно разбирались в контролируемых поручениях, не могли оказать влияния на ход исполнения, поскольку имели весьма низкий уровень компетенции. При оценке исполнительской дисциплины зачастую учитывались лишь формальные показатели, например, количество документов, просроченных исполнением.

Несмотря на то, что автоматизация контроля исполнения документов в ГСДОУ отводилось весьма скромное место, на практике компьютерные технологии контроля активно внедрялись еще с середины 1970-х гг. В отечественной практике контроль исполнения стал первой автомати-

зированной делопроизводственной функцией. И это не удивительно, поскольку организация контроля исполнения в условиях реализации традиционной технологии была чрезвычайно трудоемка и не всегда эффективна. Контролировались далеко не все документы, требующие исполнения, а только самые важные, поскольку сплошной контроль требовал большого штата контролеров.

С середины 1970-х гг. начинается повсеместное внедрение автоматизированных систем контроля исполнения документов (АСКИД, АКИД). Первоначально рекомендовалось внедрять АСКИД в организациях с объемом документооборота 100 тыс. и более в год, затем в организациях с объемом контролируемых документов более 1 тыс. Но на практике различные варианты АСКИД внедряли у себя (за малым исключением) все предприятия и учреждения, имеющие вычислительные центры. Различные варианты АСКИД разрабатывали разные министерства и ведомства, отдельные крупные предприятия. Удачным был опыт автоматизации делопроизводства, в частности контроля исполнения, в Минприборе СССР, Минэнерго СССР, объединении «Светлана» (Москва), ПО «Уралмаш», СНИТИ, ЦНИИМ (Свердловск), других научно-исследовательских институтах, научно-производственных объединениях. Проблемы автоматизации контроля обсуждались на страницах профильных журналов [см., напр.: Балин, Петербуржцев]. Многие разработки этого профиля были удостоены дипломов и медалей ВДНХ.

Основной целью внедрения АСКИД являлось обеспечение предупредительного контроля исполнения документов с помощью вычислительной техники (больших ЭВМ). При некотором различии любая АСКИД была рассчитана на решение следующих задач: информирование исполнителей и руководителей различного уровня о документах, срок исполнения которых истекает, и о документах с истекшим сроком исполнения (просроченных поручениях); информирование руководителей о ходе исполнения документов, об исполнении определенных групп документов, о состоянии исполнительской дисциплины. Задачи решались в двух режимах: предупредительном – до истечения сроков исполнения и контрольном – после истечения сроков исполнения.

Решение первой задачи было очень важным, так как должно было обеспечивать руководство организации информацией о поручениях, исполнение которых находилось под угрозой срыва. Традиционная «бумажная» технология контроля, за редким исключением, предполагала информирование о срыве сроков исполнения постфактум.

В утвержденную в 1979 г. Унифицированную систему организационно-распорядительной документации была включена подсистема унифицированных форм документов, обеспечивающих функционирование автоматизированного контроля документов АКИД. Подсистема включала инструкцию по применению подсистемы, форму регистрационно-контрольной карточки, типовой формуляр выходного документа, который мог трансформироваться вычислительным центром в различные перечни, справки-напоминания исполнителям, ведомости контроля для руководителей, справки о состоянии исполнительской дисциплины и т. п. документы [см.: УСОПД, с. 119–132].

Контрольно-инспекторская служба (КИС) в органах власти и управления могла входить в состав службы ДОУ или быть самостоятельным подразделением (например, инспекция при министре, группа контроля, иное контролирующее подразделение). В большинстве организаций КИС не создавалась, а функции контроля исполнения поручались делопроизводственной службе или секретариату. Далее автор обозначает термином «КИС» сотрудника или сотрудников, осуществляющих контроль исполнения, независимо от фактического названия структурного подразделения.

АКИД (с некоторыми локальными нюансами) функционировала следующим образом. Сотрудник, осуществляющий предварительное рассмотрение документов, выявлял документы, подлежащие контролю. Предварительное рассмотрение документов поручалось высококвалифицированному специалисту, хорошо знающему структуру организации и функции структурных звеньев, как правило, референту или помощнику руководителя, руководителю делопроизводственной службы.

Делопроизводственная служба регистрировала документы, заполняя РКК. На документы, содержащие несколько поручений, заполнялось соответствующее число РКК. Каждая РКК стала заполняться только в одном экземпляре, поскольку с появлением справок-напоминаний отпала необходимость направлять копии РКК исполнителям, хотя некоторые организации долго сохраняли малооправданную практику направления копии РКК исполнителям вместе с контролируемым документом. КИС кодировала информацию о контролируемых документах с помощью специальных справочников-классификаторов, разработанных совместно с сотрудниками информационно-вычислительного центра (ИВЦ). Для заполнения РКК часто использовались организационные автоматы (агрегированные комплексы, включающие электрическую пишущую машинку и перфорационную приставку или иное устройство записи информации

на машиночитаемый носитель), что позволяло одновременно переносить информацию на машинный носитель (перфоленту или перфокарты). КИС передавала перфоленту или перфокарты с информацией в ВЦ.

В ИВЦ данные вводили в память ЭВМ, формируя электронный банк данных о контролируемых документах, обрабатывали данные и выдавали сотрудникам КИС машинограммы выходных форм (справки-напоминания исполнителям, перечни документов и т. п.). КИС один или два раза в неделю рассылала справки-напоминания исполнителям, а ведомости контроля – руководителям.

Ответственные исполнители проставляли в справках-напоминаниях информацию о ходе исполнения документов и передавали их обратно в КИС. Информацию об исполнении документов КИС кодировала и передавала в ВЦ, откуда получала ведомости исполненных документов и иные выходные формы для представления руководителю организации и его заместителям [см., напр.: Контроль..., с. 5–15].

Перевод контроля исполнения на электронную технологию существенно снизил трудоемкость контрольных операций. Это, в свою очередь, позволило не только расширить круг документов, подлежащих контролю, но и сделать контроль действительно предупредительным.

В этот период формируется один из основных критериев исполнения документа. Как известно, снять документ (поручение) с контроля может только должностное лицо, поставившее его на контроль. Эта операция упрощается – документ снимается с контроля контрольно-инспекторской службой после подписания руководителем документа, подготовленного в порядке исполнения поручения. Подписать документ может только руководитель, поставивший поручение на контроль. Во избежание недоразумений при подаче на подпись руководителю документа, подготовленного в порядке исполнения поручения, к нему должен быть приложен подконтрольный документ. Таким образом, подписание руководителем документа, подготовленного в порядке исполнения поручения, становится свидетельством исполнения и основанием для снятия документа с дальнейшего контроля. Это предотвращает многократные обращения сотрудников КИС к руководителю по поводу исполнения каждого документа, повышает ответственность исполнителей и сосредоточивает внимание руководителя лишь на тех поручениях, исполнение которых произведено с отступлением от плановых сроков.

В данный период окончательно формируется понятие «исполнительская дисциплина», которая трактуется как четкое и своевременное исполнение работником документов, выполнение приказов, распоряжений,

письменных и устных указаний руководителей. Делаются попытки получить количественную оценку данного показателя, применяя коэффициент исполнительской дисциплины. Первоначально этот коэффициент рассчитывался исходя из соотношения количества документов (поручений), выполненных работником или структурным подразделением, к общему числу поручений, полученных за определенный период. Несколько позже при расчете коэффициента исполнительской дисциплины отдельного работника или структурного подразделения стали учитываться коэффициенты важности исполненных (или просроченных) документов. В некоторых организациях коэффициент исполнительской дисциплины учитывался при расчете премиальных выплат.

Переход во второй половине 1990-х гг. от больших ЭВМ к персональным компьютерам, позволил сделать системы контроля исполнения документов и поручений более удобными. Первоначально для реализации этой задачи разрабатывались однопользовательские программные продукты, которые устанавливались на персональном компьютере в секретариате или делопроизводственной службе. В основе такой системы – электронная регистрационная карточка (ЭРК) – электронный аналог традиционной бумажной РКК. Совокупность электронных карточек представляет собой единую электронную базу данных контролируемых документов и поручений. База данных позволяла сотруднику КИС, реализуя различные поисковые запросы, формировать справки-напоминания исполнителям, различные ведомости контроля, справки о ходе исполнения отдельных документов и т. п. Эти документы формировались в виде изображений на мониторе компьютера. Но поскольку системы были однопользовательскими, электронные документы приходилось распечатывать на принтере для рассылки исполнителям и информирования менеджеров различных рангов. Тем не менее, трудоемкость контрольных операций и время информирования исполнителей и руководителей сократились на порядок. Стало возможным ежедневно распечатывать и рассылать в структурные подразделения справки-напоминания, а ведомости контроля и справки о состоянии исполнительской дисциплины представлять руководителям по их запросам.

Снижение трудоемкости и «рутинности» контрольных операций позволило поручать организацию контроля не техническим работникам (слабо разбирающимся в существе контролируемых поручений), а квалифицированному персоналу секретарей-референтов, помощников, персональных ассистентов. Эти специалисты прекрасно знали структуру организации, ее текущие и приоритетные задачи, распределение обязанностей

между структурными звеньями. Они не ограничивались формальным отслеживанием сроков исполнения поручений. Непосредственные помощники руководителей могли своевременно выявить возникающие проблемы и вовремя информировать руководителей, а в некоторых случаях и оказать помощь в организации исполнения. Подобная практика становится достаточно характерной для ряда вновь создаваемых организаций сферы бизнеса.

Но коренные изменения в технологии контроля исполнения документов произошли в результате объединения персональных компьютеров в корпоративные вычислительные сети. Реализация систем контроля исполнения в корпоративных сетях сделала эти системы более эффективными. В конце 1990-х гг. было разработано значительное количество сетевых программных продуктов для организации контроля исполнения документов и поручений. Как правило, эти решения различных разработчиков были подсистемами АСДОУ различной степени комплексности.

В настоящее время любые системы электронного документооборота (СЭД) включают подсистемы контроля исполнения документов и поручений. Примечательно, что в основе функционирования СЭД лежит ранее упомянутая электронная регистрационная карточка (ЭРК), т. е. предшествующая технология воспроизводится на более высоком технологическом уровне. Использование электронных регистрационных карточек в современных автоматизированных системах лишний раз свидетельствует о том, что отечественная система контроля исполнения документов, равно как и документационное обеспечение управления в целом, — это явление национальное, обусловленное спецификой российской системы управления.

Сетевые решения позволяют не только отказаться от бумажных справок-напоминаний и ведомостей контроля, но осуществлять контроль исполнения в режиме реального времени. Введенная контрольно-инспекторской службой (представленной зачастую помощником руководителя) информация о поручении немедленно становится доступной для исполнителя. Одновременно он получает и контролируемый документ в электронной форме представления. Исполнитель непосредственно на рабочем месте, на дисплее своего компьютера получает удобно организованную информацию о контролируемых документах и поручениях. Эта информация может быть организована по разнообразным критериям (срокам исполнения, корреспондентам, тематике и т. п.). Столь же оперативно исполнитель может информировать руководство и контрольно-инспекторскую службу о ходе исполнения.

В идеальном варианте реализуется примерно следующее решение. Сотрудник организации приходит на работу, включает свой компьютер и получает электронную справку-напоминание о документах и поручениях, которые ему надлежит выполнить. Только после того, как он занесет сведения о ходе исполнения поручений в соответствующие поля справки и отправит ее в КИС, он может приступить к дальнейшей работе. В результате база данных контролируемых документов пополняется актуальной информацией о ходе исполнения документов в режиме реального времени.

Руководитель организации, иные ведущие менеджеры могут в удобное для них время формировать на дисплеях своих компьютеров исчерпывающую информацию о ходе исполнения документов и поручений. Поиск информации может осуществляться по различным критериям: руководитель получает информацию о ходе исполнения документов по срокам исполнения и исполнителям; о просроченных поручениях; о ходе выполнения того или иного конкретного документа или поручения (или ряда поручений по определенной тематике). При необходимости можно получить обобщенные сведения о состоянии исполнительской дисциплины в том или ином подразделении, об исполнительской дисциплине конкретных должностных лиц.

Справедливости ради, стоит отметить, что не все руководители пользуются возможностями современной СЭД в полной мере, а предпочитают получать информацию о состоянии исполнительской дисциплины от секретарей-референтов, помощников, персональных ассистентов.

Прекрасным примером системы электронного документооборота, включающей функции контроля исполнения документов и поручений, является система «ДЕЛО» – разработчик фирма «Электронные офисные системы» – один из ведущих игроков на рынке офисного программного обеспечения.

Среди прочих многочисленных функций СЭД «ДЕЛО» обеспечивает работу с разными видами поручений, поддерживая любое количество поручений по каждому документу. В работе с каждым поручением принимают участие руководитель, поставивший документ или поручение на контроль («автор» или инициатор), сотрудник, осуществляющий контроль исполнения («контролер»), и исполнитель. Всем этим должностным лицам система предоставляет эффективные инструменты для удобства контроля и исполнения документов. Руководителю – возможность в автоматическом режиме формировать поручения с использованием электронных шаблонов и получать актуальную информацию о состоянии испол-

нения. Исполнителям – получать уведомления о приближении плановых сроков исполнения поручений, своевременно информировать контролирующих о ходе исполнения, получать информацию о движении проектов документов, подготовленных в ходе исполнения поручений. Периодичность отправки уведомлений определяется в настройках параметров подсистемы. Поддерживается возможность задавать периодичность рассылки с указанием, в какие именно дни следует направлять первое, второе и последующие уведомления. Возможно формирование многоуровневых (иерархических) поручений, групповой ввод поручений к однотипным документам. Направление поручений исполнителям, рассылка уведомлений и оповещений производится в автоматическом режиме.

В системе предусмотрен контроль движения исполняемых документов, печать сводок, справок, списков и журналов исполнения поручений и движения документов. В частности, отслеживается направление на согласование и подписание проектов документов, подготовленных в порядке исполнения поручений. Это важно, поскольку, как уже упоминалось, критерием исполнения поручения является подписание проекта документа, подготовленного в порядке исполнения.

В дополнение к стандартному механизму поиска информации о документах и самих документов в системе существуют встроенные инструменты для получения формализованных отчетов, предоставляющих полную информацию о ходе работы с документами. Эта функция позволяет мгновенно получать интересующие руководство статистические данные в соответствии с заданными параметрами. Система автоматически обрабатывает данные и представляет их в виде готового документа в формате Word с возможностью вывода на печать средствами текстового редактора. Возможность гибкой настройки параметров для каждого отчета обеспечивает максимальную точность и качество результатов поиска. Пользователи имеют также возможность создавать дополнительные отчетные и печатные формы произвольной сложности [см.: ДЕЛО].

В последнее десятилетие ряд фирм-разработчиков предлагает решения, обеспечивающие удаленный доступ к системе с мобильных устройств, что делает системы контроля еще более эффективными, позволяя осуществлять оперативный обмен информацией между руководителями и сотрудниками, не только находящимися на рабочих местах, но и за пределами офиса.

При любой системе контроля данные о ходе и результатах исполнения необходимо обобщать и анализировать. На основе результатов анализа исполнительской дисциплины можно разработать меры не только

по ускорению исполнения и повышению исполнительской дисциплины, но и по совершенствованию управления в целом. Одно из главных направлений анализа данных – анализ причин срыва сроков исполнения документов и поручений. Практика позволяет выявить наиболее часто встречающиеся причины: перегрузка руководителей всех уровней; высокая степень централизации полномочий; нерациональная система документооборота; нечеткое распределение обязанностей между структурными звеньями. Современные системы контроля позволяют автоматизировать процесс обобщения данных о состоянии исполнительской дисциплины и анализ причин срывов исполнения поручений.

Использование сетевых технологий позволяет предельно оптимизировать операции контроля, в автоматическом режиме формируя электронную базу данных о контролируемых документах и самих документах в электронной форме. Многократно сокращая трудоемкость контрольных операций, эти системы позволяют передавать контроль исполнения высококвалифицированным сотрудникам.

Итак, организации контроля исполнения документов в нашей стране традиционно уделяется чрезвычайно большое внимание, что обусловлено спецификой организации отечественного управления, во многом понимаемое как последовательное исполнение поручений руководителей различных рангов. Каждый сколько-нибудь значимый документ направляется сначала руководителю организации, который принимает соответствующее решение, формулируя резолюцию. Решение руководителя спускается по инстанциям до конкретного исполнителя. При этом первоначальная резолюция может детализироваться. Внутренние распорядительные документы также передаются непосредственным исполнителям через руководителей структурных подразделений. Перемещение каждого документа отслеживается и фиксируется секретариатом или службой ДОУ, в частности, с целью контроля исполнения поручений.

Подобная модель неизбежно порождает противоречие между децентрализованным процессом исполнения документов и централизованным контролем их исполнения. В условиях традиционной «бумажной» технологии стремление контролировать все сколько-нибудь значимые документы в приближенном к реальному масштабе времени требовало огромных трудозатрат и редко реализовывалось на практике.

Решить эту проблему позволяют современные системы электронного документооборота, реализация которых обеспечивает контроль исполнения всех необходимых документов без значительных трудозатрат.

Для руководства организации возможность контролировать исполнение многочисленных поручений означает повышение качества управленческой деятельности.

Но современные требования к функции контроля исполнения документов не должны ограничиваться только количественными показателями: широтой охвата контролируемых поручений и оперативностью предоставления информации. В условиях рыночной конкуренции для сферы бизнеса, высоких требований к качеству государственных услуг для сферы управления эта функция постепенно изменяет свою направленность, основным критерием эффективного контроля исполнения становится достижение конкретных результатов деятельности как отдельных сотрудников, так и организации в целом.

Традиционно контроль рассматривался исполнителями как ограничение их самостоятельности. Действительно, неудачно спроектированная и неумело реализуемая система контроля может привести (и нередко приводит на практике) к тому, что исполнители ориентируются на удовлетворение требований формального контроля, а не стремятся к достижению конкретного результата.

Вместе с тем, суть контроля заключается в установке стандартов деятельности, измерении фактически достигнутых результатов и осуществлении корректировки, если результаты отличаются от установленных стандартов. Эффективно функционирующая система контроля позволяет обнаружить неизбежные в деятельности любой организации нарушения, ошибки, отклонения от плана и оперативно принять меры к их устранению.

Для того, чтобы контроль был не формальным, а действительно эффективным, необходимо соблюдение следующих условий.

Во-первых, следует задавать приемлемые стандарты деятельности сотрудников организации. Обилие «невыполнимых» поручений, постоянная корректировка сроков, смена исполнителей ведут к снижению доверия к системе контроля в целом.

Во-вторых, важным условием эффективного контроля является качество контролируемых документов и поручений. Содержащиеся в тексте документа или в резолюции руководителя указания о характере исполнения поручения должны быть предельно ясны и ориентированы на достижение конкретного конечного результата. От конкретности и четкости поручения и правильного выбора исполнителя зависят качество и своевременность исполнения задания.

В-третьих, эффективная система контроля исполнения поручений должна обеспечивать оперативную взаимосвязь исполнителя и контролирующего, контролирующего и руководителя организации, при необходимости – непосредственного исполнителя и руководителя. Контролирующий должен не только наблюдать и фиксировать, но и активно воздействовать на процесс исполнения поручения, исправлять положение дел до того, как оно станет критическим. Для этого контролирующий должен обладать соответствующими компетенциями и полномочиями.

Этот блок задач при правильном организационном обеспечении успешно решается в рамках системы электронного документооборота. Так электронная технология совершенствует сферу деятельности, в которой она используется, коренным образом изменяя традиционную систему, в рассматриваемом случае – систему контроля документов и поручений.

Балин Н. К. Применение ЭВМ для контроля исполнения документов в Минэнерго СССР // Совет. арх. 1976. № 1. С. 89–90.

ГОСТ Р 7.0.8–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М. : Стандартинформ, 2013.

ГСДОУ. Государственная система документационного обеспечения управления (ГСДОУ). Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. М. : Главархив СССР, 1991.

ДЕЛО. Функциональные возможности системы ДЕЛО // ЭОС : Официальный сайт компании «Электронные офисные системы». URL: https://www.eos.ru/eos_products/eos_delo/function.php (дата обращения: 10.01.2019).

ЕГСД, Единая государственная система делопроизводства (Основные положения) / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36981#04433755840470912> (дата обращения: 10.01.2019).

Илющенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России : учеб. пособие. М. : РГГУ, 1993.

Инструкция по делопроизводству. Свердловск, 1975.

История делопроизводства в СССР : учеб. пособие. М. : МГИАИ, 1974.

Контроль // Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=24929> (дата обращения: 10.01.2019).

Контроль исполнения документов и поручений: Стандарт предприятия. Свердловск, 1979. 78 с.

Ленин В. И. Письмо Смольянинову В. А. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 121–122.

Ленин В. И. Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 152–159.

Медведев М. Эти незаменимые регистрационные карточки [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/177389/> (дата обращения: 10.01.2019).

Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР : учеб. пособие. М. : МГИАИ, 1959.

Нестеров А. В. Философия контроля, надзора и мониторинга // Компетентность. 2005. № 3. С. 3–13.

Петербуржцев А. А. Применение ЭВМ для контроля за исполнением решений в учреждении // Совет. арх. 1974. № 3. С. 20–31.

УСОРД. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Унифицированные формы, инструктивные и методические материалы по их применению. М. : ВНИИДАД, 1982.

Фотиева Л. А. Как работал Владимир Ильич Ленин. М. : Знание, 1954 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=272067&p=3> (дата обращения: 10.01.2019).

УДК 651:34

В. В. Шибаев

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в 2013–2018 гг.

Анализируются несколько основополагающих нормативных актов, которые регламентируют организацию делопроизводства в Российской Федерации в 2013–2018 гг. На их основе рассматриваются основные тенденции развития отечественного делопроизводства в современный период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : делопроизводство, документация, документ, система электронного делопроизводства.

В последние годы нормативная база ДООУ в нашей стране постоянно меняется, появилось множество нормативных актов и методических документов, затрагивающих в той или иной степени сферу работы с документами. На наш взгляд, наибольший интерес в данный период представляют следующие нормативные акты:

- ГОСТ Р 7.0.8–2013, закрепивший терминологические изменения в сфере делопроизводства и архивного дела;
- ГОСТ Р 7.0.97–2016, посвященный оформлению организационно-распорядительных документов;
- Правила обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия 2014 г.;

– Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти в редакции 2016 г., зафиксировавшие определенные изменения в регламентации делопроизводства в органах государственного управления и местного самоуправления.

Первым из них следует отметить ГОСТ Р 7.0.8–2013, вступивший в силу в марте 2014 г. Он установил термины и определения основных понятий, используемых в делопроизводстве и архивном деле [см.: ГОСТ Р 7.0.8–2013].

Необходимость в новом стандарте по терминологии была обусловлена необходимостью решения проблем гармонизации терминологии в сфере делопроизводства и архивного дела, которые накапливались на протяжении последнего времени [см.: Бондарь, с. 228]. Как отмечается исследователями, в данном стандарте нашли отражение три основных момента: удаление устаревших терминов, связанных с уже неиспользуемыми технологиями, появление новых терминов и пересмотр некоторых понятий, связанных с развитием делопроизводства. К сожалению [см.: Храмовская; Бондарь, с. 229–240], ГОСТ Р 7.0.97–2016 «Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов», вступивший в силу 1 июля 2018 г., закрепил ряд существенных изменений в порядке документирования. Этот стандарт определяет правила создания документов, состав реквизитов, порядок их оформления, в том числе с применением информационных технологий, виды бланков.

Существенным дополнением стала возможность оформления документов не только на бумаге, но и в электронной форме. Документы на бумаге теперь могут печататься как на одной, так и на оборотной стороне листа. Появились новые рекомендации по использованию типовых шрифтов. Это связано с тем, что в организациях используются при создании документов нестандартные шрифты, в том числе при пересылке документов офисного формата Microsoft Word часто происходит их замена, т. е. на компьютере получателя текст отображается с использованием установленных там шрифтов. Замена шрифта, в свою очередь, может влиять на оформление документа. Именно поэтому в ГОСТ Р 7.0.97–2016 были перечислены взаимозаменяемые шрифты [см.: Кузнецов, 2017, с. 26].

Существенные изменения произошли в реквизитах. Какие-то из них объединились: например, реквизиты 01 – герб (Государственный герб Российской Федерации, герб субъекта Российской Федерации, герб (геральдический знак) муниципального образования). Другие, наоборот, разделились: 02 – эмблема организации и 03 – товарный знак. Или 05 – наименование организации – автора документа, 06 – наименование струк-

турного подразделения – автора документа, 07 – наименование должности лица – автора документа. Некоторые реквизиты были отменены (код организации, основной регистрационный номер ОГРН юридического лица, идентификационный номер налогоплательщика ИНН), другие появились (гриф ограничения доступа) или были изменены: вместо идентификатора электронной копии появились сведения об электронной подписи.

В новом стандарте более детально расписаны правила оформления документов. Если ранее старый стандарт 2003 г. содержал только отсылку к законодательству в вопросе оформления изображения герба, эмблемы организации, то в новом точно описывается местоположение реквизитов.

Код формы теперь проставляется на унифицированных формах документов не только в соответствии с Общероссийским классификатором управленческой документации (ОКУД), но и на основании локальных классификаторов, поэтому в реквизите появились слова – Форма по ОКУД и т. п.

Из стандарта убрали положение, регламентировавшее бланки на двух языках, которые могли использоваться в субъектах РФ, имеющих государственный язык субъекта РФ.

Появление реквизитов 06, 07 – наименование структурного подразделения и наименование должности лица как авторов документа связаны с тем, что эти сведения используются в системах межведомственного электронного документооборота.

Реквизит «справочные данные организации» включил сразу несколько реквизитов старого ГОСТа: «код организации», «основной регистрационный номер ОГРН юридического лица», «идентификационный номер налогоплательщика ИНН». При этом перечисленные сведения не указываются на бланках документов органов государственной власти и местного самоуправления.

«Гриф ограничения доступа» отсутствовал в предыдущем стандарте. Он проставляется при наличии в документе информации, доступ к которой ограничен в соответствии с законодательством РФ и должен быть закреплён локальными актами организации.

«Адресат» расписан по сравнению с ГОСТ Р 6.30–2003 гораздо подробнее.

Из всех реквизитов наибольший интерес представляет «отметка об электронной подписи», которая визуализирует электронный документ, подписанный электронной подписью. Основным требованием к данному реквизиту является место расположения, которое должно

соответствовать месту расположения собственноручной подписи, и читаемость элементов реквизита, которые не должны перекрывать друг друга в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи» [см.: Об электронной подписи].

Принципиальным отличием от предыдущего стандарта является наличие не только традиционных бланков на бумаге, но и электронных шаблонов бланков, которые должны быть идентичны по составу реквизитов, их расположению, шрифту [см.: ГОСТ Р 7.0.97–2016].

«Правила обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия» были утверждены в конце 2014 г. [см.: Об утверждении...]. Они стали очередным шагом по реализации принятого в сентябре 2012 г. постановления Правительства № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти» (последние изменения в это постановление были внесены 21 июля 2014 г.) [см.: О мерах...]

Правила устанавливают порядок обмена электронными документами между государственными структурами (федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и др.). Они не распространяются на порядок обмена электронными сообщениями в рамках предоставления государственных или муниципальных услуг [Об утверждении...].

Правила дают определение документа в электронном виде. Если ГОСТ Р 7.0.8–2013 определяет электронный документ как «документ, информация которого представлена в электронной форме», то в «Правилах» дается более четкая дефиниция. Под документом в электронном виде в них понимается структурированная совокупность данных, обрабатываемая с использованием информационных технологий, представляющая собой установленный набор реквизитов, включая реквизиты, содержащие регистрационные данные документа и усиленную квалифицированную электронную подпись.

По мнению С. Л. Кузнецова, эти требования приближают электронный документ к традиционному официальному, юридически значимому документу, для которого установлено наличие определенного набора реквизитов, регистрационных данных, подписи. Причем «Правила» предусматривают использование именно усиленной квалифицированной электронной подписи, т. е. того вида подписи, при использовании которой документ «признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью» [Об электронной подписи].

В «Правилах» используется не понятие «электронный документ», а более общее понятие документа в электронном виде, под которым обычно понимают как собственно электронный документ, так и электронный образ (скан) бумажного документа, заверенного электронной подписью.

Возможно, именно благодаря усилиям документоведов, постоянно разъясняющих разницу между понятиями «делопроизводство» и «документооборот», в «Правилах» говорится именно о системах автоматизации делопроизводства, хотя в скобках все-таки упоминаются системы электронного документооборота [см.: Кузнецов, 2015, с. 4].

В апреле 2016 г. была издана третья редакция «Правил делопроизводства» [см.: О внесении...]. Данный документ зафиксировал определенные изменения в регламентации делопроизводства.

Во-первых, были внесены изменения в терминологию. Так, реквизит стал «элементом документа, необходимым для его оформления и организации работы с ним», при этом исчезло слово «обязательный». Вместо понятия «наименование» (дела, документа) вернулось понятие «заголовок». По мнению С. Л. Кузнецова, оно отвечает традициям отечественного делопроизводства и более логично. Изменилось понятие «служба делопроизводства», теперь это просто «структурное подразделение, на которое возложены функции по ведению делопроизводства, а также лица, ответственные за ведение делопроизводства в других структурных подразделениях» [Кузнецов, 2016, с. 4].

В области электронного документооборота также произошли изменения. «Электронный образ документа» стал «электронной копией документа», которая рассматривается как «копия документа, созданная в электронной форме», что также соответствует традиционному для отечественного делопроизводства понятию копии документа. Система электронного документооборота получила определение как «автоматизированная информационная система, обеспечивающая создание электронных документов и электронных копий документов, управление ими, их хранение и доступ к ним, а также регистрацию документов». Все это отражает особенности организации делопроизводства в условиях новых информационных технологий. Если ранее акцент делался на сборе документов, то теперь речь идет о создании электронных документов и их копий. Также в определение была добавлена функция обеспечения хранения электронных документов.

По мнению С. Л. Кузнецова, существенным моментом в третьей редакции «Правил делопроизводства» стало использование шаблонов документов. Создание документов на основе аналогичных ранее подго-

товленных форм ускоряет оформление документа, хотя в новом документе могут оставаться сведения из старого – даты, цифры и т. п. Поэтому оптимальным является использование шаблонов бланков документов, что и закреплено в п. 26 «Правил делопроизводства» в виде альбома шаблонов унифицированных форм документов, создаваемых в организации [см.: Кузнецов, 2016, с. 6].

Следующим нововведением стало изменение принципов организации хранения документов в текущем делопроизводстве. При обеспечении возможности доступа исполнителя к электронной копии документа в системе электронного документооборота подлинник может оставаться в службе делопроизводства. Это позволяет снизить угрозы при организации текущего делопроизводства в подразделениях: централизовать хранение документов, обеспечить их сохранность и быстрый поиск.

Перечень реквизитов также изменился и стал соответствовать ГОСТ Р 7.0.97–2016. Появились реквизиты: наименование структурного подразделения, отметка об электронной подписи, ссылка на документ. «Указание по исполнению документа» было дополнено словом «резолюция», что также соответствует традициям отечественного делопроизводства. Вместо отметки о конфиденциальности появился гриф ограничения доступа и т. д.

Наиболее существенные изменения затронули организацию работы с электронными документами. В соответствии с «Правилами», электронный документ оформляется по общим правилам делопроизводства и имеет те же реквизиты, что и документ на бумажном носителе. Но традиционный документ несет на себе все необходимые реквизиты, а электронный – это часть информационной системы электронного документооборота, состоящая из файла или нескольких файлов и реквизитов документа, занесенных в регистрационно-учетную карточку. Например, в «Правилах» подчеркивается, что реквизит «герб Российской Федерации» в электронном виде не используется. Кроме того, там указывается, что электронные документы могут использоваться и без предварительного документирования на бумажном носителе.

Особое внимание было уделено использованию электронной подписи. Например, исходящие документы должны подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью, а внутри организации используют неквалифицированную электронную подпись, что сокращает затраты на поддержание инфраструктуры ключей доступа, а для визирования используют простую подпись.

Важным представляется положение «Правил», устанавливающее обязательность сканирования бумажных документов при их регистрации. Это повышает сохранность документов, которые могут быть утеряны при ведении традиционного делопроизводства.

Преимущество с традиционным делопроизводством достигается за счет того, что по «Правилам» электронные документы должны формироваться в соответствии с номенклатурой дел. Это также обеспечивает дополнительные возможности по поиску документов. Поскольку номенклатура дел содержит сроки хранения, то отнесение документа к соответствующему делу позволяет осуществить предварительную экспертизу ценности. При этом группировка документов в дела в СЭД не актуальна, так как система позволяет быстро найти любой документ и установить индивидуальные сроки хранения [см.: О внесении...].

Таким образом, в настоящий момент в сфере нормативного регулирования делопроизводства наибольшее внимание уделяется вопросам регламентации электронного документооборота, что связано с активным развитием информационных технологий, расширением объема информационных коммуникаций в области оказания услуг государственными органами гражданам с широким применением и использованием интернет-ресурсов.

Также следует отметить, что большое внимание уделяется вопросам стандартизации и регламентации в области документационного обеспечения управления. На уровне государственного управления весьма активно принимаются нормативные акты и методические документы, регулирующие данную сферу. К сожалению, при этом они часто несогласованные, что связано с отсутствием в стране уполномоченного органа по документационному обеспечению управления. В результате этого в России нет четкой государственной политики и программы развития в сфере управления документами.

Бондарь В. А. ГОСТ Р 7.0.8–2013 – новая терминологическая парадигма? // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 228–241.

ГОСТ Р 7.0.8–013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/181655/> (дата обращения: 20.03.2019).

ГОСТ Р 7.0.97–2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. М. : Стандартинформ, 2018.

Кузнецов С. Л. Новые правила делопроизводства 2016 года и работа с электронными документами // Делопроизводство. 2016. № 3. С. 3–8.

Кузнецов С. Л. Новые Правила электронного документооборота // Делопроизводство. 2015. № 1. С. 3–8.

Кузнецов С. Л. Новый ГОСТ на оформление документов // Делопроизводство. 2017. № 2. С. 25–36.

О внесении изменений в Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти : постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 356 // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/195767/> (дата обращения: 01.04.2019).

О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти : постановление Правительства РФ от 6 сентября 2012 г. № 890 // Гарант : информационно-правовой порта. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/419187/> (дата обращения: 01.04.2019).

Об утверждении Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия : постановление Правительства РФ от 25.12.2014 г. № 1494 // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/70832680/> (дата обращения: 01.04.2019).

Об электронной подписи : Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апр. № 5451.

Храмцовская Н. В. Опубликован новый ГОСТ Р 7.0.8–2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrim.blogspot.ru/2014/03/708-2013-1.html> (дата обращения: 20.03.2019).

УДК 651(07)

М. А. Славко

УСТАВ РОЛЕВОГО КЛУБА КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ДОКУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ РОЛЕВЫХ ИГР ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются проблемы документирования деятельности общественных организаций на примере общественного движения ролевых игр. Анализируется роль устава ролевого клуба как организационного документа, его содержание и назначение, выделяются особенности и основные этапы развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ролевые игры живого действия, устав, общественные организации, документационное обеспечение управления.

Деятельность массового общественного движения ролевиков в современных условиях и в исторической ретроспективе отражена в разнообразных видах источников: правилах ролевых игр, игровых отчетах, уставах клубов и др.

Одним из важнейших направлений ролевого движения с самого начала его существования является деятельность ролевых клубов. Их прообразами стали клубы любителей фантастики (КЛФ), военно-исторические клубы (ВИК), клубы самодеятельной песни (КСП) 1980-х гг., функционирующие на основе учредительного документа – устава. Уставы клубов утверждались решением областных, городских или районных комитетов комсомола, они же принимали решение и о создании клуба. Каждый клуб имел свой устав как учредительный документ, определяющий организационную структуру, цели и виды деятельности, права и обязанности его членов.

Цели и задачи КЛФ, а также их уставные обязанности корректируются в связи с самороспуском комсомола в 1991 г. Эти клубы продолжали существовать как общественные организации и в новых условиях, принимая активное участие в подготовке и проведении ролевых игр. К примеру, подготовкой первой Всесоюзной игры «ХИ-90» в 1989 г. занимался Красноярский КЛФ «Вечные паруса». Казанский городской клуб любителей фантастики «Странники», возникший в 1985 г., был инициатором и одним из основных организаторов самого крупного до сих пор конвента фантастики и ролевых игр «Зиланткон» (до 1993 г. имел название «Дни Толкина»).

К середине 1990-х гг. в связи с принятием Федерального закона № 7-ФЗ от 12.01.1996 г. «О некоммерческих организациях» организационно-правовое оформление подобных структур предполагало несколько форм. К наиболее распространенным были отнесены: общественная организация, автономная некоммерческая организация, фонд, некоммерческое партнерство и др. Создание клубов ролевых игр с этого времени стало базироваться на данном законодательном акте и наиболее адекватной правовой формой для них стала общественная организация.

Общественные организации создаются по инициативе учредителей, к которым относятся не менее трех человек. Членами общественной организации могут быть и физические, и юридические лица (общественные объединения). Учредительным документом всех общественных организаций в обязательном порядке являлся устав. Единая форма устава законодательно не была предусмотрена. В ст. 28 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» записаны лишь общие требования к содержанию устава НКО:

- наименование НКО, указание на характер деятельности и организационно правовую форму;
- место нахождения организации;
- порядок управления деятельностью;
- предмет и цели деятельности;
- права и обязанности членов;
- условия и порядок приема в члены НКО и выхода из нее (если НКО имеет членство);
- источники формирования имущества НКО;
- порядок внесения изменений в устав;
- порядок использования имущества в результате ликвидации НКО [см.: О некоммерческих организациях].

После выхода закона сразу же начинается перерегистрация имеющихся ролевых клубов и регистрация новых.

Рассмотрим устав одного из ранних ролевых клубов, утвержденный 1 октября 1997 г., – Устав молодежной общественной организации «Тверской городской клуб ролевых и исторических игр» [см.: Устав молодежной общественной организации «Тверской...»]. В него вошли следующие разделы:

1. Общие положения;
2. Цели, задачи и предмет деятельности;
3. Структура организации;
4. Членство в организации;
5. Имущество и средства организации;
6. Порядок внесения изменений и дополнений в устав организации;
7. Реорганизация и прекращение деятельности организации;
8. Обязанности организации.

Каждый из разделов, в свою очередь, подразделяется на пункты и подпункты, всего их 81. Если сравнить с федеральными требованиями, то они полностью выполняются.

В общих положениях устава отмечается, что деятельность организации базируется на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и закономерности. Основными целями клуба являются: организация досуга и нравственное, интеллектуальное и физическое развитие молодых людей. В качестве важнейших были сформулированы следующие задачи: организация и проведение ролевых игр, популяризация ролевого движения и привлечение в него новых членов, взаимодействие с органами государственной и муниципальной власти, с общественными организациями. Членами организации, согласно устава, могли быть

лица с 14 лет, соблюдающие устав. Средства организации складывались из членских и спонсорских взносов [см.: Устав молодежной общественной организации «Тверской...»].

В уставе еще одного клуба – Молодежной общественной организации «Омский клуб исторического моделирования и ролевых игр “Цитадель”» в 1999 г. в качестве одного из основных видов уставной деятельности стала «разработка и внедрение методов творческого развития личности через игровую, познавательную, социальную, производственную, научную, культурную и досуговую деятельность, а также через погружение в сферу интенсивного общения» [Устав молодежной общественной организации «Омский...»]. Согласно устава многие клубы в качестве одной из своих задач видели «содействие единству и пониманию целей движения исторического моделирования и ролевых игр», его поддержку, распространение и популяризацию [см.: Там же].

Изменения в регистрации НКО, в том числе и ролевых клубов, внес Федеральный закон № 129-ФЗ от 08.08.2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Закон предполагал следующий пакет документов:

- подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной Правительством Российской Федерации;
- решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- учредительные документы юридического лица (подлинники или нотариально удостоверенные копии);
- документ об уплате государственной пошлины.

Большое количество уставов ролевых клубов, вложенных на сайтах, относится ко второй половине 2000-х гг. Их можно разделить на две группы: уставы, созданные в произвольной форме, не всегда соответствующей требованиям, предъявляемым к учредительным документам, и уставы, содержащие основные структурные элементы, наличие которых в данном виде документа обязательно.

В том случае, если проведение ролевых игр являлось одним из нескольких направлений деятельности клуба, помимо устава по каждому из направлений могло быть разработано положение.

С декабря 2005 г. в Красноярске, например, функционировал Клуб развития молодежи «Кром» (до июня 2012 г. – Клуб ролевого моделирования «Кром»). В июне 2015 г. по решению Совета клуба он был расформирован.

В клубе было четыре направления:

- ролевые игры;
- саберфайтинг;
- стрельба из лука;
- фоторепортаж.

По направлению ролевых игр в Клубе существовало положение [см.: Положение...]. Структура документа подразделялась на две части: направление «Ролевые игры» и деятельность направления. Первый раздел состоит из одного пункта, в котором было зафиксировано, что направление «Ролевые игры» является подразделением Клуба и действует на основе его устава и данного положения.

Интересны формулировки задач, которые стояли перед направлением «Ролевые игры»:

- «– объединение и общение людей со схожими интересами;
- культурно-интеллектуальный и духовный рост каждого члена направления;
- раскрытие природного потенциала человека;
- возвращение внутренней мотивации к познанию и самосовершенствованию;
- развитие навыков общения и взаимодействия в коллективе;
- рост навыков риторики и актерского мастерства у членов направления;
- развитие направления как благоприятной культурно-интеллектуальной среды» [Там же].

В качестве форм реализации поставленных задач были названы организация и участие в ролевых играх, коллективное участие в фестивалях, обмен опытом и т. д.

Уставы других ролевых клубов 2000-х гг., как правило, включают перечень обязательных разделов:

- общие положения;
- цели и задачи организации;
- членство в организации;
- руководящие органы;
- хозяйственная деятельность;
- имущество и средства;
- прекращение деятельности.

Каждый из этих разделов, в свою очередь, подразделяется на более подробные структурные элементы.

Аналогична структура устава Южноуральского клуба историко-ролевого моделирования «Аскерфог», утвержденного 23 декабря 2006 г.

К основным видам уставной деятельности этого клуба было отнесено:

– создание кружков, секций и т. п., а также реализация целевых программ, проектов и мероприятий по развитию творческого потенциала молодежи;

– игровая, познавательная, досуговая и другая деятельность;

– материально-техническое и финансовое обеспечение своей основной деятельности и т. д. [Устав Южноуральского клуба...].

Далее в уставе перечислялись исключительные компетенции собрания учредителей, функции правления как руководящего органа клуба в период между собраниями учредителей, а также функции председателя правления. Членом клуба мог стать любой человек старше 14 лет.

Заслуживают внимания структура и содержание устава Творческого клуба Московского государственного университета им М. В. Ломоносова «Золотые леса», созданного в 1999 г. на базе химического факультета и активно действующего по сей день.

Принятая 1 декабря 2010 г. версия устава содержит следующие части:

1. Цели, форма и организация клуба;

2. Уставное собрание клуба;

3. Совет клуба;

4. Статус гостя клуба;

5. Статус кандидата;

6. Статус члена клуба;

7. Статус советника клуба;

8. Статус председателя клуба;

9. Статус почетного знаменосца;

10. Статус легендарного золотоносца;

11. Статус выпускника «Золотых лесов» [см.: Устав Творческого клуба «Золотые леса»].

В качестве основной цели клуб ставит «творчество, образование и культурное развитие своих членов, а также посильное содействие тем, кто занимается любого рода творчеством, стремится к культурному или физическому развитию». Здесь же дается расшифровка понятия «статус» как набора прав и обязанностей, определяющих положение в организационной структуре клуба. Общее уставное собрание членов клуба является высшим органом управления, в котором участвуют все действительные члены клуба. Далее в документе описываются права и обязанности членов, а также совета клуба, численностью не более семи. Кон-

кретизация прав и обязанностей каждого из членов позволяет охарактеризовать не только структуру клуба, но и процесс изменения статуса, условия, требования при переходе от низкого к более высокому статусу. Интересным введением является прописанное в уставе «Право десяти». Оно означает, что любые десять членов клуба имеют право задать вопрос совету клуба и получить на него ответ в течение двух недель [см.: Устав Творческого клуба «Золотые леса»].

Информация уставов является уникальной для характеристики целей и задач, поставленных учредителями клубов и их организаторами перед своими членами. Вместе с тем для раскрытия характера организуемых клубами мероприятий необходимо воспользоваться другими документами, например, материалами ролевых газет и журналов, фотографиями, списком членов клуба, базами данных заявок на мероприятия, реализуемые клубом программы и т. д.

Из содержания уставов ролевых клубов следует, что они не являются политическими, религиозными или коммерческими организациями. Членство в клубах обычно ограничивается возрастным барьером, чаще всего оно разрешено лицам, достигшим 14 лет. Желая вступить в члены клуба пишет заявление и проходит испытательный срок от 1 месяца. В основном уставы, выложенные в Интернете, оформлены с нарушениями: отсутствуют реквизиты и сложно выявить, в какое время ролевой клуб был зарегистрирован, сколько раз происходила перерегистрация Устава и как он менял свою структуру и содержание.

Учредительные документы зарегистрированных ролевых клубов отложились также в текущих архивах федеральных органов исполнительной власти. Копии и подготовительные материалы можно найти в текущих архивах функционирующих до настоящего времени ролевых клубов, в случае их закрытия – в личных архивах их руководителей и интернет-ресурсах.

Если рассмотреть количество уставов, выложенных в Интернете или находящихся на текущем хранении, то по ним можно судить об изменении численности клубов в зависимости от оформления официального статуса организаций. В первые годы создания ролевых клубов уставы нередко носили не учредительный, а организационный характер, т. е. отражали основные направления деятельности. После принятия в 1996 г. Закона об НКО начинается массовая регистрация клубов и, соответственно, уставов. Введение в 2001 г. законодательных требований относительно государственной регистрации и наличия необходимого

пакета документов резко уменьшило число ролевых клубов прежде всего в силу сложности оформления их официального статуса. Рост числа уставов со второй половины 2000-х гг. связан с необходимостью оформления различных договорных отношений, например, с администрациями, другими общественными организациями, владельцами полигонов и др.

Постепенно усложняются цели и задачи деятельности клубов, меняется их тематика, совершенствуется организационная структура клубов, права и обязанности их членов. Повышается ответственность членов и система порицания за нарушение уставных требований.

Уставы клубов 2010-х гг. зачастую являлись не только официальными учредительными документами, но и определяли их предназначение и статус в обществе. Так, например, в социальной сети «ВКонтакте», в группе Клуба ролевых игр «Эребор» выложена только информация об основных видах деятельности:

- «– Сюжетно-ролевые игры живого действия: играем в РИ, делаем РИ;
- Словесные и настольные РИ;
- Фехтование;
- Походы;
- Ролевые фестивали» [Калужский клуб ролевых игр «Эребор»].

Из уставов следует, что большинство клубов предполагают несколько видов деятельности. Чаще всего – это сюжетно-ролевые игры, фехтование, фестивали, танцы, туристические навыки и т. д. Во второй половине 2000-х гг. вводятся секции теории и практики исторического моделирования, школа игрока, историко-прикладные, театральные, образовательные и другие программы.

Итак, максимальное число ролевых клубов и, соответственно, их уставов, относится ко второй половине 1990-х – 2000-м гг. Затем количество ролевых клубов постепенно начинает сокращаться, что во многом объясняется сложностью процедуры создания клубов, получения помещений, их взаимодействия с государственными структурами и, в конечном итоге, возможностью не регистрироваться в официальных органах из-за отсутствия государственного финансирования. Параллельно с этим процессом повышается сетевая активность ролевиков, которая в основном снимает проблемы коммуникации.

Положение о направлении «Ролевые игры» // Клуб развития молодежи «Кром» : [сайт]. URL: https://krm-krom.uscoz.ru/publ/docs/ori/polozhenie_o_napraavlennii_rolveye_igry/14-1-0-59 (дата обращения: 06.03.2019).

Устав молодежной общественной организации «Тверской городской клуб ролевых и исторических игр» // Тверской городской клуб ролевых и исторических игр : [сайт]. URL: <http://tver-roles.narod.ru/ustav.htm> (дата обращения: 05.03.2019).

Устав молодежной общественной организации «Омский клуб исторического моделирования и ролевых игр «Цитадель»» // Цитадель : [сайт]. URL: <http://www.univer.omsk.su/citadel/ust.html> (дата обращения: 06.03.2019)

Устав Творческого клуба «Золотые леса» / 2010, Москва // Золотые леса : [сайт]. URL: http://wiki.goldenforests.ru/index.php/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A2%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%9A%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%B0_%C2%AB%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D1%8B%D0%B5_%D0%9B%D0%B5%D1%81%D0%B0%C2%BB (дата обращения: 08.03.2019).

Устав Южноуральского клуба историко-ролевого моделирования «Аскерфог» // Аскерфог : [сайт]. URL: <http://askerfog.narod.ru/ustav.html> (дата обращения: 08.03.2019).

О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон № 129-ФЗ от 08.08.2001 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://legalacts.ru/doc/FZ-o-gosudarstvennoj-registracii-juridicheskikh-lic-i-individualnyh-predprinimatelej-ot-08_08_01/ (дата обращения: 07.03.2019).

О некоммерческих организациях : Федеральный закон № 7-ФЗ от 12.01.1996 г. // Рос. газ. URL: <https://rg.ru/1996/01/24/nko-dok.html> (дата обращения: 07.03.2019).

УДК 930.25(470)

И. А. Суровцева

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНА «ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Основополагающим законом, определяющим развитие архивного дела в нашей стране, является Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г. С течением времени любой закон нуждается в корректировке или коренном пересмотре. В настоящее время идет процесс обсуждения изменений и дополнений, которые необходимо внести в закон. В статье сосредоточено внимание на тех изменениях и дополнениях, которые были внесены в закон с 2016 г., когда Росархив был введен в подчи-

нение Президенту Российской Федерации и начался новый этап в развитии отрасли. Кроме того, предпринята попытка обозначить некоторые дополнения и изменения, которые следовало бы учесть в законе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Федеральный закон, Росархив, изменения, дополнения, понятийный аппарат, архивный аутсорсинг, субвенции.

Нет необходимости в современном мире убеждать кого-либо в колоссальной значимости архивов для дальнейшего развития общества. Отсутствие информационных ресурсов в виде архивных документов не позволяет опереться на достижения предыдущих поколений, развивать науку, искусство, анализировать тенденции и процессы, происходящие в жизни каждой страны. Сохранение документационного наследия и обеспечение доступа к историческим источникам прошлого являются актуальными задачами для каждого государства. Это очевидно.

Развитие архивного дела, как и других отраслей, невозможно без законодательного регулирования. С течением времени любой закон нуждается в корректировке или коренном пересмотре – все зависит от изменений, происходящих на определенном этапе развития государства и заинтересованности соответствующих государственных структур. Как отмечал директор ВНИИДАД М. В. Ларин на заседании Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы архивного дела в Евразийском регионе» (2002), «необходимость постоянного внимания к обновлению правовой базы архивного дела определяется теми практическими новыми задачами, которые необходимо решить в связи с постоянно изменяющимися внешними по отношению к архивному делу условиями и факторами, в том числе внедрением и правовым обеспечением современных информационных технологий» [Ларин].

В настоящее время основополагающим законом, определяющим развитие архивного дела в нашей стране, является Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г. [см.: Об архивном деле...].

Вопрос о необходимости совершенствования данного правового акта, принятого почти 15 лет назад, периодически обсуждался и обсуждается сегодня в разных кругах: в среде представителей органов управления архивным делом страны, работников государственных и муниципальных архивов, представителей научных кругов, заинтересованных органов, организаций и граждан. С 2004 г. в этот закон неоднократно внесены изменения и дополнения, обусловленные происходящими в обществе переменами. Проследить их можно, обратившись к редакциям

закона 2007, 2008, 2010, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг. Мы же сосредоточимся на тех изменениях и дополнениях, которые были внесены в закон с 2016 г. и попытаемся обозначить некоторые вопросы, которые, по мнению автора, следовало бы отразить в законе.

С 2016 г. Росархив был введен в подчинение Президенту Российской Федерации. Это событие значительно повысило авторитет архивной службы. Начался новый этап в развитии архивного дела. В начале 2016 г. был завершен анализ практики применения Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», проведенный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

На заседании Совета по архивному делу 16 февраля 2016 г. руководитель Федерального архивного агентства А. Н. Артизов выступил с докладом «О совершенствовании законодательства Российской Федерации в сфере архивного дела», в котором проинформировал собравшихся о результатах проведенного анализа. Вывод, к которому докладчик пришел в итоге, заключался в том, что «закон не требует концептуальных изменений и в целом достаточно полно регламентирует отношения, возникающие в связи с организацией, хранением, комплектованием, использованием и учетом архивных документов, а также управлением в сфере архивного дела, как на федеральном, так и на региональном уровне» [Артизов, 2016].

Параллельно с анализом проводилось анкетирование различных архивов. Обобщение полученных замечаний показало, что «лишь малый процент статей нуждается в изменении и дополнении» [Там же]. На основании итогов проверки и замечаний, высказанных в анкетах, был сформулирован ряд предложений, направленных на совершенствование основного закона архивной отрасли. В частности, они касались следующих дополнений и изменений:

- к ст. 2 – зафиксировать право органов местного самоуправления принимать муниципальные правовые акты, регулирующие отношения в сфере архивного дела в Российской Федерации и приоритет правил международного договора перед настоящим Федеральным законом;

- к ст. 4 – привести ее в соответствие с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части определения видов муниципальных образований, наделенных компетенцией в области архивного дела;

- к ст. 7 – дополнить комплекс документов, относящихся к государственной собственности, перешедших в собственность субъектов Россий-

ской Федерации (статья появилась в результате принятия в состав РФ Республики Крым);

- к ст. 22.1 – внести изменения в сроки хранения документов по личному составу;

- к ст. 21 и 4 – привести в соответствие ч. 2 ст. 21: предоставляет право федеральным органам и организациям передавать образовавшиеся в процессе их деятельности документы АФ РФ в госархивы субъектов на основании договора и ч. 2 ст. 4: не предоставляет полномочий госархивам субъекта принимать документы от федеральных органов и организаций (остаются на повестке дня);

- к ст. 8 – определить на федеральном уровне состав и порядок отнесения объектов к муниципальной собственности на архивные документы в случае создания или преобразования муниципальных образований, включая порядок согласования. Детализация норм, предлагаемых к внесению в эту статью, обоснована неоправданным многообразием «в определении подходов к регулированию вопросов разграничения собственности на архивные документы между муниципальными образованиями, муниципальным образованием и субъектом Российской Федерации на архивные документы, созданные до образования, объединения, разделения или изменения статуса муниципальных образований и хранящиеся в муниципальных архивах» [см.: Там же].

С 2016 г. с участием Росархива был подготовлен ряд законопроектов, учитывающих изменения, происшедшие в архивной сфере. В законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было предложено включить муниципальные нормативные правовые акты в систему правового регулирования отношений в архивной сфере; установить сроки, в течение которых частные лица, приобретшие право собственности на документы Архивного фонда Российской Федерации, должны уведомлять об этом соответствующие государственные, муниципальные архивы, музеи, библиотеки, научные организации, включенные в перечень, утверждаемый Правительством РФ; устранить имеющиеся противоречия в порядке исчисления сроков хранения документов; включить в понятийный аппарат закона понятие «нотариальный архив» в связи с планируемым созданием таких архивов и передач в них документов на хранение [см.: Артизов, 2017].

2 марта 2016 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об архивном деле в Российской Федерации”», изменивший срок хранения документов по личному составу, созданных после 2003 г.). Теперь он составляет 50 лет

[см.: О внесении изменений в Федеральный..., 2016]. Внесение в закон этих изменений должно помочь государственным и муниципальным архивам хоть в какой-то степени решить проблему с их загруженностью, ведь ежегодный объем принятых на хранение дел по личному составу значительно превышает объем дел постоянного срока хранения.

В связи с проводимой реформой Российской академии наук в закон были внесены изменения, в соответствии с которыми ряд научных организаций наделен правом постоянного хранения документов АФ РФ, находящихся в государственной собственности. Их перечень утвержден Правительством Российской Федерации 23 декабря 2016 г. [см.: Распоряжение...].

В 2017 г. в законе «Об архивном деле в Российской Федерации» было зафиксировано право органов местного самоуправления принимать муниципальные правовые акты, касающиеся управления архивным делом, в пределах их полномочий; установлен тридцатидневный срок, в течение которого частные лица, собственники документов АФ РФ, должны уведомлять соответствующие государственные, муниципальные архивы, музеи, библиотеки, научные организации, включенные в перечень, утверждаемый Правительством РФ, об отчуждении или переходе прав; устранены противоречия в исчислении сроков хранения документов: определено, что они исчисляются с 1 января года, следующего за годом, в котором было завершено формирование архивных документов в единицы хранения (дела).

Одним из важных вопросов, поставленных Росархивом, стал вопрос, касающийся информационных ресурсов, формирующихся в государственных информационных системах. В ходе исследований, необходимых для ее решения, предполагается «определить и нормативно закрепить, что в отобранных на постоянное хранение государственных информационных системах является объектом архивного хранения..., определить порядок передачи подобных информационных ресурсов на постоянное хранение, в том числе установить формат архивного хранения, в который они должны быть конвертированы» [см.: Артизов, 2017]. Таким образом, решению этой проблемы на законодательном уровне сегодня предшествует большая работа.

В 2018 г. был разработан, а в настоящее время опубликован для общественного обсуждения законопроект «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона “Об архивном деле в Российской Федерации”» [см.: О внесении изменений в статью 26...]. Напомним, что в настоящей

редакции самого закона в этой статье речь идет об использовании архивных документов. Она включает:

- права пользователя использовать, передавать, распространять информацию, содержащуюся в предоставленных ему архивных документах, а также копии архивных документов;

- обязанность государственных и муниципальных архивов, музеев, библиотек, научных организаций, включенных в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации, создавать пользователю необходимые для работы условия;

- обязанность со стороны органов, организаций и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, при наличии у них соответствующих архивных документов бесплатно предоставлять пользователю оформленные в установленном порядке архивные справки или копии архивных документов;

- право государственных и муниципальных (за исключением структурных подразделений органов местного самоуправления) архивов, музеев, библиотек, научных организаций, включенных в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации, государственных и муниципальных организаций на основе имеющихся у них архивных документов оказывать пользователю платные информационные услуги;

- порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах;

- обязанность государственных и муниципальных архивов, музеев, библиотек, научных организаций, включенных в перечень, который утверждается Правительством Российской Федерации, архивов государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций предоставлять государственным органам и органам местного самоуправления информацию и копии архивных документов, публиковать и экспонировать архивные документы, готовить справочно-информационные издания.

Обозначено, что архивные документы, изъятые в качестве вещественных доказательств, подлежат возврату собственнику или владельцу архивных документов.

Об электронных документах упоминается в двух пунктах этой статьи: в п. 3 «...запросы и обращения пользователей могут быть направлены в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет» и в п. 7 указано, что представляемая государственными орга-

нами и органами местного самоуправления архивная информация и копии архивных документов могут представляться «в том числе в форме электронных документов». Выше, в п. 1.1 ст. 24 «Доступ к архивным документам», значится, что доступ к архивным документам обеспечивается путем предоставления пользователю архивными документами справочно-поисковых средств и информации об этих средствах, подлинников и (или) копий необходимых ему документов, в том числе в форме электронных документов.

В пояснительной записке к обсуждаемому законопроекту обосновывается «создание информационной системы удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним (далее – информационная система), которая позволит создать в сети Интернет удобный общедоступный сервис по использованию архивных информационных ресурсов без посещения пользователями читальных залов архивов» [см.: Артизов, 2018]. В качестве аргументов в пользу ее создания приводятся такие доводы, как увеличение количества посещений читальных залов, возможность сохранения бумажных оригиналов архивных документов, экономия времени сотрудников на выдачу документов; имеющиеся электронные ресурсы в большинстве архивов доступны только через локальные программные средства – пользователи в любом случае вынуждены посещать читальные залы. Создание единой информационной системы, планируемой для федеральных архивов, позволит сэкономить государственные затраты. Допускается, что к этой системе на добровольной основе могут присоединяться региональные государственные и муниципальные архивы, но они могут использовать и другие информационные системы для обеспечения удаленного использования хранящихся у них документов.

Включение в закон изменений, связанных с созданием удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним, призвано расширить аудиторию пользователей, повысить качество и оперативность получения информации.

Предлагаемые изменения предоставляют Федеральной архивной службе, региональным и муниципальным органам власти право «создавать организационно-технические и другие условия, необходимые для обеспечения удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [см.: О внесении изменений в статью 26..., п. 2.1, ст. 26]. Удаленное использование архивных документов федеральных

архивов обеспечивается путем создания информационной системы удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним. Положение о ней утверждается Правительством РФ, а порядок оказания информационных услуг устанавливается Росархивом.

Пользователям обеспечивается возможность удаленно просматривать архивные документы и справочно-поисковые средства к ним и копировать на электронные носители созданные электронные копии архивных документов, хранящихся в федеральных государственных архивах.

За удаленное использование архивных документов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет с пользователей архивными документами может взиматься плата, размер которой устанавливается Росархивом, а размер платы за удаленное использование архивных документов в иных информационных системах устанавливается нормативными правовыми актами субъектов РФ и муниципальными архивами.

Предлагаемые изменения, касающиеся информатизации сферы использования, относятся к числу ключевых, ведь главный смысл существования архивов заключается в обеспечении общества необходимой ретроспективной информацией. Принятие и реализация данного законодательного проекта помогут поднять на новый качественный уровень это направление деятельности архивов.

Для пользователей очень важным является решение вопроса о разумном размере платы за удаленное использование архивных документов. Напомним, что стоимость оказываемых услуг, в том числе копирования архивных документов, каждым архивом рассчитывается на основании Перечня платных услуг, оказываемых федеральными казенными учреждениями, подведомственными Федеральному архивному агентству, опубликованного на сайте Росархива в 2018 г. [см: Рекомендации...], с обозначением предельной цены на каждую из них. При этом учитываются производственная себестоимость и рентабельность выполняемой платной работы и оказываемой услуги, состава производственных операций, специфики деятельности.

Сегодня система включает сведения о научно-справочном аппарате 10 федеральных архивов. Открытие свободного доступа к части системы, содержащей объединенный научно-справочный аппарат федеральных архивов, предполагается в конце 2019 г., а для полного запуска необходимо внести поправки в закон.

В настоящее время в стране осуществляется реформа контрольно-надзорной деятельности с целью перехода на основу риск-ориентиро-

ванного подхода в различных общественных сферах¹. Нововведения не могут обойти стороной и архивную отрасль. С целью разработки «механизмов повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в сфере архивного дела и перехода на новые принципы ее организации, в том числе ориентированного подхода» [Разработка...], Росархивом совместно с ООО «КонсалтБюро Ставка» был разработан и в феврале 2019 г. опубликован «Отчет о научно-исследовательской работе “Разработка модели риск-ориентированного подхода при организации контрольной деятельности в сфере архивного дела и делопроизводства”» [Там же]. В числе представленных в нем предложений по внесению изменений в нормативную правовую базу – проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об архивном деле в Российской Федерации”».

В соответствии со ст. 4 действующего Федерального закона к полномочиям Российской Федерации в сфере архивного дела в числе прочих относятся разработка и проведение единой государственной политики в сфере архивного дела и установление единых правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов, и контроль за соблюдением указанных правил, а к полномочиям субъекта – проведение государственной политики в области архивного дела на территории субъекта РФ.

Представленный законопроект предполагает рассмотрение контрольных полномочий «во всей совокупности, определенной Федеральным законом, а не только в части единых правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов» [Там же], что влечет за собой необходимость разделения полномочий в области контроля за соблюдением законодательства в архивной сфере.

С этой целью выделены факторы риска, к которым отнесены ценность архивных документов, находящихся на хранении, соблюдение нормативных условий их хранения, учета, порядка комплектования и построена риск-ориентированная модель, определяющая тяжесть потен-

---

¹ Риск-ориентированный подход применяется в контрольно-надзорной деятельности в любой сфере. Его суть заключается в снижении рисков: контроль растет в зонах повышенного риска и снижается или отсутствует в более безопасных зонах. Такой подход позволяет вовремя принимать необходимые меры там, где это нужно, и экономить ресурсы.

циальных негативных последствий несоблюдения обязательных требований. На основе этой модели определены категории субъектов контроля со стороны Росархива низкого риска – юридические лица, не включенные в списки источников комплектования федеральных государственных архивов; умеренного риска – юридические лица, включенные в списки источников комплектования федеральных государственных архивов, за исключением тех, что отнесены к следующей категории; среднего риска – источники комплектования федеральных государственных архивов: федеральные органы государственной власти и иные государственные органы Российской Федерации; высокого риска – субъекты контроля, осуществляющие постоянное хранение особо ценных, в том числе уникальных, документов Архивного фонда Российской Федерации. Обозначены в документе виды нарушений обязательных требований в области комплектования, хранения, учета для федеральных государственных архивов, федеральных музеев и библиотек, организаций Российской академии наук и для источников комплектования архивов.

Контроль за соблюдением законодательства в органах и организациях, вне зависимости от форм собственности, находящихся на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (за исключением органов и организаций, отнесенных к федеральной собственности), контроль по отношению к архивным документам, являющимся собственностью субъектов, предложено возложить на органы управления архивным делом субъектов РФ. В приложении А к этому документу сформулированы конкретные предложения о внесении изменений в Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» [см.: Разработка...].

Результаты внесения в законопроект положений, направленных на разделение полномочий в области контроля за соблюдением законодательства, должны обеспечить более надежную защиту сохранности архивных документов. Предполагается, что в результате внедрения в практику результатов проведенной работы будут снижены издержки государства на исполнение контрольных полномочий.

Внесенные изменения и вносимые на официальном уровне предложения актуальны, но достаточны ли они?

Учитывая бурное внедрение информационных технологий в архивную сферу, чрезвычайно злободневным представляется решение любых вопросов, связанных с электронными документами, в том числе разработка правовых основ организации архивного хранения и использования электронных документов. Одной из мер в этом направлении может

быть усовершенствование и дальнейшая разработка терминологической базы архивного дела, в частности, введение в ст. 3 «Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе» таких терминов, как «база данных по документам Архивного фонда РФ», «миграция цифровой информации», «оцифровка архивных документов», «электронная копия архивного документа», «электронный архив». С этими понятиями архивисты активно работают сегодня, поэтому, по мнению автора, будет необходимо их ввести и в другие соответствующие статьи закона, обозначив, таким образом, насущные вопросы, от решения которых не только в будущем, а уже сейчас зависит уровень развития архивной отрасли в Российской Федерации.

Отсутствуют в понятийном аппарате закона термины «негосударственный архив», «частный архив»; не включены в него термины «архивный аутсорсинг», «внеофисное хранение архивных документов», а ведь реалии таковы, что ряд российских крупнейших государственно-частных компаний (ПАО «Сбербанк России», ОАО «РЖД», ПАО «Газпром», ПАО «Аэрофлот»), негосударственных и государственных органов и организаций, в том числе даже источников комплектования государственных архивов, уже пользуются услугами, предоставляемыми аутсорсинговыми компаниями. Последние хранят архивные документы на традиционных бумажных носителях до их передачи на постоянное хранение. Кроме того, все более востребованными становятся дополнительные услуги, оказываемые этими компаниями. К их числу относится оцифровка архивных документов, создание электронных архивов, хранение электронных носителей, упорядочение и уничтожение документов и другие услуги. Многие из таких компаний («Айрон Маунтин», «Делис Архив», «ОСГ Рекордз Менеджмент», «ТЭОС Архив» и др.) широко известны. В Екатеринбурге, например, это «Технологии кадровых решений»: Archive Management. Внеофисное хранение стабильно набирает обороты «как вширь, так и вглубь» [см.: Храпцовская]. В связи с этим представляется необходимым внесение дополнений в ст. 18 «Хранение документов Архивного фонда Российской Федерации», где речь, в числе прочего, идет об органах и учреждениях, осуществляющих временное хранение документов АФ РФ, включив в нее слова: «в негосударственных компаниях (или негосударственных архивах? частных архивах?), осуществляющих архивное хранение документов и оказывающих дополнительные услуги в архивной сфере на основе аутсорсинга». В ст. 3 следует включить перечисленные выше термины.

Чрезвычайно важным по-прежнему является вопрос урегулирования правовой основы комплектования архивов субъектов Российской Федерации документами территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (о разночтениях ст. 2 и ст. 4 закона и необходимости приведения их в соответствие речь шла выше). При этом особый акцент хочется сделать на необходимости выделения из федерального бюджета субвенций региональным архивам. Игнорирование финансового состояния региональных архивов со стороны государства в решении данной проблемы, к сожалению, стало уже недоброй традицией, поэтому внесение предложенных изменений в ст. 21 «Передача документов Архивного фонда Российской Федерации на постоянное хранение» явилось бы шагом к гарантированной сохранности комплекса архивных документов территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, являющихся той частью АФ РФ, которая отражает развитие регионов в той или иной сфере.

Одной из сложных проблем, не имеющих правового обоснования, является проблема комплектования государственных, муниципальных архивов документами негосударственных структур, «отражающих новые экономические и социальные явления, особенности и тенденции в историческом процессе» [Ларин]. В соответствии с законом документы негосударственных организаций и предприятий, общественных объединений, творческих союзов могут поступать на государственное хранение, составляя негосударственную часть АФ РФ. Вопрос в том, насколько они готовы к сотрудничеству с архивной службой страны. Архивисты же на данном этапе не имеют необходимых рычагов правового давления на негосударственные организации. По мнению М. В. Ларина, «в архивном законодательстве других государств... архивным службам предоставляется больше возможностей влияния на сохранность и включения документов частных архивов в состав национальных архивных фондов» [Там же]. Так, например, в законе Республики Беларусь прописано, что подобные архивы «обязаны обеспечивать накопление, учет, хранение и использование архивных документов [Там же], а «при передаче юридическим или физическим лицам права собственности на архивные документы новому собственнику последний обязан подписать с государственным архивом охранный обязательство... » [Там же].

Можно воспользоваться опытом и тех стран, которые предоставляют налоговые льготы негосударственным компаниям, сдающим свои архивные документы в соответствующие муниципальные или национальные архивы. Эти меры, естественно, потребуют финансовых затрат

со стороны государства, а рассчитывать на них в современных условиях пока не приходится. Подобный подход к развитию архивного дела в нашей стране явился бы мощным стимулом для пополнения ее Архивного фонда ценным комплексом документов.

Внесенные в закон с 2016 г. изменения и дополнения и проводимая на данном этапе работа по совершенствованию основного нормативного правового акта архивной отрасли, несомненно, способствовали повышению его качественного уровня. Вместе с тем обсуждаемые на разных уровнях проблемы его соответствия современным запросам общества позволяют сделать вывод о необходимости постоянной, глубокой, кропотливой работы в этом направлении.

В заключение необходимо отметить, что проблему совершенствования базового закона «Об архивном деле в Российской Федерации» нельзя рассматривать в отрыве от совершенствования других нормативных правовых актов, направленных на оптимизацию работы с документами. Достойное финансирование отрасли, профессионализм кадров, изучение международного опыта являются теми составляющими, которые призваны решить наши правовые проблемы.

Артизов А. Н. Совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере архивного дела : докл. на заседании Совета по архивному делу (16 февраля 2016 г., г. Пермь) [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 29.04.2019).

Артизов А. Н. Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2016 году, задачах на 2017 год и среднесрочную перспективу : докл. на расширенном заседании коллегии Росархива (Москва, 2 марта 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 08.05.2019).

Артизов А. Н. Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2017 году, задачах на 2018 год и среднесрочную перспективу : докл. на расширенном заседании коллегии Росархива (Москва, 20 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 10.05.2019).

Артизов А. Н. Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2018 году, задачах на 2019 год и среднесрочную перспективу : докл. на расширенном заседании коллегии Росархива (Москва, 14 марта 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 10.05.2019).

Ларин М. В. Сравнительный обзор архивного законодательства стран СНГ // Правовые проблемы архивного дела в Евразийском регионе : материалы междунар. науч.-практич. конф. Астана, 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusarchives.ru/konferencii/astana-respublika-kazakhstan/eurasica_laws/larin (дата обращения: 12.04.2019).

Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 01.12.2006 № 202-ФЗ, от 01.12.2007 № 318-ФЗ, от 13.05.2008 № 68-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ, от 27.07.2010 № 227-ФЗ, от 11.02.2013 № 10-ФЗ, от 04.10.2014 № 289-ФЗ, от 28.11.2015 № 357-ФЗ, от 02.03.2016 № 43-ФЗ, от 23.05.2016 № 149-ФЗ, от 18.06.2017 № 127-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 02.05.2019).

О внесении изменений в Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» : Федеральный закон от 02.03.2016 № 43-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 02.05.2019).

О внесении изменения в статью 26 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» : проект Федерального закона от 02.03.2016 № 43-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=78868> (дата обращения: 02.05.2019).

Разработка модели риск-ориентированного подхода при организации контрольной деятельности в сфере архивного дела и делопроизводства // Отчет о научно-исследовательской работе. Росархив, ООО «КонсалтБюро Ставка» [Электронный ресурс]. URL: archives.ru 2018_rosarchiv-otchet-nir_model-control.pdf (дата обращения: 11.05.2019).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2800-р [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 10.05.2019).

Рекомендации по оказанию платных услуг федеральными казенными учреждениями, подведомственными Федеральному архивному агентству. Росархив. 2018 [Электронный ресурс]. URL: archives.ru (дата обращения: 10.05.2019).

Храмцовская Н. А. Внеофисное хранение документов: опыт аутсорсинга в делопроизводстве // Электронные офисные системы. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_analytics (дата обращения: 05.04.2017).

УДК 94(470.5).06

С. И. Цеменкова

«НЕЗАМЕНИМЫЕ БЫЛИ»: НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ БИОГРАФИИ ЕВДОКИМА ЯКОВЛЕВА

Статья посвящена жизни и деятельности служащего уральской горной администрации XVIII в. Евдокима Яковлевича Яковлева. Особое внимание уделяется его успешному карьерному пути, отношениям с коллегами, истории его семьи.

Ключевые слова: Е. Яковлев, секретарь, история Урала в XVIII в., история делопроизводства на Урале, история государственной службы, А. Е. Лабзина.

Яковлев Евдоким Яковлевич (1692–1764 (?)) – не самый яркий представитель горнозаводской администрации Урала XVIII в., но его деятельность и жизненный путь заслуживают внимания историков. «Радетельный» труд Евдокима Яковлевича, его достойная карьера и семейная жизнь вызывают желание узнать о нем больше и как о личности, и как о слугителе горного ведомства. В рамках данной статьи мы осветим лишь отдельные эпизоды его жизни, а именно те ее фрагменты, которые удалось установить на основании архивных изысканий, научных трудов и мемуарной литературы.

Трудовой путь Евдокима Яковлева начинается в 1723 г., когда он по распоряжению Геннина был взят в Алапаевскую заводскую контору средним подьячим «с окладным жалованием» 12 руб. денег, «да в год хлеба 12 четвертей ржи и овса пополам» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 328, л. 470].

В 1726 г. последовало повышение жалованья – до 30 руб. в год. Его усердный труд был замечен, и в марте 1727 г. он был переведен в Екатеринбург в заводскую контору с тем же окладом. В октябре 1729 г. последовал новый перевод – в счетную контору с повышением оклада до 36 руб. в год. Как сообщает сам Яковлев, «...и был в той конторе у сочинения счетов». С декабря 1730 г. «из оного повытья взят для сочинения ведомостей и из оных табелей по сенатскому указу о состоянии казенных заводов: когда оные и кем заведены и откуда руды ко оным берутца и о приходе и расходах денежных и о зделанных на тех заводах припасех и о прочем с 1720 по 1731 год (обще с другими). И был при деле оных по самое их окончание немалое время» [Там же, л. 470–470 об.]. Речь шла об указе Берг-коллегии от 1 августа 1727 г., согласно которому В. И. Геннин должен был «для лутчего уверения учинить и прислать в Берг-коллегию без умедления ведомости о заводах» [цит. по: Карелин, с. 40]. Повторно указ был издан 22 мая 1730 г., и команда Геннина вновь взялась за работу – составлять «...обширную, всеохватывающую ведомость обо всех казенных Сибирских заводах» [Корепанов, 2006, с. 175], и именно на этом этапе в нее был включен Яковлев. Работал он усердно, а потому в октябре 1731 г., исполняя должность уже «за канцеляриста», просит повышение в должности и окладе, объясняя это так: по табели 1726 г., сочиненной Генниным, определен оклад канцеляристам в Обер-берг-амте по 80 руб. в год, в заводской же конторе – по 60 руб. в год. Все получают по 60

и 40 руб., а он – только 36 руб. Да еще вычитались у него, Яковлева, подушные деньги. А посему, денег ему не хватает не только на домашнее устройство, но даже и на пищу» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 328, л. 470].

К прошению Яковлева свое мнение приписал протоколист Феоктист Кузнецов, который отметил, что Яковлев достоин производства в канцеляристы с прибавлением жалования, ибо «он, Яковлев, состояния доброго и смирной, и не пьяница, и в канцелярских делах прилежен и понятен, и канцеляристову должность снести и оправить может». Подтвердил это и секретарь Петр Клушин [см.: Там же, л. 471]. Евдоким Яковлев, несомненно, был на хорошем счету у руководства. Уже с 1732 г. он состоит в должности протолиста, и вскоре уже, будучи по-прежнему протоколистом, с 1733 г. подписывает документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов «за секретаря». Н. С. Корепанов отмечает, что при необходимости Евдоким Яковлевич вместе с обер-цегентнером Гордеевым замещали членов присутствия [см.: Корепанов, 2000, с. 59]. А с мая 1734 г. Сибирский Обер-берг-амт определил ему: «надлежит быть секретарем с жалованием по сту по двадцати рублей» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 745, л. 436–436 об.].

Новый виток в карьере Евдокима Яковлева начинается в 1754 г. Тогда, в марте 1754 г., императорским указом сенатору, генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Шувалову, новому владельцу Гороблагодатских заводов, было поручено сочинение «...ясных и понятных законов...» относительно горного дела. В этой связи в августе 1754 г. по указанию Сената коллежский советник Никифор Клеопин был включен в состав шуваловской комиссии, в число которой были назначены самые достойные люди от коллегий и столичных канцелярий. И это означало, как пишет Н. Корепанов: «...что по горным и заводским делам не имелось лучшего специалиста...» Предстояло заняться разработкой свода российского горного законодательства, и Клеопин стал собираться в Москву [см.: Корепанов, 2000, с. 154–155]. Но была одна значимая проблема, которую ему предстояло решить до отъезда: в присутствии Канцелярии нужен был еще один член. Вот как в октябре 1754 г. описал ситуацию сам Н. Клеопин: на месте надворного советника – Степан Неелов – «весьма стар и болен бывает», ассессор Зеленой и обер-гитен-фервальтер Арцибашев здоровьем слабы, а потому «по многотрудной и тяжкой здешней команде» делам грозит опасность быть в «запущение». Кроме того, отмечает Клеопин, в присутствии не хватает ассессора, а посему, надлежит включить в число членов присутствия Евдокима Яковлева, который последние 22 года занимал должность секретаря, а потому человек опытный в делах

и был в этом же 1754 г. произведен в обер-цегентнеры в ранге капитанском [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 33, л. 41–42]. А поскольку зарекомендовал себя Евдоким Яковлев только с лучшей стороны – «в штрафах не бывал, в канцелярии был по многому» – достоин он произведенным быть в ассесоры. Кроме того, Клеопин отмечал, что Яковлев был и «в приказных, и горных заводских порядках», и «изобретен им способ в плавке чугуна молотового, который прежде был бросан с рудами железными в домнах, которым заменяется четвертая часть руд, и через то ежегодно прибыль бывает с лишние по тысяче рублей» [Там же, л. 40 об.]. Не был Евдоким Яковлев дворянином по рождению, а дослужился до высокой должности благодаря своему радению, талантам... и особенностям петровской Табели о рангах, где важным регулятором продвижения по службе стала личная выслуга, а не происхождение. В военной службе уже XIV класс «сообщал» потомственное дворянство; в гражданской же – лишь VIII, а низшие чины давали только личное дворянство. Статус личного дворянства был создан специально для данного случая и имел целью сдерживать и замедлить пополнение рядов потомственного дворянства за счет служилого сословия. Указ от 31 января 1724 г. «О не производстве в секретари тех, кто не дворяне» [ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4449] подчеркнул значимость должности и обозначил намерение правительства изменить существующую практику и сделать эту важную в структуре государственного управления должность дворянской по составу. Право подьячих на занятие секретарской должности стало исключением: Сенат мог производить в секретари только тех «из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит», т. е. в порядке поощрения подьяческих кадров.

Занимающий до Яковлева секретарскую должность Феокист Кузнецов отличался экзотическими интересами: держал во дворе медведя на привязи [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 490, л. 402], а покидая должность секретаря, заказал себе мраморную столешницу [Там же, д. 105, л. 129].

В ноябре 1755 г. Клеопин возвращается из Москвы и продолжает решать кадровые проблемы: квалифицированный персонал в дефиците. Вот что об этом сообщают документы: «...по Канцелярии же Екатеринбургской дел как интересных, так и партикулярных состоит великое множество и так бывает, что в оные дни за подписанием изготовленных времени не достает и дел слушать». А особенно сложно было тогда, когда рассматривались дела «о деньгах, материалах и о расположении на крестьян заводских работ», что случалось каждый год в период с ноября по январь, «и тогда нередко ж... и после обеда, даже до полночи и далее при-

сутствующие бывают в Канцелярии». Члены присутствия очень редко находились в Канцелярии в полном составе, поскольку им «...по учреждениям заводским, с переменою, велено посещать казенные заводы, не менее, как каждой год по одному разу, а где нужда требует, паче ж на золотых рудниках и где добываютца камни мраморные и чаще». Кроме того, они должны были раз в год проверять все «дело мраморных вещей», деятельность Чусовских пристаней и отправку караванов. Дело осложнялось еще и тем, что по приезде из Москвы Никифор Клеопин заболел и в поездки отправляться не мог. Но этим проблемы не ограничились: секретарская должность, которую ранее вершил Евдоким Яковлев, оставалась вакантной, отчего происходили большие проблемы. Командированный Сенатом на должность Екатеринбургского Главного командира в октябре 1755 г. действительный статский советник Андрей Григорьевич Щербинин отмечал нехватку в Канцелярии Главного заводов правления приказных слугителей, отчего «...в канцелярских делах исправление происходит не весьма поспешное», и особенно от того, что до сих пор не нашли замену секретарю, «который ныне берг-цегентнером и третьим присутствующим в оной канцелярии Евдокиму Яковлеву» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 33, л. 44].

Заменить его Щербинин предложил следующим оригинальным способом: прислать из Берг-коллегии «...из имеющих при оной коллегии в излишестве сверх штата секретарей двух человек...». И отмечает далее: «Им же для представления от Берг-коллегии резонов велеть между канцелярских дел обучит[ь]ся горным наукам...» [Там же]. И хотя его просьба была очень быстро исполнена, в том же году Берг-коллегия прислала делопроизводителей, заменить Яковлева оказалось совсем не просто: «по новости» и «по множеству письменных дел» со своими служебными обязанностями они не справлялись. Стоит отметить, что в последующем на место секретаря был назначен Алексей Петрович Порецкий, дворянин по происхождению [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1071, л. 109 об.].

А у самого Евдокима Яковлева были заботы весьма разнообразные. Давно ли он платил подушную подать, а теперь сам владел землями: в 1754 г. он купил участок земли у Н. Н. Демидова (в Мякотинской волости) и, чуть позднее, у Никифора Клеопина. В том же 1755 г. началась «башкирская шатость», и Евдоким Яковлев наряду с С. Г. Владычиным и лекарем И. Х. Шнезе (все они владели землями в Оренбуржье) обратились в Главное правление с просьбой разрешить строительство в с. Ново-Воскресенском, принадлежавшем Клеопину, хотя бы небольшой крепости для защиты как своих поместий, так и самого населенного пункта.

Как отмечает Н. С. Корепанов, уже в сентябре началось строительство, которое возложили на Афанасия Кичигина [см.: Корепанов, 2000, с. 166]. Вскоре Яковлев стал обустривать свое имение – на правом берегу р. Синары при «мещерятском» с. Тюбук построил господский дом со всеми надлежащими постройками [см.: Ларионова, с. 50–51]. Впоследствии в этом имении жила семья Яковлева – его вдова с детьми, встретив и пережив там Пугачевское восстание. По сообщению В. Модзалевского, была у Евдокима Яковлевича недвижимая собственность и в Московском уезде [см.: Модзалевский, с. 4].

У нас нет возможности точно описать характер этого замечательного деятеля уральской горной администрации XVIII в. Но можно предположить, что человеком он был дисциплинированным (и здесь, возможно, речь идет прежде всего о самодисциплине), целеустремленным, активным и имел практически направленный ум. Не пьянствовал, не был замечен ни в драках, ни в азартных играх, а значит, человеком Евдоким Яковлевич был «трезвого жития», т. е. разумным и дальновидным, умел заводить полезные знакомства.

Еще один аспект всегда хорошо характеризует человека – его отношения с близкими, семейные отношения.

По сведениям, которыми мы располагаем на настоящий момент, женился Евдоким Яковлевич поздно, и брак его, несмотря на приличную разницу в возрасте с женой (40 лет), был счастливым. Супругой его стала дочь Константина Артемьевича Гордеева и Екатерины Степановны Нееловой Прасковья (1732–1772), женщина набожная и благонравная. В браке родилось трое детей – старшая дочь Анна и два сына – Петр и Александр [см.: Ларионова, с. 50–51].

Именно дочь Яковлева, Анна Евдокимовна Лабзина (1758–1828), оставила воспоминания о своей жизни. И хотя отца своего она не помнила – он умер, когда ей было пять лет, но стилем воспитания своего, хотя и идущим от матери, она во многом была обязана именно ему. Заветы родителя она описывает со слов своей няни, Константиновны: «...Ты не помнишь родителя своего, и он был редкий в добродетелях и, умирая, говорил: “Воспитание моих детей чтоб было то, чтоб они познавали Бога и научались с самого младенчества любить Его всем сердцем, мать свою чтоб любили и почитали, к старшим чтоб они имели почтение и уважение, не только к равным – и к рабам добрым. Приучайте их любить бедных и несчастных, к роскоши их не приучайте, а более – к нужде”». Сам Евдоким Яковлевич, прожив жизнь не вполне легкую, знал, что такое нужда, и то, как переменчива жизнь, и, конечно же, думал, как под-

готовить к этому своих детей. После разговора с няней, он попросил привести своих детей, благословил их «...и, окончивши сие, сказал: “Я все исполнил; теперь самому надо приготовиться в путь; оставьте меня”. И он после этого жил сутки, и уж больше ни о чем не думал, как о приготовлении себя, и до последней минуты жизни своей был в совершенной памяти, и на лице его было спокойствие: ни страху, ни ужасу не было в нем видно. И последнее его слово было: “Повергаюсь в Твое неизреченное милосердие, Спаситель мой, прими дух мой и помилуй меня, и подкрепи оставших моих и дай им силы, по потере моей, чтоб они не скорбели и не прогневляли Тебя!” – перекрестился... и скончался. Потеря сия для нас для всех была велика: он был нам отец и друг, и с ним, казалось, умерли все наши надежды и радости» [Лабзина]. Прасковья Константиновна особенно тяжело перенесла уход Евдокима Яковлевича. По свидетельству Анны: «Мать моя, оставшись от отца моего на тридцать втором году и любя его страстно, была в отчаянии, потерявши его», и несколько лет находилась в глубочайшей депрессии. В своих записках она помещает воспоминания об отце с уважением и любовью, подчеркивая, что и к близкими он был внимателен. Незаменимым был он и для своей семьи.

23 февраля 1760 г. Е. Я. Яковлев вышел в отставку с производством в чин надворного советника. Как сообщает журнал «Русская старина», в начале 1760 г. Яковлев в качестве сопровождающего отправился вместе с графом С. Р. Воронцовым в поездку по горным заводам, недавно пожалованных Елизаветой Петровной его отцу Роману Ларионовичу. Модзалевский предполагал, что Яковлев был хорошо знаком со старшим Воронцовым, так как в своих письмах сын его упоминает Евдокима Яковлевича как человека, близкого их семейству. Модзалевский также выдвинул предположение, что Воронцовы были намерены сделать его управляющим своими заводами. Но этому не суждено было случиться, потому что вскоре Евдоким Яковлевич скончался.

Относительно даты смерти Евдокима Яковлевича Яковлева сведения расходятся. По данным Н. С. Корепанова он умер в 1761 г. [см.: Корепанов, 2000, с. 199], Модзалевский называет другой год – 1764 г. [см.: Модзалевский, с. 4, 5]. Можно предположить, что последняя дата больше соответствует реальности, поскольку Анна Евдокимовна сообщает, что ей было 5 лет, когда умер ее отец, а родилась она 28 ноября 1758 г. [см.: Лабзина, с. 14].

В данной статье лишь намечены некоторые штрихи к портрету, несомненно, неординарной личности и большого труженика Евдокима

Яковлевича Яковлева. Жизнь его, человека XVIII в., такая же удивительная, как и все столетие, достойна быть изученной и описанной как можно более полно.

Государственный архив Свердловской области. Ф.24: Уральское горное управление.

Карелин В. Г. К истории рукописи «Описание уральских и сибирских заводов. 1734» // Четвертые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. (Екатеринбург, 14–15 февр. 2008 г.). Екатеринбург : Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского, 2008. С. 40–47.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.

Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000.

Лабзина А. Е. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // Рус. старина. 1903. № 1. С. 14–32.

Ларионова М. Б. История екатеринбургского дворянского имения по воспоминаниям А. Е. Лабзиной // Третьи Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. (Екатеринбург, 16–17 февр. 2006 г.). Екатеринбург : Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского, 2006. С. 49–53.

Модзалевский В. Воспоминания А. Е. Лабзиной [Предисловие] // Рус. старина. 1903. № 1. С. 3–14.

Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 7. № 4449.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 271: Берг-коллегия.

УДК 94(47).072/.073:355.2

Т. Н. Кандаурова

ПОДГОТОВКА АРМЕЙСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕПАРТАМЕНТА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Публикуемые обзоры учебных заведений военных кантонистов и учебных карабинерных полков, военных поселений и округов пахотных солдат из фонда Канцелярии Департамента военных поселений РГВИА представляют краткие записки, включающие основные характеристики образовательных учреждений данного профиля и военно-хозяйственного института первой половины XIX в. Данные документы отражают состояние подготовки младших и унтер-офицерских кадров для армейских частей и округов военных поселений из числа детей военно-служилого и других сословий, а также некоторые параметры состояния округов военных поселений и пахотных солдат.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Военное министерство, Департамент военных поселений, военные поселения, кантонисты, солдатские дети, гарнизонные школы, Императорский военно-сиротский дом, отделения военно-сиротского дома, учебные карабинерные полки, унтер-офицеры.

В 1850 г. директором Канцелярии Военного министерства генерал-майором бароном П. А. Вревским была составлена записка «О состоянии русской армии» для австрийского императора Франца Иосифа, за которую он был награжден орденом Железного креста I степени [см.: Вревский, с. 80]. Генерал «составил очень толковую записку, – сообщает автор романа о баронессе Вревской, – “О состоянии русской армии” для австрийского императора. Тот остался доволен хорошей книгой и наградил Вревского орденом Железного креста I степени. Если читатель помнит, титул и фамилию Павлу даровал именно австрийский император. Так что

барон Вревский милости не забыл, баронство свое честно отработал – отблагодарил» [Кретьова, с. 7].

В фонде Департамента военных поселений в РГВИА сохранились материалы, переданные директором Департамента бароном Н. И. Корфом П. А. Вревскому в октябре 1849 г., как следует из сопроводительного отношения, по предварительной договоренности между двумя представителями военной администрации. Материалы, отправленные на имя П. А. Вревского, включали обзоры: военных поселений и округов пахотных солдат, казачьих иррегулярных войск и учебных заведений военных кантонистов и учебных карабинерных полков. Все эти части военного управления тогда состояли в ведении Департамента военных поселений [см.: ПСЗРИ-2, т. 10, с. 716, 726]. Определенный интерес для истории института военных поселений и истории отечественного образования составляют две записки, подготовленные в Департаменте для П. А. Вревского: по военным поселениям и по учебным заведениям ведомства военных поселений. Обзоры в краткой форме представляют основные характеристики военно-поселенной организации и части системы военно-учебных заведений России первой половины XIX в., подведомственных Департаменту.

Краткая форма изложения была, по всей вероятности, обусловлена тем, что материалы представлялись для общей записки о состоянии российской армии, над которой работал П. А. Вревский, и тем, что они предназначались для императора Австрии. Система военных поселений и на рубеже 1840–1850-х гг. продолжала оставаться закрытой, соблюдался определенный принцип секретности в отношении этой части армии. Соблюдая данный принцип, Н. И. Корф в обзорах представлял только самые общие сведения: численность учебных заведений военно-поселенного ведомства, их руководящий состав, периодичность выпуска кантонистов в войска. Потом следует небольшая справка по Санкт-Петербургскому батальону военных кантонистов (численный состав обучавшихся, выпуск педагогических кадров для учебных подразделений, кадров топографов и кондукторов, граверов, писарей, аудиторов из училища при батальоне, руководство училища, стоимость обучения). Еще более краткие сведения даны по Воронежским батальонам военных кантонистов, которые готовили кадры для 3-го Резервного кавалерийского корпуса, расквартированного в Новороссийском военном поселении. Упомянуты в обзоре об учебных заведениях кавалерийские учебные эскадроны и учебные артиллерийские батареи резервной кавалерии. Эти части военных поселений готовили будущих унтер-офицеров и фейерверкером для поселенных войск.

Незначительный объем информации содержит и раздел, представлявший учебные карабинерные полки. Дана статистика по выпуску в армию унтер-офицеров и музыкантов. Интересным здесь является фрагмент об обучении кантонистов на деревянных макетах, а не на действующем оружии. В обзоре имеется информация и об источниках финансирования заведений военных кантонистов – за счет казны и частично экономическими средствами, т. е. за счет процентов с принадлежащего им капитала.

Несмотря на малое информационное наполнение, обзор по учебным заведениям военных кантонистов позволяет представить процесс подготовки резервов для отечественной армии, включая унтер-офицерский состав и кадры музыкантов, а также писарей и аудиторов для военного ведомства, в том числе Военного министерства и его департаментов.

Обзор военных поселений и округов пахотных солдат включает также не столь значительные по объему информативные блоки: учреждение и цель создания, места дислокации по регионам страны, управление, запасы продовольствия и фуража, капиталы, обязанности и преимущества военных поселян, госпитали. Однако и столь краткий вариант представления отечественной военно-поселенной системы позволяет увидеть географию военных поселений и округов пахотных солдат; частично обозначены цели их организации (экономия бюджетных средств), показаны резервные фонды – запасы продовольствия и фуража, капиталы – офицерский вспомогательный и заемный денежный военных поселян и пахотных солдат, обязанности и преимущества поселян, в том числе занятие торговлей и подрядами.

* * *

«В военной истории, – отмечает исследователь Э. М. Шакирзянов, – младшие командиры во все времена, начиная с римских центурионов, считались костяком армии. Унтер-офицеры хотя и относились к нижним чинам армии, тем не менее, являлись главным звеном между офицерами и солдатами, которое связывало эти две категории и способствовало успешному решению стоящих перед армией задач. В системе обучения и воспитания солдата унтер-офицеры осуществляли непосредственную подготовку рядовых к действиям в бою и к выполнению служебных обязанностей» [Шакирзянов, с. 46]. Система подготовки армейских кадров младшего звена и социализации солдатских детей получила начало еще в Петровскую эпоху. Тогда при гарнизонных батальонах и полках были созданы первые учебные заведения «для обучения солдатских детей

грамоте и мастерствам» – гарнизонные школы [Баиов, с. 154]. По именному Указу от 21 сентября 1732 г. при пехотных гарнизонах создавались школы для обучения солдатских детей с 7 до 15 лет. В них стали принимать детей «служилых чинов», включая и офицеров не из шляхетства, родившихся во время действительной службы отцов. Они должны были поступать на военную службу по окончании школы [см.: ПСЗРИ-1, 1830, т. 1, с. 928–930]. В школе дети обучались «словесной и письменной науке, пению, солдатской экзерциции, арифметике, артиллерийской и инженерной науке» [Баиов, с. 154]. По воинскому штату этого же года в школах должно было состоять 4 тыс. учеников [см.: ПСЗРИ-1, 1830, т. 9, с. 540]. После завершения курса обучения чтению, письму, арифметике и строевой подготовке «от каждого полка из полного состава учащих-ся продолжали учебу: 10 человек – геометрии, артиллерийской и инженерной наукам (отбирали самых способных); 20 человек – игре на музыкальных инструментах: габаях, трубах, валторнах; 10 человек – слесарному мастерству и, наконец, последних 10 учеников готовили в писар[и]. Учителями у солдатских детей были служившие в данном гарнизоне унтер- и обер-офицеры; читать и писать учил полковой писарь, строевой подготовке – один из лучших унтер-офицеров, а арифметике, артиллерийскому и инженерному делу – офицер, знающий эти науки» [Ячменихин В. К., с. 28].

На основании правил 1732 г. в каждом гарнизонном полку следовало иметь по 64, а в каждой роте – по 8 вакансий. «На выделяемые для них по штату средства должны были содержаться в каждом полку по 80 учеников». Учащиеся школ «получали от государства денежное довольствие, провиант, а также обмундирование. Распределением довольствия ведали специально назначаемые обер-офицеры. Интересен принцип комплектования гарнизонных школ: преимущество имели дети, не имеющие родителей, затем туда брали тех, у кого в семье было два-три ребенка, остальных принимали при наличии вакансий» [Там же, с. 27–28]. По Указу 1735 г. в школы могли принимать учеников и сверх комплекта, «чтоб впредь в рекрутских наборах с Государства могло быть подспорье, и служилых людей дети, шатаясь, не пропадали» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 9, с. 541]. На следующий год был принят Указ «О подтверждении, чтобы солдатские дети нигде праздно не жили, и чтобы годных к службе определять в солдаты, а мололетних в школы» [Там же, с. 957–958].

В 1738 г. последовал именной Указ «О обучении в гарнизонных школах солдатских детей слесарному мастерству» «между другими науками», чтобы «оня впре-дъ при полках настоящими слесарями могли быть

годны». И в армии, и в ландмилиции в слесарях состояла «великая нужда» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 10, с. 446]. Указом предписывалось: «Где школы есть солдатских детей, по несколько человек обучать оному слесарному мастерству с прилежанием, и таких мастеровых людей со временем умножить» [Там же, с. 446]. В августе 1738 г. именным Указом «О обучении солдатских детей в школах грамоте и разным наукам, а неспособных к тому потребным в полках мастерствам» было закреплено общеобразовательное и профессиональное обучение солдатских детей слесарному, кузнечному, плотничному, столярному, колесному, портному, сапожному и прочим художествам и мастерствам, «какия при армии и полках потребны и о Воинскому Штату определено» [Там же, с. 559]. В 1744 г. цифирные школы, созданные еще в 1714 г., были соединены с гарнизонными в тех губерниях, где существовали последние [см.: Ячменихин В. К., с. 29].

«В последующее время, — как писал военный историк А. Баиов, — ничего не изменяя в организации и в характере назначения и деятельности гарнизонных школ, правительство усиленно принимало различные меры, чтобы школы “содержались в добром порядке и смотрении, и комплекте, дабы для армии от оных плод был, а особливо по определению в писари, слесари и в прочие тому подобные чины и через то рекрутам некоторая замена”. При таких условиях число солдатских детей в гарнизонных школах постоянно все более и более возрастало: в 1758 г. их было 6 тыс., в 1763 — около 9 тыс. (8 755. — *Т. К.*)» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 16, с. 248], в 1765 г. — свыше 10 тыс. [см.: Баиов, с. 155].

С 1761 г. в гарнизонные школы стали принимать детей моложе 7 лет, оставшихся без отцов и находящихся на попечении матерей, которые не могли их прокормить [Там же, т. 15, с. 818]. В июне 1765 г. законодательно закреплялось финансирование сверхкомплектных учеников солдатских школ, открытие новых школ в Омске, в Ямышевской и Бийской крепостях, также было высочайше утверждено доклад Воинской комиссии «О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание» [Там же, т. 17, с. 160]. В 1774 г. в гарнизонные школы было разрешено принимать и детей бедных дворян, число их в школах могло достигать 1 тыс. чел. По состоянию на 1797 г. число учеников в гарнизонных школах достигало 12 тыс. чел. [см.: Баиов, с. 155].

В 1798 г. император Павел I все школы солдатских детей превратил «в отделения основанного им в Гатчине Императорского Сиротского дома» [Там же]. 23 декабря был высочайше утвержден доклад цесаревича Александра Павловича, генерала от инфантерии И. В. Ламба, генерала

от кавалерии барона П. А. Палена и генерал-лейтенанта барона А. А. Аракчеева «Об учреждении Императорского Военно-Сиротского Дома и Отделений оного при гарнизонных полках» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 25, с. 488–496]. В сиротских отделениях предполагалось воспитывать и к воинской службе подготавливать 16 400 солдатских сыновей [Там же, с. 488]. Образовательное учреждение делилось на два отделения: первое предназначалось для детей дворян и штаб-, и обер-офицеров, преимущественно тех, «кои скончали дни, служа отечеству». Воспитанники именовались кадетами. Поступать можно было на учебу с 11 лет. Численность воспитанников этого отделения не имела ограничений, дети содержались «на казенном коште» [Баиов, с. 155; ПСЗРИ-1, 1830, т. 25, с. 489]. Кадеты обучались: «1) закону Божию по рождению их родителей; 2) российскому; 3) немецкому языкам, то есть: читать, писать и говорить сии наречия; 4) грамматике и переводам тех языков; 5) арифметике; 6) геометрии; 7) артиллерии; 8) фортификации и тактике; 9) рисовать; 10) истории и 11) географии; однако же не в таком виде, чтоб других обучать могли, но чтоб сими познаниями пользоваться умели». Способных учащихся из солдатских воспитанников (до 50 человек) разрешалось обучать вместе с «благородными» воспитанниками, они могли быть помощниками, а потом определяться «на вакации учительския» как при Военном сиротском доме, так и при гарнизонных училищах, которые были отделениями этого дома [см.: Там же, с. 489–490]. В первое отделение определялись и воспитанницы из дворянских и офицерских семей. Они получали общее образование, исключая военные дисциплины, обучались шитью, вязанию и плетению всякого рода [см.: Там же, с. 490].

Во втором отделении Военно-сиротского дома обучались «солдатские дети без разбора религий и не ограничивая возраст их, а особливо сирот». Строгих ограничений для численности обучавшихся не устанавливалось. Воспитанники здесь обучались «1) Закону Божию; 2) российскому чтению и письму; 3) арифметике». После общеобразовательной подготовки они определялись в ремесленный класс и обучались «все-му, что в пользу войск[у] служить может, как то, портному, сапожному, башмачному, седельному, кузнечному, слесарному, ружейному, ложечному, каретному, токарному и малярному мастерствам и искусствам, по усмотренным склонностям, так же по способности, музыке на духовых инструментах и барабанному бою». Способных по ремесленной части воспитанников должны были «отдавать по контрактам с паспортами к ремесленным мастерам для окончательной выучки, но не более как на 6 лет» с выплатой в первые три года мастерам провианта на этих учеников,

а за последние два года обучения мастер вносил на счет дома помесечную плату «по искусству и успеху ученика» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 25, с. 490]. В 18-летнем возрасте солдатские дети отправлялись в полки по месту службы их отцов или родственников. Флейтистов, по требованию полков, отсылали и до достижения 18 лет. Принимались в сиротские отделения дети с 7 лет, а в случае отсутствия содержания – и с более раннего возраста [см.: Там же, с. 495]. Воспитывались во втором отделении и дочери солдат. В программу их обучения входили общеобразовательные предметы, рукоделие, домоводство и поварское дело [см.: Там же, с. 491].

По мнению исследователя истории военных кантонистов В. К. Ячменихина, за XVIII столетие «была заложена правовая база данного института самодержавия, был накоплен богатый опыт в деле подготовки армейского резерва: система обучения и воспитания будущего солдата к концу XVIII в. имела достаточно стройный вид. Но были и свои недостатки: в связи с постоянным ростом численности солдатских детей правительству не всегда удавалось охватить процессом обучения и воспитания всех подростков, формально принадлежавших к данной категории населения» [Ячменихин В. К., с. 32].

Гарнизонные школы и Военно-сиротский дом в XVIII – начале XIX в. с его отделениями при войсках позволяли детям солдат, офицеров и мелкопоместных дворян, включая дочерей, пройти определенную социализацию, получить начальное общее, ремесленное и специальное образование, выйти из школы со специальностью и продолжать службу в армейских частях уже в качестве юнкеров и офицеров, а также в качестве младшего служилого состава, но с какой-либо специальностью.

Число воспитанников Сиротских отделений постоянно росло. В 1798 г. всего кантонистов в отделениях «числилось около 17 000 человек, из которых 9,75 тыс. находились в отделениях, а 7,25 тыс. воспитывалось у родственников». К 1816 г. кантонистов стало более 57 000 человек, а к 1822 г. – 65 000 человек и в войсках было более 22 000 человек, а всего 87,5 тыс. человек [см.: Байов, с. 156]. В 1804 г. Военная коллегия получила Указ «О записывании солдатских детей в Военно-сиротския Отделения», который предусматривал порядок при «распределении воспитанников Императорского Военно-сиротского Дома и его Отделений..., и чтобы все полки получали из них, соразмерно надобности, молодых людей, приготовленных на службу военную в разныя должности, а Артиллерия преимущественно более способных и более сближенных к понятиям» [ПСЗРИ-1, 1830, т. 28, с. 16–17]. В начале XIX в. в связи с проблемами комплектования армии за счет рекрутских наборов значение солдатских

детей как армейского резерва возрастало. «Признав солдатских детей одним из источников наполнения армии подготовленными солдатами и унтер-офицерами, правительство с 1804 по 1816 гг. издало целый ряд постановлений, направленных как на ужесточение контроля за принадлежностью к сословию солдатских детей, так и на увеличение их численности. Для начала было изменено название категории детей, обучавшихся в школах военного ведомства. С 1805 г. солдатских детей, проходивших обучение, стали официально именовать кантонистами» [Ячменихин В. К., с. 33]. В 1816 г. правительство разработало подробное положение, которое определяло, «какие именно категории населения принадлежат сословию солдатских детей и, следовательно, их дети мужского пола подлежат отправке в военно-сиротские отделения» [Там же, с. 37]. Тогда же стали принимать в военно-сиротские отделения и детей, не относящихся к военному ведомству.

Введение военных поселений открыло новую страницу в истории института военных кантонистов. Дети военных поселян при развертывании поселенных пехотных и кавалерийских полковых округов были выделены в отдельную категорию и назывались кантонистами, которые должны были со временем комплектовать поселенные подразделения [см.: Кандаурова; Ячменихин К. М., с. 167–170]. «Начиная с 1817 г. в России параллельно начали существовать два вида кантонистов: первые являлись детьми военных поселян и предназначались для комплектования действующих и резервных частей военных поселений, вторые, чьи отцы служили в армии, были приписаны к военно-сиротским отделениям и комплектовали собой преимущественно учебные подразделения и действующие части армии. Они имели отличия не только в правовом положении, но и разное подчинение вплоть до 1824 г.» [Ячменихин В. К., с. 39]. В январе 1824 г. управление всеми кантонистами было сосредоточено в руках Главного над военными поселениями начальника графа А. А. Аракчеева. Он «принял ряд мер, призванных улучшить общее состояние в отделениях и сократить издержки казны на содержание солдатских детей» [Там же, с. 44]. Военно-сиротские отделения переименовывались в отделения военных кантонистов, они укрупнялись, и к 1826 г. их было только 34. Для подготовки кадров учителей для отделений военных кантонистов в С.-Петербурге был создан военно-учительский институт [см.: Ячменихин К. М., с. 170]. Численность военных кантонистов в этот период составляла: «в Сиротских отделениях – 61 000 чел. и в войсках – около 93 000, а всего 154 000 человек» [Баиов, с. 156].

С учетом кантонистов военных поселений число их достигало 234 461 чел. [Ячменихин В. К., с. 45]. «К моменту ликвидации разряда кантонистов в 1856 г. их насчитывалось 378 тыс. человек» [Щербинин, с. 164].

В 1826 г. кантонистские отделения были реорганизованы в батальоны, полубатальоны и роты военных кантонистов, объединенных в пять учебных бригад [РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 383, л. 412–416]. Часть кантонистов обучались в учебных карабинерных полках и учебных флотских экипажах. Со временем, в 1830-х гг., в ряде кантонистских батальонов были созданы отделения для дворянских детей, где они находились, ожидая вакансии в кадетских корпусах. При Новгородском батальоне военных кантонистов такое отделение было открыто в 1834 г. [Там же, оп. 2, д. 12356, л. 2–4]. В округах военных поселений кантонисты проходили подготовку в учебных эскадронах, батальонах и артиллерийских батареях и выпускались на службу в поселенные полки [Проект..., с. 27–87; Ячменихин В. К., с. 71–112].

Начало формированию учебных карабинерных полков было положено в 1808 г., когда был создан в С.-Петербурге учебный гренадерский батальон в составе 4 строевых рот и двух неранжированных: музыкантской и барабанщицъей «для приуготовления в армейские полки унтер-офицеров, барабанщиков и флейщиков из солдатских детей и воспитанников военно-сиротских отделений» [Хроника..., с. 239; Ульянов, с. 89], а с 1811 г. готовили здесь и закройщиков. С марта 1816 г. три учебных гренадерских батальона были объединены в Учебный карабинерный полк [см.: Хроника..., с. 241]. Второй Учебный карабинерный полк был сформирован в Москве в 1826 г. «для снабжения армии исправными унтер-офицерами» из 3-го батальона 1-го Учебного карабинерного полка и кантонистов упраздненного Московского Военно-сиротского отделения [см.: Там же, с. 244]. В 1847 г. в полку по штату числилось 820 кантонистов, как и в остальных полках, и 602 музыканта в музыкальной роте [см.: Там же, с. 246]. 3-й Учебный карабинерный полк был сформирован в Ярославле в апреле 1835 г. из «тамошних кантонистов» [Там же, с. 247]. 4-й Учебный карабинерный полк берет свое начало в 1834 г., он был сформирован в Нижнем Новгороде «из тамошних батальонов военных кантонистов» также для подготовки унтер-офицеров [Там же, с. 249; Шавенков; Ульянов, с. 131–134]. Только за двадцать лет, с 1836 по 1856 г. в учебных карабинерных полках было подготовлено и выпущено на службу в войска на должности младших командиров 13 275 унтер-офицеров, а также 6 771 музыкант [см.: Историческое обозрение..., с. 174].

Все учебные учреждения военных кантонистов ведомства Департамента военных поселений, выросшие численно в первой половине XIX в., продолжали готовить армейские кадры. Традиции подготовки младшего кадрового состава армии из числа детей военнослужащих, сформированные в предыдущем столетии, продолжали действовать и в XIX в., одновременно расширялась практика приема детей и из других сословий. Государство активно использовало младших представителей военнослужилого сословия для пополнения офицерского и чиновничьего корпусов армии, предоставляя им возможности соответствующей социализации и обучения на казенный счет. Сосредоточение управления всеми данными учебными заведениями в Департаменте военных поселений позволяло более оперативно координировать их деятельность, совершенствовать образовательный процесс и распределение выпускников в действующие части с учетом потребностей тех или иных военных структур.

№ 1

*Отношение директора Департамента военных поселений
генерал-лейтенанта барона Н. И. Корфа директору Канцелярии
Военного министерства генерал-майору барону П. А. Вревскому
о передаче подготовленных для него документов*

25 октября 1849 г.

Милостивый государь, барон Павел Александрович!

Вследствие личных объяснений с Вашим Превосходительством имею честь препроводить к Вам, Милостивый государь, составленные в Департаменте военных поселений краткие обзоры:

а. Военных поселений и пахотных солдат.

б. Казачьих Иррегулярных войск И. В., учебных заведений военных кантонистов и учебных карабинерных полков.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал барон Николай Корф.

Верно, за секретаря...¹

РГВИА, ф. 405, оп. 10, д. 1006, л. 1. Отпуск.

---

¹ Подпись неразборчива.

№ 2

*Обзор² учебных заведений военных кантонистов
и учебных карабинерных полков³*1)⁴ Заведения кантонистов.

Заведения эти состоят в 3-м разряде, имеют целью призрение детей нижних воинских чинов и снабжение всех родов войск нижними чинами, предварительно приготовленными. Кроме поступающих в сии заведения принадлежащих военному ведомству солдатских детей дозволяется принимать в оныя детей бедных дворян, обер-офицерских, вольноопределяющихся и других свободных состояний, не моложе 10 лет и способных к фронту. Они разделяются на батальоны, полубатальоны и отдельные роты военных кантонистов и потом на бригады; всех отдельных заведений 22; бригад 5. Каждое заведение имеет своего начальника и ротных командиров с их помощниками из военных офицеров, независимо – бригадных командиров, а для успешного и единообразного хода учебной части при заведениях состоит общий Инспектор в чине генерала. Генералы, штаб и обер-офицеры заведений числятся по Армии. Выпуск на службу воспитанников и кантонистов производится один раз в год; ими преимущественно комплектуются учебные войска и снабжаются все войска и военные управления писарями, а остальные за тем распределяются по способности.

Некоторые заведения кантонистов сверх изъясненной общей и главной цели имеют еще особенную цель, и именно:

а) С. Петербургский батальон военных кантонистов prepares учителей для батальонов кантонистов; топографов для военно-топографического депо и ведомства Департамента военных поселений; кондукторов – для Корпуса инженеров; нижних чинов – для Учебной артиллерийской бригады; граверов и словорезов – для Военно-топографического Депо; писарей – для Канцелярии и департаментов Военного министерства и музыкантов – для армии.

Сверх того, при батальоне состоит Аудиторское училище Военного министерства. Заведение это, принадлежа ко 2[-му] разряду учебных заведений, имеет целью образование аудиторов для сухопутного и морского ведомств. В училище принимаются сыновья дворян штаб- и обер-офицеров,

² Заголовок документа.

³ Первое слово приписано карандашом.

⁴ Вписано карандашом.

военных и гражданских и преимущественно дети аудиторов и чиновников Военного и Морского министерств, а также те из военных кантонистов, которые обратят на себя внимание особенными способностями к наукам. В училище определено иметь воспитанников 170 человек, из них казеннокошных 150, пансионеров 20; за сих последних вносится в училище по 150 р. сер[ебром] в год. Училище управляется особым директором, имея инспектора классов, ротного командира и четырех его помощников военных офицеров; науки преподаются особыми вольнонаемными учителями; училище содержится частью от казны, а частью экономически[ми] средствами.

б) Воронежские батальоны военных кантонистов.

Они состоят из двух батальонов в пехотном отношении, а по конному – из 8 эскадронов, двух артиллерийских батарей и неранжированной роты. Цель сих батальонов состоит в снабжении полков 3[-го] Резервного кавалерийского корпуса с его артиллериею образованными рядовыми, для назначения впоследствии по способности в унтер-офицеры и фейерверкеры. Батальонами командует штаб-офицер, имея у себя двух помощников штаб-офицеров батальонных командиров и ротных начальников; все чины, состоящие в батальонах, числятся по кавалерии; в батареях – по артиллерии, а офицеры неранжированной роты – по армии.

в) Кавалерийские эскадроны и батареи Резервной кавалерии.

В округах военного поселения кавалерии находится 24 дивизиона (составляющие 48 эскадронов) и 6-ть конно-артиллерийских батарей. Цель сих учреждений состоит в комплектовании резервной кавалерии с ее артиллерией также образованными рядовыми, для назначения впоследствии по способности в унтер-офицеры и фейерверкеры. Эскадронами и батареями командуют штаб и обер-офицеры кавалерийских полков и артиллерийских батарей. Как эти заведения, так и Воронежские батальоны вооружения не имеют, но вместе[о] одного для обучения кантонистов употребляются: в эскадронах – деревянные сабли, пики и ружья; а в батареях – деревянные орудия. Они подчинены заведыванию: кантонистские эскадроны – особому генералу в звании Инспектора, а батареи – начальнику артиллерии по части Инспектора Резервной кавалерии.

Все заведения кантонистов содержатся частью от казны, а частью на принадлежащий им экономический капитал.

Сверх кантонистов, налицо в заведениях состоящих, к ним причислены солдатские дети, проживающие при родственниках в приписанных к каждому заведению губерниях. Они подразделяются на три разряда, именуясь: а) кантонистами, б) солдатскими детьми и в) рекрутами

из солдатских детей. К первому разряду принадлежат те, кои находятся при отцах, состоящих на службе [в] нижних чинах, и довольствуются от казны до 7 лет половинною, а от 7 до 14 лет полною дачею провианта, а по пришествии в этот возраст высылаются налицо в заведения военных кантонистов. Ко второму разряду принадлежат солдатские дети, находящиеся на воспитании у разных лиц, и довольствуются от казны провиантом только до 7-летнего возраста, а по истечении сего времени или поступают налицо в заведения или, по желанию воспитателей, остаются при них до 20-летнего возраста, без всякого от казны содержания. А третьего разряда – те солдатские дети, которые по достижении 20-летнего возраста высылаются во внутренние гарнизонные батальоны и распределяются на службу по способности, из числа солдатских детей, на воспитании находящихся, не имеющие отцов или матерей или круглые сироты, получают от казны установленное для них сиротское содержание.

II.⁵ Учебные карабинерные полки.

Учебные полки сформированы из кантонистов заведений военных кантонистов и комплектуются частью кантонистами и рекрутами из солдатских детей, а частью рекрутами⁶ по наборам. Полков этих состоит 4, они разделяются на две бригады, каждую бригадою командует генерал, а управление всеми полками возложено на особого генерала на правах дивизионного начальника, с присвоением звания Инспектора учебных карабинерных полков.

Учебные карабинерные полки разделяются на батальоны и роты и имеют в своем составе сверх трех строевых по одному неранжированному батальону из кантонистов на том основании, как все вообще заведения военных кантонистов; независимо [от] того при двух полках находится по одной неранжированной музыкантской и барабанщицьею роте; каждый полк имеет свой лазарет для пользования больных нижних чинов и кантонистов.

Цель строевых батальонов полков есть снабжение армии образованными унтер-офицерами; неранжированные роты приготавливают для армии барабанщиков, горнистов, флейщиков и музыкантов; неранжированные же батальоны комплектуют собой строевые батальоны и неранжированные роты, а также выпускают кантонистов в писаря и другие подобные должности.

---

⁵ Вписано карандашом.

⁶ Слова вписаны карандашом сверху строки.

Стрелковые батальоны учебных полков содержатся на счет казны, а нестрелковые батальоны частью от казны, а частью экономическими средствами.

Учебные карабинерные полки готовят ежегодно к выпуску в армию:

унтер-офицеров.... 1000 человек;

флейщиков 100;

барабанщиков 300;

горнистов ..... 150.

Музыкантов два хора, каждый из 42 чел.

(Один на деревянном пехотном, а другой на медном егерском инструментах).

Все нижние чины и кантониеры вышепоименованных полков и заведений располагаются большею частью в казенных зданиях, по недостатку же таковых в некоторых местах кантониеры размещаются на обывательских квартирах, по отводу гражданского начальства.

РГВИА, ф. 405, оп. 10, д. 1006, л. 24–27 об. Отпуск.

№ 3

Обзор военных поселений и пахотных солдат⁷

В России существуют двух родов поселени[я]: одно на Юге, так называемое военное поселение кавалерии, а другое на Севере, именуется округами пахотных солдат. Каждое из этих поселений имеет особую цель учреждения и особое устройство.

Военное поселение кавалерии.

Учреждение.

В Южной части государства, а именно в губерниях Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Киевской и Подольской, существует военное поселение, получившее начало свое частью с 1818, а частью с 1835 годов.

В состав сего военного поселения поступили казенные имения и посады со всего малого народонаселения и принадлежавшими им землями⁸ и прочими угодьями.

---

⁷ Заголовок документа.

⁸ Так в тексте.

По мере поступления сих посадов и селений в состав военного поселения они были исключаемы из Гражданского ведомства и поступали в полное заведывание военного начальства.

По таковом постепенном учреждении военного поселения в настоящее время образовалось 25 округов, которые именуются округами военного поселения кавалерии: 8 окр[угов] в Харьковской губернии – Украинским, 12 в Екатеринославской и Херсонской губерниях⁹ – Новороссийским и 5 в губерниях¹⁰ Киевской и Подольской – округами сих губерний.

Управление.

Каждый из сих округов, заключающий в себе народонаселения от 8 до 10 т[ыс.] душ мужеского пола, разделен на три волости, коими заведывают волостные начальники из военных обер-офицеров, состоящих по кавалерии, которые подчиняются окружному командиру, особо к сему назначаемому из штаб-офицеров, также состоящих по кавалерии.

Каждые четыре округа управляются генералами в звании начальника округов, а восемь чинов подчинены командиру кавалерийского корпуса, постоянно расположенного в них на квартирах; общее же управление всеми военными поселениями и войсками, в них расположенными, вверено главному начальствованию Инспектора резервной кавалерии.

Примеч. Когда поселенный корпус выступает в поход, то командование восемью округами поручается особо назначенному генералу; когда же корпус возвратится в округи поселения, то корпусный командир опять вступает в полное распоряжение округами.

Цель.

Цель учреждения военного поселения заключается в доставлении выгод казне сбережением от продовольствия войск, расположенных в оных, и в составлении запасов для обеспечения [про]¹¹ довольствием во время неурожаев как войск, в округах состоящих, так и для засева полей. Таким образом, каждый округ обязан довольствовать провиантом и фуражом один кавалерийский полк в полном составе, а четыре округа – целую дивизию; в случае же надобности эти четыре округа могут принять для довольствия еще один полк.

До настоящего времени во всех 25 округах расположены были постоянно на казенном довольствии от земли поселения две дивизии кирасир, две дивизии улан, 10 полков трех легких кавалерийских дивизий

⁹ Слово написано карандашом сверху строки.

¹⁰ Слово написано карандашом сверху строки.

¹¹ Приписано карандашом.

и 12 конно-артиллерийских батарей, исключая тех частей, кои учреждены в военном поселении.

Войска эти для корпусных, дивизионных, бригадных и полковых штабов, а равно и в эскадронном расположении, имеют все нужные помещения, как-то: генеральские и офицерские квартиры, казармы, мастерские, цейхгаузы, манежи, экзерциргаузы, конюшни для строевых лошадей и другие удобства, необходимые для войск по их управлению.

Запасы.

Составление запасов производится посевами на казенных землях в определенном количестве по мере надобности и сбором сена с казенных сенокосных полей.

В запасах сих определено содержать сверх годовой расходной порции, простирающейся до 6 т[ыс.] четверт[ей] муки и до 30 т[ыс.] четвертей овса и ячмен[я], еще на случай неурожая в каждом округе:

Зерна для муки до — 20 т[ыс.] четверт[ей].
————— для круп ————— 3750 —————

Для фуража овса и ячменя от 29 т[ыс.] до 30 т[ыс.]

Запасы эти, давая возможность продовольствовать фуражом строевых и прочих казенных лошадей войск, в округах квартирующих, составляют казне ежегодного сбережения расходов вместе с продовольствием хозяевами нижних чинов от 2 до 2½ миллионов серебром.

Для доставления казне еще сверх сего денежных выгод, возможности в случае появляющихся повальных болезней на скоте немедленно приобретать военным поселянам рабочий скот вместо павшего, производится посев и продажа пшеницы и льна в каждом округе от 225 до 1000 четвертей; таким образом, при урожае и состоянии цен на эти продукты, получается от ..... до ...¹² руб. сер[ебром] в год.

Капиталы.

В каждом округе имеются капиталы офицерский вспомогательный и заемный денежный военных поселян, составленные — первый, удерживаемой известной части добавочного жалованья, отпускаемого офицерам собственно за военное поселение; а второй — из разных хозяйственных источников.

Оба эти капитала служат пособием как офицерам, так и военным поселянам для займа в непредвидимых случаях и их нуждах.

---

¹² Данные не приведены, так как доход менялся в зависимости от объема продаж и цен на конкретный год.

Обязанности поселян.

Военные поселяне, будучи подчинены устройству воинского порядка и дисциплине, остаются в быту земледельца, пользуясь оным и занимаясь улучшением своего благосостояния. Все они разделены на хозяев, имеющих рабочий скот, и не хозяев, не имеющих оного.

Обязанность военных поселян заключается: в продовольствии каждым хозяином одного постояльца солдата, в обрабатывании земли, посеве на оном хлеба и сборе оного; в заготовлении сена для продовольствия строевых офицерских и других лошадей и скота, топлива для отопления казенных квартир и собственных домов; строительных материалов для устройства округов; в устройстве и поддержании общественных в округах зданий, дорог, мостов, гатей, перевозов и других заведений.

Каждый из поселян обязан производить все казенные работы своим рабочим скотом три дня в неделю; а остальные три дня употреблять собственнo для себя.

Сверх того, они обязаны рекрутскою повинностью от каждых 1 000 душ, всякие два года, по восьми рекрут.

Рекруты сии, по прослужении в действующих войсках 15 лет и потом в бессрочном отпуску 5 лет, присоединяются к своим семействам с обращением в прежнее их состояние. Дети же их, прижитые на службе, не обращаются в кантонисты, но причисляются к семействам, в округах остающимся.

Преимущества поселян.

Военные поселяне взамен повинностей, на них лежащих, пользуются следующими преимуществами: а) они изъяты от платежа в казну подушных и других земских сборов, которые производятся с крестьян гражданского ведомства; б) они не принимают участия в отбывании подводной повинности по назначению земской полиции; в) им дозволяется производить торговлю на общих основаниях по всем местам государства, в самых же округах поселения – без платежа даже и гильдейских повинностей; г) им предоставляется право, буде пожела[ет], переходить в купечество, если предъявят потребные для сего капиталы; д) они могут вступать в разные подряды по торгам без предоставления залогов, а по одному только поручительству Окружного комитета; и еще некоторые другие льготы.

Госпитали.

Для пользования заболевающих нижних чинов действующих войск и военных поселян учреждены в округах госпитали, в каждом – на 150 человек, в которых военные поселяне пользуются без платы.

II)¹³ Округи пахотных солдат

Округи пахотных солдат размещены в губерниях Новгородской, Витебской и Могилевской и состоит их числом 16, которые разделены на три удела: Новгородской губернии 6 округов именуются Новгородским уделом, а последние 8 – Старорусским; остальные же числом 2 округа, Витебской и Могилевской губернии, округами их губерний.

Каждый из этих уделов управляется генералом или штаб-офицером на правах бригадного командира; все же 16 округов подчинены особому генералу на правах дивизионного начальника. Каждым округом командует штаб-офицер из состоящих по армии, имея у себя помощника обер-офицера. Заведывание же селениями, входящими в состав округов, поручается головам и сотникам, избираемым в эти должности самим обществом пахотных солдат с утверждением высшего начальства.

Округа эти, с начала учреждения их с 1816 года, имели ту же цель и образование, как и округи военного поселения кавалерии, по сему именовались округами военного поселения пехоты. Но с 1835 г., по изменившимся обстоятельствам, они получили новое образование и именуются уже округами пахотных солдат и вместо всех прежних повинностей поселян в отношении к правительству и войскам, в них расположенным, оне платят только оброк в казну с каждого хозяина по 60 р. ассигнац[иями] и довольствуют войска топливом из лесных дач, округам принадлежащих, исполняя, впрочем, все те повинности в отношении устройств[а] округов, как и военные поселяне кавалерийских округов, почему наравне с ними пользуются и преимуществами.

Округи эти также имеют заемный денежный капитал, с которого, в случае нужды, пользуются ссудой пахотные солдаты. Сверх того они имеют свой вспомогательный капитал, составленный и постепенно приращаемый передачей ежегодно из избытков¹⁴ хлеба из запасных своих магазинов в провиантское ведомство; капитал этот употребляется на удовлетворение нужд пахотных солдат с разрешения высшей власти. Запасные магазины в сих округах составляются ежегодным сбором с пахотных солдат некоторой части урожая зерна и служат обеспечением продовольствия самих пахотных солдат во время неурожая и других непредвидимых случаев.

---

¹³ Вписано карандашом.

¹⁴ Окончание исправлено карандашом.

Пахотные солдаты наравне с государственными крестьянами и прочими податного состояния людьми обязаны рекрутскою повинностью на общих основаниях. Главнейшие обязанности пахотных солдат заключаются в исправном и бездоимочном взносе в казну оброка, в своевременным и должным раченьем засева своих полей, в удобрении их известными средствами, сборе разнородного хлеба и трав; содержании во всегдашней исправности своего хозяйства, сбережении рабочего скота и вообще в улучшении собственного своего быта, за чем имеют¹⁵ неослабное наблюдение местные начальники, за действиями коих следят высшие власти.

В округах пахотных солдат расположены постоянно три гвардейские кавалерийские полка, одна гвардейская конно-артиллерийская, одна ракетная и одна полевая артиллерийская батареи и две дивизии Гренадерского корпуса, которые имеют как для дивизионных, бригадных, полковых и батарейных штабов, так и прочих необходимостей все нужды по примеру войск в военном поселении удобства в помещении и для строевых лошадей конюшни.

РГВИА, ф. 405, оп. 10, д. 1006, л. 1–9. Отпуск.

Баиов А. Заметки по истории русского военного искусства // История русской армии : Российский военный сб. / сост. А. Е. Савинкин, Ю. Т. Белов, И. В. Домнин. М. : Гуманитарная академия Вооруженных сил, 1994. Вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: www.gr-net.ru/ (дата обращения: 01.05.2019).

Вревский Павел Александрович, барон // Военная энциклопедия / под ред. полковника В. Ф. Новицкого. СПб., 1912. Т. 7. С. 79–80.

Историческое обозрение военно-сухопутного управления. 1825–1850 гг. СПб. : Военная типография, 1850.

Кандаурова Т. Н. Социальная организация военных поселений в России // Вестн. Моск. ун-та. 1997. № 4. С. 56–71 (Сер. 8. История).

Кротова М. Баронесса Вревская : роман-альбом. Россия. История в романах. М. : Армада, 1998.

О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 8. № 6188. 1732 г. С. 928–930.

О публикации, дабы солдатские и других служивых людей дети явились к Губернаторам и Воеводам для распределения по полкам и школам // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 9. № 6767. 1735 г. С. 540–541.

О подтверждении, чтобы солдатские дети нигде праздн не жили, и чтобы годных к службе определять в солдаты, а малолетних в школы // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 9. № 7082. 1736 г. С. 957–958.

---

¹⁵ Исправлено карандашом, изначально было *имеется*.

О обучении в гарнизонных школах солдатских детей слесарному мастерству // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 10. № 7544. 1738 г. С. 446.

О обучении солдатских детей в школах грамоте и разным наукам, а способных к тому потребным в полках мастерствам // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 10. № 7627. 1738 г. С. 559.

О присылке в Военную Коллегию из всех мест ведомостей о находящихся у отставных от военной службы, кои не из Дворян, также и разсылщиковых мужеска пола детях // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 16. № 11816. 1763 г. С. 248–250.

Об определении в школы солдатских детей моложе 7 лет, не имеющих отцов, и коих матери прокормить не могут, и о ежегодной подаче в Сенат ведомостей об исходящей на всех школьников сумме // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 15. № 11354. 1761 г. С. 818.

О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 17. № 12412. 1765 г. С. 160–161.

Об учреждении Императорского Военно-Сиротского Дома и Отделений онога при гарнизонных полках // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18793. 1798 г. С. 488–496.

О записывании солдатских детей в Военносиротския Отделения // ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 28. № 21125. 1804 г. С. 16–18.

Положение о преобразовании Департамента Военных Поселений Военного Министерства // ПСЗРИ-2. СПб., 1836. Т. 10. № 8233. 1835 г. С. 716–730.

Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1–3. СПб., 1817–1822.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), ф. 405 – Департамент Военных поселений

Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801–1855 гг. Назрань : АСТ, 1996.

Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению. СПб. : Военная типография, 1852. Ч. 2.

Шавенков П.В. О предшественниках военной гимназии в Нижнем Новгороде // Открытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/nnbookshelf/?id=5397/> (дата обращения: 09.01.2019).

Шакирзянов Э. М. Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров русской армии в первой половине XIX в. // Вестн. Воен. ун-та. 2010. № 1 (21). С. 46–56.

Щербинин П. П. Социально-правовой и повседневно бытовой статус солдатских детей в XVIII–XIX вв. // Вестн. Тамбов. ун-та. 2014. Вып. 7(135). С. 161–167 (Сер. Гуманитарные науки).

Ячменихин В. К. Военные кантонисты русской армии (1797–1836 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 2000.

Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов : «Сіверянська думка», 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакшаев Александр Алексеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (alexandr.bakshaev@yandex.ru).

Бахарев Дмитрий Сергеевич, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (Dmitry.bakharev@urfu.ru).

Бондарь Валерий Александрович, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (bondar1213@yandex.ru).

Войтковяк Якуб, д-р ист. наук, профессор Института истории Университета им. Адама Мицкевича в г. Познань (Польша).

Галактионова Вероника Сергеевна, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (ver-galaktionova@yandex.ru).

Голоднова Анастасия Игоревна, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (a.i.golodnova@urfu.ru).

Ившин Владислав Сергеевич, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (v.s.ivshin96@gmail.com).

Каменская Екатерина Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (ekam82@yandex.ru).

Кандаурова Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник УНИ «Русская антропологическая школа», Российский государственный гуманитарный университет, Москва (tanikand@mail.ru).

Козлов Александр Сергеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (alarich@yandex.ru).

Люхуздаев Марат Иркинович, канд. ист. наук, научный сотрудник, МБУК «Музейный ресурсный центр», Ноябрьск (Guingm2004@list.ru).

Мазур Людмила Николаевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Lmaz@mail.ru).

Манин Даниил Олегович, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (daniil-manin@mail.ru).

Никиташина Светлана Олеговна, директор библиотеки, Горный университет, Санкт-Петербург (svnikita65@mail.ru).

Павленко Алексей Павлович, канд. ист. наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург (Pavlenko-09@yandex.ru).

Рябов Сергей Михайлович, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (sergeyryabov1997@gmail.com).

Сафронова Алевтина Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (alevtina.safronova@gmail.com).

Селезнева Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (t.selezneva37@gmail.com).

Сильченко Иван Сергеевич, ведущий научный сотрудник музея военной техники Уральской Горно-Металлургической компании, Верхняя Пышма (89022777814@yandex.ru).

Славко Маргарита Андреевна, канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Выборг (melihin@yandex.ru).

Славко Татьяна Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Выборг (tislavko@yandex.ru).

Соловьев Андрей Владимирович, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (solovevandrey96@gmail.com).

Суровцева Инна Анатольевна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (inna.surov@mail.ru).

Фельдман Михаил Аркадьевич, д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы РФ, Екатеринбург (feldman-mih@yandex.ru).

Хакимов Рашид Шавкатович, канд. ист. наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, Челябинск (hakra51@mail.ru).

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток (mavr@tig.dvo.ru).

Цеменкова Светлана Ивановна, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (sts.klio@mail.ru).

Черноухов Дмитрий Эдуардович, аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (d.e.chernouhov@gmail.com).

Шибяев Виктор Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (archivist76@mail.ru).

Янцевич Георгий Сергеевич, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (nash13_95@mail.ru).

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АСДОУ	автоматизированная система документационного обеспечения управления
АСКИД, АКИД	автоматизированная система контроля исполнения документов
АТО	отдел административной техники
ВДНХ	Выставка достижений народного хозяйства
ВИК	Военно-исторический клуб
ВНИИДАД	Всесоюзный научно-исследовательский институт документо- ведения и архивного дела
Врио	временно исполняющий обязанности
Всевобуч	Всеобщее военное обучение
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюционной и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГДР	Германская Демократическая Республика
Главархив	Главное архивное управление
ГОСТ	Государственный отраслевой стандарт
ГСДОУ	Государственная система документационного обеспечения управления
ГСК	губернский статистический комитет
ГТО	«Готов к труду и обороне»
Губком	губернский комитет
Губревком	губернский революционный комитет
ЕГРЮЛ	Единый государственный реестр юридических лиц
ЕГСД	Единая государственная система делопроизводства
ИВЦ	информационно-вычислительный центр
ИМО	Императорское минералогическое общество
ИНН	идентификационный номер налогоплательщика
ИРГО	Императорское Русское географическое общества
ИТР	инженерно-технический работник
ИТУ	Институт техники управления
КИС	Контрольно-инспекторская служба
КЛФ	Клуб любителей фантастики
Командарм	командир армии
Коминформ (Коминформбюро)	Информационное бюро коммунистических и рабочих партий

Комчонресп	командующий частями особого назначения республики
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КСП	Клуб самодетельной песни
Лечкомиссии	лечебные комиссии
Минприбор	Министерство приборостроения
Минэнерго	Министерство энергетики
Наркомпрод	Народный комиссариат продовольствия
Наркомфин	Народный комиссариат финансов
НАТО	North Atlantic Treaty Organization, Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс
Начдив	начальник дивизии
НК РКИ	Народный комиссариат рабочее-крестьянской инспекции
НКО	некоммерческая организация
НОТ	научная организация труда
НОУТ	научная организация управленческого труда
ОАК	Объединенная авиастроительная корпорация
Обком	областной комитет
Облвнуторг	Областной отдел внутренней торговли
облЗУ	областное земельное управление
облФО	областной финансовый отдел облисполкома
ОВД	Организация Варшавского Договора
ОГАЧО	Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОГРН	основной государственный регистрационный номер юридического лица
ОКУД	Общероссийский классификатор управленческой документации
Партмаксимум	размер максимального жалования члена ВКП(б)
ПРК	Партия революционного коммунизма
ПСЗРИ-1	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
ПСЗРИ-2	Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе
Рабкрин	Рабоче-крестьянская инспекция
Райуполминзаг	районный уполномоченный Министерства по заготовкам сельхозпродуктов
РВСР	Революционный военный совет Республики
РГАДА	Российский государственный архив древних актов

РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
Ревком	революционный комитет
РКК	регистрационно-контрольная карточка
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РККМ	Рабоче-крестьянская красная милиция
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКФ	регистрационно-контрольная форма
СКЮ	Союз коммунистов Югославии
СНИТИ	Свердловский научно-исследовательский технологический институт
СНК	Совет народных комиссаров
СовНОТ	Совет научной организации труда, производства и управления
СФРЮ	Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СЭВ	Совет экономической взаимопомощи
СЭД	система электронного документооборота
ТМЦ	товарно-материальные ценности
уполкомзаг	уполномоченный комитета по заготовкам
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
УСОРД	Унифицированная система организационно-распорядительной документации
ФАС	Федеральная антимонопольная служба
ЦАМО	Центральный архив Министерства обороны
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦНИИМ	Центральный научно-исследовательский институт материалов
ЦНИИТяжмаш	Центральный научно-исследовательский институт материалов и технологии тяжелого и транспортного машиностроения
ЧК	чрезвычайная комиссия
ЧОН	части особого назначения
ЧСИР	член семьи изменника Родины
ЧТЗ	Челябинский тракторный завод
ЭВМ	электронно-вычислительная машина
ЭДО	электронный документооборот
ЭРК	электронная регистрационная карточка

SUMMARY

Section 1 RELAY OF ACADEMIC RESEARCH

Daniil Manin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Comparative Analysis of the Draft French-Russian Trade Treaty of 1668 and its Translation into Russian by D. Urbanovsky 3

The article compares the draft French-Russian trade treaty of 1668 with the text of its Russian translation and addresses the question about their equivalence previously raised by French historiographers. The article also considers the relationship between the conceptual paradigms of the Russian and French diplomatic languages.

K e y w o r d s: trade, Pyotr Potemkin's embassy, Jean-Baptiste Colbert, diplomatic language, translation, history of concepts.

Vladislav Ivshin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Political Ideas and Rhetorical Strategies of 'Early Conservatism': Alexander Shishkov and Francois-René Chateaubriand 11

The article considers the rhetorical strategies that Alexander Shishkov and François-René Chateaubriand used in their reflection about the French Revolution and related problems: social stratification, religion, and questions about the ideal form of government. The research applies the conceptual framework proposed by the Cambridge School and its 'history of ideas'. As a result, the similarities and differences in the political glossary used by both authors are shown.

K e y w o r d s: French Revolution, social stratification, monarchy, history of ideas, providentialism, religion, conservatism, social classes, virtue.

Andrey Solovyev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The Red Army's Counterattacks in July 1941 During the Crisis in Operation Barbarossa 20

The article compares the operations of the Red Army in July 1941 and shows that they can be considered as a typical reaction of the Soviet commanders to the first crisis in operation Barbarossa. One of the key factors that determined the failure of both operations is the inability of the Soviet commanders to take advantage of the the short-term crisis in Barbarossa.

K e y w o r d s: 1941, counterattack, Soltsy, Senno – Lepel counterattack, 26th Army.

Georgy Yanstevich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Visual Representations of October Revolution Anniversaries
in Magazine ‘Krokodil’ in the 1950s–1970s 30**

The article considers representations of the Soviet past and addresses the following questions: how did the image of the Great October Revolution change throughout the 1950s–1970s? What means did the official propaganda use to represent the past and how did it affect public perceptions of the past and the image of the present? This micro-study focuses on the visual representations of October Revolution anniversaries in 1957, 1967 and 1977 in magazine ‘Krokodil’.

K e y w o r d s: October Revolution, Soviet festivals, journal ‘Krokodil’, historical representation, visual image.

Veronika Galaktionova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Document Support of Corporate Client-Provider Interactions
in Mobile Communications 37**

This article focuses on the documents used by corporate clients and mobile communications providers in their interactions, starting from the communications services agreement and finishing with the request for staff personal data, required by the new Russian legislation. The analysis considers forms of client-provider interactions and reveals positive trends and challenges in the sphere of document exchange.

K e y w o r d s: mobile communications, corporate, communications provider, document flow, agreement, document, enterprise, invoice, services.

Anastasia Golodnova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Managerial Aspects of the Environmental Security System 51

Efficient environmental policy is crucial not only for urban but also for regional development. In the face of an alarming environmental situation, cities need the assistance of state authorities, including financial assistance, to tackle these problems. State regulation in the sphere of environmental protection is closely associated with environmental security, quality of life and public health. Environmental culture and education also contribute to the efficiency of environmental management.

K e y w o r d s: management, environmental security, society.

Section 2

HISTORY OF RUSSIA AND THE URALS

Alevtina Safronova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**The First Chemist's Shop in Ekaterinburg and its Role
in Providing Health Services to Residents
of Ural and Siberian State Factories (1734–1750s) 56**

The article describes the history of the first chemist's shop in Ekaterinburg, which was also the first chemist's shop in the Urals and Siberia. The establishment of this chemist's shop was initiated by Vasily Tatischev in 1734. The analysis of archival documents clarifies how chemists were hired, how they ordered medications from Moscow, organized collection of medicinal herbs and created their own medicinal herb garden in Ekaterinburg. The chemist's shop played an important role in supplying medications to factory hospitals in the Urals and Siberia.

K e y w o r d s: Ekaterinburg, chemist's, German chemists, prescription drugs, medication preparation, medicinal herbs.

Alexander Bakshaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**The Role of Ural Mining Factories in the Russian Arms Industry
in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century 80**

The article discusses how the central bodies of military administration organized and controlled the supply of metals and weapons from Ural mining factories. Since the late eighteenth century, state mining factories were the main suppliers of iron, cast iron, and copper for armories and manufacturers of artillery and shells. The Ministry of War and Marine Ministry determined the volume of arms contracts, submitted these data to the Berg-Collegium (Collegium of Mining), oversaw the implementation of these contracts, controlled the product quality, and, through their representatives at Ural factories, organized product acceptance and delivery. Russia's participation in wars in this period led to a significant increase in the volume of arms contracts and, as a result, created the need to optimize the product acceptance procedure.

K e y w o r d s: military detail, state mining factory, Ministry of Ground Armed Forces, Marine Ministry, Urals.

Svetlana Nikitashina

Saint-Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russia

**Ivan Mushketov (1850–1902) as a Representative
of the Nineteenth-Century Russian Academic Elite 91**

The article describes professional and personal development of Ivan Mushketov, who was a famous Russian geologist, university professor and science popularizer in the second half of the nineteenth century. The article also explores his views and

philosophy and summarizes his achievements in different spheres of academic and social life.

Key words: I. V. Mushketov, academic elite, geologist, professor, 19th century, Russia, St.Petersburg Mining Institute.

Marat Lyukhudzaev

Museum Resource Centre, Noyabrsk, Russia

**Confrontation of the Revolutionary Communists and Bolsheviks
in Menzelinsk uезд of Ufa guberniya in 1919–1920 ..... 107**

The article discusses the confrontation between the members of the Revolutionary Communism Party and the Bolsheviks in Menzelinsk uезд of Ufa guberniya during the Civil War in 1919–1920. A special focus is made on the methods the Bolsheviks used to suppress the activity of their adversary. The article also explains why the Revolutionary Communists failed to resist the pressure of the Bolshevik Party and clarifies the stance they took in relation to the uprisings of local peasants against food brigades (*prodotryads*).

Key words: history of political parties, Party of Left Socialist-Revolutionaries, Revolutionary Communism Party, persecutions, Civil War, Urals, Menzelinsk.

Alexey Pavlenko

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

**The Third Red Army under the Attack of Admiral Kolchak:
The Warfare Chronicle of September 1919 ..... 116**

The article reconstructs the course of the defense action taken by the 3rd Red Army in September 1919 against the last offensive of Alexander Kolchak's army on the Eastern Front. The operations records books are used to describe the role of the 3rd Army divisions in the combat. The detailed chronicle of warfare is presented.

Key words: military history, Civil War, Workers' and Peasants' Red Army, Eastern Front, 3rd Army.

Ivan Silchenko

UMMC Military Equipment Museum, Verkhnyaya Pyshma, Russia

**Transformation in the Organization Structure
of the Communist Military Units in Ekaterinburg Guberniya 133**

The article discusses the changes in the organization structure of the Communist military units in Ekaterinburg guberniya. The author describes the stages in the development of the structure, characterizes the hierarchy within this structure and the main functions that the special forces performed. The conclusion is drawn that it was not the need to enhance the efficiency of the special forces that led to their reorganization but the government's decision to create an army based on the 'militia principle' of staffing.

Key words: Ekaterinburg guberniya, special forces, Communist military units.

Jakub Wojtkowiak

Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

‘One Victory, One for All’? Mass Persecutions of Soviet Citizens During the Great Patriotic War 140

The article considers persecutions against ethnic minorities and prisoners of war during the Great Patriotic War. The study seeks to address the following questions: did the Soviet government headed by Joseph Stalin consider the victory in the Great Patriotic War as a common achievement of the multi-national Soviet people? Was the war just the next stage in the development of the Stalinist regime, aimed, even before June 1941, at consolidating the majority of the public by declaring whole social groups enemies, spies and collaborators, persecuting them and thus excluding them from society and denying their contribution to the victory?

K e y w o r d s: Great Patriotic War, mass persecutions, Soviet prisoners of war, Stalinist deportations.

Rashid Khakimov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The Privileges of the Soviet Nomenklatura in the 1930s–1950s (the Case of Chelyabinsk Region) 152

The article discusses the development of the system of privileges enjoyed by the Soviet elite in Chelyabinsk region. It was a comprehensive and universal hierarchical system of benefits and privileges for officials working on all levels of the government. This system was totally closed for outsiders and was actually unlawful. The article shows how the system of privileges determined the consolidation of the Soviet nomenklatura.

K e y w o r d s: privileges, Regional Committee of the Party, Obkom bureau, Soviet elite, treatment, special rations, benefits.

Ekaterina Kamenskaya

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

‘Neither Friend Nor Foe’: Yugoslavia in the Second Half of the 1960s in Soviet Press and in the Perceptions of the Public (Materials of the Soviet Press in Ural Region) 168

The article analyzes the representation of Yugoslavia in the Soviet press in the second half of the 1960s and the public perception of this country. In the 1960s, the relations between countries of the Socialist bloc were strained and were aggravated by the Czech crisis, Soviet-Chinese conflict and so on. The analysis uses materials of the national and regional press (‘Pravda’, ‘Literaturnaya gazeta’, ‘Sovetskaya Rossiya’, ‘Trud’, ‘Uralsky rabochy’, ‘Na smenu!’) as well as other archival materials such as district committees’ notes, certificates and briefing notes.

K e y w o r d s: USSR, Yugoslavia, international relations, Soviet press.

Ludmila Mazur

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Soviet Nostalgia: Memory – Myths – Politics? 180

The article considers the evolution of nostalgic sentiments in Russian society. Nostalgic sentiments, involving idealization of the Soviet past, are characteristic of the modern public consciousness in Russia. Soviet nostalgia and certain characteristics in the public perception of the past intensified during the dissolution of the USSR and the following social disaster. The article also explains how the politics of memory and ideology contributed to the transformation of the Soviet myth into the Golden Age mythology.

K e y w o r d s: nostalgia, USSR, past, historical memory, historical myth.

Section 3

PROBLEMS OF METHODOLOGY,
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Alexander Kozlov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Genre Characteristics of Treatise *Vita Constantini* 207

The article focuses on treatise *Vita Constantini* written by Eusebius, bishop of Caesarea in the late 30s of the 4th century. The article describes the original ways Eusebius introduced to describe the life of Constantine I by combining genre characteristics of eulogy, ecclesiastical history, hagiography, and ancient biography. None of these genres takes precedence over the others in the treatise, which thus can be considered as an incomplete synthesis of these genres. Eusebius's intention was not to present Emperor Constantin I as an ancient ruler (in the manner of ancient historians) but to demonstrate how divine providence acted through this great historical leader (in order to establish the supremacy of the Christian religion in the Roman Empire). The depiction of the deeds of Constantine I the treatise support this vision.

K e y w o r d s: *Vita Constantini*, Eusebius of Caesarea, Constantine I, late antique historiography.

Alexander Kharitonov

Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy Sciences, Vladivostok, Russia

**Legendary and Mythological Geography
in Historico-Geographical Studies 219**

The article discusses legends about the origins of Germanic peoples and their role in ancient and medieval geography: among other things, it is shown that Oriental medieval cosmographers might have been aware of these legends.

K e y w o r d s: Asgard, Aesir, Vanir, Normans, Narty, Scythia.

Sergey Ryabov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Evolution of Alexander Herzen's Social and Political Views:**In Search for Originality 225**

The article discusses the evolution of Herzen's social and political views in post-Marxist optics, more specifically, through the discourse analysis of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. In Herzen's works several discourses competed for dominance and eventually they merged within the Russian socialist discourse. Thus, the article proposes to re-evaluate Herzen's philosophical heritage.

Key words: post-Marxism, Herzen, discourse analysis, Russian socialism.

Dmitry Bakharev

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

The Population of Ekaterinburg in 1860**in 'Materials for Geography and Statistics of Russia' Collected****by the Officers of the General Staff 236**

'Materials for Geography and Statistics of Russia' were collected by the officers of the General Staff of Russia in the late 1850s and the early 1860s under the supervision of Lieutenant Colonel H. I. Mosel. The article contains a critical analysis of the data on Ekaterinburg population included in the materials and shows that the information they provide about the overall population is relatively accurate, despite a large number of inaccuracies found in the data on its class and religious makeup.

Key words: historical demography, source studies, demographic source, Ekaterinburg, nineteenth century.

Dmitry Chernoukhov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

'Zemstvo Medical Compendium' as a Source**on the History of Medicine in Perm Guberniya in 1870–1880s 250**

'Zemstvo Medical Compendium' was the first collection of data on the development of zemstvo medicine in Perm guberniya. This region had a vast, sparsely populated territory and the Compendium describes such characteristics of zemstvo medicine as the big size of medical districts, concentration of doctors in large settlements and urban centres, severe shortage of permanent health care facilities, and the high rate of staff turnover. By using these data, we can also draw conclusions about the regulatory framework, funding and focus areas of zemstvo medicine, the network of its medical districts and staff. Moreover, the Compendium provides information on the development of zemstvo medicine in 1870–1880s. The materials presented in this source are characterized by high verifiability and require further exploration.

Key words: 'Zemstvo Medical Compendium', history of medicine, source, Perm guberniya, doctors.

Tatyana Slavko

Vyborg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vyborg, Russia

**History of the Regional Provisional Government of the Urals
(Second Half of July – November 1918) 259**

The Regional Provisional Government of the Urals was established in Ekaterinburg in August 1918, under the supervision of the governing coalition of the Kadets (Constitutional Democrats), Socialist Revolutionaries, and Mensheviks. Although the provisional government existed only for three months, there is a complex of sources which enable us to characterize the system of government, which provided an alternative to that of the Bolshevik model.

K e y w o r d s: Civil War, Regional Provisional Government of the Urals, sources, Russian history, twentieth century.

Mikhail Feldman

Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**Magazine ‘Ural Communist’ in 1926–1929
and its Role in Regional Political Life 265**

The article considers the main themes covered by the magazine ‘Ural Communist’ within the short period of its existence. This magazine was the main periodical of the Bolshevik Party in the Ural region. The analysis shows that articles providing an accurate description of the socio-economic relations in the Urals gradually gave way to more politicized publications starting from 1929. The reason behind this tendency was that Stalin’s government imposed their own vision and understanding of the Soviet ‘industrial project’ on regional elites and restricted regional autonomy.

K e y w o r d s: Urals, workers, magazine, industry, Bolshevik Party, dictatorship.

Section 4

THEORY, HISTORY AND PRACTICE
OF DOCUMENT MANAGEMENT AND ARCHIVING

Valery Bondar

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Potential Uses of Blockchain Technology in an EDMS 280

The article focuses on the characteristics of blockchain technology and its potential uses in electronic document management. The article discusses the strengths and limitations of the technology and provides an overview of experts’ opinions about its applicability in the process of electronic document exchange and in particular in electronic document management systems (EDMS). The conclusion is made that at present there are some technical and regulatory limitations to the use of electronic document management. In the future, however, its potential might be realized more fully.

K e y w o r d s: blockchain, electronic document, electronic document management, digital signature, transaction, cryptosecurity, smart contract.

Tatyana Selezneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Document Execution Control: History and Current State 290

The article provides a brief overview of the formation, development and current state of document execution and discusses various technologies of document execution control. Special focus is made on the peculiar characteristics of document execution control procedures in Russia. The author's personal experience of developing, implementing and operating document management systems, including systems and subsystems for document execution control, is described.

K e y w o r d s: document execution control, document execution, document management systems.

Viktor Shibaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Regulatory Control of Document Management in Russia in 2013–2018 ... 310

The article analyzes several key acts regulating document management in 2013–2018. These acts are used to illustrate the current tendencies in document management in Russia.

K e y w o r d s: document administration, documentation, document, electronic document management.

Margarita Slavko

Vyborg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vyborg, Russia

**Role-Playing Club Rules as an Organizational Document
of the LARPG Public Movement 317**

The article discusses problems of documenting the activities of public organizations, in particular the case of the LARPG public movement. The analysis focuses on the rules of a role-playing club as an organizational document, its contents and purpose, characteristics and stages of development.

K e y w o r d s: live-action role playing game, LARPG, club, rules, public organizations, organizational documents.

Inna Surovtseva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**The Law ‘On Archiving in the Russian Federation’
and its Possible Improvements 325**

The main law which determines the development of archiving in Russia is the federal law ‘On Archiving in the Russian Federation’ № 125-ФЗ as of 22 October 2004.

As time passes, any law needs to be amended or even revised completely. The law on archiving already underwent some changes in 2016, when the Federal Archival Agency became subordinated to the President and the new stage in the development of this field started. The article also proposes certain improvements that could be made and thus contributes to the ongoing discussion about the possible amendments to the law.

K e y w o r d s: federal law, Federal Archival Agency of Russia, amendments, conceptual framework, archive outsourcing, subventions.

Svetlana Tsemenkova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Irreplaceable People:

Episodes from the Biography of Evdokim Yakovlev 338

The article describes the life and work of Evdokim Yakovlev, who was a civil servant at the Ural mining administration in the 18th century. He started his career as a minor clerk and finished it as a gentry man and a court counsellor. The article discusses specific stages in his career and the factors that determined his professional success.

K e y w o r d s: E. Yakovlev, secretary, Ural history in the 18th century, history of document management, Urals, history of public service, A. E. Labzina.

Section 5

PUBLICATION OF HISTORICAL SOURCES

Tatyana Kandaurova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Military Training in the System of Canton Schools:

Materials of the Department of Military Settlements 346

The analysis is based on the materials from the fonds of the Secretariat of the Department of Military Settlements. These are brief notes which give a general overview of canton schools and carabinieri training regiments, military settlements and districts of arable soldiers. Thus, we can gain some understanding as to how this military-administrative institution of the first half of the nineteenth century was organized and operated. Among other things, these documents describe the training of junior officers and unterofficers and some parameters of the districts of military settlements and arable soldiers.

K e y w o r d s: War Ministry, Department of Military Settlements, military settlements, cantonists, soldiers' children, garrison schools, Imperial Military Orphanage, carabinieri training regiments, unterofficer.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

Манин Д. О.

Анализ проекта франко-русского торгового договора 1668 г.
и его перевода на русский язык Д. Урбановским 3

Ившин В. С.

Политические идеи и риторические стратегии «фанного консерватизма»:
А. С. Шишков и Ф.-Р. Шатобриан 11

Соловьев А. В.

Контрудары РККА в июле 1941 г.: опыт сравнительного изучения 20

Янцевич Г. С.

Визуальные репрезентации юбилеев Октября в 1950–1970-е гг.
в журнале «Крокодил» 30

Галактионова В. С.

Документационное оформление взаимодействия
корпоративных клиентов и операторов связи 37

Голоднова А. И.

Управленческие аспекты системы экологической безопасности 51

Раздел 2

ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА

Сафронова А. М.

Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании
населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) 56

Бакиаев А. А.

Деятельность органов военного управления по размещению
военного заказа и приемке продукции горных заводов Урала
(конец XVIII – начало XIX в.) 80

Никиташина С. О.

Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) – представитель
отечественной научной элиты России второй половины XIX в. 91

Ляхудзаев М. И.

Противостояние революционных коммунистов и большевиков
в Мензелинском уезде Уфимской губернии в 1919–1920 гг. 107

Павленко А. П.

Под ударом войск адмирала Колчака: 3-я армия РККА в сентябре 1919 г.
(хроника боевых действий) 116

Сильченко И. С.

Трансформация системы подчинения отрядов и частей особого назначения
Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. 133

Войткова Я.

Победа не для всех: массовые репрессии в отношении советских граждан
во время Великой Отечественной войны 140

Хахимов Р. Ш.

Формирование системы привилегий для партийно-советского актива
в 1930–1950-е гг. (на примере Челябинской области) 152

Каменская Е. В.

«И не друг, и не враг»: Югославия второй половины 1960-х гг.
на страницах советской печати и в восприятии населения
(по материалам Урала) 168

Мазур Л. Н.

Ностальгия по СССР: память – мифы – политика? 180

Раздел 3 ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ

Козлов А. С.

Жанровая специфика трактата *Vita Constantini* 207

Харитонов А. М.

О некоторых принципах и методах географической оценки
работы с объектами легендарной и мифологической географии
в историко-географических исследованиях 219

Рябов С. М.

Эволюция общественно-политических взглядов А. И. Герцена:
в поисках оригинальности 225

Бахарев Д. С.

Население Екатеринбурга в 1860 г. по данным Х. И. Мозеля:
к вопросу о достоверности статистики Генштаба 236

Черноухов Д. Э.

«Земско-медицинский сборник» как источник по истории медицины
Пермской губернии 1870–1880-х гг. 250

Славко Т. И.

Источники по истории Временного Областного правительства Урала
(вторая половина июля – ноябрь 1918 г.) 259

Фельдман М. А.

Журнал «Уральский коммунист» в 1926–1929 гг.:
место в политической жизни региона 265

Раздел 4
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И АРХИВНОГО ДЕЛА

Бондарь В. А.

Возможности использования технологии блокчейн
в системах электронного документооборота 280

Селезнева Т. А.

Контроль исполнения документов: ретроспектива и современность 290

Шибанов В. В.

Нормативное регулирование делопроизводства в Российской Федерации
в 2013–2018 гг. 310

Славко М. А.

Устав ролевого клуба как организационный документ
общественного движения ролевых игр живого действия 317

Суровцева И. А.

К вопросу о совершенствовании закона
«Об архивном деле в Российской Федерации» 325

Цепенкова С. И.

«Незаменимые были»:
несколько сюжетов из биографии Евдокима Яковлева 338

Раздел 5
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Кандаурова Т. Н.

Подготовка армейских кадров
в системе учебных заведений военных кантонистов:
по материалам Департамента военных поселений 346

Сведения об авторах 366

Список основных сокращений 369

Summary 372

Научное издание

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 19

Издается с 2001 г.

Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ

<http://elar.urfu.ru/>
<http://dais-urgj.urfu.ru>

Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 23.10.19. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 22,55. Объем данных 2,68 Мб.

Гарнитура Times New Roman.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
Сайт: <http://print.urfu.ru>

